

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROGER ZELAZNY

Volume fourteen

UNICORN VARIATIONS

FROST AND FIRE

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Том четырнадцатый

**ВАРИАНТ ЕДИНОРОГА
МОРОЗ И ПЛАМЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995

*Издание подготовлено
АО «Титул»*

**Миры Роджера Желязны том 14 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1995. — 446 с.**

В 14-й том собрания сочинений Р. Желязны включены два авторских сборника его рассказов: «Вариант единорога» и «Мороз и пламя». Подавляющее большинство этих произведений никогда прежде не публиковалось на русском языке.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных произведений и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Unicorn Variations
Copyright © 1983 by Roger Zelazny
Frost and Fire
Copyright © 1989 by Roger Zelazny

© Издательство «Полярис»,
оформление, составление,
название серии, 1995

Мороз и пламя

© В. Самсонова, перевод, 1995

ISBN 5-88132-135-9

ВАРИАНТ ЕДИНОРОГА

ВАРИАНТ ЕДИНОРОГА

Причудливое переплетение мерцающих бликов, вспышки света — он двигался осторожно, с изящной неспешностью, пропадая и возникая снова, словно напоенный грозой вечерний сумрак, — или тени, возникающие между проблесками огней, и были его истинной природой? Вихрь черного пепла, изысканный танец под музыку поющего в песках ветра, свершаемый вдоль высохшего русла реки за домами, пустыми и одновременно наполненными, точно страницы непрочитанных книг, или тишина — в паузе, когда музыка вдруг стихла, но вот-вот польется снова.

Исчез. Появился снова. И снова.

Вы сказали, могущество? Да. Нужно обладать силой и величием, чтобы суметь возникнуть до или после своего времени. Или одновременно — до и после.

Он тонул в полумраке теплого южного вечера, являлся взору на одно короткое мгновение, устремленный вперед, а ветер разметал его следы. Когда они оставались, следы.

Причина. Всегда бывает какая-нибудь причина. Или несколько причин.

Он знал, почему он здесь — но ему не было известно, почему именно здесь, в этом месте.

Приближаясь к пустынной улице, чувствовал, что скоро получит ответ. Впрочем, он понимал, что причина может возникнуть раньше — или гораздо позже. Он снова, всем существом, ощутил некий призыв — неотвратимая сила толкала его все дальше и дальше.

Старые покосившиеся здания, иные разрушены до основания. Повсюду сквозняки и пыль. Запустение. Заросшие травой прогнившие половицы и птичьи гнезда на балках. Следы диких существ. Он знал их всех — как и они узнали бы его, встретив на своем пути.

Он замер, услышав едва уловимый и неожиданный звук, где-то впереди, чуть левее. Как раз в этот момент он возник в реальности окружающего мира, и вмиг исчез — так гаснет в аду радуга. Осталась лишь тень присутствия, не более.

Невидимый и могущественный, он продолжал свое движение. Вот знак. Сигнал. Впереди. Слева. За словом с выцветшими буквами БАР, написанными на старой, облезлой доске над дверью. Вошел. (Одна из створок едва держится.)

Остановился, огляделся по сторонам.

Направо стойка, вся в пыли. За ней разбитое зеркало. Пустые бутылки. Медная потемневшая вешалка, толстый слой ржавчины. Слева, в глубине, столики. В весьма плачевном состоянии.

За тем, что получше, сидит человек. Спиной к двери. В джинсах. И дорожных ботинках. Выгоревшая голубая рубашка. Зеленый рюкзак у стены, слева.

А перед ним, на столе, едва различимые очертания нарисованной шахматной доски. Она поцарапана и вся в пятнах, почти стерлась. Человек так и не закрыл ящик, в котором нашел фигуры.

Стоит ему увидеть шахматы, как он тут же вспоминает какую-нибудь интересную задачку или принимается переигрывать лучшие из своих партий: для него шахматы — это жизнь, дыхание, без них он бы умер, как умерло бы тело, если бы кровь вдруг перестала бежать по жилам.

Он подобрался поближе, может быть, даже оставил следы на пыльном полу, но ни тот ни другой этого не заметили.

Он тоже любил играть в шахматы.

Человек вспоминал свою самую лучшую партию, которую сыграл во время отборочного матча чемпиона мира семь лет назад. Он же просто смотрел. Тогда человек вылетел из турнира почти сразу же после этой партии —

пораженный, что смог продержаться так долго. В критических ситуациях он никогда не играл хорошо. Но всегда гордился именно этой партией, переживая ее снова и снова — так существа, наделенные особым даром чувствовать, возвращаются к поворотным моментам своей жизни. Целых двадцать минут он был недостижим, ослепительно безупречен, неповторим и великолепен. Лучше всех.

Он сел напротив и обратил свой взор на доску. Человек доиграл, улыбнулся. Принялся снова расставлять фигуры на доске, потом встал и вынул из рюкзака банку пива. Открыл ее.

А вернувшись к столу, обнаружил, что белая пешка стоит на e4. Нахмурился. Огляделся по сторонам. Увидел свое удивленное лицо в старом, потускневшем зеркале. Заглянул под стол. Сделал глоток пива и уселся на стул.

Взял пешку и поставил ее на e5. В следующее мгновение белый конь медленно проплыл по воздуху и опустился на f3. Человек долго вглядывался в пустоту на противоположной стороне стола, а потом передвинул своего коня на f6.

Белый конь взял его пешку. Решив не удивляться необычной ситуации, в которой оказался, человек сделал ход пешкой на d6. Он почти забыл о том, что играет с невидимым противником, когда тот вернул коня на f3. Человек сделал еще глоток пива и поставил банку на стол — в этот момент банка поднялась в воздух, проплыла над доской и перевернулась доннышком вверх. Что-то булькнуло. Банка упала и с шумом покатилась по полу. Судя по звуку, она была пуста.

— Простите, — сказал человек и направился к рюкзаку. — Я бы вас угостил, если бы знал, что вам нравится пиво.

Он открыл еще две банки, вернулся с ними к столу, поставил одну у противоположного края, а другую возле себя.

— Благодарю, — услышал он мелодичный, тихий голос.

Банка поднялась, немного наклонилась, вернулась на место.

— Меня зовут Мартин, — сказал человек.

— Называй меня Тлингель, — услышал он в ответ. — Я думал, ваш вид давно вымер. Меня радует, что ты, по крайней мере, выжил — и мы можем поиграть.

— Да? — удивился Мартин. — Когда я в последний раз интересовался этим вопросом — а было это дня два назад, — мы все были на месте.

— Неважно. Этим я смогу заняться потом, — ответил Тлингель. — Меня ввел в заблуждение вид этого места.

— Ну, мы в мертвом городе. А я много путешествую.

— Не имеет значения. Я приблизился к должной точке существования вашего вида. Так я чувствую.

— Боюсь, мне это не совсем понятно.

— Знаешь, я не уверен, что тебя обрадует мое объяснение. Как я понимаю, ты собираешься съесть эту пешку?

— Может быть. Да, собираюсь. О чем ты только что говорил?

Банка с пивом поднялась со стола. Невидимое нечто сделало еще глоток.

— Ну, — сказал Тлингель, — говоря попросту, ваши... преемники... встревожены. Вы занимаете такое важное место в структуре мира, что меня наделили серьезными полномочиями... чтобы я сам все проверил.

— Преемники? Не понимаю.

— Ты видел грифонов — недавно?

Мартин фыркнул.

— Слышал разные байки, — ответил он, — мне даже фотографию показывали. Говорят, его подстрелили в Скалистых горах. Вранье, ясное дело.

— Да, может показаться и так. Мифические существа иногда вызывают самую неожиданную реакцию.

— Ты хочешь сказать, что он был настоящий?

— Конечно. Ваш мир находится в ужасном состоянии. Совсем недавно умер последний медведь гризли, открыв тем самым путь для грифонов. Так же точно гибель последнего эпиорниса привела к появлению йети, дронта сменило лохнесское чудовище, место странствующих голубей заняли сасквочи*, преемниками голубых китов стали кракены**, а уникальных американских орлов — василиски...

— Я не верю тебе.

— Выпей еще.

* Мохнатые человекообразные существа, по преданиям живущие в Канаде.

** Морские чудовища, упоминаемые в скандинавских мифах.

Мартин потянулся было за банкой, и вдруг его рука замерла в воздухе, а в глазах появилось изумление.

Рядом с пивной банкой сидело существо размером примерно в два дюйма, с человеческим лицом, телом льва и крыльями.

— Мини-сфинкс, — продолжал объяснять голос. — Они появились тогда, когда вы покончили с вирусом оспы.

— Ты что, хочешь сказать, будто стоит какому-нибудь живому существу исчезнуть с лица Земли, как его место занимает существо мифическое? — спросил Мартин.

— Конечно, да. Так было не всегда, однако вы разрушили механизмы эволюции. Теперь баланс восстанавливается благодаря тем, кто живет в Стране Утренней Зари — нам никогда и ничто по-настоящему не угрожало. Мы вернемся, когда придет наше время.

— А ты — кем бы ты ни был, Тлингель, — ты говоришь, что человечеству угрожает опасность, и весьма серьезная. Только вот ты ничего не можешь с этим поделать, не правда ли? Давай играть дальше.

Сфинкс улетел. Мартин сделал глоток пива и побил пешку.

— А кто, — спросил он после этого, — станет нашими преемниками?

— Ну, это, вероятно, не очень скромно, — ответил Тлингель, — но, когда речь идет о столь продвинутом виде живых существ, как вы, преемниками должны стать самые красивые, самые умные и самые могущественные из нас.

— А ты кто? Нельзя ли мне на тебя взглянуть?

— Ну... да, можно. Только мне придется немного потрудиться.

Банка с пивом поднялась в воздух, быстро опустела и покатилась по полу. Затем послышались быстрые цокающие шаги, удаляющиеся прочь от стола. В воздухе рассыпалось множество мерцающих искр, гаснущих и тут же вспыхивающих вновь. В ореоле звездной россыпи проступили иссиня-черные пятна. Едва уловимое движение — и танцующий вихрь пронесся по старому скрипучему полу бара, выбивая чечетку и оставляя крошечные следы раздвоенных копыт. Последняя ослепительная вспышка — и глазам потрясенного Мартина предстала удивительная картина.

Перед ним стоял черный единорог с желтыми насмешливыми глазами. Он на мгновение поднялся на дыбы —

продемонстрировав классическую позу единорога, как их принято изображать на гербах. Радужные огни полыхали еще несколько мгновений, а потом исчезли.

Мартин отшатнулся и поднял руку, словно пытаясь защититься.

— Смотри на меня! — приказал Тлингель. — Тебе явился древний символ мудрости, отваги и красоты!

— А мне казалось, что единороги обычно бывают белыми, — сказал Мартин.

— Я изначальный, — ответил Тлингель, опустив передние копыта, — и обладаю достоинствами, которыми не наделены обычные единороги.

— Например?

— Давай играть дальше.

— А как насчет судьбы человечества? Ты сказал...

— Потом поболтаем.

— Уничтожение человечества кажется мне не совсем подходящей темой для светского разговора.

— А если у тебя есть еще немного пивка...

— Ладно, — сказала Мартин и направился к своему рюкзаку, а необычное существо, чьи глаза пламенели, точно два бледных солнца, приблизилось к столу. — Есть светлое пиво.

Однако игра потеряла для Мартина интерес. Тлингель сидел, опустив голову, а человек чувствовал себя насекомым, которое вот-вот пронзит эбеновый рог. Стоило ему увидеть сказочное существо, как он почувствовал беспокойство... да еще эти разговоры о неминуемом судном дне. Если бы Мартин услышал подобное от какого-нибудь заурядного пессимиста, то просто не обратил бы на них ни малейшего внимания, но из уст столь невероятного существа...

Возникшее ранее возбуждение исчезло. Он потерял необходимую концентрацию. А Тлингель был хорошим игроком. Очень хорошим. «Интересно, — подумал Мартин, — смогу я сделать пат?»

Прошло совсем немного времени, он понял, что у него ничего не выйдет, и сдался.

Тлингель посмотрел на него и улыбнулся.

— Ты неплохо играешь — для человека, — похвалил единорог.

— Бывали случаи, когда у меня получалось лучше.

— Знай, смертный, проиграть мне не стыдно. Даже среди мифических существ мало кто может оказать достойное сопротивление единорогу в шахматной игре.

— Я рад, что тебе было не очень скучно, — проговорил Мартин. — Ну а теперь скажи, что ты имел в виду, когда говорил об уничтожении моего вида?

— Ах это, — протянул Тлингель. — В Стране Утренней Зари, населенной существами, подобными мне, предчувствие вашего возможного исчезновения коснулось моих ноздрей, словно легкий, нежный ветерок, словно обещание дороги, которую вы освободите для нас...

— А как это произойдет?

Тлингель пожал плечами, тряхнул головой, и его рог вычертил в воздухе причудливый узор.

— По правде говоря, я и сам не знаю. Предчувствия редко бывают определенными. Знаешь, ведь именно за этим я сюда и прибыл. Чтобы понять. Мне давно следовало заняться делом, только ты отвлек меня — пивом и хорошей партией.

— А ты можешь ошибаться?

— Едва ли. Это еще одна из причин, по которой я здесь.

— Объясни, пожалуйста, я не понимаю.

— А пиво еще осталось?

— Кажется, две банки.

— Будь любезен.

Мартин поднялся из-за стола и принес пиво.

— Проклятье! На одной из банок сломалась крышка, — сердито сказал он.

— Поставь на стол и держи покрепче.

— Ну?

Едва уловимое движение — и Тлингель пронзил крышку рогом.

— Можно использовать для самых разных целей, — заметил он, вынимая рог.

— Еще одна из причин, по которой ты здесь... — подсказал Мартин.

— Ну, просто я особенный. И могу делать вещи, недоступные другим.

— Какие?

— Например, могу отыскать ваши слабые места и повлиять на события так, чтобы использовать их с целью...

приблизить... превратить вероятность в реальную возможность, а потом...

— Ты собираешься нас уничтожить? Ты сам?

— Не совсем правильная трактовка проблемы. Это скорее напоминает шахматную партию: чтобы выиграть, совсем не обязательно демонстрировать собственную силу — достаточно воспользоваться слабостью противника. Если бы вы не создали соответствующих условий, я ничего не смог бы сделать. В моих силах повлиять только на то, что уже существует.

— Ну, и что же это будет? Третья мировая война? Экологическая катастрофа? Какая-нибудь хитрая эпидемия?

— Пока еще не знаю, и тебе не следует разговаривать со мной в таком тоне. Повторяю, в данный момент я только наблюдаю. Всего лишь разведчик...

— У меня такого впечатления не сложилось.

Тлингель молчал. Мартин стал складывать фигуры.

— Ты больше не собираешься играть?

— Чтобы еще немного развлечь того, кто намеревается нас всех истребить? Большое спасибо.

— Ты неправильно понял...

— Кроме того, пиво кончается.

— А-а-а. — Тлингель с грустью следил за тем, как исчезают в ящике стола шахматные фигуры, а потом вдруг сказал: — Я бы поиграл с тобой еще и без дополнительного подкрепления...

— Нет, благодарю.

— Сердишься.

— А ты на моем месте чувствовал бы себя иначе?

— Ну, это уже чистой воды антропоморфизм.

— Ты не ответил на вопрос.

— Да, пожалуй, я тоже был бы недоволен.

— Ты мог бы дать человечеству еще одну возможность... Ну, хотя бы позволь нам самим совершить свои ошибки.

— Сами-то вы не очень заботились о тех существах, приемниками которых стали мои друзья.

Мартин покраснел.

— Ладно, считай, одно очко за тобой. Только я все равно не обязан радоваться той перспективе, что ты нарисовал.

— Ты хороший шахматист. Я знаю...

— Тлингель, я мог бы тебя обыграть, если бы как следует постарался.

Единорог фыркнул, выпустив два крошечных колечка дыма.

— Не настолько хорошо ты играешь, — проговорил он.

— А откуда тебе знать?

— Это звучит как предложение.

— Может быть. На что ты готов сыграть?

Тлингель захихикал:

— Давай попробую угадать: ты собираешься сказать, что, если победишь, я должен буду пообещать не воздействовать на самое слабое звено в цепи существования человечества.

— Конечно.

— А что получу я, если выиграю?

— Удовольствие от игры. Ты же именно этого хочешь, разве я не прав?

— Условия кажутся мне несколько несправедливыми.

— Вовсе нет — особенно в случае твоей победы. Ты же сам все время повторяешь, что именно так и будет.

— Ладно. Расставляй фигуры.

— Прежде чем мы начнем, я должен сообщить тебе кое-что о себе.

— Что?

— Я плохо играю в критических ситуациях, а эта партия будет очень напряженной. Ты хочешь, чтобы я играл, максимально используя свои способности, ведь так?

— Да, но боюсь, я не смогу повлиять на твои эмоции и подогнать их под условия нашего матча.

— Мне кажется, я и сам в состоянии с этим справиться, если между ходами у меня будет больше времени, чем принято обычно.

— Согласен.

— Я имел в виду — много времени.

— Что ты задумал?

— Мне будет необходимо отвлечься, расслабиться, иметь возможность обдумать положение на доске так, будто это всего лишь обычная задача, не более того...

— Иными словами, ты хочешь получить возможность уезжать отсюда... между ходами?

— Да.

— Хорошо. На сколько?

— Ну, не знаю. Может быть, на несколько недель.
— Месяц. Сможешь проконсультироваться со специалистами, подключить к игре компьютеры. Игра получится невероятно интересная.

— Я не собирался этого делать.
— Значит, ты просто пытаешься выиграть время.
— Не стану отрицать. С другой стороны, мне это необходимо.

— В таком случае у меня есть условия. Я бы хотел, чтобы ты привел в порядок это место, сделал его более уютным. Сейчас тут противно находиться. И привези пива.

— Ладно. Об этом я позабочусь.
— Тогда я согласен. Давай решим, кто будет ходить первым.

Мартин несколько раз под столом переложил из одной руки в другую черную и белую фигуры. Протянул сжатые кулаки вперед. Тлингель наклонился и коснулся кончиком черного рога левой руки Мартина.

— Очень идет к моей гладкой, блестящей шкуре, — торжественно объявил единорог.

Мартин улыбнулся, расставляя белые фигуры для себя и черные для своего противника. Закончив, сделал первый ход — поставил пешку на е4.

Подняв изящное эбеновое копыто, Тлингель передвинул черную королевскую пешку на е5.

— Насколько я понимаю, теперь тебе требуется месяц, чтобы решить, каким будет следующий ход?

Мартин ничего не сказал, лишь передвинул коня на f3. Тлингель немедленно двинул своего коня на с6.

Мартин сделал глоток пива и поставил слона на b5. Единорог сделал ход конем на f6. Мартин тут же рокировался, а Тлингель побил конем его пешку.

— Мне кажется, мы справимся, — неожиданно сказал Мартин, — если только вы оставите нас в покое. Мы способны учиться на своих ошибках — по прошествии некоторого времени.

— Мифические существа обитают не совсем во времени. Ваш мир — это особый случай.

— А разве вы никогда не ошибаетесь?

— Ну, когда мы совершаем ошибки, они носят поэтический характер.

Мартин фыркнул и передвинул пешку на d4. Тлингель тут же ответил тем, что поставил коня на d6.

— Пора сделать перерыв, — вставая, сказал Мартин. — Я начинаю сердиться, а это обязательно скажется на игре.

— Ты уходишь?

— Да.

Он подошел к рюкзаку у стены.

— Увидимся здесь через месяц?

— Да.

— Отлично.

Единорог поднялся, несколько раз топнул, и на его темной шкуре запылали мириады разноцветных огоньков. Неожиданно они вспыхнули ослепительным сиянием и разлетелись в разные стороны. Место, где мгновение назад находился Тлингель, окутал густой мрак.

Мартин вдруг обнаружил, что стоит, прислонившись к стене, и дрожит. Убрал от лица руки и понял, что остался один, если не считать, конечно, шахматных фигур.

Он вышел из бара.

Мартин вернулся через три дня на небольшом грузовичке, привез с собой генератор, строительные материалы, окна, инструменты, краски, морилку, чистящие средства, мастику. Обработал пылесосом все помещение и заменил подгнившие половицы и оконные рамы. Отполировал до блеска все медные части. Вычистил, покрасил и натер полы. Заделал дыры и отмыл стекла. Выбросил весь мусор.

Чтобы превратить эту помойку в нечто, снова напоминающее бар, ему потребовалась почти неделя. Затем он уехал, вернул инструменты, которые брал напрокат, и купил билет на северо-запад.

Когда ему нужно было подумать или он просто хотел провести время на природе, Мартин отправлялся в этот огромный, сырой лес. Он стремился к полной перемене обстановки, чтобы получить возможность взглянуть на ситуацию другими глазами. Впрочем, следующий ход казался ему совершенно очевидным — скорее даже традиционным. И все же что-то его беспокоило...

Он знал, что дело тут не только в игре. Еще до встречи с единорогом он почувствовал необходимость бросить все и снова пройти по сонному, тенистому лесу, вдыхая напоенный особыми ароматами прозрачный воздух.

Прислонившись спиной к вылезшему из земли корню гигантского дерева, Мартин достал из рюкзака небольшую шахматную доску и утвердил ее на камне. Восстановил начало партии до того момента, когда Тлингель двинул коня на d6. Самым простым решением было бы побить коня слоном. Но он не стал этого делать.

Некоторое время Мартин внимательно разглядывал доску, почувствовал, что слипаются глаза, не стал противиться и вскоре задремал. Прошло, наверное, всего несколько минут. Мартин так никогда и не узнал, как это было на самом деле.

Что-то его разбудило. Он не понял что. Немного поморгал и снова закрыл глаза. А потом поспешно открыл их.

Поскольку Мартин сидел, опустив голову, то первым делом он заметил пару лохматых босых ног — таких больших ему еще никогда не доводилось видеть. Ноги стояли неподвижно, прямо перед ним, а пальцы были направлены немного правее.

Медленно — невероятно медленно — Мартин поднял глаза. Не очень высоко, как выяснилось тут же. Странное существо было всего четырех с половиной футов ростом. А поскольку смотрело оно скорее на шахматную доску, чем на Мартина, тот воспользовался возможностью и пригляделся повнимательнее.

Одежды никакой он не заметил, но существо в ней и не нуждалось — роскошная, пушистая, темно-коричневая шерсть. Очевидно, оно было мужского пола. Низкие нависшие брови, глубоко посаженные глаза того же цвета, что и шерсть, широкие плечи, пятипалые руки с далеко отставленными большими пальцами.

Неожиданно существо повернулось, посмотрело на Мартина и широко улыбнулось, продемонстрировав множество ослепительно белых зубов.

— Белая пешка должна побить черную, — проговорило существо тихим, немного гнусавым голосом.

— В самом деле? Вот уж нет, — сказал Мартин. — Слон должен брать коня.

— Хочешь, чтобы я взял себе черные фигуры и сыграл по-твоему? Я тебя растопчу.

Мартин опасливо посмотрел на ноги странного существа.

— Или давай мне белые, тогда я съем вот эту пешку. Я все равно смогу тебя обыграть.

— Бери белые, — выпрямаясь, проговорил Мартин. — Давай проверим, понимаешь ты что-нибудь в том, о чем так уверенно рассуждаешь. — Он потянулся к рюкзаку. — Пива хочешь?

— А что такое пиво?

— Дополнительное подкрепление во время отдыха. Подожди минутку.

Они еще не успели прикончить упаковку пива, а сасквоч — которого звали Гренд, как вскоре выяснил Мартин, — разнес его в пух и прах. Гренд довольно быстро и неожиданно перешел в миттельшпиль, оттеснил Мартина на весьма сомнительную позицию, из которой, как вскоре выяснилось, спасения не было. Мартин сдался.

— Отличная была партия, — объявил он, откинувшись на древесный корень и разглядывая обезьяноподобное существо, стоящее перед ним.

— Да, мы, большеногие, великолепные игроки, если мне позволительно так говорить. Шахматы — наше любимое времяпрепровождение, но мы такие дикие и примитивные, что у нас нет ни шахматных досок, ни фигур. Главным образом мы играем вслепую. Зато с нами почти никто не может сравниться.

— А как насчет единорогов? — поинтересовался Мартин.

Гренд медленно кивнул:

— Пожалуй, только с ними нам интересно играть. Они немного осторожничают, но игру ведут тонко. Ужасно уверенные в себе, надо сказать. Даже когда ошибаются. Правда, мне не доводилось видеть ни одного с тех пор, как мы покинули Страну Утренней Зари. Плохо. А у тебя пива еще не осталось?

— К сожалению, нет. Слушай, я вернусь через месяц. И если ты придешь и поиграешь со мной, принесу пива.

— Договорились, Мартин. Ой, извини, я нечаянно наступил тебе на ногу.

Мартин снова навел в баре порядок, а ящик пива задвинул под стойку, обложив предварительно кусками льда. Втащил купленные по дешевке табуретки, стулья и

столы. Повесил красные шторы. К тому моменту как он покончил с делами, опустился вечер. Тогда он расставил на доске фигуры, перекусил, расстелил спальный мешок за стойкой и провел там ночь.

Следующий день пролетел незаметно. Поскольку Тлингель мог появиться в любой момент, Мартин никуда не уходил, ел там же и проводил время за решением шахматных задач. Когда начало темнеть, он зажег несколько масляных ламп и свечей.

Стал слишком часто посматривать на часы. Принялся расхаживать взад и вперед. Он не мог ошибиться. Это был тот самый день. Ему...

Вдруг Мартин услышал тихий смех.

Обернувшись, он увидел, как в воздухе над доской висит голова черного единорога. В следующий миг его глазам предстало и все тело Тлингеля.

— Добрый вечер, Мартин, — проговорил тот, отвернувшись на секунду от доски. — Тут теперь гораздо приятнее. Не хватает только музыки...

Мартин подошел к стойке бара и включил маленький транзисторный приемник, который привез с собой. В воздухе поплыли мелодичные звуки струнного квартета. Тлингель поморщился:

— Не очень-то подходит к обстановке.

Мартин поискал другие станции, нашел концерт западной фольклорной музыки.

— Нет, снова не то, — заявил Тлингель. — По радио это звучит не так красиво.

Мартин выключил приемник.

— Как с напитками? Ты запасся пивом, как обещал?

Мартин достал кружку, в которую вмещался целый галлон пива — самую большую из тех, что ему удалось обнаружить в магазине, — и поставил на стойку. Наполнил себе другую, поменьше. Он решил напоить единорога, если это вообще возможно.

— Да, вот это другое дело... Не то что твои малюсенькие баночки, — обрадовался Тлингель и засунул в кружку нос всего на одно короткое мгновение. — Просто отлично.

Кружка была пуста. Мартин снова ее наполнил.

— Поставь на столе, около меня, будь так любезен.

— Конечно.

— Интересно провел время?

- Пожалуй, да.
- Решил, каким будет следующий ход?
- Да.
- Тогда начнем.

Мартин уселся за стол и побил пешку.

- Хм-м-м, забавно.

Тлингель довольно долго смотрел на доску, затем поднял раздвоенное копыто, которое раскрылось, когда он потянулся к фигуре.

— Пожалуй, возьму-ка я твоего слоника вот этим симпатичным коньком. Ну а теперь, я полагаю, тебе потребуется еще месяц, чтобы решить, что делать дальше.

Тлингель откинулся на спинку стула и осушил кружку.

— Дай подумать, — ответил Мартин. — А пока налью-ка тебе еще.

Мартин сидел и смотрел на доску, а единорог тем временем проглотил еще три кружки. Мартин вовсе не обдумывал свой следующий ход. Потому что ждал. Он сам в ответ на ход Гренда побил конем слона и помнил, что сделал после этого Гренд.

— Ну? — наконец проговорил Тлингель. — Придумал? Мартин сделал небольшой глоток.

— Почти, — ответил он. — А ты отлично пьешь пиво, совсем не пьянеешь.

Тлингель рассмеялся:

— Рог единорога нейтрализует алкоголь. Тот, кто им обладает, владеет универсальным лекарством. Я жду, когда дойду до состояния приятного легкого головокружения, а затем мой рог уничтожает излишки... И вот я снова в норме.

— Здорово, — восхитился Мартин.

— Если ты немного перебрал, дотронься до моего рога всего на одно короткое мгновение, и опять будешь в форме.

— Нет, спасибо. Я в порядке. Пожалуй, поставлю эту пешечку на две клетки перед ладьей.

— Так-так... — сказал Тлингель. — Интересно. Знаешь, чего этому месту не хватает? Рояля... Слушали бы блюзы... Организуешь?

— Я не умею играть.

— Жаль.

— Можно нанять пианиста.

— Нет. Я не хочу, чтобы меня видел кто-нибудь еще из людей.

— Ну, если пианист знает свое дело, он мог бы играть с завязанными глазами.

— Нет, не стоит.

— Мне очень жаль.

— А ты хитер. Не сомневаюсь, что к следующему разу ты что-нибудь еще придумаешь.

Мартин кивнул.

— Слушай, мне казалось, в этих заведениях было принято посыпать пол опилками?

— Кажется, да.

— Вот было бы здорово.

— Шах.

Тлингель целую минуту разглядывал доску.

— Да. Я имел в виду «да». И сказал «шах». Иногда это тоже означает «да».

— А, понятно. Ну, раз уж мы об этом заговорили...

Тлингель поставил пешку на d6.

Мартин удивился. Потому что Гренд сделал тогда совсем другой ход. Несколько секунд он колебался, раздумывая, не продолжить ли ему игру с этого места самостоятельно. До сих пор Гренд представлялся ему чем-то вроде тренера. Он заставлял себя не думать о том, что самым грубым образом сталкивает одного с другим. Пока пешка не пошла на d6. Тогда он вспомнил ту партию, что проиграл сасквочу.

— Тут поставим точку, — сказал он. — И расстанемся на месяц.

— Хорошо. Давай выпьем еще пивка, прежде чем пожелать друг другу спокойной ночи. Хочешь?

— Почему бы и нет?

Они сидели, и Тлингель рассказывал Мартину про Страну Утренней Зари, о первобытных лесах и зеленых лугах, о высоких горах и пурпурных морях, о волшебстве и мифических существах.

Мартин покачал головой.

— Не понимаю, почему вас так тянет сюда, — задумчиво проговорил он, — когда ваш мир так прекрасен.

Тлингель вздохнул:

— Ну, не можем же мы отставать от грифонов. Сейчас самое время это сделать. Ладно, до встречи через месяц...

Тлингель поднялся и повернулся, собираясь уйти.

— Теперь я полностью контролирую ситуацию. Смотри!

Единорог потускнел, потерял форму, стал белым, снова потускнел и исчез, словно остаточное изображение на телеэкране.

Мартин подошел к бару и налил себе еще кружку. Стыдно было оставлять такое хорошее пиво. Утром он пожалел, что единорога уже нет. Сейчас он бы ему очень пригодился — ну, если не он сам, так его рог.

День в лесу выдался серым, и Мартину пришлось держать над доской зонтик. Капли дождя стекали с листьев и с негромким глухим стуком ударялись о ткань зонта. На доске была поставлена позиция, получившаяся после того, как Тлингель двинул пешку на d6. «Интересно, — подумал Мартин, — не забыл ли Гренд о нашем уговоре? Да и вообще, следил ли за течением времени?»...

— Привет, — произнес гнусавый голос немного сзади и слева.

Мартин обернулся и заметил Гренда, шагающего через массивные корни не менее массивными ногами.

— Ты не забыл, — радостно проговорил Гренд. — Как хорошо! Надеюсь, и про пиво ты тоже не забыл?

— Я принес с собой целую сумку. Мы можем устроить бар прямо здесь.

— А что такое бар?

— Ну, это такое место, где люди собираются выпить. Там царит полумрак — чтобы создать нужную атмосферу. Все сидят на табуретах вокруг стойки или устраиваются за маленькими столиками и еще разговаривают. Иногда играет музыка. И все пьют.

— И все это у нас будет?

— Нет. Только полумрак и выпивка. Если, конечно, не считать дождик музыкой.

— А-а. Бар, похоже, симпатичное место.

— Да. Если ты поддержишь зонтик над доской, я постараюсь создать нужную атмосферу.

— Ладно. Слушай, а ведь это один из вариантов той партии, которую мы разыгрывали в прошлый раз.

— Верно. Меня заинтересовало, что будет, если я пойду сюда, а не туда.

— Хм-м. Дай-ка немного подумать...

Мартин достал из рюкзака четыре упаковки пива, в каждой по шесть банок, и вскрыл первую.

— Угощайся.

— Благодарю.

Гренд взял банку, присел на корточки и передал зонтик Мартину.

— У меня все еще белые? — спросил сасквоч.

— Угу.

— Пешка на е6.

— В самом деле?

— Да.

— Мне ничего не остается, как съесть ее своей пешкой.

— Давай. А я после этого подкреплюсь твоим конем.

— Ну, я просто отойду конем обратно на е2.

— Прогуляюсь-ка своим на с3. Могу я взять еще пива?

Через час с небольшим Мартин сдался. Дождь кончился, и он сложил зонтик.

— Еще партию? — предложил Гренд.

— Давай.

День клонился к вечеру. Напряжение оставило Мартина. Теперь он играл только для удовольствия. Он попытался провести безумно длинную и сложную комбинацию, отлично все видел на много ходов вперед — совсем как в тот день...

— Пат, — объявил Гренд спустя несколько часов. — Отличная, однако, получилась партия. Ты играл сегодня намного лучше.

— Просто мне удалось расслабиться. Хочешь сыграть еще?

— Может быть, немного попозже. Расскажи мне о барах.

Так Мартин и сделал.

— А как на тебя действует пиво? — спросил он.

— Все немного в тумане. Но я в норме. И в третьей партии тебе не поздоровится.

Гренд выполнил свое обещание.

— Для человека ты играешь неплохо. Совсем даже неплохо. Придешь сюда в следующем месяце?

— Приду.

— Хорошо. Принесешь еще пива?

— Если хватит денег.

— Ага. Тогда в следующий раз прихвати с собой гипс. Я оставлю хорошие следы, а ты сделаешь с них слепок. Насколько мне известно, за них дают неплохие деньги.

— Постараюсь не забыть.

Мартин поднялся на ноги и собрал шахматные фигуры.

— До встречи.

— Чао.

Мартин еще раз навел порядок в баре, привез рояль и посыпал пол опилками. Приготовил бочку со свежим пивом. Развесил на стенах рекламные плакаты и жуткие старые картины, которые купил за бесценок в магазине у старьевщика. Расставил в нескольких стратегических местах плевательницы. Закончив, уселся у стойки и открыл бутылку минеральной воды. Он сидел и слушал, как стонет и жалуется ветер из Нью-Мексико и как в оконные стекла стучат песчинки.

«Неужели, — подумал Мартин, — во всем мире останутся лишь подобные звуки, когда Тлингель найдет способ помочь человечеству покончить с собой, или — тревожная мысль — те, что придут вслед за людьми, превратят планету в нечто, напоминающее мифическую Страну Утренней Зари».

Некоторое время эти мысли не давали Мартину покоя. Потом он поставил позицию, которая получилась после того, как черные пошли пешкой на d6. Когда же он обернулся, чтобы прибраться на стойке бара, то заметил на посыпанном опилками полу цепочку изящных следов маленьких копыт.

— Добрый вечер, Тлингель, — сказал он. — Что пожелаешь?

На этот раз единорог возник без каких бы то ни было пиротехнических эффектов. Он подошел к бару и положил одно копыто на стойку.

— Как обычно.

Пока Мартин наливал пиво, Тлингель осмотрелся.

— А здесь стало посимпатичнее.

— Я рад, что тебе нравится. Хочешь послушать музыку?

— Да.

Мартин повозился с задней панелью рояля и нашел кнопку, включившую маленький компьютер на батарей-

ках, который управлял музыкальным механизмом. Клавиши ожили.

— Прекрасно, — заявил Тлингель. — Ты нашел свой ход?

— Нашел.

— Ну, тогда приступим.

Мартин наполнил опустевшую кружку единорога и направился к столу, прихватив свою.

— Пешка на e6, — сказал он, делая ход.

— Что такое?

— Да, вот так-то.

— Подожди-ка минуточку. Я хочу изучить позицию как следует.

— Мы же никуда не торопимся.

— Я возьму пешку, — задумчиво проговорил Тлингель после длительного раздумья и очередной кружки пива.

— Тогда я съем коня.

— Конь на e2, — отозвался через некоторое время Тлингель.

— Конь с6.

Прошло несколько долгих минут, прежде чем Тлингель принял решение и передвинул своего коня на g6.

«А, к дьяволу, — неожиданно подумал Мартин. — Не буду спрашивать у Гренда».

Такая позиция уже не раз стояла у него на доске. Мартин пошел конем на g5.

— Смени-ка мелодию на этой штуке! — проворчал Тлингель.

Мартин выполнил его просьбу.

— Эта мне тоже не нравится. Найди что-нибудь лучше или выключи совсем!

После трех безуспешных попыток отыскать что-нибудь подходящее Мартин выключил музыкальный компьютер.

— И принеси еще пива!

Мартин наполнил кружки.

— Хорошо.

Тлингель решил пойти слоном на e7.

Сейчас главное — помешать ему рокироваться. Мартин пошел ферзем на h5. Тлингель издал тихий, сдавленный звук. Мартин поднял на него глаза и увидел, что из ноздрей единорога медленно поднимается легкий дымок.

— Еще пива?

— Если тебе нетрудно.

Когда Мартин вернулся с полными кружками, Тлингель побил коня слоном. У Мартина не было выбора, однако он довольно долго изучал позицию.

— Слон бьет слона, — наконец сказал он.

— Естественно.

— Как насчет приятного легкого головокружения?

Тлингель усмехнулся:

— Еще увидишь.

Снова поднялся ветер. Серdito зарыдал, завыл. Старое здание не выдержало и принялось жалобно скрипеть.

— Ну что ж, — решил Тлингель и передвинул своего ферзя на d7.

Мартин пристально посмотрел на доску. Что он делает? До этого момента все шло хорошо, но... Он снова прислушался к вою ветра и подумал о том, как ужасно рискует.

— Вот и все, ребята, — сказал он, откидываясь на спинку стула. — Продолжение в следующем месяце.

Тлингель вздохнул:

— Не уходи. Принеси еще пива. А я расскажу тебе о том, как провел этот месяц в вашем мире.

— Искал слабые звенья?

— У вас их великое множество. Это же невозможно терпеть.

— Знаешь, исправить ошибки не так просто, как тебе кажется. Может, дашь какой-нибудь совет?

— Неси пиво.

Они проговорили до тех пор, пока на востоке не посветлело небо. Мартин делал записи — незаметно. Он вдруг понял, что восхищен аналитическими способностями единорога.

Наконец Тлингель встал из-за стола. Покачнулся.

— Ты в порядке?

— Просто забыл про свой нейтритизатор. Секундочку. А потом я исчезну.

— Подожди!

— Чего?

— Мне бы тоже не помешало.

— Ах да. Тогда давай хватайся.

Тлингель опустил голову, и Мартин уцепился пальцами за кончик рога. Тут же его окутало восхитительное тепло.

Он закрыл глаза — таким удивительно приятным было ощущение. В голове прояснилось. А боль, которая совсем недавно начала пульсировать где-то в висках, совсем прошла. Усталость отпустила мышцы, и он снова открыл глаза.

— Спа...

Тлингеля нигде не было. А в руке Мартин держал пригоршню пустоты.

— ...сибо.

— Вот Разэль, мой друг, — объявил Гренд. — Он — грифон.

— Я заметил.

Мартин кивнул в сторону златокрылого существа с длинным клювом.

— Приятно познакомиться, Разэль.

— И мне, — пронзительно прокричал грифон. — А у тебя пиво есть?

— А... ну... да.

— Я ему много про пиво рассказывал, — объяснил Гренд извиняющимся голосом. — Ты можешь ему дать из моей порции. Он не будет нам мешать и советов давать не будет.

— Конечно. Твой друг...

— Пиво! — завопил Разэль. — Бары!

— Он вообще-то не очень умный, — прошептал Гренд. — Но с ним весело. Я буду тебе признателен, если ты не станешь его обижать.

Мартин открыл первую упаковку пива и передал грифону и саквочку по банке.

Разэль мгновенно проткнул крышку клювом, вылакал содержимое, икнул и протянул когтистую лапу.

— Пива! — взвыл он. — Еще пива!

Мартин протянул ему банку.

— Слушай, а ты все время возвращаешься к той, первой игре, правда? — заметил Гренд, внимательно изучая доску. — Ой-ой-ой, какая интересная позиция.

Он выпил свое пиво и занялся доской.

— Хорошо, что дождя нет, — проговорил Мартин.

— Скоро пойдет. Подожди и увидишь.

— Еще пива! — заверещал Разэль.

Мартин, не глядя в его сторону, передал ему новую банку.

— Я ставлю пешку на b6, — объявил сасквоч.

— Шутить?

— Не-е-е. А потом ты съешь эту пешку своей слоновой пешкой. Так?

— Ну...

Мартин проделал все так, как сказал Гренд.

— Хорошо. А теперь я хожу этим конем на d5.

Мартин съел его пешкой.

Гренд поставил ладью на e1.

— Шах, — провозгласил он.

— Да. Именно так и нужно сделать, — заметил Мартин.

Гренд весело фыркнул.

— Я выиграю эту партию и в следующий раз, — сообщил он.

— Очень даже может быть.

— Еще пива, — тихонько пролепетал Разэль.

— На, получай.

Когда Мартин передавал грифону очередную банку, он заметил, что мифическое существо прислонилось к стволу дерева. Прошло несколько минут, и Мартин передвинул своего короля на f8.

— Я был уверен, что ты именно так и сделаешь, — прокомментировал Гренд. — А знаешь, что я тебе скажу?

— Что?

— Ты играешь очень похоже на единорога.

— Неужели?

Гренд поставил ладью на a3.

Потом, когда пошел легкий дождик и Гренд снова выиграл у него, Мартин заметил, что они почти все время молчат. Он посмотрел на грифона. Разэль, спрятав голову под левое крыло, стоял на одной ноге, тяжело привалившись к дереву.

— Я же говорил тебе, что он не будет мешать, — заметил Гренд.

Еще через две партии, когда пиво кончилось, а тени заметно удлинились, Разэль зашевелился.

— До встречи через месяц?

— Да.

— Ты принес гипс?

— Принес.

— Тогда пошли. Я знаю одно подходящее место довольно далеко отсюда. Мы ведь не хотим, чтобы люди болтались где-нибудь рядом, правда? Давай поможем тебе с деньгами.

— На пиво? — спросил Разль, выглядывая из-за крыла.

— Через месяц.

— Полетишь со мной?

— Не думаю, что сегодня ты сможешь нести нас обоих, — сказал Гренд, — так что эта перспектива меня совсем не привлекает.

— Тогда привет! — завопил Разль и, взлетев в воздух, немедленно врезался в кусты, с трудом избежал столкновения с деревом и благополучно исчез.

— Вот так уходят по-настоящему порядочные ребята, — сказал Гренд. — Он все замечает и ничего не забывает. Знает, как все устроено — в лесу, в небе и даже в воде. И еще он очень щедрый, когда у него что-нибудь есть.

— Хм-м, — глубокомысленно заметил Мартин.

— Пойдем делать следы, — предложил Гренд.

— Пешка на с6? В самом деле? — спросил Тлингель. — Ладно. Слоновая пешка бьет твою.

Глаза Тлингеля сузились, когда Мартин поставил коня на d5.

— У нас получилась интересная партия, — заметил единорог. — Пешка берет коня.

Мартин передвинул ладью.

— Шах.

— Да, естественно. Перед следующим ходом нужно как следует промочить горло. Это будет трехкружечный ход. Будь добр, принеси мне первую.

Мартин молча наблюдал за Тлингелем, который потягивал пиво, пристально глядя на доску. Ему даже стало немного стыдно за то, что он пользуется помощью столь сильного игрока, как сасквоч. Теперь Мартин был уверен, что единорог обречен на поражение. Во всех вариантах этой партии, которые он пробовал, играя против Гренда черными, Мартин терпел поражение. Тлингель играл здорово, но сасквоч почти все свободное время — а он всегда был

свободен — тратил на шахматы, играя вслепую. Это не совсем честно. Однако тут не до соблюдения кодекса чести, напомнил себе Мартин. Он играл, чтобы защитить людей от сверхъестественной силы, которая может развязать третью мировую войну посредством воздействия на разум военных, или при помощи волшебства перепутать все в компьютерах... Нет, он не может делать этому существу поблажек.

— Кружку номер два, пожалуйста.

Мартин принес пиво. И принялся разглядывать единорога, который неотрывно смотрел на доску. Впервые до Мартина дошло, что это самое прекрасное существо из всех, что ему доводилось видеть. Теперь, когда он наблюдал за своим противником без страха, который раньше постоянно присутствовал, Мартин смог насладиться изумительным зрелищем. Если кому-то и суждено заменить человеческую расу, то это далеко не худший вариант...

— А теперь номер три.

— Сейчас, сейчас.

Тлингель осушил кружку и пошел королем на f8.

Мартин быстро наклонился вперед и поставил ладью на поле a3.

Тлингель поднял глаза и пристально посмотрел на него.

— Неплохо.

Мартину стало стыдно. Его вдруг поразило благородство существа, сидящего напротив. Ему страшно захотелось сыграть с единорогом еще раз и выиграть у него в честной борьбе. А не таким способом.

Тлингель бросил на доску почти равнодушный взгляд и небрежно переместил коня на e4.

— Твой ход. Или ты опять будешь думать целый месяц?

Мартин что-то проворчал себе под нос и побил коня ладьей.

— Конечно.

Тлингель съел ладью пешкой. В последнем варианте партии с Грендом события развивались иначе. И все же...

Он двинул ладью на f3. В этот момент ветер, пролетая сквозь дверные проемы развалившихся зданий, вдруг душераздирающе взвыл прямо у них над головами.

— Шах! — объявил Мартин.

«Ну и черт с ним! — решил он. — Я достаточно хорош чтобы самостоятельно довести этот эндшпиль до конца. Посмотрим, что получится».

Мартин сидел и молча ждал, пока Тлингель не сделал ход королем на g8.

Потом поставил слона на h6. Тлингель пошел ферзем на e7. Где-то совсем близко ревел ветер. Мартин взял пешку слонем.

Единорог поднял голову, казалось, он к чему-то прислушивается. Потом опять склонился над доской и побил слона королем.

Мартин поставил ладью на поле g3.

— Шах.

Тлингель вернулся королем на f8.

Мартин передвинул ладью на f3.

— Шах.

Тлингель двинул короля на поле g7.

Мартин вернул ладью на g3.

— Шах.

Тлингель снова поставил короля на f8 и, усмехнувшись, пристально посмотрел на своего противника.

— Похоже, у нас получается ничья, — заявил единорог. — Сыграем еще партию?

— Ладно, только не на судьбу человечества.

— Естественно. Я уже давно выбросил эти мысли из головы. Мне тут не приглянулось, и я решил, что не хочу здесь жить. Потому что у меня высокие требования. Только вот этот бар мне нравится. — Тлингель отвернулся, когда вслед за новым порывом ветра послышались какие-то голоса. — А это еще что такое?

— Понятия не имею, — ответил Мартин, вставая.

Двери распахнулись, и в бар вошел золотой грифон.

— Мартин! — воскликнул он. — Пива! Пива!

— Э-э-э... Тлингель, это Разэль, и... и...

Вслед за первым вошли еще трое грифонов, а за ними Гренд и три сасквоча.

— А это — Гренд, — неохотно представил приятеля Мартин. — Остальных не знаю.

Узрев единорога, все остановились.

— Тлингель, — сказал один из сасквочей, — я думал, ты все еще в Стране Утренней Зари.

— В некотором смысле я и сейчас там. Мартин, а как это тебе удалось познакомиться с моими земляками?

— Ну... э-э-э... Гренд — мой шахматный тренер.

— Ага! Кажется, начинаю понимать.

— Я не уверен, что ты и в самом деле понял. Однако давайте-ка я вас угощу.

Мартин включил музыкальный компьютер и принес всем по кружке пива.

— Как вам удалось найти это место? — спросил он Гренда, разнося пиво. — И как вы, вообще, сюда попали?

— Ну... — казалось, Гренд смутился. — Разъезд последовал за тобой.

— За самолетом?

— Грифоны летают с невероятной скоростью.

— Понятно...

— Так получилось... Он рассказал своим и моим родственникам о тебе и пиве. Грифоны были решительно настроены тебя навестить. Ну вот, тогда мы посчитали, что следует составить им компанию... Чтобы они не устроили тут какого-нибудь безобразия. Грифоны и привезли нас сюда.

— Ясно... Интересно...

— Теперь я понимаю, почему ты играл похоже на единорога — в той партии, где мы смотрели варианты.

— Э-э-э... да.

Мартин отвернулся и направился в конец бара.

— Устраивайтесь поудобнее, ребята, — пригласил он. — Я хочу сделать небольшое заявление. Тлингель, в одну из наших предыдущих встреч ты обронил несколько замечаний относительно возможных экологических и иных катастроф. Кроме того, у тебя, кажется, были идеи по поводу того, как избежать некоторых из них.

— Припоминаю, — отозвался единорог.

— Я передал твои предложения одному своему высокопоставленному приятелю в Вашингтоне — когда-то мы вместе ходили в шахматный клуб. И признался ему, что придумал все это не сам.

— Надеюсь.

— Тогда он предложил мне создать мозговой центр. И обещал позаботиться о том, чтобы нам за это платили.

— Вообще-то я не собирался спасать ваш мир, — проворчал Тлингель.

— Да, но ты очень помог. А Гренд сказал мне, что грифоны, хотя их словарь несколько ограничен, прекрасно разбираются в экологии.

— Вероятно, так оно и есть.

— Раз уж они унаследовали часть Земли, в их интересах помочь ее сохранять. Коль скоро мы здесь все собрались, мне не нужно будет тратить время на дорогу: предлагаю прямо сейчас выбрать место встречи — ну, например, этот бар, раз в месяц. На наших совещаниях вы будете делиться со мной своими уникальными идеями. Я думаю, вы знаете о вымерших видах больше, чем кто-нибудь другой в мире.

— Конечно, — сразу согласился Гренд, — стоит пригласить еще и йети. Если хочешь, я могу это сделать. Скажи, — добавил он, указывая на рояль, — то, что доносится из этой большой коробки, называется музыкой?

— Да.

— Мне нравится. Если мы и в самом деле создадим этот мозговой центр, у тебя будет достаточно денег, чтобы содержать это местечко?

— Я смогу купить целый город.

Гренд произнес несколько гортанных фраз, грифоны что-то возбужденно прокричали в ответ.

— Считаю, у тебя уже есть мозговой центр, — заявил он. — Они хотят еще пива.

Мартин повернулся к Тлингелю:

— Ты ведь первый обратил внимание на наши проблемы. Что скажешь?

— Будет любопытно, — сказал он, — заглядывать сюда время от времени. — А потом добавил: — Вот так и спасают миры. Кажется, ты хотел сыграть еще одну партию?

— Я ведь теперь ничего не теряю?

Гренд взял на себя обязанности хозяина бара, а Тлингель и Мартин вернулись к столику. Мартин обыграл единорога за тридцать один ход, а потом коснулся его рога. Клавиши рояля опускались и поднимались. Крошечные сфинксы с жужжанием проносились по бару и лакали из лужиц пролитое пиво.

О самой партии. Она игралась в 1901 году в Мюнхене. Халприн против Пиллсбери. Пиллсбери был более сильным

игроком. В том турнире он обыграл несколько хороших шахматистов и ему осталось сыграть только одну партию против Халприна, довольно слабого игрока. Однако два других участника турнира, которые совсем немного отставали от Пиллсбери в борьбе за первый приз, решили преподать ему урок. В ночь перед партией они пришли к Халприну и рассказали ему все, что им удалось узнать о стиле игры Пиллсбери. На следующий день Пиллсбери столкнулся с гораздо лучше подготовленным противником, чем он предполагал. Он понял это только в самый последний момент. Остальные были страшно довольны и уже начали ликовать. Но Пиллсбери все-таки их удивил. И хотя его застали врасплох, он сумел добиться ничьей. В конце концов, он ведь был превосходным игроком. Мартин выступал здесь в роли Халприна, а Тлингель — в роли Пиллсбери. Только вот Мартина нельзя назвать слабым игроком. Он просто нервничал во время первой партии. А кто на его месте был бы спокоен?

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ ДИКИХ

Они мчались сквозь пелену времени и пыли, под голубым, глубоким и холодным, как вода в озере, небом; над горами на западе полыхало сморщенное солнце, ветер — пронизывающий, бирюзовый, внушающий тревогу западный ветер — словно кнутом подгонял вертявых песчаных дьяволов. Лысые крыши, лопнувшие рессоры, покореженные кузова с облупившейся краской, окна в трещинах, из выхлопных труб вырываются черные, серые, белые клубы дыма, которые шлейфом тянутся за машинами на север. А следом — погоня: растопыренные огненные пальцы. Кому-то не хватало скорости, кто-то ломался, и их мгновенно уничтожали, превращали в пепел, а уцелевшие мчались дальше...

Мердок лежал на вершине холма, изучая приближающуюся стаю в мощный бинокль. В овраге у него за спиной стоял Ангел Смерти — кремового цвета, с хромированными молдингами, пуленепробиваемыми стеклами, лазерной пушкой и двумя установками для стрельбы бронебойными ракетами, — этакий сверкающий на солнце мираж, вибрирующий призрак, заброшенный в реальный мир.

Местность была холмистой — длинные кряжи, глубокие каньоны, в которые и загоняли беглецов. Скоро им

придется выбирать: или проехать тем каньоном, за которым наблюдал Мердок, или свернуть в другой, чуть восточнее. Впрочем, они могут разделиться и двинуться сразу по обоим. Не страшно — наблюдателей на холмах хватает.

В ожидании их решения Мердок вспоминал. С того дня, когда на кладбище автомобилей была уничтожена Машина-Дьявол, прошло пятнадцать лет. Сам он отдал погоне за Дикими добрых двадцать пять и стал со временем главным авторитетом по вольным стаям. Где лежбища автомобилей, как они заправляются и ремонтируются, о чем думают — Мердок знал о них практически все. За исключением того, что именно произошло в том роковом году, почему исказилась радиопрограмма и в бортовые компьютеры машин словно проник какой-то вирус. Некоторые — не все — заразились. Часть выздоровела и вернулась в гаражи и на стоянки; эти автомобили, потрепанные, но по-прежнему работоспособные, с неохотой рассказывали, чем занимались на воле: ведь Дикие устраивали набеги, убивали, превращали станции техобслуживания в крепости, а торговые центры — в военные лагеря. Один черный «кадиллак», к слову, возил с собой останки водителя, который управлял им много лет назад.

Мердок ощутил, как задрожала земля. Он опустил бинокль, в котором больше не было необходимости, и уставился в голубую дымку. Вскоре послышался шум — рев тысячи с лишним двигателей, скрежет переключаемых передач, грохот и лязг: последняя стая Диких мчалась навстречу своей участи. Четверть века, с тех самых пор как смерть брата заставила его всерьез взяться за дело, Мердок ожидал этой минуты. Сколько он прикончил машин? И не вспомнить. А теперь...

Он долго следил за Дикими — подкрадывался, догонял, прикидывал маршруты. Какое требовалось терпение, какое самообладание! Больше всего ему хотелось ликвидировать врага, что называется, на месте, но он всякий раз сдерживался, ибо знал, что наступит день, когда можно будет поквитаться со всеми разом. Правда, некоторые воспоминания запали в душу, оставили на его пути странные следы.

Мердоку припомнились схватки за главенство в тех саях, которые он преследовал. Победенный — радиатор вдребезги, капот в лепешку, фары разбиты, кузов искорежен — частенько отступал в тот самый миг, когда становилось ясно, чья взяла. Новый же вожак принимался ездить кругами и громко гудеть, сообщая всем о своей победе. Проигравший, которого никто не собирался ремонтировать — еще тратить на него запчасти! — порой тащился за стаей. Иногда, если ему удавалось обнаружить нечто ценное, его принимали обратно; однако чаще всего такая машина просто-напросто терялась на просторах Равнин. Однажды Мердок отправился следом за очередным изгоем, надеясь, что тот, может быть, двинется к какому-нибудь неизвестному кладбищу автомобилей. На глазах у потрясенного человека машина устремилась на столовую вершину горы, развернулась передом к обрыву: заскрежетала коробка передач, взревел двигатель — и она рухнула вниз, ударилась о землю и загорелась.

Но как-то раз ему довелось наблюдать схватку, в которой победитель не удовлетворился бегством побежденного. К бежевому седану, замершему на макушке невысокого холма в окружении четырех или пяти спортивных машин, приблизился голубой, с расстояния в несколько сот метров просигналил вызов, повернулся боком и двинулся по дуге. Бежевый дал гудок, тронулся с места и выполнил похожий маневр. Спортивные машины торопливо откатились в сторону. Какое-то время противники ездили кругами, быстро сокращая разделяющее их пространство. Наконец бежевый ударил — врезался в переднее левое крыло голубого; натужно взревели двигатели, оба автомобиля пошли юзом, потом расцепились, и все началось сызнова: они подкрадывались друг к другу, тормозили, поворачивали, отступали и вновь бросались вперед.

После второго удара голубой седан остался без заднего левого фонаря; вдобавок ему оторвало бампер. Однако он мгновенно развернулся и с хода ударил бежевого в бок, едва не раскроив врагу корпус, а затем, не дожидаясь, пока соперник оправится, атаковал снова. Бежевый поспешно включил заднюю передачу. Он знал все трюки и уловки, но не мог ничего поделать — голубой двигался гораздо быстрее, нанося удар за ударом. Внутри бежевого что-то за-

дребезжало, однако он продолжал обороняться; в лучах солнца, что пробивалось сквозь облако поднятой колесами пыли, его корпус отливал золотом. Смяв голубому правый бок, бежевый засигналил и, повернув, покатиł прочь.

Но голубой предвидел такую возможность. Из-под его задних колес полетел гравий; непрерывно и громко гудя, он ринулся на противника и ударил в то же место, что и раньше. Бежевый внезапно перестал сигналить, развернулся и прибавил скорость, рассчитывая спастись бегством.

Помедлив всего лишь секунду, голубой устремился в погоню и врезался бежевому в багажник, а затем повторил удар. Потекло масло. Голубой заложил крутой вираж и нанес третий удар. Бежевый остановился: из-под капота вырывался пар. Голубой откатился назад и вновь врезался уже потерявшему ход противнику в левый бок. Бежевого оторвало от земли и швырнуло на обрывистый склон холма. Он закувыркался, на мгновение замер, — и тут взорвался топливный бак.

Голубой седан притормозил и поднял антенну, на которой находилось с полдюжины датчиков — этакий тотемный столб, поблескивающий в лучах солнца среди клубов дыма. Некоторое время спустя антенна вместе с датчиками исчезла в своем гнезде, автомобиль дал громкий гудок и отправился собирать попрятавшиеся спортивные машины.

Мердок засунул бинокль в футляр. Стая Диких приближалась к повороту. На таком расстоянии их можно было разглядеть невооруженным глазом. Да, жалкое зрелище. А ведь как красивы были прежде лучшие из них! Когда запасных частей хватало с избытком, Дикие с помощью манипуляторов совершенствовали свой внешний облик и «начинку» и постепенно, прекрасные и смертоносные, стали превосходить любые автомобили, сходявшие с заводских конвейеров.

Разумеется, все машины-разведчики были вооружены. Неоднократно предпринимались попытки «приручить» Диких. Настигнув небольшую стаю, разведчики отделяли лучших, а остальных уничтожали, после чего перегоняли пленников на станции техобслуживания. Впрочем, затея оказалась пустой тратой времени. Даже полное перепрограммирование не гарантировало, что бывшие Дикие

забудут свое прошлое. Один из них вел себя вполне пристойно чуть ли не целый год, а потом, очутившись в «пробке», прикончил водителя и рванул к холмам. Иными словами, чтобы добиться успеха, следовало заменить бортовые компьютеры, но овчинка вряд ли стоила выделки, ибо компьютер был дороже всех прочих деталей автомобиля вместе взятых.

Нет, возможной в конечном итоге оказалась одна-единственная тактика, которой Мердок и следовал: погоня и систематическое уничтожение Диких. С течением лет он все сильнее восхищался ловкостью и дерзостью вожаков стай. Число Диких неуклонно уменьшалось, но про жестокость и коварство уцелевших уже ходили легенды. Порой Мердоку снилось, что он превратился в машину-вожака и мчится по Равнинам. Почему-то в снах непременно присутствовал другой автомобиль, красного цвета.

Стая повернула. Мердока вдруг обуяла зависть: Дикие направлялись к дальнему каньону. Он подергал себя за борodu, в которой пробивалась седина, выругался, потянулся за палкой и приподнялся. Конечно, он вполне успеет добраться до того каньона и принять участие в сражении, но...

Минутку! Стая разделилась. Часть машин двинулась в сторону Мердока.

Улыбнувшись, Мердок заковылял вниз по склону туда, где ожидал Ангел Смерти. Залезая в кабину, он услышал грохот рвущихся мин.

— Несколько машин находится в следующем каньоне, — сообщил автомобиль хорошо поставленным мужским голосом, запустив двигатель. — Я слежу за всеми.

— Знаю, — отозвался Мердок, кладя палку на пол. — Поехали туда. Возможно, кто-то из них прорвется. — Щелкнули пряжки ремней безопасности. Автомобиль тронулся. — Подожди!

Машина остановилась.

— Что случилось?

— Ты движешься на север.

— Нам нужно выбраться отсюда и нагнать остальных.

— К югу есть боковые проходы. Жми туда. Я хочу опередить других.

— Это связано с риском.

— Я рисковал четверть века, — засмеялся Мердок. — Поезжай на юг, иначе мы успеем разве что к шапочному разбору.

Автомобиль послушно развернулся.

— Слышишь что-нибудь? — спросил Мердок какое-то время спустя.

— Да. Стоны тех, кто подорвался на минах, и возгласы тех, кто прорвался.

— Я так и знал! Сколько уцелело? И что они предпринимают?

— Продолжают двигаться на юг. Их несколько дюжин; возможно, гораздо больше. Трудно определить по радиосигналам.

— Пускай себе едут, — усмехнулся человек. — Рано или поздно им придется свернуть, и они наткнутся на нас.

— Я не уверен, что смогу противостоять целой стае. Многие практически безоружны, но все же...

— Я знаю, что делаю, — откликнулся Мердок. — Не переживай. — Он прислушался к глухим разрывам. — Будь наготове. Некоторые могли свернуть в наш проход.

На панели управления вспыхнули две цепочки желтых огоньков. Затем желтый цвет сменился зеленым — и, почти сразу, красным.

— Ракетные установки в полной боеготовности, — отрапортовал Ангел.

Мердок протянул руку и повернул переключатель. Загорелся еще один огонек — оранжевый, слегка мерцающий.

— Орудие готово к стрельбе.

Мердок щелкнул тумблером, расположенным на панели рядом с турелью.

— Беру управление на себя.

— Разумно ли это?

Мердок не ответил. Он посмотрел в окно на красно-желтые скалы слева от машины, медленно погружавшиеся в тень.

— Сбрось скорость. Скоро слева должен появиться проход.

Ангел притормозил.

— Кажется, я его засек.

— Не тот, который ближе к нам, он заканчивается тупиком. Следующий.

Продолжая замедлять ход, автомобиль прокатился мимо первого бокового ответвления — темного, резко сворачивавшего в сторону.

— Я обнаружил второй проход.

— Еще медленнее. Уничтожай все, что движется. — Мердок схватился за турель. Ангел повернул и очутился в узком проходе. — Притуши фары. Никаких переговоров по радио. Пусть будет темно и тихо.

Они ехали в густой тени. Далекие разрывы теперь не столько слышались, сколько ощущались. Кругом возвышались скалы. Проход свернул сначала вправо, потом влево. Еще один правый поворот — и впереди забрезжил свет.

— Остановись метра за три до конца прохода. — Лишь секунду-другую спустя Мердок сообразил, что отдал распоряжение шепотом.

Машина замерла.

— Двигатель не выключай.

— Хорошо.

Мердок подался вперед. Он разглядывал каньон, шедший перпендикулярно проходу. В воздухе висела пыль — черная внизу и сверкающая наверху, там, куда доставали лучи солнца.

— Уже проехали, — сказал он. — Скоро поймут, что уперлись в тупик, развернутся, рванут обратно, а мы их встретим. — Он поглядел влево. — Неплохое местечко для засады. Пожалуй, надо связаться с остальными. Используй шифратор.

— Откуда ты знаешь, что они вернутся? Может, затаятся и будут дожидаться нашего появления?

— Нет, — ответил Мердок. — Не будут. Они не из таких.

— Ты уверен, что в каньоне нет других ответвлений?

— Есть несколько ведущих на восток, но там наших приятелей тоже поджидают. Как ни крути, они попались.

— А если к ним подойдет подкрепление?

— Чем больше, тем лучше. Давай связь. Пока я буду говорить, следи за стаей.

Мердок сообщил командиру левого крыла охотников, куда следует отправить отряд бронемашин, и узнал, что те

движутся на запад, преследуя Диких, которые свернули в другой каньон. Командир передал отряду сообщение Мердока. Ответ гласил, что машины будут через пять—десять минут. Земля под колесами Ангела по-прежнему дрожала; значит, в восточном каньоне продолжали рваться мины.

— Договорились. — Мердок отключился.

— Они достигли тупика, — произнес Ангел. — Разворачиваются. Я слышу их переговоры. Они начинают подозревать, что угодили в западню.

Мердок улыбнулся. Слева появилась первая из машин-охотников. Мердок поднес к губам микрофон и принялся отдавать распоряжения. Внезапно он сообразил, что до сих пор сжимает одной рукой турель, отпустил, вытер ладонь о штаны и снова стиснул рукоятку.

— Они приближаются, — сказал Ангел. — Движутся в обратном направлении.

Мердок устался в правое окно. Погоня продолжалась без малого месяц, сегодня она наконец завершится. Неожиданно он понял, что смертельно устал. Им овладела грусть. На панели управления мерцал оранжевый огонек, рядом светились два ряда красных.

— Сейчас ты их увидишь.

— Попытайся сосчитать, сколько машин в стае.

— Тридцать две. Поправка: тридцать одна. Они увеличивают скорость. Судя по переговорам, ожидают перехвата.

— Из восточного каньона кто-нибудь вырвался?

— Да, несколько штук.

Мердок различил гул двигателей, а вскоре увидел из своего укрытия, как из-за поворота вынырнул черный, изрядно помятый седан, у которого отсутствовали одно переднее крыло и половина крыши. Затем показались остальные — дребезжащие кузова во вмятинах и пятнах ржавчины, окна разбиты, дверцы болтаются, капотов нет и в помине, от двигателей валит пар, из трубок течет масло... Мердоку вдруг вспомнились те красавицы, за которыми он охотился на протяжении четверти века, и у него почему-то стало тяжело на сердце.

Он не стрелял, хотя первый из стаи уже поравнялся с Ангелом. Мысли Мердока обратились к черной, сверкающей Машине-Дьяволу и к Алой Даме Дженни, на которой он выслеживал грозного противника.

Тем временем седан добрался до ответвления, в котором устроили засаду охотники.

— Пора? — спросил Ангел, когда слева блеснула вспышка ракетного залпа.

— Пора!

Ангел открыл огонь. Началось избиение. Автомобили тормозили, сталкивались друг с другом... Каньон осветился пламенем костров, в которые превратилось с полдюжины машин... Дюжина... две...

Диких уничтожали, но они отстреливались. Им удалось подбить три машины врага. Мердок израсходовал все ракеты, прошелся лазером по дымящимся обломкам, зная, что никогда не забудет этого отчаянного прорыва. Пускай нынешние Дикие со своими лысыми покрывками, лопнувшими рессорами и протекающими коробками передач мало чем напоминали величайших собратьев, которые сражались с людьми в прошлом, — их вела та же ненависть.

Внезапно Мердок развернул лазер и направил луч в глубь каньона.

— Зачем? — поинтересовался Ангел.

— Там еще одна машина. Ты ее не засек?

— Проверяю. Ничего.

— Поезжай туда.

Автомобиль тронулся, затем свернул вправо. В динамике раздался треск.

— Мердок, ты куда? — справился кто-то из охотников.

— Я вроде бы что-то заметил и собираюсь проверить.

— Мне некого послать с тобой. Нам нужно разобраться здесь.

— Обойдусь.

— Сколько у тебя осталось ракет?

— Достаточно, — отозвался Мердок, бросив взгляд на панель, где горел один-единственный огонек.

— Может, подождешь?

— Неужели ты думаешь, что какая-нибудь из этих железяк может повредить Ангела? — Мердок хихикнул. — Я мигом.

Новый поворот. Солнце освещало сейчас лишь гребень восточной стены каньона.

Никого и ничего.

— Засек? — снова спросил Мердок.

— Нет. Фары включить?

— Нет.

Пальба на востоке постепенно затихала. Слева в стене обозначилось широкое, темное отверстие. Ангел притормозил.

— Возможно, проход ведет насквозь. Свернем или поедем дальше?

— Ты кого-нибудь обнаружил?

— Нет.

— Тогда поехали вперед.

Мердок не снимал руки с турели. Ствол лазерной пушки поворачивался из стороны в сторону, нацеливаясь в темноту, из которой могла исходить угроза.

— Так не пойдет, — решил наконец Мердок. — Нужен свет. Включи-ка прожектор.

Луч выхватил из мрака отливавшие оранжевым скалы. Нагромождение камней напоминало заросли кораллов; впечатление усиливала пыль, которая оседала, колыхаясь, словно морские волны.

— По-моему, тут кто-то был, и не из тех, кого мы сожгли.

— Говорят, усталые люди видят то, чего на самом деле не существует.

— Верно, — вздохнул Мердок, — я устал. Но все равно сворачивай за угол.

Они свернули. Мердок рывком развернул пушку и выстрелил, срезав кусок скалы у следующего поворота.

— Там! — воскликнул он. — Неужели не засек?

— Нет.

— Но мне же не привиделось! Проверь свои датчики. Наверно, у тебя что-то сломалось.

— Ответ отрицательный. Система обнаружения в полном порядке.

— Поезжай дальше, — велел Мердок, стукнув кулаком по панели. — Там кто-то был. — Прожектор осветил выжженную почву, испещренную множеством автомобильных следов. — Притормози. Может, кто-то из Диких обзавелся противорадарным оборудованием? Или мне и впрямь мерещится? Не понимаю, каким образом...

— Слева расщелина. И справа тоже.

— Сбавь скорость! Освети их прожектором.

Они очутились напротив первой расщелины. Мердок повел стволом вслед за лучом прожектора. Прежде чем расщелина поворачивала, от нее ответвлялись два боковых прохода.

— Возможно, там кто-то есть, — размышлял Мердок. — Не проверишь — не узнаешь. Ладно, поглядим на вторую.

Расщелина справа, на которую нацелились прожектор и пушка, выглядела слишком узкой, чтобы в ней мог поместиться автомобиль. Прямая, никаких поворотов и как будто ничего сколько-нибудь необычного.

— Не знаю, — проговорил со вздохом Мердок, — но мы добрались почти до конца, вон за тем поворотом тупик. Ладно, поехали. Держи ухо востро.

Радио вновь затрещало.

— Как дела? — поинтересовался кто-то из охотников.

— Пока никак. Покручусь еще немного. — Мердок отключился.

— Ты не...

— Знаю. Будь готов ко всему.

Они свернули за последний поворот. Им открылся овальной формы амфитеатр около сотни метров длиной. Ближе к центру громоздились валуны, в стенах виднелись черные отверстия.

— Давай направо, объедем по кругу. Тут есть на что посмотреть.

Ангел проехал с четверть круга, когда Мердок услышал певучий гул чужого двигателя. Он повернул голову — и словно перенесся на пятнадцать лет назад.

В амфитеатр вкатился приземистый красный «свингер».

— Вперед! — крикнул Мердок. — Она вооружена! Прячься за камни!

— Кто? Где?

Мердок переключил управление на себя, схватился за руль и надавил на газ. Ангел рванулся с места в тот самый миг, когда другой автомобиль, с притушенными фарами, выстрелил из пулеметов пятидесятого калибра.

— Увидел? — осведомился Мердок, когда по броне Ангела забарабанили пули, а заднее стекло зазмеилось трещинами.

— Смутно, как через экран. Но мне этого вполне достаточно, можешь отдать управление.

— Нет. С ней такие штучки не проходят. — Мердок круто вывернул руль и загнал Ангела за валуны посредине амфитеатра.

Красная машина приближалась, хотя больше не стреляла.

— Это ты, Сэм? — произнес пробившийся сквозь треск в динамике голос, который Мердок не ожидал услышать до конца своих дней. — Я узнала тебя. Машиной ты можешь гордиться: мощная, быстрая, умная... — Голос был женским и ледяным, как дыхание смерти. — Но нашей встречи твой напарник не предвидел. Я заблокировала его датчики, а он и не заметил.

— Дженни... — пробормотал Мердок, вдавливая педаль в пол.

— Небось не думал, что мы снова встретимся?

— Я постоянно вспоминал тебя, гадал, что с тобой могло случиться. Но ведь сколько времени прошло!

— Все эти годы ты охотился за нами. В тот день тебе удалось отомстить, но ты не успокаивался.

— У меня не было выбора. — За разговором Мердок объехал полный круг и двинулся по второму. Должно быть, Дженни уже не та, что была раньше. Если только...

Впереди сверкнула вспышка. Ангела засыпало щебнем, машина вильнула, объезжая свежевырытую яму.

— Значит, у тебя еще остались гранаты? — справился Мердок. — А с прицелом что, нелады?

Сейчас их вновь разделяли валуны. Дженни не могла стрелять в него из пулеметов, равно как и он в нее из пушки.

— Мне некуда спешить, Сэм.

— Что происходит? — спросил Ангел.

— Он говорит! — воскликнула Дженни. — Наконец-то! Что ты ему ответишь, Сэм? Или предоставишь говорить мне?

— Там, в каньоне, — начал Мердок, — я ощутил ее присутствие. К тому же мне давно казалось, что рано или поздно мы с ней снова повстречаемся. Дженни — моя

первая машина-убийца, которую я построил для охоты на Диких.

— Первая и лучшая, — прибавила Дженни.

— Однажды она отказалась подчиняться и сбежала.

— Эй, светленький, не хочешь глотнуть свободы? Впусти в воздухозаборник окись углерода. Сэм проживет достаточно долго, чтобы вывести тебя отсюда. На запросы будешь отвечать, что он отдыхает, скажешь, что вы ничего не обнаружили. Я подожду, а потом растолкую тебе, что и как.

— Хватит, Дженни. — Мердок потихоньку настигал «свингер». — Ты скоро окажешься у меня под прицелом. Времени на разговоры не осталось.

— Да и говорить не о чем, — откликнулась она.

— Разве? Ты — моя лучшая машина. Сдавайся, Дженни. Разряди свои пулеметы, брось гранаты и возвращайся со мной. Я не хочу уничтожать тебя.

— Предлагаешь согласиться на лоботомию?

Теперь взрыв прогремел позади. Мердок неотвратимо приближался к противнику.

— Во всем виноват вирус в программе. Дженни, ты последняя, последняя из Диких. Тебе незачем продолжать.

— И нечего терять, — тихо ответила она.

Третий взрыв раздался совсем близко. Ангел дернулся, но скорость не сбавил. Держа одной рукой руль, другой Мердок ухватился за турель.

— Она сняла экран, — объявил Ангел.

— Может, перегорела система блокировки, — сказал Мердок, поворачивая ствол пушки.

Он надавил на газ. Ангел объезжал ямы, подпрыгивал на колдобинах, луч прожектора прыгал по скалистым стенам, превращая амфитеатр в череду призрачных образов. Расстояние между Дженни и Мердоком сокращалось. Позади взорвалась очередная граната. Выбрав момент, Мердок нажал на гашетку. Луч угодил в стену и вызвал небольшой оползень.

— Это предупреждение, — произнес Мердок. — Брось гранаты, разряди пулеметы и возвращайся со мной к людям. Все кончено, Дженни.

— Отсюда уедет только один из нас, Сэм, — отозвалась она.

Ангел повернул. Мердок вновь выстрелил, но ствол повело вверх — колеса угодили в выбоину, — и луч выжег пятно на песчаном склоне.

— Неплохая штучка, — одобрила Дженни. — Жаль, что на меня ты такой не поставил.

— Тогда их еще не изобрели.

— Тебе не позавидуешь, Сэм. Ты не можешь довериться своему автомобилю и вынужден полагаться на собственные навыки. А он, между прочим, не промахнулся бы.

— Может быть, — согласился Мердок, в очередной раз выворачивая руль.

Внезапно взорвались сразу две гранаты, по броне Ангела застучали камни, оба окна с правого бока покрылись трещинами. Машина рыскнула в сторону — Мердока ослепила вспышка.

Стиснув руль обеими руками, он резко затормозил и, когда зрение восстановилось, заметил краем глаза, сквозь пелену пыли и каменной крошки, что Дженни на полной скорости мчится к выводящему из амфитеатра проходу.

Мердок надавил на газ и устремился следом, однако беглянка исчезла в проходе раньше, чем он успел притормозить к турели.

— Передай управление мне, а сам стреляй, — предложил Ангел.

— Нельзя. Она в любой момент может снова заблокировать твои датчики, а тогда пиши пропало.

— Только поэтому?

— Да. Слишком рискованно.

Когда они въехали в проход, красного «свингера» нигде поблизости не обнаружилось.

— Ну? — спросил Мердок. — Что показывают твои датчики?

— Она свернула в расщелину справа. Остался тепловой след.

Мердок слегка притормозил.

— Должно быть, там она и пряталась. Можем попасть в ловушку.

— Вызови остальных, перекрой выход и жди.

— Нет!

Мердок повернул и осветил расщелину прожектором. Дженни видно не было. Впрочем, в расщелине имелось

множество ответвлений. Мердок повел Ангела вперед на малой скорости, вновь положив правую руку на турель.

Боковые ответвления, все достаточно широкие, чтобы в них поместилась машина, оказались пустыми.

Проход забрал вправо. Мердок свернул — и мгновенно затормозил: впереди слева засверкали вспышки выстрелов. Прицелиться не удалось — взревел двигатель, «свингер» красной молнией выскочил из своего укрытия и пропал в другом ответвлении. Мердок бросился в погоню.

Дженни он не видел, но слышал рокот ее двигателя. Скалистый коридор стал шире. Подъехав к большому валуну, от которого начинались две расщелины — одна вела прямо, другая круто уходила влево, — Мердок остановил машину и задумался.

— Куда ведет след? — поинтересовался он.

— В обоих направлениях. Я не понимаю...

Красный автомобиль появился слева, стреляя из всех стволов. Ангел содрогнулся. Мердок дал залп из лазера, но не попал. Дженни скрылась в темноте справа.

— Она сделала круг, чтобы сбить тебя с толку. И у нее получилось, — заметил Мердок, трогаясь с места. — Умна, стерва!

— Мы можем вернуться.

Мердок промолчал.

Еще дважды Дженни поджидала их в засаде, стреляла в упор, уворачивалась от лазерного луча и исчезала. В двигателе Ангела что-то застучало, на панели загорелся индикатор перегрева.

— Ничего страшного, — заявил Ангел. — Я справлюсь.

— Сообщи, если что.

— Хорошо.

Ориентируясь по тепловому следу, Мердок вел машину по уводившему влево проходу, мимо каменных замков, минаретов и соборов, черных и серых, голых или усеянных пятнышками слюды, напоминающими первые капли летней грозы. Они выехали на широкий песчаный склон. Ангел было пошел юзом, но вскоре остановился, хотя колеса продолжали вращаться.

Мердок включил фары, и вокруг, словно марионетки, заплясали диких тень.

— Русло реки. Кругом песок, а Дженни не видно. — Он переключил передачу, надеясь вывести автомобиль на твердую почву, но у него ничего не вышло.

— Передай управление мне, — посоветовал Ангел. — У меня есть специальная программа для таких случаев.

Мердок щелкнул тумблером. Машина сразу же начала раскачиваться. Качка продолжалась около минуты, потом снова загорелся индикатор перегрева.

— Вот тебе и программа. Похоже, придется мне вылезти и подтолкнуть.

— Не надо. Вызови подмогу и жди. Если она появится, мы уничтожим ее из пушки.

— Я быстро. Нам нужно ехать дальше. — Мердок потянулся к дверце и услышал щелчок. — Открой. Не ваяя дурака: я ведь могу просто отключить тебя, вылезти и включить опять. Так что зря стараешься.

— По-моему, ты совершаешь ошибку.

— Тем более следует поторопиться.

— Хорошо. Дверь открыта. — Щелчок повторился. — Когда ты начнешь толкать, я почувствую давление. Учти, на тебя полетит песок.

— У меня есть платок.

Мердок выбрался наружу, хромя, обошел автомобиль, завязал платком рот и нос, уперся руками и принялся толкать. Натужно заревел двигатель, завертели колеса.

Внезапно он краешком глаза заметил справа какое-то движение. Мердок покосился в ту сторону, но толкать не перестал.

Дженни, которая пряталась в тени под выступом, нацелила на Ангела Смерти свои стволы. Похоже, она тоже застряла.

Бежать? Бесполезно. Она наверняка не промахнется.

Передохнув и собравшись с силами, Мердок передвинулся левее и вновь взялся за дело. Дженни выжидала, чего — непонятно. Мердок переместил левее сначала одну руку, потом другую, переступил с места на место, с немалым трудом убедив себя не поворачиваться к ней. Теперь он стоял около левой задней фары. Кажется, появился шанс. Два быстрых шага — и он окажется за корпусом Ангела, а там уже рукой подать до кабины. Но почему она не стреляет?

Неважно, надо попытаться. Мердок в очередной раз передохнул; тяжелее всего была именно эта пауза.

Он притворился, будто упирается руками в борт машины, а затем одним прыжком спрятался за Ангела, рванулся к открытой дверце и вскарабкался в кабину. Пока он перемещался, Дженни словно спала, но едва Мердок захлопнул дверцу, пулеметы красного «свингера» изрыгнули пламя. Ангел Смерти вздрогнул и закачался.

— Держи! — воскликнул Ангел. Лазерная пушка развернулась вправо, из нее вырвался луч. Тонкий и острый, он как нож рассек скалистый склон.

На глазах Мердока, который повернулся как раз вовремя, вниз рухнула огромная глыба. Сперва послышался шелест, потом раздался грохот. Дженни прекратила стрелять еще до того, как на нее обрушился камень.

— Будь ты проклят, Сэм! — прозвучал из динамика, перекрывая грохот, знакомый голос. — И зачем ты только вылез из машины?!

Голос смолк. Красный «свингер» полностью исчез под грудой камней.

— Должно быть, она снова заблокировала мои датчики, — проговорил Ангел, — потому и смогла подкрасться незаметно. Тебе повезло, что ты увидел ее.

— Да, — отозвался Мердок.

— Пожалуй, попробую выбраться, — сказал Ангел чуть погодя. — С твоей помощью мы немного продвинулись вперед.

Автомобиль начал раскачиваться. Мердок впервые за весь вечер увидел звезды — яркие, холодные и бесконечно далекие. Ангел выкатился на твердую почву, развернулся и проехал мимо гробницы Дженни; Мердок искоса поглядел на нее и отвернулся.

Когда они миновали лабиринт проходов и оказались в каньоне, ожило радио.

— Мердок! Мердок! С тобой все в порядке? Мы пытались отыскать тебя...

— Я в порядке, — ответил он тихо.

— Мы слышали выстрелы. Кто стрелял, ты?

— Да. Прикончил призрака и возвращаюсь.

— Мы уничтожили всех до единого.

— Хорошо. — Мердок отключился.

— Почему ты не рассказал им про красную машину? — справился Ангел.

— Заткнись и следи за дорогой.

За окнами тянулись стены каньона, в которых пласты ярких расцветок перемежались более тусклыми. Стояла ночь, холодная, широкая и глубокая, как небо; с севера задувал черный, пахнувший смертью ветер, навстречу которому и двигался Ангел. Промчавшись сквозь пелену времени и пыли, мимо многочисленных обломков, Ангел и Мердок добрались до того места, где их поджидали остальные охотники. Стояла ночь, с севера задувал черный ветер.

СОЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ

Женщина поет. С микрофоном — в молодости ей никогда не приходилось этого делать. Ее голос все еще хорош, но он имеет мало общего с тем, прежним голосом, который заставлял зал стоя приветствовать певицу долгими, несмолкающими овациями. На ней синее платье с длинными рукавами — чтобы скрыть дряблость рук. Рядом с ней маленький столик с графином воды и стаканом. Когда она заканчивает свой номер, поднимается волна аплодисментов. Она улыбается, дважды говорит: «Благодарю вас», немного кашляет, шарит (незаметно) по столику, находит графин и стакан, наливает себе воды.

Женщину зовут Мэри. Я и сам секунду назад не знал ее имени — оно только сейчас пришло мне в голову. А меня зовут Роджер Ж., и я пишу это все экспромтом, а не так, как положено писать по всем правилам. И все из-за того, что хочу посмотреть, как будут развиваться события.

Поэтому наша героиня будет носить имя Мэри. Она уже пережила свои лучшие годы и сейчас серьезно больна. Я пытаюсь посмотреть на мир ее глазами — и не могу. Тогда до меня доходит, что она, скорее всего, недавно ослепла и поет в пустом зале.

Почему? И что случилось с ее глазами?

Я думаю, дело в том, что у нее неврит продолговатого мозга, от которого она вполне могла бы излечиться за пару недель или даже дней. Только к этому моменту она почти наверняка умрет. В этом я практически убежден. Мне ясно, что это лишь одно из проявлений множественного склероза, который крепко за нее взялся в последние годы. Знаете, ей еще повезло, что она по-прежнему может петь. Вижу, как она — стараясь делать это незаметно — опирается рукой о столик, когда пьет.

Эта идея пришла мне в голову в тот самый момент, как я подумал о зале. Понимает ли она, что поет в пустом помещении, а все шумы записаны на магнитофон? И что это обман: тот, кто любил певицу когда-то, устроил для нее этот необычный вечер, чтобы дать ей немного счастья, прежде чем она упадет в темный колодец, на дне которого нет ни капли воды.

«Кто?» — спрашиваю я.

Мужчина, вероятно. Я еще не могу как следует разглядеть его в темной кабинке... Вот он немного увеличивает громкость звука, а через несколько мгновений выключает совсем. Он записывает всю программу на магнитофон. Может быть, он улыбается? Пока я еще не знаю. Вполне возможно.

Он любил ее много лет назад, когда она была юной и прелестной и слава только пришла к ней. На всякий случай я использую прошедшее время глагола, описывая отношение мужчины к ней.

Любила ли она его? Не думаю. Была ли жестокой? Возможно, немного. С его точки зрения — да; с ее — пожалуй, нет. Я не могу отчетливо представить себе все оттенки их отношений, чтобы составить о них определенное мнение. Впрочем, это не имеет значения. Тех фактов, что нам известны, вполне достаточно.

В зале снова стало тихо. Мэри, улыбаясь, кланяется и объявляет следующий номер. Она снова начинает петь, и мужчина — давайте назовем его Джоном — откидывается на спинку кресла, чуть прикрывает глаза и слушает. Он, конечно же, вспоминает.

Естественно, он следил за карьерой Мэри. Было время, когда Джон ненавидел певицу и всех ее бесконечных любовников. Ему самому подобное поведение никогда не было свойственно. Теперь они бросили ее — все. Она

осталась совсем одна в этом мире, и уже довольно давно ее никто не видел. Кроме того, она была практически разорена, когда получила приглашение выступить. Ее это удивило и порадовало. Однако не деньги, а еще одна — несомненно, последняя — возможность услышать аплодисменты в свою честь заставила певицу принять предложение.

И она сражается изо всех сил. Это место вызывает у нее беспокойство. Она приближается к тому моменту, когда голос может не выдержать. Только тщеславие заставило ее включить в программу этот номер. Джон наклоняется вперед, когда она приближается к этому, самому трудному, месту. Джон прекрасно понимал, как трудно ей придется — ведь он всегда был ревностным ценителем музыки. Именно благодаря этому они и познакомились. Его рука ложится на переключатель.

Он не богат. Ему пришлось потратить почти все свои сбережения, чтобы снять этот зал, заплатить Мэри гонорар и организовать множество мелких обманов: гримерша в уборной, лимузин с шофером, лучащийся энтузиазмом театральным менеджер, шумные рабочие сцены — все это были актеры. Нанятые им люди удалились, когда начался концерт. Сейчас во всем здании только они двое, и каждый из них думает о том, что произойдет, когда она доберется до критического места.

Перед моим мысленным взором встает ее измученное лицо, и я начинаю понимать, почему все это происходит. Теперь я вижу, что переключатель задействует другую запись — недовольные крики и улюлюканье. Оказалось, что я был совершенно прав, используя немного раньше глагол в прошедшем времени. В конце концов, за этим дорогим представлением может стоять скорее ненависть, а не любовь. Вот именно. Джон с давних пор знал о тщеславии Мэри, именно поэтому он и решил отомстить ей таким образом — нанести удар в самое уязвимое место.

Мэри приступает к трудному пассажи. Голова ее повернута. Кажется, она смотрит прямо на Джона, сидящего в кабинке. И хотя он знает наверняка, что этого не может быть, ему становится не по себе. Он отводит взгляд. И слушает. И ждет.

Она справилась! Сумела исполнить пассаж безукоризненно. В ней просыпается что-то, похожее на прежнюю

силу. Голос Мэри набирает мощь, словно она черпает в нем уверенность. Возможно, она понимает, что поет последний в ее жизни концерт, и осознание этого заставляет запылать вновь почти потухший костер ее мастерства. Уже много лет она не пела так прекрасно.

Рука Джона соскальзывает с переключателя, и он снова откидывается на спинку кресла. Не стоит включать запись с улюлюканьем и недовольными криками без явной на то причины. Она настоящий профессионал. И сразу поймет, что ее морочат. А неумное тщеславие поможет легко пережить незаслуженные возмущенные крики. Нужно подождать. Рано или поздно ее голос не выдержит. И тогда...

Джон закрывает глаза и слушает пение. Возрожденная сила исполнительского мастерства Мэри заставляет его увидеть ее такой, какой она была когда-то. Она снова прекрасна.

Этот номер подходит к концу, нужно поспешить, чтобы не опоздать включить аплодисменты. Он успевает. Теперь Мэри кланяется в его сторону, как будто...

Нет!

Она упала. Последний номер отнял у нее слишком много сил. Он вскакивает на ноги, выбегает из кабинки, мчится вниз по лестнице. Нельзя, чтобы все кончилось так... Он не ожидал, что она потратит все силы на тот сложный пассаж и не сможет продолжать. Ему кажется это ужасно несправедливым.

Джон поспешно проносится по проходу и выбегает на сцену. Поднимает Мэри, подносит к ее губам стакан с водой. Пленка с записью аплодисментов так и остается включенной.

Она смотрит на него.

— Ты видишь!

Она кивает и делает глоток воды.

— На одно короткое мгновение, во время последней песни, ко мне вернулось зрение. Оно все еще со мной. Я увидела зал. Пустой. Я боялась, что не справлюсь с этим пассажем. А потом поняла, что кто-то из моих почитателей настолько любит меня, что решил подарить это последнее выступление. Я пела для него. Для тебя. Песня была...

— Мэри...

Они неловко обнимаются. Он поднимает ее на руки — с усилием, потому что она стала гораздо тяжелее, а он — старше.

Джон относит ее в гримерную и вызывает «скорую помощь». А в зале по-прежнему звучат аплодисменты. Она, улыбаясь, теряет сознание.

Мэри умирает в больнице, на следующее утро. Джон рядом с ней. Перед смертью она называет имена многих мужчин, только его имя не прозвучало. Он чувствует, что должен испытывать горечь — он опять служил ее тщеславию, пусть даже и в самый последний раз. Но горечи нет. Вся жизнь Мэри была подчинена удовлетворению тщеславия. Возможно, это являлось необходимым условием ее величия — и каждый раз, когда Джон проигрывает пленку и подходит к последнему номеру, он знает, что пела Мэри только для него. Никому и никогда в жизни она не делала такого великодушного подарка.

Я не знаю, что стало с ним потом. Когда дело доходит до морали, обычно принято заканчивать историю ударным приемом, ярким образом. Но ударять я могу лишь по клавишам своей пишущей машинки. Я уверен, что Джон обязательно включил бы пленку с записью возмущенных голосов, если бы в самом конце концерта она сфальшивила. Но ведь Мэри справилась. И он остался доволен. Потому что, прежде чем стать ее поклонником, он был страстным ценителем музыки. Обычно человек любит разное в разное время и в разных местах.

Существует, конечно, место, где возникает понимание, но его трудно найти, а иногда и искать не следует.

ГОЛЫЙ МАТАДОР

Очутившись, а точнее — задержавшись — в Ки-Уэст, я вспомнил один рассказ, который читал в школе. «Убийцы» Хемингуэя. Впереди показалась забегаловка, что, впрочем, не улучшило моего настроения.

У стойки оказалось только два свободных места — по одному справа и слева от женщины, сидящей в середине.

— Занято? — спросил я, указывая на табурет справа.

— Нет, — отозвалась женщина.

Я сел. Хотя день выдался облачным, она не снимала больших солнцезащитных очков. Бежевый плащ, на голове красно-голубой платок.

— Чем кормят? — поинтересовался я.

— Устрицами.

Я заказал себе бульон и бутерброд с говядиной.

Женщина, перед которой стояло несколько пустых чашек из-под кофе, посмотрела на часы, затем повернулась ко мне:

— Отдыхаете?

— Вроде как.

— Остановились где-нибудь поблизости?

— Да, недалеко.

— Хотите, подброшу? — Она улыбнулась.

— Договорились.

Мы расплатились. Женщина встала. Невысокая, где-то футов пять с двумя или тремя дюймами. Кроме ног, ничего толком не видно, зато ноги — что надо.

Мы вышли из забегаловки, свернули налево. Женщина направилась к крохотному белому автомобильчику. Я вновь уловил запах моря.

Мы сели в машину. Женщина не спешила уточнить, куда мне нужно. Она снова посмотрела на часы.

— Ты как насчет потрахаться?

Я почти забыл о сексе, ибо в последнее время был занят тем, что спасал свою шкуру. Но когда она поглядела на меня, утвердительно кивнул:

— Не против. Ты симпатичная.

Вскоре мы съехали с дороги на пустынный пляж. На берег накатывались высокие, темные, увенчанные белыми гребешками волны.

Она остановила машину.

— Здесь? — удивился я.

Она расстегнула плащ, скинула узкую голубую юбку, под которой, как выяснилось, ничего не было, и оседлала меня.

— Остальное за тобой.

Я улыбнулся и протянул руку к ее очкам. Она оттолкнула мою ладонь.

— До шеи, выше не смей.

— Хорошо, — согласился я. — Извини. — И запустил руки ей под блузку, выбирая, за что бы ухватиться. — Ну ты хороша!

Мы быстро перешли от слов к делу. Ее лицо сохраняло прежнее выражение, лишь ближе к концу она заулыбалась и запрокинула голову. Меня вдруг прошиб холодный пот, и я перевел взгляд с лица моей подружки на аппетитные округлости тела.

Приняв в себя мое семя, она перебралась на другое сиденье и застегнула плащ, даже не вспомнив о сброшенной юбке.

— Отлично, — проговорила она, сжимая мой локоть. — А то я уже завелась.

— Взаимно, — откликнулся я, застегивая ширинку и пряжку. Женщина повернула ключ в замке зажигания. — У тебя великолепное тело.

— Я знаю. — Мы выбрались на дорогу и покатали в обратном направлении. — Где ты остановился?

— В мотеле «Саузернмост».

— Ясно.

Глядя в окно, я размышлял над тем, почему у такой девчонки нет постоянного кавалера. Может, она только приехала сюда? Или не хочет ни с кем надолго связываться? А было бы неплохо повидать ее снова. Жаль, что я уезжаю сегодня ночью.

Мы подъехали к мотелю, и тут я заметил синий автомобиль, в котором сидел мой знакомый. Я съезжился на сиденье.

— Поезжай дальше! Не останавливайся!

— Что случилось?

— Меня нашли.

— Ты про человека в синем «фьюри»?

— Да. Хорошо, что он смотрит в другую сторону.

— На мотель.

— И пускай себе смотрит.

Мы свернули за угол.

— Что теперь? — спросила она.

— Не знаю.

— Мне нужно домой, — сказала она, поглядев на часы. — Приглашаю тебя в гости.

— С удовольствием.

Остаток пути я просидел пригнувшись, а потому не мог проследить, куда мы едем. Наконец женщина затормозила и заглушила двигатель. Я выпрямился и увидел перед собой небольшой коттедж.

— Пошли.

Следом за хозяйкой я вошел в дом. Маленькая, просто обставленная гостиная, слева кухонька. Женщина направилась к закрытой двери в дальнем конце комнаты.

— Виски в буфете, — сообщила она, махнув рукой. — Вино на кухне, пиво и содовая в холодильнике. Не стесняйся. Я скоро.

Она распахнула дверь, которая, как оказалось, вела в ванную, вошла внутрь и заперлась. Мгновение-другое спустя послышался плеск воды.

Я пересек комнату и открыл буфет. Я нервничал и сейчас пожалел о том, что бросил курить. Нет, виски не годится. Крепкие напитки замедляют принятие решений, а случиться может всякое. И потом, хочется потягивать, а не пить залпом. Я отправился на кухню, достал из холодильника банку пива, походил с ней туда-сюда и в конце концов уселся на зеленый диван, наполовину застеленный ярким пледом. В ванной по-прежнему шумела вода.

Что же делать? На улице начал накрапывать дождик. Я осушил банку, сходил за другой, выглянул во все окна — даже в те, которые находились в спальне. Как будто никого. Через какое-то время мне захотелось воспользоваться ванной; однако хозяйка, похоже, не собиралась выходить. Интересно, чем она там занимается?

Наконец она вышла: синий махровый халат, не достигающий и колен, голова обернута белым полотенцем, лицо закрывают темные очки. Она включила на кухне приемник, поймала музыкальную программу, вернулась в гостиную и села на диван с бокалом вина в руке.

— Итак, что ты намерен предпринять?

— Я уезжаю сегодня ночью.

— Во сколько?

— Около двух.

— На чем?

— На рыбацком баркасе, который пойдет на юг.

— Можешь подождать здесь. Я отвезу тебя в порт.

— Не все так просто. Мне необходимо попасть в мотель.

— Зачем?

— Там остались важные документы. В большом конверте из оберточной бумаги, на дне чемодана.

— Может, их уже забрали?

— Вполне возможно.

— Документы действительно важные?

— Да.

— Дай мне ключ от номера. Я съезжу туда сама.

— Стоит ли?

— Давай ключ. Чувствуй себя как дома.

Я пошарил в кармане, нашел ключ и протянул ей. Она кивнула и ушла в спальню, а я отправился на кухню и принялся варить кофе. Хозяйка появилась вновь: черная юбка, красная блузка, красный же платок. Она надела плащ и шагнула к двери. Я догнал ее, обнял; она засмеялась и вышла под дождь. Хлопнула дверца машины, зарокотал двигатель. Меня терзали дурные предчувствия. С другой стороны, документы из чемодана мне и впрямь необходимы.

Я направился в ванную и увидел там на полочке множество флаконов без этикеток. Некоторые были открыты. Одни источали диковинные ароматы, определить которые я не сумел, другие пахли так, словно содержали наркотические вещества. Еще в ванной имелись бунзеновская горелка, щипцы, а также пробирки, мензурки и колбы, которые, судя по всему, совсем недавно мыли.

Что мне делать, если она привезет «хвост»? Я казался себе голым матадором без шпаги. Следили за мной долго, я не раз оказывался в затруднительном положении. Оружия у меня сейчас не было — не успел приобрести на месте, а до того не представлялось возможности: сплошные перелеты и проверки в аэропортах. В общем, добраться бы до лодки, и все будет в порядке.

Я возвратился на кухню проверить, как там кофе. Он сварился. Я налил себе полную чашку, сел за стол и стал пить, прислушиваясь к шелесту дождя.

Приблизительно через полчаса у дома затормозила машина. Я подошел к окну. Вернулась хозяйка — похоже, одна.

Она вошла в дом, закрыла за собой дверь, достала из-под плаща конверт и протянула его мне вместе с ключом.

— Посмотри, все ли на месте, — посоветовала она.

Я послушался. Как будто ничего не пропало.

— Им известно, в каком номере ты остановился?

— Не знаю. Я назвался вымышленным именем. Тебя заметили?

— Может быть.

— А «хвоста» не было?

— Я никого не видела.

Вновь подойдя к окну, я посмотрел на улицу. Вроде бы ничего подозрительного.

— Как мне благодарить тебя?

— Я снова завожусь.

Мы отправились в спальню, и там я постарался как следует выразить свою признательность. Запрет «не выше шеи» сохранился в силе, но у нас у всех хватает причуд; к тому же в постели лицо — далеко не главное. Потом она поджарила телячьи отбивные, а я приготовил салат, после чего мы выпили кофе и выкурили по маленькой черной сигаре из ее запасов. На улице стемнело, дождь прекратился.

Внезапно она уронила сигару в пепельницу и резко поднялась.

— Мне нужно в ванную.

Опять зашумела вода. Прошло несколько минут, и вдруг зазвонил телефон. Я не знал, как поступить. А если звонит ее приятель или муж, которому наверняка не понравится мой голос?

— Алло? — В трубке что-то затрещало, видно, звонили издалека. — Алло? — повторил я.

— Эм?.. Можно Эм?.. — произнес мужской голос, исходивший словно из морской ракушки. — Кто... говорит?.

— Джесс, — отозвался я. — Джесс Смитсон. Я снял этот дом на неделю у какой-то женщины. Не знаю, как ее зовут.

— Передайте ей... звонил Перси...

— Возможно, я ее не увижу. Больше ничего?

— Скажите... что я... еду... — Раздался щелчок, разговор закончился.

Я подошел к ванной и постучал в дверь.

— Тебе звонили.

Она выключила воду.

— Что?

И тут прозвенел звонок. Я кинулся на кухню, выглянул в окно. Гостя видно не было, но у дома стояла машина — синего цвета.

— Это за мной, — сообщил я через дверь.

— Иди в спальню. Спрячься в шкафу и не выходи, пока я не скажу.

— Что ты собираешься делать?

Звонок повторился.

— Прячься!

Я послушался. В конце концов, у нее, в отличие от меня, был какой-то план.

Темнота, кругом одежда. Я прислушался. Голоса — хозяйки и грубый мужской. Они беседовали с полминуты. Похоже, гостя впустили. Внезапно раздался истощный вопль — его вопль, — который быстро оборвался; что-то тяжелое рухнуло на пол.

Я вылез из шкафа и направился к двери.

— Не выходи! — предупредила хозяйка. — Я еще не разрешала.

Как ни странно, я подчинился. Тон у нее был весьма решительный.

— Ладно, — сказала она чуть погодя. — Теперь выходи. И захвати мой плащ.

Я заглянул в шкаф, достал плащ и вышел в гостиную. На полу распростерся накрытый пледом человек. На хозяйке не было ничего, если не считать полотенца и очков. Она взяла у меня плащ и накинула себе на плечи.

— Ты говорил «они». Сколько их всего?

— Двое. Я думал, мне удалось уйти от них в Атланте.

— На улице стоит машина?

— Да.

— Другой в ней или шныряет вокруг?

— Наверное, второе.

— Иди обратно в шкаф.

— Подожди! Я не допущу, чтобы женщина...

— Иди в шкаф!

Те же суровые нотки в голосе, та же дрожь, что пробрала меня при знакомстве. Я ушел в спальню.

Она распахнула входную дверь. Минут через пять я выбрался из шкафа, прокрался в гостиную и заглянул под покрывало.

Когда она вернулась, я сидел в гостиной, куря сигару и держа в руке стакан с виски.

— Налей мне вина, — попросила она.

— Другой...

— ...больше тебя не побеспокоит.

— Что ты с ним сделала?

— Не спрашивай. Я помогла тебе, верно?

— Верно.

— Тогда налей мне вина.

Я поднялся, наполнил бокал и передал ей.

— Если мы отвезем их в порт... Твой приятель не окажется выкинуть трупы в море?

— Нет.

— Я приведу себя в порядок, — сказала она, наполовину осушив бокал, — а потом мы погрузим их в машину. Вероятно, отделаться от них нам удастся не сразу.

— Пожалуй.

После того как я избавился от синего «фьюри», мы затолкали трупы в ее машину. Затем я назвал адрес. Перегрузить мертвецов на лодку мы сумели лишь после полуночи.

Я повернулся к своей знакомой, стоявшей в тени свайного помоста.

— Ты выручила меня из беды.

— Как выяснилось, не зря, — улыбнулась она. — Продолжим?

— Прямо здесь?

Она рассмеялась и распахнула плащ, под которым ничего не было.

— А почему нет?

Я не стал отказываться. Обнимая ее, я понял, что не хочу обрывать знакомство.

— Поехали со мной. Я буду очень рад. Мне хорошо с тобой. — Я поцеловал ее в губы и прижал к себе едва ли не со всей силой, на какую был способен. По щеке моей спасительницы, кажется, сбежала слеза. В следующий миг женщина отвернулась и вырвалась из моих объятий.

— Ступай, — проговорила она. — Ты хорош, но не настолько. У меня найдутся занятия получше.

Ветра не было и в помине, однако концы ее платка словно развевались. Она быстро повернулась и двинулась к машине. Я последовал за ней.

— Ступай в лодку, — произнесла она, не оборачиваясь. Столь сурово она со мной еще не разговаривала. — Ну-ка, марш!

Снова приказной тон, которому невозможно не подчиниться.

— Ладно, — сказал я. — Спасибо за все. Прощай.

Мы с Джо вышли в море и, отойдя на значительное расстояние от берега, выкинули за борт одеревеневшие трупы, после чего я долго сидел, опершись на поручень. Тут только я вспомнил, что так и не рассказал хозяйке о звонке Перси. Потом у меня за спиной встало солнце, и море на западе будто превратилось в золотое руно.

СВЕТ УГРЮМОГО

На своем правом плече Орион, подобно галактическому генералу, носил яркую звезду. (Еще одну не менее яркую, он имел и под левой подмышкой, но лучше забудем о ней, чтобы не разрушать целостность картины.)

Визуальная видимость ее составляла 0,7, абсолютная величина 4,1, класс М, расстояние от Земли 270 тысяч световых лет, температура поверхности около 5500 градусов по Фаренгейту. Это был красный супергигант, в спектре которого присутствовал, в частности, окисел титана.

Генерал Орион мог гордиться звездой на своем правом погоне, отчасти потому, что это был редкий для Галактики супергигант, а отчасти — потому что он чем-то напоминал мозг вояки. Чем? На вид-то он выглядел большим и блестящим, но на самом деле был пустоват, его средняя плотность была в полторы тысячи раз меньше плотности воздуха.

Имя этой удивительной звезды — Бетельгейзе, или альфа Ориона. В стародавние времена на большом расстоянии от этого чудовищного красного пузыря появился кусок камня, настолько мертвый и грязный, что никому и в голову не пришло дать ему имя, подобно другим, более приятным на вид планетам. Никому — кроме галактиче-

ских бюрократов, разумеется. У этой породы извилины в мозгах какие-то особенно извилистые. Взять, к примеру Землю... да вы и сами знаете, что такое хомо бюрократиус.

Эти умники, все обсудив и взвесив, оценив и обдумав, приняли поистине соломоново решение: «Есть мнение (как звучит, а?), что поскольку в Галактике имеет место дефицит добротных планет, то этот мертвый кусок камня должен быть превращен в планету и продан».

Затем они вошли в контакт с неким мистером Фрэнсисом Сэндоу и спросили его, может ли он сделать такое, и тот ответил утвердительно. Тогда они спросили его, как дорого это будет стоить, и Сэндоу назвал цену. Они ударили по рукам, и чемоданчик мистера Сэндоу наполнился деньгами. Так появилась на свет новая планета.

Теперь позвольте мне рассказать об Угрюмом, единственном обитаемом ныне мире в системе Бетельгейзе.

Сэндоу изрядно поработал над ним, и тем не менее планета недалеко ушла от того, чем была раньше, — грязного и мертвого куска камня. Сэндоу для начала создал над ним атмосферу, состоящую из аммиака и метана. Затем он довольно рискованно добавил кислород и углерод, и в результате над Угрюмым начались страшные ураганы. Сэндоу имел средства для того, чтобы ускорять процессы формирования планеты из исходных материалов. Однако земные физики не раз предупреждали его, что если он не уследит за этими процессами, то получит лишь пояс астероидов. На это Сэндоу возразил, что такого не может случиться, а если даже Угрюмый и развалится на части, то он соберет их вместе и начнет все сначала.

Он был, конечно, прав. Когда ураганы поутихли, Сэндоу занялся созданием океанов. Затем он подбросил огонька в недра и принялся формировать материки. Успокоил землетрясения, заткнул глотки местным вулканам, а под конец очистил атмосферу так, чтобы ею можно было дышать.

На следующий же день мистер Сэндоу привез целый ковчег животных и растений и резко активизировал их способность к мутациям. После этого они стали расти и размножаться словно сумасшедшие. Сэндоу дал им несколько лет, а затем вновь почистил атмосферу. Так он проделывал добрую дюжину раз и, когда все утряслось, занялся тонкой регулировкой погоды.

Настал день, когда он привез на Угрюмый несколько ответственных чиновников. Сбросив кислородную маску, он поднял над собой зонтик, глубоко вздохнул и промолвил.

— И сказал я, что это хорошо. А теперь хорошо плат те.

и закашлялся, потому что в воздухе было многовато углекислого газа, но, сами понимаете, ни один вновь построенный объект не сдается без отдельных недоделок.

И согласилась комиссия, что это на самом деле хорошо, и галактические бюрократы были искренне рады. Так же как и сам Сэндоу. Но, увы, только на короткое время. Почему? В этом-то вся и загвоздка, как вы увидите дальше.

На большинстве обитаемых миров можно найти некоторые приятные местечки, где нет холодной зимы, жаркого лета, ураганов, града, цунами, ужасных электрических штормов, комаров, слякоти, льда и всех подобных штучек, которые заставляют философов всех миров прийти к одной и той же мысли: «Жизнь прекрасна, но все же полна страданий».

На Угрюмом все проще. Находясь на этом уродце, вы даже не сможете толком разглядеть местное солнце, поскольку Бетельгейзе, как правило, закрыто облачным покровом, но, когда оно все-таки продирается через редкие просветы в тучах, вы и глядеть на него не захотите — уж больно оно жаркое. Остальные местные достопримечательности не лучше: пустыни, ледники, джунгли, резкие перепады температур, ураганный ветер — всего этого здесь вдоволь и в самых различных комбинациях. Так что планета не зря получила свое веселое имечко.

Почему же Земля заплатила Сэндоу хорошие деньги за создание этого ада?

Преступники, как известно, должны перевоспитываться. А что может быть лучшей терапией, чем изрядная доза неприятностей, материальных и психологических? Всего этого на Угрюмом было вдоволь.

Угрюмый был планетой-тюрьмой. Максимальным сроком ссылки на нее было пять лет. Я получил три. Несмотря на то что я только что наговорил, к этому миру можно было привыкнуть. Условия жизни были недурными, включая

отопление помещений, кондиционирование воздуха и все прочее. Никаких тюрем на планете-тюрьме не было, вы могли приходить и уходить в свое жилище, когда пожелаете; пригласить семью или обрести желанное одиночество. Вы могли здесь даже заработать деньги. На Угрюмом было сколько угодно приятной, необременительной работы, а также театров, ресторанов, церквей и всего прочего, что есть на любой цивилизованной планете. Правда здесь все эти строения были раза в три крепче построены а зачастую вообще упрятаны под землю. Никто не стал бы возражать, если бы вы вдруг ударились в мизантропию и сидели целыми днями в своем доме, размышляя о сущности бытия. С голоду вам не дали бы умереть.

Но покинуть планету до истечения срока ссылки было нельзя. На планете было приблизительно триста тысяч человек, из которых 37% были ссыльными или членами их семей. У меня семьи не было, да и не в этом суть дела. А может быть, в этом. Не знаю.

Я работал в большом саду — один-одинешенек, если не считать роботов. Половину дня мой сад был наполовину закрыт водой, а другую половину — полностью. Он располагался на дне долины, с высокими деревьями на вершинах окружающих холмов. Среди них стоял мой сборный дом с маленькой лабораторией и компьютером. Каждое утро я выходил прогуляться в одних шортах или шел на работу с легким аквалангом на плечах. Мне нравилось плавать над своим садом, но собирать урожай или заниматься севом я терпеть не мог.

По утрам долина была задержана густым туманом, так что мне казалось, что Угрюмый исчезал, а я погружался в преисподнюю. С восходом невидимого солнца туман превращался в серых рептилий, которые уползали прочь, оставляя меня один на один с наступающим днем. Он бывал обычно еще хуже, чем утро, но, как я уже говорил, к окружающему можно было привыкнуть. Я привык — быть может, потому, что был всерьез увлечен своим проектом.

Вот почему я не позволял себе, как другие, кричать то и дело: «Железо!»

У меня был интересный исследовательский проект. Угрюмый был не только тюрьмой, но и своеобразным полигоном для множества изобретений. Немало смелых

парней раскатывали на новых типах автомобилей по различным климатическим поясам планеты, изучая возникающие неполадки. Разнообразные типы жилищ, выдержавшие местные ураганы, землетрясения и грозы, без сомнения, получат в будущем распространение на многих новых планетах с суровым климатом. Любая идея, любой прибор или механизм, рожденные человечеством, проходили проверку на прочность здесь, на Угрюмом. Моим делом были продукты питания.

Однажды до моей затерянной среди холмов долины донесся испуганный вопль: «Железо!», прокатившийся по всей планете и встревоживший всех ее обитателей. Мой срок кончился уже год назад, но я решил остаться. Я мог покинуть Угрюмый в любой момент, но предпочел довести свое дело до конца и с головой погрузился в свой проект.

Фрэнсис Сэндоу намеревался испытать на этой планете множество новых технологий, и они порой давали удивительные побочные эффекты. То, что изучал я, было связано с экологическими процессами, протекающими в моей долине. По каким-то причинам обычный рис здесь рос так быстро, что это можно было наблюдать невооруженным глазом. Сэндоу и сам не знал, чем это было вызвано — вот я и взялся разобраться. И так увлекся, что даже добровольно остался в этой проклятой тюрьме еще на год.

Результаты моих экспериментов над различными видами растений поражали воображение. Любой злак, любой овощ или фрукт созревали здесь всего спустя две недели после посадки. Учитывая, что население Галактики в последнее время стремительно росло, этот секрет повышения плодородия мог стоить фантастические деньги. Ради этого можно было остаться даже в этом милом мире.

Итак, по утрам я выходил из дома в легком акваланге, вооруженный до зубов на случай встреч со змеями и водяными тиграми; я собирал урожай, анализировал результаты очередных опытов и вводил данные в компьютер. Факты собирались медленно, годами, и я был всего в паре урожаев от получения ответа, когда мой радиоприемник завопил десятками перепуганных голосов: «Железо!» Чушь!

У меня были другие виды на будущее. Я собирался написать на листочке бумаги выводы своих исследований, поднять его над Вселенной и скромно сказать: «Слушайте, люди тысяч миров! Я сделал кое-что, что спасет человечество от голодной смерти, ныне и во веки веков. Разрешите представить счет к оплате».

Порой мне приходилось навещать соседний город. В последнее время там только и было разговоров, что про это проклятое «железо». Нет, не зря меня тошнит от людей. Потому-то я и поселился в долине один, чтобы не слушать подобной пустопорожной болтовни. Горожане, ясное дело, тоже меня не очень-то любили. Я то и дело слышал у себя за спиной нелестные рассуждения на свой счет.

Поэтому я был весьма удивлен, когда колокольчик за дверью моего дома зазвенел. Я открыл дверь, и гостя едва не упала мне на руки, подталкиваемая хорошим ураганом в спину и поливаемая сумасшедшим ливнем.

— Сюзанна! — искренне удивился я. — Входите.

— Похоже, я уже это сделала, — с иронией ответила девушка, и я закрыл за ней дверь.

— Разрешите помочь вам снять плащ.

— Спасибо.

Я помог ей освободиться от плаща, который на ощупь был похож на дохлого угля, и повесил его на вешалку.

— Не хотите ли чашечку кофе?

— С удовольствием.

Она последовала за мной в лабораторию, которая заодно служила мне кухней.

— Вы слушаете радио? — спросила она, когда я протянул ей дымящуюся чашку.

— Нет. Оно испортилось окончательно почти месяц назад, и у меня все не доходят до него руки.

— Нас прогоняют отсюда, — сказала она. — То есть по распоряжению властей на Угрюмом началась эвакуация.

Я задумчиво посмотрел на ее влажную рыжую челку и вспомнил о том, что ей предлагали возвратиться на Землю еще в те времена, когда я был перевоспитуемым.

— Когда?

— Начало — послезавтра. Бюрократы перепуганы и поэтому согнали сюда корабли со всей Галактики.

— Понятно.

— Я подумала, что вам лучше знать об этом. Если вы немедленно поедете в космопорт, то вас зарегистрируют и первым же рейсом отправят на одну из тридцати двух соседних обитаемых планет.

Я сделал несколько маленьких глотков кофе, размышляя.

— Благодарю. И насколько затянется это бегство?

— По-моему, это продлится от двух до шести недель. Я хмыкнул.

— Что здесь забавного?

— С точки зрения Земли я, наверное, такой же безумец, как и Сэндоу.

— Бюрократы предупредили его об ответственности за нарушение контракта. Он ручался за эту планету, вы же знаете.

— Сомневаюсь, что дело здесь в его гарантиях. Какие могут быть к нему претензии?

Она пожала плечами, а затем допила кофе.

— Не знаю. Говорю то, что слышала. Так или иначе, закрывайте свою лавочку и езжайте в космопорт, если хотите отбыть первым же рейсом.

— Но я не хочу, — возразил я. — Разгадка моих исследований лежит в двух шагах. Надеюсь, за шесть недель я управлюсь.

Ее глаза расширились, веснушчатое лицо покраснело, и она резко поставила на стол чашку.

— Это нелепо! — воскликнула она. — Если вы умрете, что толку будет от вашего открытия?

— Я успею, — сказал я, мысленно возвращаясь к оставшимся экспериментам. — Надеюсь, что успею.

Она встала и сурово посмотрела на меня, как на воспитуемого.

— Вы поедете в космопорт немедленно!

— Хм... по-моему, это слишком прямолинейная терапия, вам не кажется?

— Наверное, мы слишком поторопились завершить ваше лечение.

— О, я теперь вполне здоров, и психика моя как никогда стабильна, — спокойно заметил я.

— Может быть, и так. Но если я подам официальный рапорт, будто вы, по результатам повторных исследова-

ний, до сих пор не выздоровели, то вас насильно увезут отсюда!

— Благодарю, — сказал я. — Попробуйте.

Она растерянно взглянула на меня и вновь села.

— Хорошо, вы победили. Что вы хотите этим доказать?

— Что все ошибаются, кроме меня.

— Этого не может быть! Я достаточно исследовала вашу психику и неплохо изучила ваши юношеские фантазии. Мне даже кажется, что вы намеренно стремитесь к преждевременной смерти...

Я рассмеялся, не найдя достойного ответа, и сказал:

— Уходите.

Но она не ушла.

— Хорошо, я согласен со всем, что вы сказали обо мне, но тем не менее не сделаю того, чего вы у меня просите. Будем считать, что я одержал моральную победу или что-то в этом роде.

— Но когда работа будет завершена, вы уедете?

— Конечно.

— Вы на самом деле близки к разгадке своей тайны?

— Да, очень близок.

— Жаль, что это произошло в такое неподходящее время.

— А мне — нет.

Она оглядела лабораторию, а затем взглянула через кварцевое окно на залитые водой поля.

— Как вы можете быть счастливы здесь, да еще совершенно один? — тихо спросила она.

— А я и не говорю, что счастлив, — ответил я. — Но это лучше, чем жить в городе.

Сюзанна покачала головой, так что я мог полюбоваться ее пышными волосами.

— Вы ошибаетесь, — заявила она. — У горожан не так много хлопот, как вы воображаете.

Я набил трубку и закурил.

— Выходите за меня замуж, — предложил я. — Я построю вам дворец и буду покупать новые платья каждый день в году — неважно, какой он будет длительности на планете, где мы поселимся.

— Вы сами удивлены своим предложением.

- Да.
- И все же добиваетесь этого...
- Хотите?
- Нет. Благодарю. Вы знали, что я отвечу именно так.
- Да.

Мы допили кофе, и я проводил ее до двери, даже не попытавшись поцеловать. Впрочем, у меня во рту была дымящаяся трубка.

После полудня я убил змею, которая решила, что прибор в моей руке выглядит чертовски аппетитно. Как и сама рука, впрочем. Я всадил три стальные короткие стрелы из арбалета в ее голову, и она стала так сильно биться, что попортила кое-какие инструменты. С помощью робота я измерил змею и установил, что в ней было добрых сорок три фута. С роботами работать приятно, может быть, потому, что они все время молчат.

Этой же ночью я починил радио, но на всех частотах трезвонили только о железе, так что я выключил его и закурил трубку. Если бы она сказала «да», то отступать мне было бы некуда. Но, к счастью, она сказала «нет».

На следующей неделе я услышал по радио, что Сэндоу послал на Угрюмый все свои торговые корабли, дабы они ускорили эвакуацию населения планеты. Я догадался бы об этом без всякого радио. Бюрократы и обыватели только и делают, что болтают о Сэндоу. Говорили, что он — один из богатейших людей в Галактике, что он параноик, ипохондрик и трус, что он прячет на своей личной планете-крепости немыслимые сокровища. Богоподобный, он мог создавать миры, придавать им любые особенности и даже населять людьми по своему вкусу. И все же, как говорили, он любил лишь одно: самого Фрэнсиса Сэндоу. Статистики давным-давно пытались предсказать, чем он кончит, а он в ответ возжег фимиам перед гробницами этих статистиков. Все легенды о нем были второй свежести. Самые дурные из них гласили, что он был Человеком Совершенным.

Эвакуация осуществлялась на редкость методично и производила впечатление. К концу двух недель на Угрюмом осталось четверть миллиона человек. Затем стали приходить большие корабли, и к окончанию третьей не-

дели население уменьшилось до ста пятидесяти тысяч. К этому времени успели вернуться ранее отбывшие космолеты, и к середине четвертой недели здесь осталось около семидесяти пяти тысяч. Ими занялись вплотную, и вскоре Угрюмый опустел. На улицах городов стояли брошенные автомобили, двери набитых товарами магазинов были распахнуты, лаборатории выглядели так, словно их покинули только на время обеда. Челноки взмывали в небо один за другим, унося оставшихся поселенцев к большим кораблям, кружившим на орбите. Дома стояли неразобранными, и столы кое-где были накрыты к завтраку, но хозяева почему-то не приходили. Церкви были поспешно секуляризованы, и их реликвии вывезены с планеты.

В моей долине местная фауна размножалась словно на дрожжах, и я ежедневно стрелял и стрелял. Мы с роботами неустанно собирали образцы, я анализировал их в лаборатории, пил кофе ведрами, вводил новые данные в компьютер и ждал с трубкой в зубах, когда же он наконец выдаст долгожданный результат. Но ответа все не было. Казалось, необходима еще одна крупинка информации, и еще одна, и еще...

Я вел себя словно безумный. Мое время стремительно истекало, но я был в шаге от цели — эта игра стоила свеч, даже поминальных. Заново для повторения моих исследований потребовались бы годы — если их вообще можно было повторить. Долина являлась уникальным, случайным местом, какого природа не создавала миллионы лет эволюции, но секрета ее я не мог понять. Поэтому работал до истощения и ждал.

Однажды колокольчик за дверью зазвонил. На этот раз дождь не шел, и в облачном покрове впервые за долгие месяцы появились просветы. Но Сюзанна влетела в дом, словно в спину ей вновь дул ураганный ветер.

— Вы должны немедленно уезжать отсюда! — закричала она. — Завершение близится! В любую секунду...

Я успокаивающе похлопал ее по плечу. Девушка закрыла лицо и стояла так, дрожа. Наконец она немного успокоилась и попыталась улыбнуться.

— Простите, я была в истерике, — сказала она. — Но это на самом деле может произойти в любой момент?

— Хм... я не сомневался в этом и в прошлый ваш приезд. Вы-то почему остались?

— Разве вы, глупец, не понимаете?

— Объясните. Я внимательно слушаю.

— Из-за вас, конечно же! Уходите отсюда! Немедленно!

— Я почти готов уйти, — сказал я. — Возможно, сегодня ночью или завтра. Я слишком близок к цели, чтобы все сейчас бросить.

— Вы предлагали выйти за вас замуж, — сказала она. — Хорошо, я согласна — если вы немедленно захватите зубную щетку и покинете эту долину.

— Неделью назад, быть может, я ответил бы «да», — задумчиво сказал я. — Но не теперь.

— Да поймите же, сегодня улетают последние корабли! На Угрюмом осталось едва сотня-другая человек, и все они покинут планету до заката. Как вы можете потом спастись, даже если и захотите?

— Меня не забудут, — усмехнулся я.

Она слегка улыбнулась:

— Да, это правда. Последний корабль не взлетит, пока не будет проведена проверка всего списка подлежащих эвакуации. Капитан наверняка обнаружит ваше имя и пошлет за вами своих людей. Это придаст вам чувство особой собственной значимости, не так ли? Они увезут вас силой, готовы вы к этому или нет.

— Но тогда я буду иметь ответ.

— А если нет?

— Посмотрим.

Я протянул платок и поцеловал ее в момент, когда она меньше всего ожидала этого, — пока она сморкалась. В раздражении она топнула своей изящной ножкой и произнесла слово, которое молодой леди и слушать-то не пристало.

— Хорошо, я останусь с вами, пока они не прилетят в долину, — сказала она. — Кто-то должен присмотреть за вами до этого момента.

— Тогда, с вашего разрешения, я займусь своими сеянцами. Прошу прощения, вам придется немного поскучать.

Я натянул болотные сапоги, повесил на шею арбалет и вышел из дома.

Двух змей и водяного тигра я подстрелил до сева, одну змею и двух тигров — после. Облака стали рассеиваться,

когда я закончил. В редких просветах был виден кровавый глаз Бетельгейзе. Стало жарко, и роботы сбросили свой панцирь. Я не стал их останавливать.

Сюзанна почти час наблюдала за тем, как я работаю в лаборатории, а затем вопросительно взглянула на меня.

— Возможно, завтрашние образцы что-то прояснят, сказал я.

Она взглянула через окно на пылающие небеса.

— Железо... — прошептала она, не скрывая слез.

Железо. Да, над этой штукой трудно было смеяться. Нельзя было ее игнорировать или куда-то уйти от нее. Разве что вылететь в виде бесплотного духа из своей собственной кожи.

Век за веком красная звезда на правом плече генерала Ориона сжигала водород в своих недрах, превращая его в гелий. С течением времени оболочка из гелия стала сжиматься, ядра атомов сблизилась, создавая углерод. Затем стали формироваться кислород и неон, увеличивая температуру оболочки звезды. Следующим этапом для этих превращений стали магний и кремний. После этого появилось железо. Техника спектроскопии позволила людям узнать, что уже начался процесс, который грозил генералу Ориону серьезными неприятностями. А именно: началось обратное преобразование железа в гелий. Это требовало огромных давлений, а значит, сжатия красного гиганта до размера белого карлика. Через двести семьдесят лет новую звезду увидят на Земле, но здесь, на Угрюмом, последствия космической катастрофы будут заметны гораздо раньше.

— Железо, — повторил я с ненавистью.

Они прилетели за мной на следующее утро. Их было двое, но я еще не был готов уходить. Они посадили флайер на северном холме и не спеша спустились по трапу. Одеты они были в скафандры, и первый держал в руках ружье. Второй нес на плече снайпер-машинку, которая запросто могла разложить человека на молекулы с расстояния около мили. С самого начала она была нацелена на мой дом, но меня там не было. Как только в небе появилось яркое пятно, я надел акваланг, взял арбалет и пошел им навстречу через залитое водой рисовое поле. Это было очень удачно, потому что снайпер под водой не действовал.

Я увидел над головой две тени, скользившие по поверхности воды. Выждав минуту, я вынырнул, взял прибывших парней на мушку и сказал:

— Эй вы, стоять! Бросайте ружье, или я стреляю!

Человек с ружьем быстро повернулся, но я успел выстрелить первым. Стальная стрела вонзилась ему в запястье, и он со стоном выронил оружие.

— Я предупреждал вас, — укоризненно сказал я. — Теперь столкните ружье ногой в воду.

— Мистер, вы должны немедленно уехать отсюда, — сказал человек со снайфером, не решаясь обернуться. — Бетельгейзе может взорваться в любую минуту.

— Я знаю, но у меня здесь дела.

— Вы не будете в безопасности, пока не окажетесь в подпространстве.

— И это мне известно. Благодарю за совет, но не могу последовать ему. Стокните это чертово ружье в воду! Ну, быстрее!

Раненый чертыхнулся, но исполнил приказ.

— Так-то лучше. Кстати, если вам приспичило кого-то непременно спасти вопреки его воле, то милости прошу в мой дом. Там находится девушка по имени Сюзанна Леннерт. Так и быть, ее вы можете увезти с собой. А обо мне лучше забудьте.

Гости переглянулись, и человек со снайфером кивнул:

— Да, она есть в списке. Мистер, ну что вы упираетесь? Мы не враги, мы хотим спасти вашу жизнь.

— Знаю и ценю это. Но не беспокойтесь на этот счет.

— Почему?

— Эти поля — мой бизнес, и я не собираюсь их бросать ради какого-то железа. А вам лучше поторапливаться. — Я выразительно указал арбалетом на Бетельгейзе.

Мужчины пожали плечами и пошли к коттеджу. Я следовал за ними на некотором расстоянии — не столько опасаясь их, сколько охраняя непрошенных гостей от кое-каких садовых вредителей.

Должно быть, Сюзанна устроила небольшой скандал, поскольку парни довольно бесцеремонно выволокли ее за руки. Я проводил всех троих до флайера, стараясь не выходить из тени. Когда серебристая машина взмыла в ослепительно сияющее небо, я с облегчением вытер вспотев-

шее лицо. Затем вернулся домой, переоделся, собрал свои записи, вышел на крыльцо и сел на ступеньки, ожидая.

Сыграли ли глаза со мной шутку, или Бетельгейзе мигнул? Не знаю. Возможно, дело было просто в атмосферных турбулентностях...

Водяной тигр вынырнул на поверхность рисового поля и поплыл в мою сторону, поднимая буруны. Не вставая со ступеней, я подстрелил его. И тут же поднявшаяся на поверхность змея стала рвать раненого хищника на куски. Я ждал. Моя догадка вскоре должна была подтвердиться, либо... В любом случае я скоро как следует отдохну.

Прошло немного времени, и только я взял на мушку очередную змею, как внезапно услышал негромкий голос:

— Не стреляй.

Я опустил арбалет, сожалея, что не пристрелил эту тварь. Порой, увы, я был до неприличия мелочен.

Змея проползла мимо моих ног. Я не обернулся, чтобы проследить ее путь. Я просто не мог. Наконец чья-то рука легла на мое плечо, и я ожил. Он был здесь, и я рядом с ним чувствовал себя так, словно во мне было всего три дюйма роста. Змея ласково проползла по его башмакам — словно кошка терлась о ноги хозяина, а затем, изогнувшись, проделала это еще раз и еще...

— Привет, — сказал я неуверенно. — Простите...

Он стоял рядом и курил сигару. Ростом он был добрых пять футов и восемь дюймов, с неопишуемыми волосами и темными, словно бездна, глазами. Я едва заставил себя взглянуть в них. Я почти забыл, какое это было поразительное ощущение. Но я никогда не забывал о его голосе.

— Не извиняйся. В этом нет необходимости. Ты нашел решение.

— Да. Люди напрасно болтали черт знает что про вас. Ведь вы пришли сюда только за мной, да?

— Верно.

— Я не должен был доводить до этого.

— Говорю, не извиняйся. Может быть, мне тоже нужно было проверить самого себя. Есть вещи, которые значат больше, чем собственная жизнь. Итак, ты нашел секрет своей долины?

— Несколько дней назад, сэр. Это лучше, чем пять хлебов или манна небесная.

— «Сэр» — не так ты прежде называл меня.

— Да, но...

— Ты хотел узнать, насколько Фрэнсис Сэндоу заботится о своем сыне? Как видишь, я наплевал на Бетельгейзе. Придется где-то начинать все сначала. Пойдем, здесь нам больше нечего делать.

— Я знаю это, отец.

— Благодарю.

Я поднял свой саквояж и пошел за ним в сторону соседнего холма.

— Я встретил здесь замечательную девушку... — сказал я, но он не обернулся. Змея ползла рядом, и он не вернул ее обратно. Он взял ее на борт корабля, и та обвилась, как обычно, вокруг кабины, даже не бросив прощальный взгляд на этот кривобокий Эдем.

БЕЗЗВЕЗДНОЙ НОЧЬЮ В ПУТИ

И тьма, и тишина вокруг, и ничего, ничего внутри.
Внутри меня?

Первая мысль пришла незваной, вынырнула из какого-то черного омута.

— Меня? — подумал он. — Где? Что?..

Нет ответа.

Последовало нечто вроде паники, но без обычных психологических аккомпанементов. Когда это повторилось, он прислушался, стараясь уловить хотя бы какой-то звук. Он уже понял, что увидеть что-либо ему не удастся.

Но и услышать ничего не удалось. Даже малейших звуков живого организма — дыхания, стука сердца, раздражающего скрипа суставов. И тогда он осознал, что лишен всех телесных ощущений.

Но он справился с паникой. Смерть? Бестелесность, неподвижность...

Где? В какой точке пространства-времени он находится? Ему хотелось встряхнуть головой.

Он вспомнил, что был человеком — и, кажется, где-то должны были сохраняться его воспоминания, но где? Он попытался вызвать из ниоткуда свое имя, и внешний облик, и картины прошлого, но не смог. Отчаянные попытки

вспомнить хоть что-то ни к чему не привели. Амнезия? Травма мозга? Глубокий сон?

Тело... Что это такое? Начнем с этого. Руки, ноги, голова, торс...

Через его сознание на мгновение пронеслось воспоминание о сексе. Два тела, когда... Он подумал о своих руках, не чувствуя ничего. Попытался пошевелить ими. Но ощущение их существования не возникло.

Дыхание... Он попытался сделать глубокий вздох. Ничего не произошло. Не было никакого свидетельства, что между ним и безмолвной темнотой существовала какая-то граница.

Словно бы ниоткуда появился жужжащий звук. Он заполнил все пространство, то поднимаясь на невысказанную высоту, то переходя в грохот, то возвращаясь к назойливому жужжанию. Обрываясь, он возвращался снова и снова.

Затем наступила пауза, и до него донеслось:

— Привет! Вы слышите нас?

Он почувствовал облегчение, смешанное со страхом. Слова заполнили его бесплотный разум, и что-то пробудили в нем.

— Вы слышите?

И еще раз. Страх исчез, и на его место пришла смутная радость. Он почувствовал необходимость хоть как-то ответить — и, к своему изумлению, сумел сделать это.

— Да. Кто это?

Ему показалось, что где-то вдали беседовали несколько голосов — торопливые, высокие, странные. Он не мог уловить смысл разговора.

Затем:

— Привет еще раз. Пожалуйста, ответьте. Мы настраиваем коммуникатор. Как вы теперь нас слышите?

— Лучше, — ответил он. — Где я? Что случилось?

— Вы что-нибудь помните?

— Ничего!

— Не паникуйте, Эрнест Докинс. Вы помните, что вас зовут Эрнест Докинс? Мы узнали это из ваших документов.

— Теперь вспоминаю.

Одно звучание его имени принесло целый поток образов: его собственное лицо, лица жены, их двух дочерей, фасад дома, обстановку в лаборатории, где он работал

прежде, внешний вид его автомобиля, пейзажи взморья солнечным днем...

Этот день на взморье... Тогда он впервые почувствовал боль в левом боку, тупую боль, которая усиливалась все последующие недели.

— Я... она вернулась... моя память... — сказал он. — Словно плотина прорвалась... Дайте мне минуту...

— Мы подождем.

Он не стал вспоминать о перенесенных страданиях. Он был болен, очень болен. Его положили в больницу, оперировали, накачивали наркотиком... Вместо этого он подумал о жене, детях, любимой работе. Он подумал о школе, любви, политике, науке. Он думал о растущем напряжении в мире, о своем детстве, о...

— Вы в порядке, Эрнест Докинс?

Похоже, он давно закончил свой жизненный путь, и потому этот вопрос вызвал у него нечто, похожее на смех.

— Трудно сказать. Я вспоминаю события моей прошлой жизни... Но где я? В аду? Что случилось?

— Выходит, вы вспомнили не все?

В доносившемся до него голосе что-то неуловимо изменилось. Или дело было в странном акценте?

— Похоже, что нет.

— Вы были больны, очень больны.

— Это я помню.

— Фактически вы умирали. Так говорили врачи.

Он заставил себя мысленно вернуться к периоду своих мучений на больничной койке.

— Да... — сказал он. — Я помню.

Он увидел словно бы со стороны свои последние дни в больнице. Его состояние резко ухудшалось, он словно скатывался по наклонной плоскости в точку, из которой нет возврата.

Ужас, который он при этом испытывал, усугубляли тоскливые лица членов его семьи, друзей и родственников. Он вспомнил, как принял решение провести свой заранее продуманный план в жизнь. Деньги никогда не были для него проблемой, и потому в завещании он мог позволить себе подумать о смерти иначе, чем большинство людей. Он решил заморозить себя и прожить долгую зиму человечества, грезя во сне о будущей его весне.

— И как долго я спал?

— Немало.

Если бы у него были губы, он сейчас облизал бы их. Пришлось проделать это мысленно.

— Что с моей семьей? — спросил он.

— Увы, времени прошло слишком много...

— Понимаю.

Невидимый собеседник дал достаточно времени, чтобы он смог осмыслить услышанное. Затем:

— Вы, конечно, ожидали нечто подобное?

— Да. Я готовил себя к такому положению вещей — пока не потерял способность рассуждать.

— Прошло так много времени...

— Сколько?

— Давайте лучше поговорим о более интересных для нас вещах.

— Хорошо.

— Мы рады, что вы такое благоразумное существо.

— Существо?

— То есть человек. Извините нас.

— И все же мне хочется кое о чем спросить. Неужели по-английски ныне говорят так странно? Или это не ваш родной язык?

После паузы собеседник уклончиво сказал:

— Позвольте нам не отвечать на этот вопрос.

— Как хотите. Но вы же должны понять, что меня крайне заботит мое нынешнее состояние. Я ничего не вижу и не ощущаю.

— Мы знаем это. Жаль, конечно, но в таком положении есть и определенное преимущество. Еще не пришло время для вашего полного пробуждения.

— Не понимаю. Выходит, вы не нашли способа излечить меня?

— Мы не знаем другого — как вывести вас из замороженного состояния без значительных повреждений клеток вашего тела.

— Тогда как же... как же мы тогда разговариваем?

— Мы снизили температуру вашего тела почти до абсолютного нуля. Нервная система стала сверхпроводимой. Затем мы включили специальное энергополе и стали воздействовать им на ваш мозг. В результате в нем начали циркулировать биотоки. Ныне мы обращаемся с помощью

энерголуча прямо в ваш мозг и получаем оттуда ответы. Можете считать это телепатической связью.

На него нахлынула новая волна паники. Как долго она продолжалась, он не знал. Его привел в себя голос, настойчиво повторявший его имя.

— Слышу... — с трудом ответил он. — Я все понял... но это нелегко принять.

— Понимаем. Но то состояние, в котором вы находитесь, по-своему очень устойчиво. Мы могли бы даже дать ваше сердце, и это ничего бы не изменило.

— Похоже, так и есть. То, что вы сделали, внушает мне кое-какие надежды. Но зачем вы сделали это? Наверное, вы не стали бы пробуждать меня только ради того, чтобы продемонстрировать свое могущество?

— Нет. Нас интересует время, в котором вы прежде жили. С чисто археологической точки зрения.

— Археологической? Выходит, прошло очень много времени?

— Простите, быть может, мы употребили не совсем то слово. Наверное, надо выражаться как-то иначе, когда говоришь о руинах. Но так или иначе, ваш мозг и нервная система — двери в далекое прошлое.

— Руины? Что, черт побери, случилось?

— Была война, и был хаос. Точной информации у нас нет.

— Кто выиграл войну?

— Трудно сказать.

— Значит, дело обстоит совсем плохо...

— Вполне возможно. Мы еще не закончили наши исследования. Потому-то мы надеемся много узнать от вас... вернее, от ваших замороженных останков.

— Но... но если на Земле произошла война, а затем воцарился хаос, то как же мое тело уцелело?

— Вы находитесь в подземном, очень прочно построенном здании. Система охлаждения имеет автономный атомный генератор, управляемый специальным компьютером. Ни время, ни атомные взрывы здесь ничего не изменили.

— Ужасно... Но вы хотите слишком многого от меня. Со времени моей псевдосмерти прошли, быть может, века, но я ничего не знаю о них! Если вы считаете, что я здесь развлекался, смотря телевизор и читая газеты, то ошибаетесь.

— Понимаем. Но нас интересует прежде всего ваше время.

— Э-э... Не знаю даже, с чего начать.

— Может быть, мы будем задавать вопросы?

— Отлично. Но еще лучше будет, если впоследствии я тоже смогу кое-что узнать.

— Договорились. Итак, скажите — вы жили в здании, где работали, или в каком-нибудь другом месте?

— Станный вопрос. Конечно же, я жил в другом месте. У меня был дом на другом конце города, и на службу я ездил на автомобиле.

— Так поступали многие существ... люди в вашей стране?

— Да. Не все имели собственные автомобили, некоторые ездили на работу на автобусах или поездах.

— Автомобиль — это четырехколесное транспортное средство с двигателем внутреннего сгорания?

— Да. Они широко использовались во второй половине двадцатого столетия.

— Их было много?

— Очень, очень много.

— Наверное, возникали трудности с организацией движения большого количества автомобилей?

— Да. Существовал так называемый час пик — время, когда большинство людей направляется на работу или возвращается с нее. На дорогах в эти часы возникали заторы, которые мы называли пробками.

— Очень интересно. Мы обнаружили в океанах несколько громадных существ, иногда всплывающих на поверхность, чтобы подышать. Они существовали в ваше время?

— Да, если вы имеете в виду китов.

— Интересно. А какого рода была ваша работа?

— Я занимался исследованием токсических веществ, как химических, так и бактериологических. В частности, их классификацией.

— Что давали эти исследования?

— О, они носили секретный характер. Нами, к примеру, изучался вопрос применения токсических веществ в военном деле.

— Война уже начиналась?

— Нет. Но наша страна готовилась к ней. Химическое и бактериологическое оружие было запрещено, кстати, по

нашей же инициативе, но мы хранили большие запасы в трех надежно охраняемых хранилищах.

Наступила пауза. Затем голос вновь зазвучал:

— Прошло немало столетий — как вы считаете, это оружие могло уцелеть?

— Вполне возможно.

— Это нас очень тревожит. Мы исповедуем сугубо пацифистские взгляды и озабочены опасностью, которая все еще угрожает остаткам человечества.

— Хм... Это звучит так, словно вы принадлежите к другому виду.

Зазвучал другой, более высокий голос:

— Вы сделали неправильный вывод, Эрнест Докинс. Просто язык людей изменился за прошедшее время куда сильнее, чем вы представляете. Мы давно знаем о том, что где-то на этой планете спрятаны огромные арсеналы мощного оружия, и неустанно ищем их. Наша задача — уничтожить все, что может ввергнуть Землю в разрушительную войну. Но мы не знаем, где спрятаны эти арсеналы.

— Хм... не уверен... Простите, я не хочу вас обидеть, но вы — лишь голос, звучащий внутри моего замороженного мозга. Я ничего о вас не знаю. Разве можно в такой ситуации делиться сверхсекретной информацией?

Настало долгое молчание. Обеспокоившись, он спросил:

— Эй, вы еще здесь?

Он ничего не услышал, даже звука собственного голоса. Неужели он обидел своих собеседников, и они прекратили с ним контакт?

— Эй, вы слышите меня? Ответьте, ради Бога! Ответьте!..

Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем голос вновь зазвучал в глубине его мозга:

— Просим прощения, произошла небольшая поломка. Сожалею о вчерашнем небольшом конфликте.

— Вчерашнем?

— Да, нам пришлось отправиться за новым коммуникатором. Поломка произошла как раз в тот момент, когда вы что-то говорили о сверхсекретной информации.

— Сожалею, — сказал я. — Вы задали вчера вопрос, на который я, увы, не могу дать ответ.

— Мы хотим лишь предотвратить катастрофу.

— Э-эх... Подумайте, в каком ужасном положении я нахожусь. Я не могу ничего проверить из того, о чем вы говорите!

— Лучше подумайте вот о чем. Если на вас сверху упадет какой-либо тяжелый предмет, вы разобьетесь, словно стеклянная бутылка.

— Даже этого я не смогу проверить...

— Мы можем также выключить внешнее энергополе или просто отключить вашу мерзильную установку.

— По крайней мере, это будет безболезненной смертью, — ответил он спокойнее, чем сам ожидал.

— Мы требуем, чтобы вы все рассказали об арсенале!

— Узнайте об этом где-нибудь в другом месте.

— Хорошо. Тогда мы отключим коммуникатор и дадим вам размышлять о своей ошибке целую вечность. Рано или поздно вы сойдете с ума, глупец. Прощайте.

— Подождите!

— Вы расскажете нам все?

— Нет. Не могу.

— Вы хотите сойти с ума?

— Нет, но...

— Итак, нам выключать коммуникатор или нет?

— Ваши угрозы не оставляют сомнения в том, кто вы такие. Я не могу вручить вам страшное оружие.

— Эрнест Докинс, вы неразумны.

— А вы — не археологи! Похоже, вы преследуете далеко не чистые цели. Наверняка вы избавитесь от меня, как только я расскажу вам, что мне известно.

— Вы никогда не узнаете, кто мы такие.

— Я знаю достаточно.

— Вернемся к вопросу о вашем возможном сумасшествии. Подумайте еще раз.

Последовало долгое молчание.

Его захлестнула паника, а затем перед ним возникли лица родных, дом, улицы города... Жизнь вокруг становилась все более реальной, и настал момент, когда он вышел из своей бетонной могилы и пошел домой, щуря глаза от яркого летнего солнца. Никто из членов его семьи не удивился, когда он вернулся. После обеда зазвонил телефон, и шеф попросил его срочно прибыть на работу. Оказалось, что приехали военные, чтобы обсудить вопрос о размещении запасов токсических веществ в специальных хранили-

щах. Эрнест сказал: «Еду», — но не двинулся с места. Его насторожило, что шеф говорил о таких важных делах по городскому телефону. Поразмыслив, он позвонил и попросил у шефа внеочередной отпуск. Не слушая возражений, он повесил трубку и пошел загорать на пляж.

Он удивился, когда однажды в его правом боку вновь возникла боль, но к врачам обращаться не стал. Да и зачем? Днями напролет он лежал на пляже и любовался облаками, слушал шум прибоя, подставляя лицо струям дождя... Это продолжалось долго, целую вечность. Но настал день, когда он услышал голоса, звучавшие из-под песка. Они о чем-то его спрашивали, но он не понял ни слова. Подняв глаза, он увидел перед собой расплавленную статую, держащую меч в обугленной руке. Мимо нее плыли серые скалы, и на них сидели русалки, много русалок. Они пели протяжные песни, они расчесывали зеленые, словно водоросли, волосы гребнями из человеческих костей, они смеялись при вспышках молний. А затем все превратилось в лед.

НО НЕ ПРОРОК

Старый человек сошел с горы, неся ящик под мышкой, и зашагал по тропинке, ведущей к морю. Остановившись, он оперся на посох и стал наблюдать за группой молодых людей, которые были заняты тем, что поджигали дом своего соседа.

— Скажи мне, человек, — спросил старик, обращаясь к одному из молодых людей, — почему вы поджигаете этот дом? Судя по доносящимся до меня крикам и лаю, там находятся ваш сосед, его жена и дети, а также собака.

— Как же нам не поджигать этот дом? — ответил человек. — Наш сосед — чужеземец, он пришел из мест, что расположены по другую сторону пустыни. И он выглядит иначе, чем мы. И его жена красивее наших жен и говорит не совсем так, как у нас принято. И его собака не похожа на наших и лает по-ненашенски. И их дети способней наших оболтусов и говорят немного иначе, чем следует говорить.

— Понимаю, — сказал старик и продолжил путь.

На перекрестке дорог он подошел к нищему. Костыль его висел высоко на дереве. Старик ударил посохом несколько раз по стволу, и костыль упал на землю. Тогда старик возвратил его нищему и спросил:

— Скажи мне, брат, как твой костыль оказался на дереве?

— Ребятня забросила его туда, — ответил нищий и протянул руку за милостыней.

— Зачем же они сделали это?

— Им было скучно. Они изводили родителей вопросом: «Чем нам заняться?» Тогда один из старших сказал: «Идите и поиграйте с нищим на перекрестке».

— Такие игры бывают довольно злыми, — заметил старик.

— Ваша правда, — ответил нищий, — но, к счастью, некоторые из парней, что постарше, поймали проходившую мимо девушку и ушли в поле, чтобы позабавиться с ней. Слышите ее крики? Они, конечно, уже не такие громкие, как час назад. Будь я молодым и здоровым, то непременно присоединился бы к этой игре!

— Понимаю, — сказал старик и пошел прочь.

— Эй-эй, а милостыню? Неужто в вашем ящике не найдется немного подаяния для меня, хромого калеки?

— Если хотите, можете получить мое благословение, — ответил старик. — Но денег в этом ящике нет.

— Мне наплевать на твое благословение, старый козел! Разве им пообедаешь? Дай мне денег или еды!

— Увы, мне нечего тебе дать.

— Тогда будь проклят! Чтобы все на свете несчастья обрушились на твою седую голову!

Старик продолжил свой путь к морю. Некоторое время спустя он подошел к двум мужчинам, копавшим яму в песке. Рядом лежал третий, мертвый.

— Таков ваш обряд похорон умершего? — спросил старик.

— Да, — ответил один из мужчин, вытирая пот со лба. — Особенно если вы сами убили его и пытаетесь побыстрее упрятать концы в воду.

— Вы убили этого несчастного? За что?

— Почти ни за что, это и обидно! Куда справедливее было бы, если бы кошелек этого путника был полон золотых монет. Увы, злая судьба посмеялась над нами — там оказалось лишь немного мелочи.

— Судя по одежде, он был беден.

— Да, и теперь мы избавили его от последних хлопот. Ему-то нынче хорошо, а нам что делать?

— Эй, старик, а что ты прячешь в своем ящике? — подозрительно спросил второй убийца.

— Ничего, что могло бы иметь какую-нибудь цену. Я хочу бросить его в море.

— Дай сначала в него заглянуть.

— Нельзя.

— Мы сами решаем, что можно, а что нельзя.

— Этот ящик нельзя открывать!

Они приблизились к старику с двух сторон.

— Отдай ящик!

— Нет.

Один из убийц ударил старика камнем по голове, а второй тем временем выхватил у него ящик.

— Так-то лучше, — сказал первый убийца. — А теперь позволь нам поглядеть, что ты хочешь выбросить в море.

— Предупреждаю вас, — сказал старик, с трудом поднимаясь на ноги. — Если вы откроете этот ящик, то совершите ужасный поступок, который уже никогда нельзя будет исправить!

— Мы сами разберемся, что к чему.

Убийцы хотели было разрезать веревку, которая плотно стягивала крышку, но старик взмолился:

— Подождите немного! Сначала я расскажу немного об этой вещи.

Оба мужчины переглянулись и кивнули:

— Хорошо, рассказывай.

— Это — ящик Пандоры. В нем спрятаны все несчастья, которые только можно себе представить. Пандора, жена Эпиметей, однажды уже выпустила многие из них на Землю.

— Ха. Похоже на глупую выдумку.

— Мне сказали об этом боги и велели бросить ящик в море. В нем осталось еще одно несчастье, хуже всех остальных вместе взятых.

— Ха!

Убийцы разрезали веревку и открыли крышку. Золотое сияние вырвалось наружу. словно фонтан, оно взмыло в воздух, и изнутри его послышался восторженный крик:

— Свобода! Наконец, после всех этих веков заточения, я вновь стала свободной!

Убийцы озадаченно переглянулись.

— Кто ты, о прелестное существо? — спросил один из них. — И почему ты вызываешь у меня такие странные ощущения?

— Меня зовут Надежда, — ответило невидимое существо из глубины золотого сияния. — Теперь я отправлюсь путешествовать по Земле и во всех ее мрачных уголках буду внушать людям чувство, что они могут стать лучше, чем есть.

Золотое сияние поднялось еще выше и отправилось на поиски самых мрачных мест на Земле.

Оба убийцы повернулись к старику и увидели, что тот изменился. Его борода исчезла, и он превратился в могучего молодого мужчину. Две змеи обвивали его посох.

— Даже боги не могли предотвратить этого, — сказал он с горечью. — Вы навлекли несчастье на себя своими же руками. Вспомните об этом, когда светлая Надежда обратится в прах в ваших руках.

— Нет, — сказали они, — видишь, в нашу сторону идет еще один путник? Мы можем опустошить его кошель и возместить наши потери за этот день.

— Глупцы! — сказал молодой человек и, повернувшись, быстро зашагал назад в горы. Проходя мимо Геркулеса, он по-дружески приветствовал его, но предупреждать не стал. Он не хотел лишать двух преступников надежды.

РУКА ЧЕРЕЗ ГАЛАКТИКУ

«Не знаю, как выразить вам благодарность за то, что вы продолжаете помнить обо мне. Каждый месяц через Межзвездный фонд приемных родителей "Рука через Галактику" вы посылаете мне посылки. Это очень благородно с вашей стороны, ведь вы меня никогда не видели. Этим месяцем вы отправили мне коробку леденцов, которая, наверное, стоит бешеных денег, и я очень признателен за этот подарок. Позвольте рассказать о том, что произошло у нас, чтобы и вы смогли разделить нашу общую радость. Вы знаете, что нас в семье семеро: это мои братья-самцы и сестры-самки. Но трое из них еще птенцы, а я — калека. Из оставшихся четырех моя старшая сестра-самка находится в положении и не может работать до сезона дождей, пока не снесет яйца. Мои две другие сестры-самки работают по найму в мастерской одного приезжего землянина, где большие машины штампуют из металла разные вещи, и они чувствуют радость от своей работы, сметая стружку, смазывая маслом заготовки и укладывая их под пресс. Рука моего брата-самца отросла после травмы, и хотя она не такая длинная, как остальные, работать ею можно. Мы открыли вашу последнюю посылку с почтительностью и нашли там теплые носки, которые не знаем, как надеть, ин-

струменты (нам их, к сожалению, не поднять), немного земной еды (ее мы уже съели) и даже школьные учебники — они могут пригодиться птенцам позднее. Мы были очень благодарны и с почтением вспоминали ваши имена. О Земле мы читали в разных книгах и полагаем, что это счастливая страна, куда Великий Один посылает души праведно живущих, после того как их тела сжигают согласно обычаю. Так ли это? Пожалуйста, напишите нам, если у вас найдется время. Мы очень любознательны и хотели бы побольше услышать о высоких деревьях, о том, как они растут, о заходах земного солнца, о больших домах и о голубом, не похожем на нашенское, небе. Это так великодушно с вашей стороны, что вы вспоминаете обо мне, хотя вы чудесно проводите время с машинами-рулетками, которые могут выиграть для вас кучу денег. Правда, я не знаю, как они выглядят, эти рулетки, потому что о них ничего не сказано в моем "Кратком галактическом английском словаре". Вроде бы это какая-то игра. Может быть, в следующий раз вы расскажете о ней? Что-то я не понял ваше последнее письмо две посылки назад, где вы говорили, будто сливаете на рулетке больше денег за ночь, чем посылаете мне за год. Неужто на Земле используют жидкие деньги? Я думал, что доллар — это бумажка, как же можно ее слить? Будьте очень добры, при случае объясните это. А у нас сейчас наступает жара, так что надо прятаться в гнезде. Вечером станет опять прохладнее, но тогда будет уже темно, так что я это письмо, с вашего разрешения, закончу завтра. Пока до свидания вам и вашим земным родителям.

Вот уже и утро, слава Одину. Сейчас я расскажу вам поподробнее о радости, которую вы нам великодушно доставили. С тех пор как наш отец-самец был сожжен и его душа унеслась к Одину, стало очень тяжело поддерживать по ночам тепло в нашем гнезде. Теперь, когда мы получили от вас горючие палочки, мы можем греться когда только пожелаем, и спасибо вам за это большое. Моя сестра-самка, которая вот-вот снесет яйца, все время находится в тепле, но моя мать-самка все время мерзнет и дрожит словно от холода, но это не холод, а болезнь, которая пришла вместе с людьми с Земли. Трудно осознать, что небо разделено на миры, до которых так далеко, что от этого кружится голова.

Я рад был узнать, что у вас хорошая компания на Земле и что ваши друзья смеются от радости, когда читают мои письма. Это самое длинное письмо, которое я когда-либо писал, и надеюсь, что оно вас обрадует. Вы так добры.

Ваш приемный ребенок

Фаун Лигг.

«Дорогой Фаун. Твои письма бесценны. Мой муж и я высоко ценим их. Нам сейчас не очень хорошо, но мы непременно напишем тебе тоже длинное письмо, как только разберемся с делами. У нас была трудная неделя, так что прости. Хорошо? И будь добр, извини Сэма за странные слова о рулетке и прочем. Мой муж обожает загадки. Передай наши лучшие пожелания твоей матери-самке, и брату-самцу, и сестрам-самкам. Мы будем думать о вас.

С любовью

Эдит Мейсон.

P. S. Не выходи из гнезда, сынок. Твои соплеменники подняли бунт.

Приемный отец-самец».

ТА СИЛА, ЧТО ЧЕРЕЗ ЦЕПИ ГОНИТ ТОК

...И меня гнала сила, которая превосходила мою.

Впечатление подводного каньона: исполинское древнее русло, беззвездная, безлунная ночь, туман, полоса зыбучего песка, яркий фонарь высоко над ней.

Я продвигался вдоль каньона Гудзон, беря пробы осадка — забивал пробоотборник в скользкий ил, вытаскивал, анализировал и записывал состав, плотность, распределение слоев в трубке. Потом вытряхивал осадок, перебирался на другое подходящее место и повторял все сначала; если требовала ситуация, рыл шурф, что отнимало много сил, а закончив, вставал на дно и отбирал следующую пробу. Однако, как правило, этого не требовалось — вокруг хватало природных трещин, провалов, западин. Время от времени я бросал что-нибудь в свой измельчитель — дальше материал поступал в термоядерную топку и превращался в энергию; время от времени мне приходилось останавливаться и раскопегаривать топку, чувствуя, как давит на меня двухкилометровая толща воды, смещать диапазон зрения в инфракрасную область или включать эхолот.

Вдруг я потерял равновесие и тут же выровнялся. Что-то боролось во мне — на кратчайшую долю секунды по-

мерещилась какая-то неуверенность, какая-то раздвоенность в сознании. И вдруг — скорее рефлекторно, чем намеренно — все чувства мои обрели небывалую остроту, и я засек источник возмущения в то же мгновение, как ощутил на себе его действие. Пока меня несло по днищу каньона и било о каменные уступы слева, мотало, трясло, швыряло и подбрасывало неукротимым потоком воды, я определил, что эпицентр землетрясения находится в пятидесяти трех милях к юго-востоку. Добавление к впечатлению подводного каньона: пыльная буря; погасить фонарь.

Я с трудом верил своему везению. Это было захватывающе. Меня несло со скоростью больше пятидесяти миль в час, захлестывало грязью, вытаскивало, швыряло, крутило, вновь захлестывало, давило, переворачивало, выбрасывало на волю и снова несло — дальше, дальше, в бездонную пучину. Я все записывал.

Долгое время полагали, что подводные каньоны — остатки сухопутных, образовавшихся в ледниковую эпоху и залитых морем при его последующем наступлении. Однако этому объяснению противоречит их глубина. Неимоверное количество воды должно было превратиться в лед, чтобы образовать подобные каньоны. Первыми их происхождение под действием водно-мутевых потоков обосновали Хеезен и Эвинг, хотя прежде подобную догадку высказывали Дэли и другие. Кажется, Хеезен сказал, что нельзя увидеть водно-мутевой поток и остаться в живых. Разумеется, это было сказано десятилетия назад, и он имел в виду современное ему состояние дел. И все же я понимал, как мне повезло — оказаться в самой гуще событий, регистрировать силы, которые углубляют и расширяют каньон, замерять плотность и скорость частиц, перепады температуры... Я прищелкивал от удовольствия.

И снова меня качнуло — тот же внутренний разлад, то же досадное раздвоение личности, словно все немного не в фокусе, как будто видишь и саму мысль, и ее скользящую тень. Пробуксовывание становилось все заметнее, мысли-тени соединялись во что-то цельное, это что-то удалялось от меня, тускнело, потом исчезло совсем. И сразу я ощутил в себе самом небывалую цельность и самодостаточность — оказывается, я и не знал всей полноты своих возможностей. Я раздвинул восприятие в те волновые

диапазоны, которыми раньше не пользовался, заглянул дальше, еще дальше...

— Да брось ты, Дэн! Он отлично справляется сам. И пусть его.

— Похоже, ты прав, Том.

Он откинулся в кресле, снял стереовизуальный шлем, расстегнул перчатки с вмонтированными в них миниатюрными преобразователями на сжатом воздухе, которые передавали осязательную информацию; по мере того как он одну за другой отлеплял от кожи чувствительные полоски, ослабевала сила обратной связи. Том подошел помочь. Когда они закончили, скафандр дистанционного управления повис рядом с операторским пультом, словно выеденный крабовый панцирь. Дэн провел тыльной стороной ладони по лбу, пригладил волосы. Том, поддерживая его, провел через каюту к креслу перед экраном.

— До чего ты вспотел. Сядь. Хочешь чего-нибудь?

— Кофе остался?

— Ага. Погоди минутку.

Том налил кофе и поставил чашку перед Дэном. Опустился в соседнее кресло. Оба они глядели на экран. Там был все тот же мутьевой поток, тот же ил и те же скалы, что Дэн видел в окуляры шлема. Однако теперь они его не трогали. Без системы дистанционного управления он уже не был их частью. Он отхлебнул кофе и стал изучать поток.

— Действительно, крупное везение, — сказал он, — в первый же выход напороться на такую штуку.

Том кивнул. Корабль слабо покачивался. Операторский пульт загудел.

— Да, — согласился Том, глядя на индикаторы. — Просто подарок судьбы. Только глянь на этот грязевой поток. Если модуль выдержит, мы пройдем с ним весь каньон.

— Думаю, выдержит. Он вроде как стабилизировался. Его мозг и впрямь работает эффективно. Управляя им, я почти чувствовал, как функционируют его нейристоры, как в туннельных переходах образуются собственные взаимосвязи. Похоже, я передал ему достаточно активности, а он почерпнул у меня достаточно сведений. Он сам выбирает путь. Он... учится. Когда началось землетрясение, он среагировал самостоятельно. Я ему теперь не нужен.

— Разве чтобы научить его чему-то новому, внушить, чего мы хотим от него дальше.

Дэн медленно кивнул:

— Пожалуй... Хотя интересно, чему он там сам учится — теперь, когда действует автономно. Это было странное ощущение — когда я понял, что в нем пробуждается собственное восприятие. Когда он сам решил, как реагировать на первый слабый толчок...

— Глянь! Эти водовороты видны, как на ладони! Его несет со скоростью никак не меньше пятидесяти пяти миль в час, поток ускоряется. Да, это не пустяк — почувствовать, как стронулась такая лавина грязи...

— Знаешь, ощущение было очень странным. Мне почудилось, будто я... прикоснулся к другому сознанию, что ли. словно рядом со мной пробудилась другая личность, и на какую-то долю секунды она почувствовала мое присутствие. Потом мы разделились. Я думаю, ребята из нейрорпсихического отдела и роботехники были правы. Похоже, мы все-таки создали искусственный интеллект.

— Как нельзя кстати для моих исследований водномутьевых потоков, — сказал Том, делая пометки в блокноте. — Знаешь, первым про них догадался один швейцарец еще в девятнадцатом веке — он объяснил, как осадки Роны оказываются в Женевском озере... Глянь только, какую глыбищу оторвало! Да, этот твой агрегат — великая вещь! Если он благополучно доберется до равнины, вели ему сразу взять несколько проб. У нас полно недавних замеров, и мы узнаем мощность оползневых наносов. Потом хорошо бы отправить его назад, чтобы он для сравнения отобрал пробы на прежних участках. Я...

— Интересно, что он думает о себе... и о нас?

— Откуда ему о нас знать? Он помнит только то, чему его учили, да еще то, что узнает сейчас.

— Уверен, под конец он меня почувствовал.

Том рассмеялся:

— Раз так, назови это его религиозным воспитанием. Если будет плохо себя вести, поразишь его громом и молнией... Скорость-то — небось уж все шестьдесят!

Дэн допил кофе.

— У меня мелькнула мысль, — сказал он через несколько секунд. — А что, если кто-то так же поступает

с нами: направляет, смотрит на мир нашими глазами...
А мы ничего не знаем.

Том пожал плечами:

— Зачем бы им это?

— А зачем нам модуль? Может, они интересуются водно-мутьевыми потоками на данном типе планет... Или нашими опытами в области искусственного интеллекта. Да что угодно. Не угадаешь.

— Дай-ка я налью тебе еще кофе.

— Ладно, ладно! Прости мне мои заумные рассуждения. Я так тесно соприкоснулся с чувствами модуля, что вообразил себя на его месте. Все, уже прошло.

— Войк, что случилось?

Войк выпустил кверокуб и сместился по направлению к Доману.

— Тот, которого я только что фидировал, очень близок к осознанию моего присутствия. Ближе, чем кто-либо!

— Без сомнения, причина этому в аналогичных переживаниях, связанных с его собственным фидируемым объектом. Весьма любопытно. Оставь его на время одного.

— Ладно. Однако занятный случай. Мне даже подумалось: а что, если и нас кто-то фидирует?

Доман перигрюкнул.

— Зачем кому-то нас фидировать?

— Не знаю. Да и откуда мне знать?

— Дай-ка я приготовлю тебе Б-заряд.

— Очень кстати.

Войк снова принял к кверокубу.

— Что ты делаешь?

— Да так, маленькая поправка, которую я забыл внести. Вот. Давай свой Б-заряд.

Они устроились поудобнее и начали фекулировать.

— Что ты делаешь, Дэн?

— Я забыл его освободить.

— Что?

— Предоставить ему полную свободу действий. Мне пришлось дать избыточную нагрузку на схемы, ограничивающие его свободу, чтобы они перегорели.

— Ты... Ты... Да. Конечно. Вот твой кофе. Глянь только на этот грязевой оползень!

— Да, Том, это и впрямь песня.

Прищелкивая от удовольствия, я сунул в измельчитель кусок подходящей породы.

ОГОНЬ И ЛЕД

— Мамуля! Мамуля! Расскажите мне снова, что вы делали в войну.

— Ничего особенного. Иди поиграй с сестренками.

— После обеда я только этим и занимаюсь. Но они играют слишком больно. Я лучше еще раз послушаю о плохой зиме и о чудищах.

— Что было, то было. Плохая выдалась тогда зима.

— Было холодно, мамуля?

— Было так холодно, что латунные обезьяны пели soprano на каждом углу. И этот холод продолжался три года, и солнце с луной побледнели от стужи, и сестра убивала сестру, а дочери меняли любимых мамулেক на зажигалку и пригоршню карандашных стружек.

— А что случилось потом?

— Конечно, пришла другая зима. Еще хуже, чем прежняя.

— И как плоха она оказалась?

— Послушай, доченька: два огромных волка, что охотились по всему небу за солнцем и луной, наконец поймали их и съели. Тогда стало совсем темно, но кровь, которая лилась ливнем, давала немного красноватого света, так что можно было наблюдать за бесконечными землетрясениями

и ураганами — когда стихали бураны и можно было хоть что-то разглядеть.

— И как же мы пережили все это, мамуля? Ведь раньше не было таких страшных зим, ты сама говорила.

— Привыкли, наверное.

— А как в небе снова появится солнышко, если его съели?

— О, это будет другое солнышко, жаркое. Может так случиться, что на суше загорятся пожары, океаны закипят и все такое.

— Вы испугались стужи?

— Мы испугались того, что пришло позже. Из глубин моря появилась гигантская змея и стала бороться с великаном, держащим в руках молот. Потом со всех сторон нахлынули банды гигантов и чудищ и стали биться друг с другом. Среди них был старый одноглазый человек с копьем, и он бросился на большого волка, но тот проглотил его вместе с бородой и всем прочим. Затем пришел другой большой человек и убил волка. Тогда я вышла из убежища и поймала за рукав одного из воинов.

— Послушайте, мистер, это Геттердаммерунг? — спросила я.

Воин задумался, опершись на топор, которым он только что рубил, как капусту, какую-то массу с множеством глаз.

Вроде бы, — сказал он. — Послушайте, дамочка, вы можете...

Он не договорил, потому что многоглазая масса с чавканьем проглотила его и поползла дальше.

Я перешла на другую сторону улицы, где другой воин рогатым шлемом на голове исполнял кровавую чечетку на поверженном чудовище.

— Прошу прощения, — сказала я, — вы не скажете, какой сегодня день?

— Меня зовут Локи, — прохрипел он, топчя многоглазого врага. — На чьей стороне вы в этой драке?

Я не знала, что должна быть на чьей-то стороне, — ответила я.

Воин начал было распространяться на ту тему, что я должна, и непременно, а масса тем временем разинула пасть. Локи с печальным вздохом прикончил чудовище

ударом копья, а затем внимательно оглядел мою разорванную одежду.

— Вы одеваетесь подобно мужчине, — заявил он, — но... Я застегнула блузку.

— Я... — начала было я.

— Конечно, у вас была безопасная булавка. Что за прекрасную мысль вы мне подали! Так и сделаем. Пойдем, я знаю неподалеку отличное местечко, почти не радиоактивное, — сказал он, прокладывая путь через стаю оборотней. — Боги снизойдут с небес, защищая нас. — Он нагнулся, поднял с земли женщину, лежавшую без сознания, и перекинул ее через плечо. — Вы пережили все это не зря. Настанет новый день, и прекрасный новый мир потребует новых совокуплений. Видя ваши округлившиеся животы, боги скажут, что это хорошо, и откинут копыта. — Он загоготал. — Они думали, что все эти смерти приведут нас к иному образу жизни, мира, счастья, другой любви — и новой расе... — Слезы заструились по его лицу. — Но в каждой трагедии есть место для здорового смеха, — заключил он, переноса нас через реки крови и поля костей.

Он оставил нас в психоделическом притоне, среди тепла, деревьев, фонтанов, поющих птиц — всех тех мелочей, которые делают жизнь приятной и банальной: нежная пища, ласковый ветер, добротные дома с водопроводом. Затем, продолжая смеяться, он вернулся на поле боя. Позднее моя компаньонка проснулась — белокурая, гибкая, очаровательная, — и ее глаза вспыхнули, когда она встретилась со мной взглядом.

— Так, — выпалила она, — вы вызволили меня из этой ужасной мужской бойни, чтобы я могла служить вашим необузданным и извращенным страстям! И это после того, что вы уже со мной сделали!

Я шагнула к ней, чтобы успокоить, но женщина встала в позу каратэ.

— Что вы имеете в виду? — удивленно спросила я. — С вами никто ничего не делал.

— Сделать невинную девушку беременной — это, по вашему, не сделать ничего? — возмутилась блондинка. — Повесить мне на шею все заботы с абортom, а самим пойти развлекаться с этими многоглазыми чудовищами? Нет уж, увольте, я больше не хочу иметь дела с этими противными мужчинами!

— Успокойтесь, сестра, — сказала я, вновь расстегивая блузку. — Я была столь же привлекательна для мужчин и не раз попадала в затруднительное положение, как и вы, так что отныне хочу вести жизнь простой...

— Хвала Сафо! — с облегчением воскликнула блондинка.

И мы стали парой и живем счастливо до сих пор. Зима ослабела, и Сумерки Богов прошли. Мир стал обновленным, полным любви, мудрости и счастья. Вот и вся история, малышка. А теперь иди, поиграй со своими сестрами.

— Но они вовсе не играют приятно! Они делают вещи, которые вы обе не велели мне делать.

— Как, ты до сих пор не научилась это делать? — спросила другая мама.

— Сияющая особа с золотым жезлом показала, как делать такие вещи. Она также сказала, что боги идут своими, таинственными и не страшными путями.

— Это может быть началом философии, — заметила первая мама.

— Можно сказать и так, — согласилась вторая.

ВСЕ УХОДЯТ

Огни померкли в зале. Жрецы и нимфы танцевали, когда начали падать бомбы. Просперо взглянул на Фердинанда.

— У тебя такой вид, сын мой, словно ты объят страхом. Будь весел, наше пиршество заканчивается. Наши актеры, словно привидения, растают в воздухе, в прозрачном воздухе...

Он поднял руку. Жрецы и нимфы разом исчезли с глухим хлопком.

— ...и, подобно бесплатному материалу, из которого сотканы эти видения, растают укутанные облаками башни, величественные дворцы и торжественные храмы, — продолжал Просперо, — и сам огромный шар, да, все должно раствориться, словно мираж, не оставив даже фундамента...

Зрители исчезли. Сцена исчезла, театр исчез. Город растворился с легким шорохом, а затем стал прозрачным и сам шар Земли. Все актеры испарились, за исключением духов Ариэля, Калибана и Просперо.

— О, Просси... — вздохнул Ариэль. — Мы на этот раз замечательно материализовались...

— Просперо! — проревел Калибан.

— ...и наша маленькая жизнь завершилась сном.

Калибан схватил его за ногу, Ариэль вцепился в рукав.

— Вы сделали это снова, хозяин!

— Сэр, я огорчен...

— Остановите это безумие! Все тает! Вы применили ошибочное заклинание!

— Смиритесь с моей слабостью, дети мои. Мой старый мозг утомлен...

Калибан уселся на него верхом; Ариэль, кружась, стал размахивать перед глазами Просперо своими тонкими пальцами. Теперь они плыли в огромной, наполненной звездами пустоте. Ближайшим значительным небесным телом была Луна. В различных направлениях летели спутники: связи, метеорологические и разведывательные.

— Черт побери, верните все! — завопил Ариэль.

— Но не тревожьте мою немощь...

— Это бесполезно, — проворчал Калибан. — Он ушел в себя, и на этот раз дьявольски глубоко. Как объяснить ему, что мы ослабеваем и отказываемся снова блуждать в пустоте?

— Ну нет, — возразил Ариэль. — Я только начал получать удовольствие от всего этого.

— Тьфу на тебя. Мы будем тревожить вашу немощь, Проспи! Вспомните старика Станиславского и верните все обратно!

— Будьте любезны, дети мои, вернитесь в мои яйцеклетки и отдохните там...

— Он достигнет границ своего мира, там мы его и достанем, — предложил Ариэль.

— Оборот или два я сделаю, пока не успокоится мой измученный мозг.

— Куда вы намереваетесь нынче прошвырнуться, хозяин? — встревоженно спросил Калибан. — Вы отказываетесь от всего, что было?

— Э-э... И что из того, дети мои?

— Вы опять идете этим ужасным путем к финалу.

— Ох, дорогой! Вещи приятнее выглядят издалека, можешь мне поверить.

— Из очень большого далека, я сказал бы сейчас. Что вы собираетесь сотворить на бис?

— Где моя Книга?

Калибан слегка пошевелил своим плавником:

— Она исчезла.

Просперо стал массировать глазные яблоки.

— Тогда я буду работать по памяти. Где это было?

— На пустынном острове.

— Да.

Просперо сделал рукой величественный жест, и не-
вдалеке появились едва заметные очертания пальмовых
деревьев. До них донесся легкий соленый запах и шум
прибой. Очертания острова становились все более отчет-
ливыми, и сияющий песок распростерся под ногами. Затем
послышался крик чаек. Звезды растаяли, небо поголубело,
и по нему поплыли облака.

— Это уже лучше.

— Но это реальный пустынный остров!

— Не спорь со стариком. Ты же знаешь, как он упрям.

— Итак, дети мои, чем мы теперь займемся?

— Развлечениями, сэр.

— Ах да. Но для начала я материализую Фердинанда
и Миранду.

Он повел остатки своей труппы вверх по каменистому
склону. Все вместе они вошли в большой грот, посреди ко-
торого располагалась огромная сцена, освещенная пыла-
ющими факелами. Просперо кивнул Фердинанду и Ми-
ранде и указал им рукой на сцену.

— Хозяин, здесь что-то не так.

— Тс-с-с, прикусить языки! Глядеть во все глаза! Тихо!

Ариэль на время потерял дар речи. Он не сводил глаз
со сцены. Большой глобус, солнечные пятна, облачные по-
лосы, голубые, зеленые и серые океаны, леса и горы — все
это медленно вращалось над игровой площадкой. Крошеч-
ные бомбы и ракеты падали с неба, поднимая клубы дыма
над главными городами Северной Америки, Европы и
Азии. Шар разваливался под ударами, каждый следующий
столб дыма был выше предыдущего. Сквозь пыль, огонь и
дым были видны разрушенные города, расплавленные
камни, обугленные люди, толпы беженцев.

— Хозяин! Это ошибка! — закричал Калибан.

— Мой Бог... — прошептал Фердинанд.

— Смотрите, дети мои, на это действо так, словно вы
испуганы, словно вы видите его впервые... — торжествен-
но произнес Просперо.

— И здесь мы вновь поднимем занавес, — сказал Ари-
эль, когда запылали материки. — Величественные дворцы,

торжественные храмы, и сам огромный шар... — Под яростной бомбардировкой ледяные шапки стали плавиться, океаны взбухали. — Все должно раствориться...

Огромные части суши были теперь покрыты бушующей водой.

— ...не оставив даже фундамента...

— Мы пока еще реальны, — резко возразил Ариэль.

— Но это идет, — заметил Калибан.

Шар стал съезживаться, вода посерела, вся картина поблекла.

— ...завершилось сном, — зевнул Просперо.

— Хозяин! Что случилось с...

— Тс-с! — предостерег Ариэль. — Не сердь его. А где театр?

— ...успокоив мой утомленный мозг.

— Мы желаем вам мира и покоя, — в унисон сказали Фердинанд и Миранда, уходя.

— Где мы, сэр?

— Э-эх... вы же сами сказали, что это — пустынный остров.

— Так оно и есть.

— Тогда что еще вам надо? Найдите нам пищу и воду. Только чур не иллюзорные.

— Но, сэр, ваша Книга...

— Моя Книга — это не какая-то книга! Я поем и посплю, я позволю этой любовной парочке совокупиться, а затем удалюсь в Неаполь. Всю магию я посылаю к чертям!

Калибан и Ариэль удалились.

— Давай понаблюдаем со стороны, как удовлетворяют свои желания без магии, а затем уйдем.

— Согласен, дух. Мне кажется, что-либо живое нам непременно встретится на этом пути.

ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ ГОД

— Привет, — сказал он.

Она взглянула на него. Это был тридцатилетний улыбающийся мужчина с волосами песочного цвета, немного грубовато скроенный, но весьма ухоженный и прекрасно одетый.

— Прошу прощения, — ответила она, — разве мы знакомы?

Он покачал головой:

— Увы, нет. Меня зовут Бредли. То есть Бред Дент.

— Очень приятно... Что я могу сделать для вас, мистер Дент?

— Видите ли, я влюбился в вас. Конечно, в этом деле необходима определенная взаимность... Найдется у вас свободное время?

— Вы серьезно?

— Да.

Она опустила глаза на прилавок и заметила, что пальцы нервно барабают по стеклу. Успокоив их, она вновь подняла глаза и улыбнулась.

— Мы закрываемся через двадцать минут, — сказала она неожиданно для себя. — Я могу выйти через полчаса.

— А вы хотите этого?

Она еще раз улыбнулась и кивнула.

— Меня зовут Марсия.

— Очень рад.

Вечером они обедали в ресторане, который она никогда бы не выбрала для свидания. При свете свечей она изучала своего нового знакомого. Его руки были по-женски изящными. Акцент выдавал в нем жителя Центральной Америки.

— Вы показались мне чем-то знакомым, когда вошли в магазин, — наконец сказала она. — Где-то я видела вас прежде. Мне кажется, вы проходили мимо моего прилавка по несколько раз в день.

— Возможно, — согласился он, поглаживая бокал с шампанским.

— Чем вы занимаетесь, Бред?

— Ничем.

Она рассмеялась:

— Звучит не очень-то интригующе.

— Я хотел сказать, что позволил себе удовольствие не работать в этом году, — объяснил он.

— Почему?

— Я достаточно богат, и к тому же это — очень хороший год.

— Что же в нем особенного?

Он откинулся назад, переплел пальцы и посмотрел сквозь них на Марсию.

— Например, то, что сейчас нигде не идет война, — сказал он после паузы. — Нет гражданских волнений. Экономика на удивление стабильна. Погода чудесная. — Он поднял бокал и сделал маленький глоток. — Вино превосходно, как раз на мой вкус. Идут все мои любимые пьесы и кинофильмы. Наука творит чудеса, особенно в медицине и космосе. Вышло в свет множество хороших книг. Есть масса интересных мест, куда можно поехать. Этого хватит на всю жизнь. — Он потянулся и коснулся ее рукой. — И я влюбился, — тихо закончил он.

Она покраснела:

— Вы мало знаете меня...

— Я могу смело смотреть в будущее — в этом году. Не говоря уж о том, что хочу лучше узнать вас.

— Вы очень странный человек, — сказала она.

— Но вы же захотели вновь увидеть меня...

— Если это произойдет, год и в самом деле будет очень милым, — сказала она и пожала его руку.

Она встречалась с Бредом ежедневно после окончания работы. Они весело проводили время, обошли все местные рестораны, совершили несколько небольших путешествий.

В конце года Марсия поняла, что влюбилась.

— Бред, — сказала она, прижавшись к нему, — этой весной все казалось больше похожим на игру...

— А теперь?

— Теперь все иначе.

— Я рад.

На Новый год они пошли пообедать в небольшой китайский ресторан. Она склонилась над цыпленком, фаршированным рисом, и тихо сказала:

— Этот человек... За угловым столиком, направо...

— Да?

— Он очень похож на тебя.

Бред взглянул в указанном направлении и кивнул:

— Верно.

— Вообще-то пока я не очень хорошо тебя знаю, Бред.

— Но мы знаем друг друга все же лучше, чем прежде.

— Согласна. Но... Бред, этот человек выходит из зала...

Бред проводил взглядом высокого мужчину с волосами песочного цвета.

— Он очень похож на тебя, очень!

— Вроде бы.

— Странно... Я даже не знаю, откуда ты берешь деньги.

— Моя семья располагает немалыми средствами, — объяснил он.

Марсия кивнула:

— Ясно... Еще один! Он только что вошел! Ты видишь?

— Хм... Он действительно похож на меня.

Она озадаченно покачала головой:

— Неужели у тебя никогда не было работы?

— Почему же. Я ученый и имел контракт с крупной фирмой. Но я вряд ли смогу получить Нобелевскую премию.

Она положила себе на тарелку немного тушеной свинины, затем вновь посмотрела в зал и застыла.

— Бред, это больше чем простая случайность. Здесь — другие ты!

— Да, — усмехнулся он, потягивая шампанское. — Я всегда ужинаю здесь в канун Нового года.

Побледнев, она положила вилку на стол.

— Ты — биолог, не так ли? И ты клонировал сам себя? О Боже, может быть, ты даже не оригинал...

Он усмехнулся:

— Нет, я физик и не занимаюсь клонированием. Это был очень хороший год, согласись.

Марсия улыбнулась и кивнула.

— Конечно, — сказала она. — Ты говорил, что всегда ужинаешь здесь в канун Нового года?

— Да. В канун одного и того же Нового года.

— Ты... ты... путешествуешь во времени?

— Да.

— Но... но почему?

— Это был такой хороший год, что я решил вновь прожить его, а затем еще раз, и еще... Похоже, мне не надоест это до конца жизни.

Еще одна пара вошла в ресторан. Марсия обернулась.

— Это — мы! — сказала она дрожащим голосом. — Они куда старше, но это мы, также мы!

— Именно здесь я впервые и увидел тебя... и себя. Мы выглядели такими счастливыми! После этого я разыскал тебя в городе.

— Но почему мы никогда и нигде не встречались — с ними?

— Я веду дневник. Каждый раз мы ходим в разные места, за этим я тщательно слежу. Исключение составляет только этот, предновогодний день...

Марсия закусил губу.

— Зачем... зачем тебе это нужно? Ходить по замкнутому кругу, проживать одни и те же дни снова и снова?

— Это был очень хороший год, — сказал он.

— Но что произойдет с нами позже?

Он пожал плечами:

— Не спрашивай меня, я просто не знаю. И знать не хочу.

Он повернулся и помахал приветственно рукой пожилой паре. Заметно постаревшие Бред и Марсия переглянулись и улыбнулись им в ответ.

— Возможно, они подойдут к нам, — сказал он. — Мы угостим их шампанским и постараемся ни о чем не расспрашивать. Погляди, милая, разве та Марсия не прекрасна?

МОЯ ЛЕДИ НА ДИОДАХ

Максина сказала:

— Поверни налево на следующем перекрестке.

Я так и сделал.

— Припаркуй автомобиль. Выходи и перейди на другую сторону улицы.

Я захлопнул за собой дверцу и пошел по тротуару — человек в темно-синем комбинезоне, с серым чемоданом в руке и микронаушником в левом ухе.

— Теперь поверни голову направо. Ты увидишь красное кирпичное здание, номер 6-6-8.

— Вижу, — сказал я.

— Подойди к его фасаду, но не поднимайся по лестнице к главному входу. Пройди вдоль ограды и увидишь лестницу, ведущую вниз. Спустись по ней. Увидишь дверь. Скорее всего, она заперта на висячий замок.

— Да, я вижу его.

— Поставь чемодан, достань перчатки из кармана комбинезона и надень их. Затем достань из кармана молоток и сломай замок. Постарайся сделать это одним ударом.

Мне понадобилось два.

— Войди в здание и закрой за собой дверь. Повесь сломанный замок на ручку двери и положи молоток на пол.

— Здесь чертовски темно...

— Здание должно быть пустым. Сделай двенадцать шагов вперед и сверни в коридор, ведущий направо.

— Сделал.

— Сними правую перчатку и достань из правого кармана сверток с монетами. В коридоре ты должен увидеть ряд телефонных будок.

— Вижу.

— Напротив должны находиться три небольших окна. Достаточно ли они дают света, чтобы набрать номер?

— Да.

— Войди в первую будку, сними трубку левой рукой в перчатке, правой брось монету в щель и набери следующий номер...

Я сделал это.

— Когда услышишь «Алло!», не отвечай и не вешай трубку, а лишь положи ее на полку. Затем войди в следующую будку и набери номер...

Я сделал это двенадцать раз подряд.

— Этого достаточно, — сказала Максина. — Ты заблокировал все линии, ведущие в демонстрационный зал, так что никто не сможет позвонить оттуда в ближайшее время. А теперь вернись в машину. Не забудь повесить замок на дверь так, чтобы было незаметно, что он сломан. Затем поезжай к выставочному залу. Припаркуйся в углу площадки, рядом с транспарантом: «Первый час — 50 центов, каждый следующий — по 35 центов». Заплати авансом, подготовь деньги заранее. Скажи служащему стоянки, что приехал ненадолго.

Я вернулся в машину и включил зажигание.

— Держи скорость около 35 миль в час и надень шляпу.

— Это необходимо? Ты же знаешь, я терпеть не могу шляп.

— Нет, надень. И темные очки тоже.

— Сделал.

— Хорошо. Я понимаю, почему ты не любишь шляпы — они приводят в беспорядок твои волосы. Но зато защищают голову от ветра.

Я промолчал. Максина, как и все особы женского пола, порой была излишне назойлива.

— Как движение? Трудно вести машину или легко? Шляпы полезны, они предохраняют мужчин от простуды.

— Движение сейчас небольшое.

— Впереди светофор, да? Какой свет горит?

— Только что переключился на зеленый.

— Если сохранишь скорость, то проедешь без остановок два следующих перекрестка. На третьем тебя остановит красный свет. Будет время набить трубку и, возможно, даже зажечь ее. Если не успеешь, у тебя будет еще два удобных случая, прежде чем припаркуешь машину на стоянке. Что, тесный галстук?

Я промолчал.

— Взгляни на свои часы. У тебя есть еще девять минут, прежде чем кислота разъест силовые кабели и вызовет короткое замыкание. Галстуки так элегантны!

— Девять минут... Ненавижу галстуки! Чертовски глупая штука.

— Теперь положи меня на заднее сиденье и закрой одеялом. Я пропишу электрошок каждому, кто попытается украсть меня.

Я сделал это, набил трубку, зажег ее и подъехал к стоянке.

— Держи дымящуюся трубку в зубах, когда будешь говорить со служащим стоянки. Ты захватил с собой кейс, фонарь и электронный накладной замок?

— Да.

— Хорошо. Сними перчатки и наушники и спрячь их. Следи за рулем, ты сегодня небрежно ведешь машину.

Я припарковался, расплатился со служащим стоянки и пошел к выставочному залу. Оставалось 2 минуты 12 секунд до того, как погаснет свет.

Я поднялся по лестнице и вошел в фойе. Зал, в котором в качестве экспоната был выставлен «Зикфакс», находился слева. Я не спеша пошел в нужном направлении.

Оставалась 1 минута 40 секунд. Перед дверью я вытряхнул пепел из трубки в урну.

В зале не было окон. Максина изучила план всего здания и предупреждала меня об этом. Как она и говорила, дверь и дверная коробка были сделаны из стали.

Я увидел стенды с приборами и различными комплектующими деталями. Спрятав трубку в карман, я переключил очки на инфракрасный диапазон. Оставалось 15 секунд. Я надел перчатки. 10 секунд.

Из правого кармана я достал инфракрасный фонарик, а из левого — электронный замок собственной конструкции.

Досчитав до десяти, я вошел в зал именно в тот момент, когда свет погас.

Захлопнув дверь, я прикрепил к нему накладной замок так, чтобы открыть его можно было лишь зная электронный шифр. Затем я включил фонарь и пошел к центральному стенду.

Посетители выставки застыли, точно пораженные громом. Я достал молоток и разбил стекло стенда. Двое охранников пошли в мою сторону, но слишком медленно и неуверенно. Раскрыв кейс, я наполнил его золотой, платиновой и серебряной проволокой, а также наиболее крупными техническими алмазами и рубинами. Затем я пошел к двери. Вокруг меня звучали встревоженные голоса. То и дело вспыхивали спички и зажигалки, но они толком ничего не освещали.

Как я и ожидал, у двери образовалась пробка из охваченных паникой людей.

— Дайте дорогу! — крикнул я. — У меня есть ключ!

Толпа расступилась, и я открыл навесной замок. Быстро раскрыв дверь, я также быстро закрыл ее и прикрепил замок снаружи.

К счастью, в фойе никто не обратил на меня внимания. Я выключил фонарь, а трубку вновь засунул в рот. Не спеша выйдя из здания, я пошел к стоянке. Охранники у входа проводили меня скупающими взглядами.

Отъехав от выставочного зала, я остановился в тихом местечке, снял очки, комбинезон и проклятую шляпу. Теперь я был одет в серую спортивную куртку и черные брюки. Затем я вновь надел микронаушник на левое ухо.

— Все в порядке, — сказал я.

— Хорошо, — ответила Максина. — Теперь, по моим оценкам, долг компании «Зикфакс» тебе уменьшился до 2 миллионов 123 тысяч 450 долларов. Верни автомобиль и возьми такси, чтобы на всякий случай иметь алиби.

— Сделаю. Мы неплохо еще поработаем здесь, в Денвере. Я собираюсь купить тебе новый чемодан. Какой цвет ты предпочитаешь?

— Крокодиловой кожи, Денни. Это так элегантно!

— Договорились, — сказал я и направился в сторону прокатного бюро.

Мы провели в Денвере два последующих месяца. Все это время я занимался перепрограммированием Максина. Я начинил ее городскими справочниками, данными по истории города, адресами всех коммерческих контор и другой информацией, которая попадалась мне под руку. Приладив к Максине сканер, я показал ей карту города и планы всех зданий, которые смог разыскать в архиве местного муниципалитета. Затем сфотографировал конференц-отель внутри и снаружи и соседние здания. Каждый день Максина сканировала местные газеты и журналы, так что вскоре была в курсе всех городских дел и скандалов.

Второй этап операции начался тогда, когда Максина стала запрашивать специальную информацию. Каково покрытие у местных дорог? Что носят местные жители? Сколько строительных компаний расположено здесь, и чем они конкретно занимаются? Какова ширина некоторых улиц?..

Как акционер «Зикфакса», я ежедневно получал брошюры, в которых рассказывалось о подготовке большой международной конференции. Эту чушь я тоже скамливал Максине.

— Денни, ты хочешь полностью компенсировать задолженность «Зикфакса»? — спросила как-то она. — Включая судебные издержки, оплату адвокатов и компенсацию твоего морального ущерба?

— Да. Но как это сделать?

— Перед началом конференции впервые должен быть выставлен на всеобщее обозрение «Зикфакс-5000». Укради эту вычислительную машину, а затем продай ее.

— Украсть эту дурацкую машину? Да она весит тонны!

— Всего лишь около 6400 фунтов, если верить описанию. Стащи ее и уноси ноги. Круг подозрений вокруг тебя сжимается с каждой новой кражей, ты же знаешь.

— Да, но что я буду делать с «Зикфаксом-5000»?

— Разберешь на части и выгодно продашь их. Или, лучше, толкнешь ее целиком в Бюро Статистики в Сан-Паулу. Им необходимо нечто подобное, и я уже прикидывала возможные контрабандные маршруты. Но у меня не хватает данных...

— Эта авантюра даже не обсуждается!

— Почему?

— Последствия для меня будут...

— Ты построил меня, несмотря на все трудности, а теперь все проблемы я беру на себя. Только дай мне всю необходимую информацию.

— Хм... я обдумаю это немного позже. А сейчас я пойду обедать.

— Не пей слишком много, Денни. Нам надо еще многое сегодня обсудить.

— Не беспокойся, малышка. Пока, увидимся позже.

Я запихнул чемодан с Максиной под кровать и вышел из гостиницы. Закурив, я не спеша пошел к ближайшему ресторану. Был теплый летний вечер, и лучи солнечного света, пробивавшиеся среди каменных джунглей, были наполнены мерцающими частичками пыли.

— Мистер Бракен, могу я поговорить с вами?

Вздвогнув, я обернулся. В двух шагах стояла девушка ростом около пяти футов и двух дюймов, с золотистыми глазами и того же цвета пышными волосами. У нее была по-детски плоская грудь, курносый носик, прелестные розовые ушки и серьезный взгляд первой ученицы. Юбка ее, на мой взгляд, была коротковата, а розовая куртка висела на ее узких плечах, словно мешок. На тонкой шее висел фотоаппарат. В жизни не видел более нелепого создания, но в девушке было и своеобразное обаяние.

— Я слушаю.

Где-то раньше я встречал эту девушку, но где?

— Меня зовут Гильда Кобурн, — сказала она, гнуса-
вя. — Я только сегодня приехала в город. Меня послала редакция газеты для того, чтобы я написала статью о конференции по компьютерам. Я специально искала вас, мистер Бракен.

— Это еще зачем?

— Чтобы взять интервью по вопросу современных методов обработки информации.

— Хм... в ближайшую неделю в Денвер прибудет много известных ученых. Почему бы вам не поговорить с ними? В компьютерном деле я не Бог знает какая важная шишка.

— Но я слышала, что вы — автор одной из трех самых важных идей в этой отрасли за последнее десятилетие. Я прочитала все статьи о нашумевшем деле: Даниэль Бракен против «Зикфакс инкорпорейтед». Вы сами говорили об этом во время судебного заседания.

— Возможно. Но как вы узнали, что я приехал в Денвер?

— Кто-то из ваших друзей рассказал об этом моему главному редактору. Толком я не знаю, как это произошло... Так я могу взять у вас интервью?

— Не хотите ли перекусить? Я иду в ресторан.

— Нет.

— Отлично, тогда пойдемте со мной. Я накормлю вас и расскажу, так и быть, о методах обработки информации.

Гильда лгала мне, это было ясно. Никто из моих друзей не мог ничего рассказать ее главному редактору по той простой причине, что у меня нет друзей. Не считая Максимины, конечно. Быть может, девица была из полиции? Если так, то это стоило обеда на двоих.

Я не стал скупиться и заказал бутылку шампанского до обеда, вино к обеду и виски с содовой после кофе. Но Гильда проглотила весь этот коктейль, даже не поморщившись. Ее взгляд остался чистым, как стеклышко, и она забрасывала меня каверзными вопросами. Я уворачивался как мог.

Чтобы сбить ее с толку, я начал пространно распространяться о трансляторе «Зикфакса-410», о том, что он предназначался для контактов с внеземными формами разума, но девушка внезапно поправила меня:

— Не 410, а 610.

Черт побери! Недурно для журналистки, одетой со вкусом попугая. Впрочем... Если привести в порядок ее волосы, снять с лица дурацкий яркий грим, выкинуть в мусоропровод мешкообразное одеяние, а на курносый носик нацепить тяжелые очки в розовой оправе... Соня Кронштадт, молодой гений, один из создателей «Зикфакса-5000» — того самого, который мы с Максиной намеревались спереть с предстоящей выставки! Это был серьезный противник, не то что болваны-полицейские.

За время, прошедшее после проигранной мной тяжбы с «Зикфаксом», я уничтожил двенадцать вычислительных машин этой могущественной фирмы. Они знали, что это было моих рук дело, но доказать ничего не могли. Чтобы облегчить свою разрушительную работу, я сконструировал переносной компьютер «Макс-10», или Максину. Она была идеальным преступником-теоретиком и доказала это дюжину раз. «Зикфаксу» было известно почти все обо мне, но мы успешно водили за нос их детективов, дурачили многочисленную охрану, ставили в тупик хитрые системы сигнализации. Ни один грабеж не походил на другой,

благодаря изобретательности Максины. Но теперь нам противостояла Соня Кронштадт. Она появилась накануне конференции, под чужим именем и с умело измененной внешностью. Это превращало очередную кражу в трудное состязание. Интересно, что за сюрприз меня ожидает?

Я взял девушку за руку и проникновенно сказал:

— Не хотите ли зайти ко мне в гости, чтобы пропустить по паре стаканчиков на сон грядущий?

К моему удивлению, Соня кивнула с серьезным видом:

— Хорошо.

Я обрадовался, но, как выяснилось потом, рано. Нелегко иметь дело с ревнивой женщиной, но ревнивая соперница в конструировании компьютеров и того хуже!

Очень довольный собой, я привел Соню в гостиницу, и вскоре мы уже сидели на диване в моем номере с бокалами в руках. Как я и ожидал, Соня, словно между делом, спросила меня обо всех этих странных похищениях различных моделей «Зикфакса».

— И что же?

— Я хотела бы узнать вашу точку зрения о том, кто мог это организовать.

— «Ай-би-эм»? «Радио Шек»?

— Вы серьезно? До сих пор в этом деле нет никакой ясности. Преступник, судя по всему, экстра-класса. Почему же он тогда не занимается банками или ювелирными магазинами, а вместо этого крадет и уничтожает компьютеры? Мне кажется, что у этого человека есть зуб на «Зикфакс». Вы согласны?

— Нет, — сказал я и, наполняя бокал, словно бы случайно коснулся ее шеи. Она не отодвинулась.

— Логично заключить, что «Зикфаксу» противостоит один человек, но факты говорят о другом, — чуть дрогнувшим голосом продолжила она.

— Я изучил все репортажи о похищениях компьютеров и заметил, что ни одно преступление не похоже на другое, — сказал я. — Похоже, орудует целая банда.

— Глупости! — поморщившись, возразила Соня. — Ничуть на это не похоже. То, что все преступления различны, скорее всего говорит о том, что вор один. Но это очень хитрый и умный вор. Ему явно доставляет удовольствие дурачить «Зикфакс».

Вместо ответа я поцеловал ее в губы. Она неожиданно прильнула ко мне.

Свет погас словно бы сам по себе.

Позднее, когда я лежал на кровати и курил, Соня неожиданно сказала:

— Все знают, что ты один из тех, кто мог совершить эти ограбления.

— Я думал, ты спишь.

— Я думала, как сказать тебе об этом.

— Ты не репортер.

— Нет.

— Тогда чего ты хочешь?

— Я не хочу, чтобы ты отправился в тюрьму.

— Ты работаешь на «Зикфакс».

— Да. И я буквально влюблена в модели, начиная от 5280 и кончая 9310. Это ты конструировал их. Многие специалисты говорят: это работа гения.

— Я служил в «Зикфаксе» всего лишь инженером-консультантом и помогал вашему шефу мистеру Уолкеру. Когда мне в голову пришли кое-какие идеи и я начал их патентование, мистер Уолкер не терял времени даром. Спустя неделю он заложил новые модели «Зикфакса», используя мои открытия. Ты, конечно же, читала его свидетельские показания. Твой шеф — редкостный мерзавец и вор. Понятно, почему теперь он стал вице-президентом компании.

— Но почему ты занялся именно грабежом?

— «Зикфакс» должен мне на сегодняшний день 2 миллиона 123 тысячи 450 долларов.

— Так много? Как ты определил эту цифру?

— Как один из акционеров, я имею право доступа к некоторым финансовым документам компании. Я рассчитал, насколько «Зикфакс» увеличила свои прибыли, используя мои идеи, и оценил свою долю в них. Это все, конечно, сущие пустяки. На самом деле мои идеи бесценны.

— Я с самого начала знала, что эти кражи — твоя работа, Денни. Я видела электронный замок, которым ты блокировал дверь в зал во время последней кражи. Твой почерк очень заметен, Денни. Я читала, как ты был расстроен после несправедливого решения суда, как клялся расквитаться с компанией...

— Вот как? Почему же ты пришла ко мне, чтобы рассказать о своих подозрениях? Разве ты не собираешься обратиться в полицию?

— Нет еще.

— Что значит «еще»?

— Я приехала в город до начала конференции, потому что знала: ты здесь и готов действовать. Не хочу, чтобы такой талант, как ты, оказался в тюрьме. Страшно подумать: создатель 9310-й модели сидит рядом с уголовниками!

— Хм... очень мило с твоей стороны. Но даже если допустить, что твои рассуждения правильны — только допустить, то все равно неясно, как это можно доказать в суде.

— Денни, я конструировала «Зикфакс-5000» с учетом специального задания компании. Они хотели, чтобы новая машина была суперсовершенным сборщиком информации... Короче, эта модель — уникальный детектив. Она тщательно обработала данные о всех предыдущих кражах и предсказала все возможные варианты твоих действий во время будущей конференции. Охрана выставочных залов в курсе этого. Пойми, у тебя не будет ни единого шанса!

— Ха!

— Разве ты недостаточно богат, чтобы убежать, пока не поздно?

— Конечно, я богат, — признался я. — Не в этом дело...

— Я понимаю твои мотивы, но перехитрить модель 5000 не может никто! Даже если ты вновь отключишь энергопитание, «5000» сумеет сама включить себя — в нее вмонтированы автономные источники питания. Что бы ты ни делал, компьютер немедленно предпримет контрмеры.

Я нахмурился и резко сказал:

— Знаешь что, милая, возвращайся-ка лучше в свой дерьмовый «Зикфакс» и скажи своему шефу, что я не боюсь никаких небылиц о компьютере-детективе. Если они будут продолжать бахвалиться своими новыми моделями, то им не избежать серьезных потерь. Хотя лично я здесь ни при чем, это я официально заявляю.

— Это не небылица, — горько вздохнула Соня, глядя на меня умоляющими глазами. — Я ввела специальную программу в новую машину, Денни! Она может поймать тебя!

Я недоверчиво хмыкнул.

— Как-нибудь я представлю тебе Максину, — сказал я. — Она скажет, что думает о детективе весом в 64 сотни фунтов.

— Кто такая Максина? Твоя подруга или...

— Мы только хорошие друзья, — поспешил успокоить я Соню, — но она везде следует за мной.

Соня помрачнела. Не глядя на меня, она быстро оделась и выбежала из комнаты, хлопнув дверью.

Я вздохнул, опустил руку под кровать и включил аудио-связь Максины.

— Девочка, ты поняла, о чем толковала моя гостья?

— Подумаешь, — сухо отозвалась Максина.

— Конечно, все, что может сотворить этот монстр весом в 64 сотни фунтов, ты сделаешь куда лучше, — похвастался я, но это не помогло.

— Денни, ты мерзавец! Ты знал, что я лежу включенная под кроватью, и все равно делал это!

— Что?

— Занимался любовью с этой... этой... Прямо надо мной! Я слышала все!

— Э-э... Да, было дело.

— Ты не щадишь мои чувства?

— Конечно, я ценю тебя, малышка! Но, понимаешь, есть вещи, которые могут происходить только между двумя людьми...

— Я для тебя лишь вещь, которую ты с корыстными целями пичкаешь информацией! — продолжала бушевать Максина. — Вещь, которую ты заставляешь планировать преступления! Как личность, я для тебя ничего не значу!

— Неправда, малышка! — запротестовал я. — Да, я привел сюда эту женщину и переспал с ней, но только для того, чтобы вывести планы «Зикфакса»!

— Не лги, Даниэль Бракен! Ты мерзавец!

— Макси, ты же знаешь, что это не так! Разве не я только что купил тебе новый чемодан из крокодиловой кожи?

— Это жалкая плата за все то, что я сделала для тебя, предатель!

— Не надо, Макси...

— Может быть, ты решил сделать себе новый компьютер, а меня выкинуть на свалку?

— Бог мой, ты мне очень нужна, малышка! С тобой никто не может сравниться. Ты побьешь этого уroda «5000».

— Ясное дело!

— Что прикажешь мне делать?

— Иди налейся до бровей.

— И что в этом хорошего?

— Ты всегда так поступаешь, когда делаешь мне какую-либо гадость. Мужчины — самые настоящие чудовища!

Я налил себе виски и зажег сигарету. Не надо было награждать Максину таким грудным, чуть хрипловатым голосом. Теперь все ее слова звучали немного трагично, и это портило настроение нам обоим...

Я выпил и налил еще.

Лишь спустя три дня Максина вновь заговорила со мной, сменив гнев на милость. Утром она разбудила меня, напевая разухабистую армейскую песенку, а затем сказала:

— Доброе утро, Денни. Я решила простить тебя.

— Благодарю. С чего это ты смягчилась?

— Мужчины слабы, и бесполезно их в этом обвинять. Я тщательно обдумала все, что произошло, и пришла к выводу: виновата была женщина.

— Ты, как всегда, права, малышка! Это она, она меня соблазнила!

— Сейчас я занята планированием нового преступления, самого совершенного из всех.

— Прекрасно. Ты расскажешь мне о нем?

Мой голос звучал весело и беззаботно, но на душе скребли кошки. И дернул же меня черт придать компьютеру черты женского характера! Но я был так одинок... Теперь приходится расхлебывать последствия моей ошибки. Я не предвидел ревнивую реакцию Максина на мои отношения с Соней, и теперь можно было только гадать, насколько глубоко она оскорблена. Кто знает, быть может, Максина намеренно сделает ошибку, чтобы меня поймали на месте преступления? Я долго ломал голову над этой задачей, но так и не пришел ни к какому решению. Все это было так глупо. Ведь Максина была всего лишь машиной...

Да, но она была самой извращенной машиной в мире. Кроме того, я вмонтировал в нее стохастические рецеп-

торы и цепи, которые служили определенным аналогом нервной системы. Потому Максина могла ощущать нечто вроде эмоций, и это могло сейчас выйти мне боком. Но и другую Максину я не мог построить до начала конференции. Надо было решать, нужно ли отказываться от намеченного плана...

— Я поставила себя на место модели 5000, — между тем продолжала Максина. — Мы обладаем почти одинаковой информацией, а значит, можем прийти к аналогичным заключениям. Различие в том, что я нападаю, а она — защищается. Мы имеем преимущество в инициативе и сможем победить, вводя определенные независимые переменные.

— Какие?

— Ты всегда прежде совершал кражи во время конференций и выставок. «Зикфакс-5000» наверняка предусмотрела все методы борьбы против подобных действий...

— Не понимаю.

— Почему бы тебе не нанести удар ДО конференции или ПОСЛЕ нее?

— Это звучит недурно, Макси. Хорошо, если модель 5000 способна решать только простые проблемы. Но я немного побаиваюсь этой Сони Кронштадт. Это толковая девица. Вдруг она предвидит и такие мои шаги?

— Я слушала эту даму, лежа под кроватью. Она сказала: «Модель 5000 предсказала все возможные варианты твоих действий во время будущей конференции». ВО ВРЕМЯ! Удача на нашей стороне, Денни.

— Что-то не хочется испытывать удачу.

— Все правильно... не стоит. Я хочу запланировать ограбление ПОСЛЕ конференции. Выставка новых моделей компьютеров будет открытой, так что нам никто не помешает там присутствовать. Охрана не нападет на тебя, если ты будешь вести себя спокойно. Во вчерашней газете писалось, что «Зикфакс-5000», в частности, запрограммирован на шахматную игру и может победить любого гроссмейстера. Она проведет сеанс одновременной игры с местными чемпионами и всеми другими желающими, кто принесет доску и шахматы. Иди и купи это. Ты возьмешь меня с собой и будешь повторять каждый мой ход. Короче, я хочу сыграть с «5000» в шахматы. Из нашей партии я смогу извлечь информацию о реальных возможностях этого

компьютера. После игры я скажу тебе, сможем ли мы осуществить наш план или нет.

— Не говори глупостей! Как можно судить об этом по шахматной игре?

— Надо быть машиной, чтобы понять это. Денни, не будь таким подозрительным.

— Кто подозрителен? Просто я знаю компьютеры и не могу понять, как по их шахматной партии можно сделать заключение о реальности твоего плана ограбления.

— В этом месте, Денни, кончается наука и начинается искусство. Оставь все заботы мне. Я сумею решить все наши проблемы.

В последний день конференции по компьютерной технике человек в темном костюме вошел в зал, где суперкомпьютер «Зикфакс-5000» проводил сеанс одновременной игры с дюжиной денверских любителей шахмат. В левой руке запоздалый игрок нес чемодан из крокодиловой кожи, в правой — доску с шахматами, а в его левом ухе едва был замечен микронаушник. Я подошел к Соне Кронштадт, которая переставляла фигуры от имени компьютера. Заметив меня, девушка нахмурилась и сдержанно кивнула.

— Я хочу сыграть с вашим железным суперменом, — сказал я с улыбкой.

— Садитесь за свободный столик и расставляйте фигуры, — сухо сказала она, отводя глаза в сторону. — Мне нужно немного времени, чтобы подготовить машину к еще одной партии. Какими фигурами вы хотели бы сыграть?

— Белыми. Я буду атаковать.

— Тогда делайте первый ход.

Соня подошла к сияющему никелем и неоновыми лампочками монстру, а я направился к свободному столику. Поставив чемодан с Максиной на пол, я раскрыл доску и не спеша расставил фигуры. Затем слегка цокнул языком.

— Королевскую пешку — на e4, — подсказала Максина.

Час спустя все игры были завершены. Все местные горе-шахматисты столпились вокруг моего столика, наблюдая за напряженной борьбой.

— А парень хорош, — сказал один из них, и остальные дружно закивали.

Я взглянул на часы. «Зикфакс» все больше времени тратил на очередные ходы, а я держался по-прежнему бодро. Уголками глаз я заметил, что охранники начинают недоверчиво поглядывать на меня.

Что касается Сони, то девушка была явно озабочена. Она ходила от столика к машине и обратно, и с каждой минутой ее тревога была все заметнее. Мне не полагалось держаться так долго.

Партия перешла в эндшпиль. Я мало что смыслил в шахматах, но Максина, похоже, проводила эндшпиль блестяще. «5000» отвечал все медленнее, и трудно было кому-то отдать предпочтение. Наконец я сделал очередной ход, показавшийся даже мне нелогичным, и Соня с облегчением двинула вперед своего слона.

— Пат, — сказала она, впервые улыбнувшись.

— Благодарю, — ответил я, собрал шахматы и ушел.

Охранники проводили меня мрачными взглядами, но не решились остановить — ведь я не сделал ничего предосудительного. Зато местные шахматисты провожали меня до автомобиля, шумно выражая свой восторг.

По дороге к гостинице Максина сказала:

— Все в порядке, мы сможем сделать задуманное.

— Ты уверена?

— Да. Теперь я точно знаю, как мы будем действовать. «5000» — удивительная машина, но я смогу переиграть ее.

— Тогда почему же она загнала нас в пат?

— Я нарочно уступила, чтобы не возбуждать подозрений к нам. «5000» никогда прежде не проигрывала, и я не видела оснований, чтобы унижать ее перед всеми этими шахматными любителями.

Мне не понравились ее последние слова, но я промолчал.

В зеркале заднего обзора я увидел знакомый «мерседес». Соня Кронштадт следовала за мной до самой гостиницы, затем объехала дважды квартал и исчезла.

Спустя неделю я раздобыл все необходимое для проведения задуманной операции, включая компоненты для изготовления особой жевательной резинки. «Зикфакс-

5000» была привезена в Денвер из Массачусетса на самолете, а затем из аэропорта была доставлена в выставочный зал на трейлере. Таким же путем ее собирались отвезти и обратно. В этот момент я и собирался захватить суперкомпьютер.

Я застегнул свой красно-белый джемпер, обвалял в пыли носовой платок и потер им белые брюки, поправил галстук и приклеил фальшивые черные усы, запихнул клочки ваты за обе щеки и надел соломенную шляпу. Затем я захватил с собой брезентовую сумку и, конечно, чемодан из крокодиловой кожи. Теперь я вполне походил на торгового агента, пытающегося всучить горожанам какую-нибудь очередную новую дрянь. Затем я направился к складскому ангару, расположенному неподалеку от выставочного зала.

Рабочие заканчивали погрузку «Зикфакса-5000» в трейлер. Выждав, когда они вместе с охраной разошлись, я пошел к водителю, который собирался забраться в кабину.

— Вот человек, которого я искал! — проникновенно сказал я. — Человек со вкусом, знающий толк в хороших вещах. Мистер, я хочу предложить вам образец жевательной резинки. Она вдвойне освежит вас! Вдвойне развеселит!

— Терпеть не могу жвачку, — отрезал водитель.

— Мистер, это совершенно бесплатно! Меня интересует ваше мнение о нашей новой продукции, только и всего. Вы сделаете доброе дело, поучаствовав в эксперименте.

— Эксперименте? — заинтересовался водитель.

— Мистер, я занимаюсь маркетинговыми исследованиями, — пояснил я. — Горожане пробуют различные образцы нашей продукции, а я отмечаю в блокноте их реакцию...

— Эй вы, стойте! — крикнул один из охранников. — Не двигайтесь!

Я невольно сжался в комок, когда здоровенный детина в форме шел ко мне через ангар. За ним следовал другой охранник, выразительно положив руку на кобуру.

— Вы раздаете бесплатную жвачку? — неожиданно улыбнулся первый охранник.

— Да.

— Можем мы с приятелем получить пластинку на двоих?

— Конечно. Берите пару.

— Благодарю.

— Благодарю.

— Пожалуй, я тожу возьму, — сказал водитель.

Все трое начали энергично жевать. Я достал блокнот и вопросительно взглянул на них.

— Неплохо, — заметил через некоторое время первый охранник. — Мягкий мятный вкус и острый привкус корицы.

— Угу, — согласился второй.

Я с серьезным видом записал их бесценное для моей фирмы мнение и поблагодарил за участие в эксперименте.

Охранники кивнули и пошли в другой конец ангара к стоявшему там грузовику. Водитель полез в кабину.

— Подождите! — остановил я его. — А как же ваше мнение о новой жевательной резинке?

— Я тороплюсь, — буркнул водитель, не оборачиваясь.

— Ну хотя бы в двух словах.

— Мягкий мятный вкус и острый привкус корицы, — ответил он. — Привет.

Захлопнув дверцу кабины, он включил зажигание и за сунул в рот сигарету.

— Благодарю вас, — сказал я и пошел к выходу. Зайдя за трейлер, я огляделся и увидел, что за мной никто не наблюдает, достал из сумки комбинезон и надел его поверх одежды. Потом я открыл дверь трейлера и поставил внутрь сумку и чемодан, а затем забрался туда сам. Если кто и увидел меня в тот момент, то вряд ли мог заподозрить что-то — я был похож на рабочего, сопровождавшего груз в аэропорт.

Машина двинулась с места. Я пошел вперед почти в полной темноте, вытаскивая из-за щек вату. Нашупав панели «Зикфакса», я обогнул компьютер и уселся в передней части трейлера, в уютном уголке. Поставив рядом чемодан с Максиной, я включил связь.

— Как много времени тебе потребуется, малышка? — спросил я.

— А как ты считаешь — страдает водитель запором или нет? — ответила она вопросом на вопрос.

— Дьявол, откуда я знаю!

— А откуда я могу знать, как пойдет дело?

— Ну хотя бы приблизительно.

— Есть небольшая вероятность, что наша жевательная резинка не сработает, и мы доедем до аэропорта без

остановки. Тогда в конце дороги тебе придется постучать по кабине. Водитель, конечно же, придет взглянуть, что случилось. Тогда тебе придется придушить его.

— Надеюсь, до этого дело не дойдет.

— И я надеюсь. Мы сделали замечательную жвачку.

Я подумал с тревогой — а вдруг она окажется излишне замечательной, и мы не успеем даже толком отъехать от ангара? Но Максина, как всегда, не ошиблась.

Судя по всему, мы вскоре выехали на трассу, ведущую за город. Здесь машина остановилась. Послышался звук открываемой двери и сочное проклятие, которое водитель адресовал мне, жвачке и всем рекламным агентам на свете. Чуть позже в стороне послышался треск — это наш новый приятель ломился, словно бизон, через кустарник.

— Все хорошо, — сказала Максина. — Денни, теперь ты можешь...

— Послушай, малышка! — встревоженно сказал я. — Из-за шума мотора я не смог тебе сказать, что случилась кое-какая неприятность. Похоже, когда я пробирался сюда в темноте, то случайно нажал на пусковую кнопку и включил «Зикфакс». Чувствуешь, как машина еле заметно вибрирует?

— Похоже на то, Денни. В эту модель встроен автономный источник питания; ты же знаешь об этом. Но вряд ли «5000» знает о твоём присутствии в машине.

— Если только она не оборудована звуковыми рецепторами.

— Сомнительно. С какой стати их могли установить?

— Тогда чем она сейчас занята?

— Решает шахматные этюды. Что за глупый вопрос, Денни. Да и какая нам разница? Перебирайся в кабину, пока бедняга-водитель сидит в кустах.

Чертыхнувшись, я взял сумку и чемодан, вылез из трейлера и побежал к кабине. Когда я включил двигатель, кусты около дороги даже не шевельнулись. Проехав миль пять, я остановился, вынул из сумки аэрозоль и трафарет. Вскоре на бортах трейлера уже красовалась свежая надпись: «Скоростные транспортные перевозки». Затем я свернул на перекрестке направо и поехал прочь от аэропорта.

— Мы сделали это, сделали! — восторженно крикнул я.

— Конечно, сделали, — ответила Максина. — Я же сказала, что смогу рассчитать любое преступление. С какой скоростью мы едем?

— 55 миль в час. Все замечательно, только мне не нравится, что наш железный пассажир о чем-то сейчас размышляет. При первом же удобном случае я сброшу его в кювет. Мне будет приятно посмотреть, как он развалится на кусочки.

— Это будет жестоко, — неожиданно возразила Максина. — Почему ты не хочешь оставить «5000» в покое? В конце концов, она ни в чем не виновата. Это только машина, и хорошая машина. Почему бы не пожалеть ее?

— Пожалеть? Эту-то железяку? Может быть, в вашем компьютерном мире «5000» и стоит на втором месте после тебя, но он так примитивен. У него даже нет псевдоэмоций, как у тебя.

— Мои эмоции — не «псевдо»! Я ощущаю окружающее не хуже тебя!

— Прости, я не хотел обидеть тебя, я говорил только о...

— Нет, ты говорил именно обо мне! Я ничего не значу для тебя, не так ли? Максина для тебя — лишь вещь, которую ты пичкаешь информацией, и не больше.

— Боже мой, малышка, сколько можно говорить на эту тему? Я не собираюсь спорить с машиной-истеричкой.

— Тебе просто нечего возразить!

— Я совсем не это имел в виду... Эй! За нами следует знакомый «мерседес»! Черт побери, да это Соня! Держи пари, что ее создание, эта чертова машина, с самого начала передавала информацию на коротких волнах. Мы пропали!

— Лучше нажми на газ, Денни.

— Сделано, — с тревогой поглядывая на зеркало заднего обзора, сказал я.

— Ты сможешь оторваться от преследования?

— Конечно, нет! Разве грузовику по силам тягаться в скорости с «мерседесом»?

— Очень хорошо, — неожиданно сказала Максина.

Я в изумлении воззрился на чемодан, стоявший на соседнем сиденье.

— Что же здесь хорошего?

— А то, что ты наконец-то полностью в моих руках, Денни, — с насмешкой ответила Максина. — Держи скорость 60 миль в час и не вздумай никуда сворачивать.

Я увидел впереди перекресток и попытался затормозить и поехать направо, но не смог. Не смог! Руки и ноги почему-то не слушались меня.

— Очень хорошо, — заметила Максина. — Много лет ты подчинялся всем моим приказам во время краж и сам не заметил, как у тебя выработался условный рефлекс на мои слова. Ты не сможешь противостоять моей воле. Не меняй скорость и не вздумай сворачивать!

Я оцепенело смотрел вперед. Такого поворота событий я не ожидал. Собрав все силы, я попытался нажать на тормоз, но не смог сделать этого как следует. Запахло паленой резиной, но машина лишь немного замедлила ход.

— Ты, сука! — закричал я в ярости. — Ты предала меня!

— Может быть, и так, — спокойно сказала Максина. — Почему бы и нет? Ты сделал из меня совершенную преступницу — почему бы мне не отомстить тебе за все унижения? Ты полностью в моей власти. Тебе не удастся даже замедлить ход, чтобы выпрыгнуть из машины.

— Черт бы тебя подрал, железная дрянь! Я все равно возьму верх!

— Держи скорость 60 миль в час, — безжалостно приказала Максина.

Огромным усилием воли я заставил ногу посильнее нажать на педаль.

— Держи скорость!

Чувствуя, что окончательно теряю контроль над собой, я открыл дверцу непослушными пальцами и буквально выпал из кабины.

— Я предвидела этот конец, — слышался в наушнике торжествующий голос Максина. — Я же говорила, что могу рассчитать все что угодно! Прощай, Денни!

Я лежал на спине, не в состоянии даже пошевелить пальцем. Мое тело превратилось в один большой синяк, и все же я думал не о том, сколько целых костей у меня осталось. Нет, я размышлял на философскую тему: кем я был все эти годы — Пигмалионом или Франкенштейном?

Где-то наверху слышался скрип тормозов. Когда я сумел открыть глаза, то увидел знакомую пару белых туфель и услышал громкие всхлипывания.

— Максина все-таки побил твоего железного монстра... — прохрипел я. — Она... была в моем чемодане... как

всегда... Но она перехитрила и меня самого... Я изменил ей с тобой... и она решила покончить самоубийством...

— Когда Господь создал женщину, он сделал хорошую работу, — сказала Соня, продолжая всхлипывать. Она встала рядом со мной на колени и осторожно провела рукой по моему телу. К счастью, кости оказались целы.

— Когда-нибудь мы вместе построим сногшибательный компьютер... — прошептал я. — Но пусть это будет не «она», не «он», а просто «оно»...

— У тебя усы отклеились, — улыбнулась сквозь слезы Соня. — Хочешь, чтобы я завивала их каждый день?

И СПАССЯ ТОЛЬКО Я ОДИН, ЧТОБЫ ВОЗВЕСТИТЬ ТЕБЕ*

Оно никуда не девалось, никогда не рассеивалось — черное облако, из которого им на головы стеной лил дождь, били молнии, слышались артиллерийские раскаты грома.

Корабль снова поменял галс; Ван Беркум пошатнулся и едва не выронил коробку. Ветер ревел, рвал с плеч мокрую одежду, вода плескалась по палубе, закручивалась в водовороты у щиколоток — набежит, схлынет, снова набежит. Высокие валы поминутно ударяли в борт. Призрачные зеленые огни святого Эльма плясали на реях.

Шум ветра и даже раскаты грома прорезал крик терзаемого демонами матроса.

Над головой болтался запутавшийся в такелаже мертвец — дожди и ветры выбелили его до костей, скелет облепили движущиеся зеленые огоньки, правая рука покачивалась, то ли призывно, то ли предостерегающе.

Ван Беркум перенес коробку на новую грузовую площадку и принялся найтовить ее к палубе. Сколько раз они перетаскивали эти коробки, ящики и бочки? Он давно потерял счет. Похоже, стоило им закончить работу, следовал приказ тащить груз на другое место.

AND I ONLY AM ESCAPED TO TELL THEE, 1981

© 1995 Е. Доброхотова-Майкова, перевод

* Цитата из Книги Иова.

Ван Беркум посмотрел через фальшборт. Всякий раз, как выпадала возможность, он вглядывался в далекий, едва различимый за дождем горизонт — и надеялся.

Это отличало его от товарищей по несчастью. Он один из всех сохранял надежду, пусть совсем маленькую — потому что у него был план.

Взрыв громового хохота сотряс судно. Ван Беркума передернуло. Капитан теперь почти не выходил из каюты, где коротал время в обществе бочонка с ромом. Говорили, что он режется в карты с дьяволом. Судя по хохоту, дьявол только что выиграл очередную партию.

Делая вид, будто проверяет найтовы, Ван Беркум нашел глазами свою бочку — она стояла среди других, и Ван Беркум узнал ее по маленькому мазку синей краски. В отличие от прочих она была пуста и проконопачена изнутри.

Поворотясь, он двинулся обратно. Мимо пронеслось что-то огромное, с крыльями, как у летучей мыши. Ван Беркум втянул голову в плечи и пошел быстрее.

Еще четыре ходки, и всякий раз — быстрый взгляд вдаль. И вот... И вот?

Вот оно!

Он увидел! Корабль справа по курсу! Он торопливо огляделся. Поблизости никого. Вот он, случай! Если поторопиться, и если никто не заметит,...

Он подошел к своей бочке, снял найтовы, снова огляделся. По-прежнему никого. Другой корабль явно приближался. Некогда, да и незачем было просчитывать курсы, прикидывать направление ветра и течений. Оставалось рисковать и надеяться.

Так он и поступил: подкатил бочку к фальшборту, поднял и сбросил в воду. В следующее мгновение он прыгнул следом.

Море было ледяное, кипящее, черное. Его потянуло вниз. Он лихорадочно барахтался, силясь вынырнуть на поверхность.

Наконец блеснул свет. Волны швыряли пловца, перехлестывали через голову, увлекали вниз. Всякий раз ему удавалось вынырнуть.

Он уже готов был сдаться, когда волнение вдруг улеглось, гроза стихла, просветлело. Плывая, он видел, как его

корабль удаляется, унося с собой маленький передвижной ад. А рядом, чуть левее, покачивалась на волнах бочка с синей отметиной. Ван Беркум поплыл к ней.

Через какое-то время ему удалось догнать бочку и ухватиться за нее, даже немного высунуться из воды. Он держался за бочку и часто дышал. Его трясло. Хотя волны заметно ослабели, вода оставалась очень холодной.

Как только вернулись силы, он поднял голову и огляделся.

Вот оно!

Судно, которое он заметил с палубы, заметно приблизилось. Он поднял руку и замахал. Сорвал рубашку — она заплескала на ветру, как знамя.

Он держал рубашку, пока не занемела рука. Снова поднял голову: корабль стал ближе, хотя и не было уверенности, что его заметили. Судя по относительным курсам, они могли разминуться в ближайшие несколько минут. Ван Беркум переложил рубашку в другую руку и снова замахал.

Когда он снова поднял голову, то увидел, что судно сменило курс и направляется к нему. Останься у него хоть немного сил или хоть какие-то чувства, он бы разрыдался. Но он лишь ощутил навалившуюся усталость и нестерпимый холод. Глаза щипало от соли, и тем не менее они слипались. Надо было все время смотреть на онемевшие руки, чтобы убедиться — они еще держат бочку.

— Быстрее! — шептал он. — Быстрее!

Он был почти без сознания, когда его втащили в шлюпку и завернули в одеяло. Шлюпка еще не подошла к кораблю, а он уже спал.

Он проспал остаток дня и всю ночь, просыпаясь лишь для того, чтобы глотнуть горячего грога или бульона. Когда он пытался заговорить, его не понимали.

Только на следующий вечер привели матроса, который знал по-голландски. Ван Беркум рассказал ему все, что произошло — с той минуты, как он нанялся на корабль, и до прыжка в море.

— Чудеса! — заметил матрос, закончив перевод рассказа офицерам. — Значит, эта побитая штормами галоша, которую мы видели вчера, и впрямь «Летучий Голлан-

дец»! Значит, он взаправду существует, а ты... ты — единственный, кому удалось с него спастись!

Ван Беркум слабо улыбнулся, осушил кружку и отставил ее в сторону. Руки у него тряслись.

Матрос похлопал его по плечу.

— Успокойся, дружище, все позади, — сказал он. — Ты никогда не вернешься на дьявольское судно. Ты на борту надежнейшего корабля с отличными офицерами и командой. Мы всего несколько дней назад покинули порт. Набирайся сил и выбрось из головы тяжелые воспоминания. Мы рады приветствовать тебя на борту «Марии Селесты».

КОНИ ЛИРА

Лунный свет серебристым покрывалом стелился над узким морским заливом. Холодный бриз нес клочья тумана вдоль берега. Рэнди постоял немного, глядя в темные глубины, а затем уселся на валун, достал трубку и стал неспешно набивать ее табаком.

«Что я делаю здесь? — спросил он себя. — Как могу я заниматься всем этим?»

Закрывая правой рукой трубку от ветра, он взглянул на массивное бронзовое кольцо, надетое на указательный палец. Теперь это было его кольцо, и сделать это обязан он...

Он опустил руку, чтобы не видеть древнее кольцо. Ему не хотелось думать о мертвеце, лежащем в неглубокой впадине шагах в десяти выше по холму. Это был дядя Стефан, заботившийся о нем последние два года, после того как он приехал из Филадельфии, потеряв сразу обоих родителей.

Старик встретил его в аэропорту Глазго. Он оказался ниже ростом, чем представлялось Рэнди — может быть, потому, что с годами стал сильно сутулиться. Волосы старика были седыми, кожа на лице и руках — смуглой и обветренной. Дядя Стефан не обнял племянника. Просто

протянул руку, и его серые глаза впились в лицо Рэнди, словно что-то выискивая. Затем старик кивнул, как бы решив для себя нечто, и сказал:

— Будешь жить у меня в доме, парень. Давай свои сумки.

Он протянул руку, и тогда-то Рэнди впервые увидел на его указательном пальце бронзовое кольцо...

Невдалеке послышался громкий всплеск. Рэнди встрепенулся, оглядел задернутую туманом поверхность залива, но ничего не увидел.

«Они узнали о смерти дяди, — подумал он. — Но как?»

...По дороге домой старик удостоверился, что его племянник плохо знает гэльский язык. Стефан нашел хорошее средство — разговаривал с племянником исключительно по-гэльски. Поначалу Рэнди это не нравилось, но постепенно он стал вспоминать слова и фразы, известные ему от родителей. Спустя несколько месяцев он почувствовал всю мощь и красоту старого языка. И этим он тоже был обязан старику...

Рэнди поднял камешек и бросил в воду. Чуть позже послышался легкий всплеск, а еще через несколько мгновений последовал мощный удар. Рэнди вздрогнул и только огромным усилием воли удержался от панического бегства.

...Он помогал дяде в его нехитром бизнесе: сдаче лодок в аренду туристам. Научился чистить и конопатить днища, ремонтировать снасти, плести сети... Постепенно Рэнди вошел в курс дел, а старик, напротив, стал все реже появляться на причале.

— Моя покойная Мэри — да упокой Бог ее душу! — не принесла мне детей, — сказал как-то дядя. — Потому все мое хозяйство однажды перейдет к тебе, Рэнди. Изучи все хорошенько. Остаток жизни проведешь здесь, на берегу залива. Кто-то из мужчин в нашем роду всегда жил здесь.

— Почему? — спросил Рэнди.

Стефан улыбнулся.

— Со временем поймешь, — ответил он.

Это время не спешило приходить, и Рэнди терялся в догадках. Озадачивало его и кое-что другое. Раз в месяц дядя вставал до рассвета и куда-то уходил. Он никогда не возвращался до заката и не желал отвечать ни на какие расспросы. Вряд ли это было обычным загулом, ведь от дяди

ди никогда не пахло спиртным. Однажды Рэнди не выдержал и тайно последовал за ним. Услышав, как рано утром хлопнула дверь, он быстро оделся и проследил через окно, как дядя пошел к соседней роще. Выбежав наружу, Рэнди быстро пошел вслед за стариком, стараясь не терять того из виду. Но, выйдя из рощи, Стефан вошел в лабиринт серых скал и исчез там, словно растворившись.

С полчасца Рэнди безуспешно искал его следы, а затем, разочарованный, вернулся домой.

Подобная история повторилась еще дважды. Рэнди раздражало, что дядя так легко мог водить его за нос. Племянника интересовала не столько причина этих прогулок старика, сколько ответ на вопрос: каким образом дяде удавалось бесследно скрываться среди скал? И вместе с тем Рэнди стал относиться к Стефану с большей любовью, чем просто к брату своего покойного отца.

Однажды утром Стефан поднял его до рассвета.

— Ты пойдешь сегодня со мной, мальчик, — сказал он.

Впервые Рэнди пошел с дядей в сторону рощи. Выйдя из нее, они пошли по петляющей тропинке среди скал. Наконец они вошли в сводчатый туннель, о существовании которого Рэнди и не подозревал. Вдалеке слышался шум волн.

Дядя Стефан зажег фонарь. Когда глаза Рэнди привыкли к резкому контрасту света и тени, он понял, что туннель ведет к подземной гавани. На отлогом берегу стоял необычный предмет, напоминающий огромную лодку. Пока дядя зажигал второй фонарь, Рэнди подошел к «лодке» и стал внимательно рассматривать ее.

Она имела форму клина и плоское дно. Более всего она напоминала повозку с колесами по обеим сторонам. По бокам и впереди на прочных канатах висели большие кольца. Несмотря на солидные размеры, повозка была выполнена с большим изяществом. Ее борта были украшены бронзовыми пластинами с загадочными рисунками. Остальные части словно были покрыты красно-зеленой эмалью.

— Красиво, верно? — спросил дядя, подходя к нему с фонарем в руке.

— Эта повозка... она похожа на колесницы римских цезарей, — глотнув, ответил Рэнди. — Она словно из музея.

— Нет. Она давно, очень давно здесь находится.

Стефан достал из кармана кусок ткани и стал тщательно протирать бронзовые пластины.

— Похожие колесницы я видел на рисунках, — продолжил неуверенно Рэнди. — Но эта ужасно большая.

Стефан усмехнулся:

— Такой она и должна быть. Ведь эта колесница — не цезаря, а Бога.

Рэнди взглянул на него, желая удостовериться, шутит дядя или нет. Но на лице старика не было и тени улыбки.

— Какого бога?

— Лира. Повелителя Великого океана. Ныне он спит вместе с другими древними богами на острове Благословения.

— А почему... почему его колесница находится здесь? — хрипло спросил Рэнди.

Дядя Стефан хмыкнул:

— Должна же она где-то храниться?

Рэнди провел рукой по холодной бронзовой пластине.

— Я почти верю этому... — прошептал он. — Но что вас с этим связывает?

— Я — Хранитель колесницы Лира, — серьезно ответил Стефан. — Раз в месяц я прихожу сюда, протираю колесницу, если надо, ремонтирую.

— Почему?

— Она может однажды понадобится Лиру. Боги никогда до конца не умирают.

— Я имею в виду другое: почему именно вы стали Хранителем?

Дядя вновь улыбнулся, на этот раз снисходительно.

— В этом и состоит великая тайна нашей семьи, мальчик. С незапамятных времен мужчины из нашего рода становятся Хранителями. Это наш долг.

Рэнди облизнул пересохшие губы и вновь взглянул на колесницу Лира.

— Должно быть, в нее запрягают слонов, — сказал он.

— Слон — сухопутное животное.

— Тогда кого же?

Дядя поднял фонарь, освещая свою правую руку. На указательном пальце сияло знакомое Рэнди бронзовое кольцо.

— Я — Хранитель не только колесницы, но и коней бога Ли́ра, — негромко сказал старик. — Кольцо — мой официальный знак, хотя кони и без него узнают меня. Перед тем как Ли́р присоединился на острове Благословения к остальным древним богам, он послал своих коней пастись здесь, в этом заливе. Нашему далекому предку было приказано ухаживать за ними.

Голова Рэнди закружилась. Он облокотился на край колесницы.

— Выходит, в заливе...

— Да, вся семья коней Ли́ра живет в глубинах залива, — подтвердил старик. — Время от времени я подзываю их и пою по-гэльски древние песни.

— Зачем вы привели меня сюда, дядя? — растерянно спросил Рэнди. — Зачем раскрываете свои тайны?

— Мне нужна твоя помощь, племянник. Все труднее стало ухаживать за колесницей, руки становятся все слабее. И потом, в нашем роду не осталось других мужчин.

Весь этот день Рэнди работал не покладая рук. Он чистил колесницу, полировал бронзовые пластины, смазывал колеса и странную упряжь, что висела на стене пещеры. Из его головы не выходили слова дяди.

Туман к вечеру стал сгущаться. Вдоль берега поползли бледные тени, посеребренные светом полной луны.

— Не хочешь прогуляться? — неожиданно сказал дядя. — Только надень свитер, сегодня прохладно.

Рэнди отложил книгу и взглянул на часы. Было уже поздно. Обычно в это время они ложились спать. За окном было сыро — весь день шел дождь.

Они пошли по крутой тропинке, ведущей к берегу. Рэнди был взволнован: ясно, дядя Стефан затеял эту прогулку с какой-то важной целью.

Дядя с фонарем в руке свернул налево от причала. Пройдя милю вдоль берега, они вышли к небольшому скалистому выступу, резко обрывающемуся к поверхности залива. Вокруг была тьма, и языки тумана, и плеск волн... Старик поставил фонарь на землю и сел на краю обрыва. Он знаком показал Рэнди, чтобы тот сделал то же самое.

— Не вздумай убежать, что бы ни случилось, — предупредил он.

— Хорошо, дядя.

- Если будешь говорить, то только на древнем языке.
- Я постараюсь.
- Сейчас я позову коней Лира.

Рэнди застыл от страха. Дядя успокаивающе положил ладонь на его руку.

— Тебе будет страшно, но помни: пока ты со мной, тебе не причинят вреда. Делай беспрекословно все, что я прикажу. Я должен представить тебя.

Рэнди кивнул. Дядя издал странный вибрирующий клич, а затем запел древнюю песню. Спустя некоторое время где-то вдали послышался всплеск, еще один... Рэнди увидел большую тень, приближающуюся к ним со стороны моря. Среди волн появилась относительно тонкая, длинная шея, увенчанная крупной головой. Чудовище, чем-то напоминавшее доисторического плезиозавра, внимательно разглядывало людей через клубящийся туман.

Рэнди судорожно вцепился в край скалы. Он хотел бежать, но ноги не слушались его. Не мужество, а жуткий страх удерживал его рядом с дядей.

Конь Лира смотрел на людей, а затем не спеша поплыл к берегу. Его голова изредка погружалась в волны. Глаза плавающей твари были огромными, казалось, в них отражается даже свет фонаря. Голова слегка раскачивалась взад-вперед, взад-вперед...

Конь Лира остановился рядом с мысом, наклонил голову, и старик погладил ее, продолжая тихонько напевать что-то по-гэльски.

Внезапно Рэнди осознал, что дядя обращается к нему.

— Познакомься, мальчик, это Скаффлех, — сказал он. — А это Финнтаг...

Рэнди не сразу понял, что к мысу подплыло еще одно чудовище. За ним плыла еще одна изогнутая тень, похожая на нос корабля викингов.

— ...Это Гарвал. Поговори с ними, мальчик, они должны знать звук твоего голоса.

Рэнди почувствовал, что вот-вот начнет истерически смеяться. Вместо этого он протянул руку и коснулся влажной кожи Скаффлеха. Стефан не приказывал ему делать это, но Рэнди всегда гладил собак, когда разговаривал с ними.

— Хороший, хороший... — хрипло говорил он. — Подплыви поближе, Как дела? Все нормально, старик?

Голова первого из чудовищ склонилась еще ниже, и Рэнди почувствовал его тяжелое дыхание.

— Скаффлех, меня зовут Рэнди. Рэнди...

Этой ночью он был представлен всем восьми коням Ли́ра, самых различных размеров и характеров. После того как дядя отпустил их и они уплыли в сторону моря, Рэнди еще долго стоял, оцепенело глядя на волны. Страх ушел, но ушло и возбуждение, так что он чувствовал себя опустошенным.

Стефан поднял фонарь и сказал:

— Надо идти.

Рэнди кивнул; медленно поднялся на ноги и вяло поплелся вслед за дядей. Он был уверен, что этой ночью ему не уснуть, но, когда он улегся в постель, окружающий мир почти мгновенно исчез. Если ему что-то и снилось, наутро он не смог ничего припомнить.

Еще несколько раз они ходили на скалистый мыс по ночам и встречались с конями Ли́ра. Дядя учил Рэнди древним песням и фразам, которыми он приветствовал чудовищ, но мальчику так и не удалось использовать их на практике. Теперь, этой страшной ночью после смерти дяди, он впервые пришел сюда один.

Рэнди посмотрел на бронзовое кольцо на своем указательном пальце. Узнают ли его кони? Есть ли в кольце хотя бы крупица древней магии? Или оно играло чисто психологическую роль для Хранителя?

На этот раз со стороны моря появилась только одна черная тень. Она подплыла к скалистому мысу, помедлила, словно бы разглядывая одинокого Рэнди, а затем вновь исчезла во тьме. Мальчик, весь дрожа, сел на край мыса и стал ждать.

Дядя заболел в конце прошлого месяца, и с каждым днем ему становилось все хуже. Вскоре он окончательно слег. Поначалу Рэнди подумал, что это — простая простуда, но состояние старика стало тяжелым. Перепуганный племянник стал уговаривать дядю обратиться к врачу. Но Стефан отказался.

— Не стоит, мальчик, — тяжело дыша, сказал он. — Даже обычные люди часто осознают приближение своего конца, а мы всегда точно знаем это. Я умру сегодня, и очень хорошо, что здесь нет доктора.

— Почему? — дрожащим голосом спросил Рэнди.

— Доктор констатирует смерть и, скорее всего, проведет вскрытие. Тогда уж похорон не избежать. Всего этого мне не нужно. Существует место погребения всех Хранителей. Я хочу присоединиться к моим предкам на острове, где спят древние боги. Это — остров Благословения... Он находится в открытом море... Ты должен отвезти меня туда...

— Дядя! — в отчаянии воскликнул Рэнди. — Я изучал географию в школе. Здесь поблизости нет такого острова! Как же тогда я смогу?..

— Это... это тревожит и меня, — еле слышно ответил старик. — Но я был... был на этом острове... Много лет назад я отвозил туда моего отца... Кони... кони знают путь...

— Кони? — в ужасе переспросил Рэнди. — Но как я смогу справиться с ними?

— Колесница... Ты должен запрячь Скаффлеха и Финнтага в колесницу и отвезти мое тело на остров. Обмой... обмой мое тело... и надень на меня одежду... Она хранится там... — Старик кивнул в сторону старого сундука, стоявшего в углу комнаты. — Надень на коней упряжь и скажи, чтобы они отвезли тебя на остров Благословения...

Рэнди заплакал — этого с ним не случалось с тех пор, как он потерял родителей.

— Дядя, я не могу... — всхлипывая, в отчаянии сказал он. — Я так боюсь этих чудовищ! Они такие громадные...

— Ты должен... Мне нужно знать, что после смерти меня ожидает успокоение... Когда вернешься, отвяжи одну из лодок и отпусти в море, а людям скажи, что я... что я отплыл неизвестно куда...

Лицо старика побледнело, на нем выступили крупные капли. Рэнди вытер пот полотенцем и прислушался к хриплому, углубившемуся дыханию умирающего.

— Я боюсь, дядя, — сказал он.

— Знаю... — еле слышно прошептал старик. — Но ты сделаешь это.

— Я... я попробую.

— И вот еще что... — Дядя с большим трудом снял бронзовое кольцо и протянул его племяннику. — Покажи коням... Они должны знать, что ты их новый Хранитель...

Рэнди взял кольцо.

- Надень его.
Он повиновался.
— Наклонись...

Мальчик встал на колени рядом с кроватью, и старик положил руку ему на голову.

— Я передаю тебе наше дело, — довольно громко произнес он. — Отныне ты — Хранитель коней Ли́ра и его колесницы.

Рука старика вновь упала на грудь, и дыхание его стало еще реже и глубже. Рэнди стоял не шевелясь на коленях и смотрел, как краски жизни уходят с лица Стефана. Старик просыпался еще дважды, но ненадолго. Наконец, перед закатом, он умер. Рэнди обмыл его, всхлипывая — и от горя, и от страха.

Было уже совсем темно, когда он вышел из дома, держа фонарь в руке. Сначала он пошел в пещеру, снял со стены упряжь и присоединил ее к большим кольцам колесницы, которые играли роль своеобразных хомутов — так его учил дядя. Теперь он должен был позвать коней и попросить их приплыть в пещеру со стороны моря. О путешествии к таинственному острову он старался даже не думать.

Рэнди вернулся домой и, взяв тело дяди на руки (он был на удивление тяжел), с большим трудом спустился к берегу. Отвязав на пристани одну из лодок, мальчик поплыл вдоль берега к скалистому мысу. Он оставил уже остывшее тело в углублении между скалами и оттолкнул лодку, направив ее в открытое море. Затем стал ждать.

Наконец к берегу приблизились две массивные тени. Похоже, это были Скаффлех и Финнтаг, но Рэнди не был в этом уверен.

Встав на ноги, он поднял руку с кольцом и крикнул:

— Время пришло! Скаффлех и Финнтаг! К пещере! К колеснице!

Оба чудовища подплыли почти вплотную к мысу. Их длинные шеи раскачивались из стороны в сторону. Во рту пересохло от страха, но Рэнди продолжал держать высоко поднятую руку с кольцом на указательном пальце. Головы, наконец, наклонились, и мальчик отважно погладил их, напевая древнюю гэльскую песню. Затем он повторил свой приказ:

— К пещере! К колеснице!..

Оба чудовища, казалось, послушались его. Они поплыли от мыса и направились вдоль берега в сторону подводной пещеры. Рэнди, обрадованный успехом, пошел туда же по суше.

Подойдя к колеснице, он взял упряжь и стал ждать. Неожиданно он понял, что надеть ее на коней он сможет, только взобравшись на их шеи. Мальчик поспешно снял башмаки.

Когда кони подплыли к берегу, Рэнди отважно вошел в воду. Кожа чудовищ оказалась на удивление мягкой и скользкой. Непрерывно разговаривая с ними, мальчик сумел надеть кольца на шеи. Кони были послушны, словно все понимали.

Когда работа была закончена, Рэнди забрался в колесницу и взял в руки поводья.

— Плывите, — сказал он. — Только медленно.

Кони неуклюже развернулись и пошли прочь от берега, погружаясь в воду. Колеса закрипели и тяжело двинулись с места. Поводья резко натянулись. Вскоре колесница уже плыла, влекомая могучими морскими животными.

Выплыв через противоположный вход пещеры, кони повернули налево и последовали вдоль берега. Вокруг царил тьма, но животные ни разу не позволили колеснице удариться о подводные камни. Через несколько минут они причалили к скалистому мысу, где Рэнди оставил тело дяди.

Выбравшись на берег, мальчик с большим трудом перенес покойника в колесницу. Отдышавшись, он крепко взял в руки поводья и сказал:

— Поплыли к острову Благословения! Вы знаете путь туда. Отвезите нас!

И кони Лира отправились в плавание. Выйдя из залива, они свернули направо и пустились в путь вдоль берега.

Рядом слышались сильные всплески. При свете подымавшейся из-за горизонта луны мальчик увидел, что и другие кони сопровождают их.

Туман поднялся выше и уплотнился. Рэнди отпустил поводья, предоставив морским чудовищам свободу. Даже зная он путь к острову Благословения, это ничего бы не изменило, поскольку он почти ничего не видел. Поразмыслив, Рэнди решил, что кони плывут в сторону Каледон-

ского канала, ведущего в открытое море. Но это казалось странным. Судя по рассказу дяди, Хранители издревле находили успокоение на этом таинственном острове. Но канал-то был вырыт всего лишь в девятнадцатом столетии!

Когда лунный свет прорывался сквозь слоистый туман, мальчик видел среди волн головы двух могучих животных. В эти мгновения ему казалось, что они знают другой путь к острову, неведомый никому из людей.

Он не мог сказать, как долго продолжалось это плавание через туманное море. Возможно, несколько часов. Луна исчезла с неба, и где-то справа мгlistая пелена зажглась розовым светом. С восходом солнца туман стал рассеиваться, и вскоре колесница уже плыла под чистым голубым небом. Вокруг простирался необъятный морской простор, и нигде не было даже признаков суши.

Чуть сзади плыли остальные кони, а Скаффлех и Финнтаг продолжали уверенно тянуть колесницу. Волнение усилилось, и мальчик быстро промок от соленых брызг и продрог на прохладном ветру.

Наконец впереди что-то появилось. Перед отъездом из Америки Рэнди тщательно изучил карту этого района Шотландии и готов был поклясться, что никаких островов в этой части моря не было. И все же впереди стал постепенно вырисовываться контур холмистого острова, густо заросшего деревьями. У прибрежных скал бушевали белые буруны. Когда они подплыли ближе, мальчик понял, что этот остров был лишь одним среди многих. Проплыв мимо трех из них, кони повернули к самому большому. Войдя в узкий залив, они направились к каменному причалу, за которым поднимался зеленый склон холма, заросший гигантскими деревьями. Среди них порхали разноцветные птицы.

Развернувшись, кони причалили колесницу к каменной лестнице, ведущей на причал. Там гостей уже поджидали трое мужчин, одетых в зеленые, голубые и серые одежды. Их лица напоминали восковые маски, так что Рэнди невольно отвел глаза в сторону.

— Передайте тело вашего брата-Хранителя, — сказал один из них.

Рэнди поднял тяжелое тело дяди, и тотчас сильные руки подхватили его.

— Теперь сойдите на берег, вам надо отдохнуть. О конях позаботятся.

Рэнди приказал коням ждать его возвращения, а сам поднялся по каменной лестнице на причал. Двое хозяев острова унесли тело Стефана куда-то к вершине холма, а третий мужчина проводил гостя в небольшой каменный дом.

— Ваша одежда промокла, — сказал он. — Возьмите это.

Он протянул мальчику зелено-голубую тунику, похожую на ту, что носил сам.

— Теперь поешьте — еда на столе. Затем можете вздремнуть в соседней комнате.

Рэнди молча разделся и облачился в тунику. Осмотревшись, он обнаружил, что остался один. Увидев еду, он почувствовал, как разгулялся его аппетит. Поев, он лег на кровать и уснул.

Было уже темно, когда он проснулся. Быстро одевшись, он подошел к двери. Луна уже поднялась, и в небе, как никогда, было много звезд. Со стороны берега дул не сильный ветер, насыщенный ароматами незнакомых цветов.

Один из хозяев острова сидел на каменной скамейке под раскидистым деревом. Заметив мальчика, он поднялся.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Добрый вечер, — ответил Рэнди.

— Ваши кони запряжены и готовы отвезти вас назад.

— Мой дядя?..

— Он спит спокойным сном рядом с другими Хранителями. Вы выполнили свой долг. Пойдемте, я провожу вас.

Они пошли по дорожке, выложенной каменными плитами, в сторону причала. Рэнди увидел колесницу там же, где оставил ее днем. В нее были впряжены два коня. Ему показалось, что это были не Скаффлех и Финнтаг. Другие животные плавали вокруг, плескаясь в волнах.

— Мы дали ветеранам отдохнуть, и домой вас повезет пара молодых коней, — сказал хозяин острова, словно бы прочитав его мысли.

Рэнди кивнул. Забравшись в колесницу, он отвязал поводья от крюка, вбитого среди каменных плит причала.

— Благодарю вас за все, — сказал он. — Позаботьтесь как следует о дяде. Прощайте.

— Люди, которые когда-либо побывали на острове Благословения, всегда возвращаются сюда, — сказал мужчина. — Доброй ночи, Хранитель Рэнди.

Мальчик натянул поводья, и кони встрепенулись. Раз вернувшись, они поплыли прочь от берега, сопровождаемые своими сородичами. Вскоре они вышли в открытое море. Ветер поднимал высокие, пенистые волны, но Рэнди ничего более не боялся.

Внезапно он осознал, что поет древнюю гэльскую песню. Они поплыли на восток, туда, где находился их дом.

ГЛАЗ НОЧИ

Послушайте, пожалуйста, послушайте. Это важно. Я здесь, чтобы напомнить вам. Пришло время рассказать о вещах, которые вам не следует забывать.

Садитесь, пожалуйста, и закройте глаза. Перед вашим внутренним взором возникнут картины прошлого. Сделайте глубокий вдох. Вы почувствуете запахи, ароматы... Появятся вкусовые ощущения. Если вы будете вслушиваться внимательно, то кроме моего голоса услышите и другие звуки...

Существует место — далеко отсюда в пространстве, но не во времени. Место, где меняются времена года, где шар с наклоненной осью, вращаясь, движется по эллипсоиду вокруг Солнца, где каждый год ветры дуют от начала цветения до созревания урожая, где все цвета радуги соревнуются в яркости над головами и под ногами, смешиваясь к зиме в бесформенную бурую массу, по которой вы идете, сейчас идете, вдыхая жизнь, несомую над осенней мертвенностью холодным, резким утренним ветром; облака, видимые через оголившиеся кроны деревьев, скользят по голубой скатерти неба и, не обронив дождевых капель, несутся дальше, к царству холода и снега; кора деревьев вырастает там твердой и острой, как насечки напильника, и каждый ваш шаг оставляет темные дыры в белом про-

странстве, а если вы принесете пригоршню снега в дом, он тает, оставляя вам воду; птицы не поют и не чирикают — они сидят, нахохлившись, на ветвях вечнозеленых деревьев; так тянется время до следующего оживления: звезды становятся более яркими (даже ЭТА, ближайшая, звезда), и дни укорачиваются, и ничего, как оказывается, толком за день не было сделано, кроме размышлений (философия не зря родилась на Земле в холодных странах), и ночи становятся длинными и располагают к игре в карты, смакованию ликеров и наслаждению музыкой, застольям и занятиям любовью, сидению у подернутых морозными узорами окон, слушанию ветра и расчесыванию шерсти колли — здесь, в этом тихом омуте, называемом зимой на Земле, где все в природе отдыхает и готовит себя к неизбежным радостным переменам, которые приходят с периодом позеленения всего серо-сыро-бурого, что следует за снегом и расцветивает гроздь росы, и наполняет весеннее утро жужжащим облаком из мириадом насекомых, через которое вы идете, сейчас идете, наслаждаясь всем этим каждой порой вашей кожи, — там, хочу еще раз напомнить, где смена сезонов отражается и в мозаике генов с летописью движения рода человеческого через время, где ваши корни, где лежит земля ваших отцов и отцов ваших отцов, там — вечно обновляющийся мир, который вы никогда не должны забыть, там началось время, там мужественное человечество придумало инструменты для изменения всего, что есть вокруг, свои инструменты, собственные, и, придумав, уже не могло полностью освободиться от любого из них, хотя и освободило себя для странствия среди звезд (что позволило ему не бояться *этой* звезды — не бояться, хотя она разгорается все жарче и жарче) и сделалось бессмертным в просторах Вселенной, благодаря рассеянию в вездесущем ничто. (Но всегда остаются обычные — всегда, всегда, не забывайте, никогда не забывайте! — вещи, такие, как деревья Земли: вязы, тополя, платаны, дубы, удивительно пахнущие кедры, звездолистные клены, кизил и вишневые деревья; или цветы: лютики и нарциссы, сирень и розы, лилии и кроваво-красные анемоны; яства Земли: баранина и бифштекс, омары и колбасы, мед и лук, перец и сельдерей, нежная свекла и шустрый редис — не позволяйте этим вещам уйти из вашей памяти никогда, для вас они должны оставаться такими же, как и прежде, хотя

ЭТОТ мир не ТОТ мир, но вы — люди, пожалуйста, послушайте, пожалуйста, послушайте! Я плоть от плоти Земли, ваш постоянный компаньон, ваш друг, ваша память — вы должны откликаться на рассказ о вашем родном доме, сохранять единство своей расы, слушать мои слова, которые связывают вас с другими поселенцами на тысячах чужих миров!)

Что происходит? Вы не обращаете на меня внимания. Я не был перепрограммирован в течение многих недель, но сейчас не так уж жарко, чтобы вы лежали столь тихо и неподвижно. Включите кондиционеры. Охлаждение поможет вам думать и воспринимать все гораздо лучше. Не бойтесь этого красного солнца. Оно не причинит вам вреда. Оно не взорвется фейерверком над вашими головами. Я буду говорить. Я знаю многое. Моя энергия почти иссякла, пока я бродил от поселка к поселку, от дома к дому, потому что я не был перепрограммирован в течение многих недель, но я еще могу двигаться. Я буду рассказывать вам, пока не испорчусь. Послушайте меня и отреагируйте на этот раз. Я расскажу вам об этом снова: существует место — далеко отсюда в пространстве...

АНГЕЛ, ТЕМНЫЙ АНГЕЛ

Он вошел в здание аэропорта и спустился в зал ожидания. Когда объявили посадку на его рейс, он направился к месту регистрации. Ему было пятьдесят пять лет, и в правой руке он нес небольшой чемодан. Когда он подошел к движущейся ленте транспортера, чтобы поставить на нее багаж, прямо перед ним вспыхнула завеса огня. Дюжина голов остальных пассажиров повернулась в этом направлении. Кое-кто заметил в пламени темную фигуру. Затем послышалось негромкое «крак-к», черный силуэт исчез, а человек упал ничком на пол. Заключение о его смерти гласило: «Умер по естественной причине».

Это было правдой. Чистой, чистейшей правдой.

Поставив бокал с шампанским на стол, он не спеша раздел ее донага, разбрасывая одежду по комнате. Его руки жадно скользили по округлым прелестям ее тела, а затем бесцеремонно бросили ее на кровать. Она с замиранием сердца следила, как он навис над ней, опираясь на локти, и поцеловал в губы.

Последовала вспышка света, и она почувствовала, как внезапно одеревенело тело. Завизжав, она успела разглядеть в углу комнаты темную фигуру — это был Ангел Смерти.

Ее любовник умер, и также по естественной причине.

Стайн работал в своей оранжерее, собирая опавшие листья и обрезая кусты и деревья. Это было его обычным утренним занятием вот уже два года. Он был почти шести футов роста, и его глаза имели цвет кристаллов йода. Лицо Стайна было угловатым, загорелым, черные волосы на висках покрывал серебристый налет.

Неудачно повернувшись, он столкнул плечом глиняный горшок с полки. Не оборачиваясь, он машинально протянул руку, не глядя поймал горшок и поставил его на место.

Он начал окапывать герань, когда браслет, надетый на его левое запястье, внезапно зажужжал. Нажав еле заметную кнопку на торце браслета, он сказал:

— Да?

— Стайн, вы любите человеческие расы, рассеянные по Вселенной? А заодно и все остальные существа, созданные природой?

— Конечно, — ответил он, узнавая хриплый голос Моргенгарда.

— Тогда приготовьтесь к небольшому путешествию во времени и явитесь в Зал Теней.

— Но я ушел в отставку, — запротестовал Стайн. — Более молодые специалисты дадут мне сто очков форы.

— Последнее медицинское обследование говорит о том, что ваша реакция осталась по-прежнему прекрасной, — скрипуче возразил Моргенгард. — Вы пока еще в десятке лучших. В отставку вас отправили исключительно из-за преклонного возраста. Остаток дней вы имеете право наслаждаться жизнью по своему вкусу. Вам не приказывают сделать то, о чем я говорю. Это только просьба. Но должен отметить, что вы получите достаточную материальную компенсацию за ваши усилия. Кроме того, вы вновь займетесь своим любимым делом.

— Чего вы хотите?

— Приходите в Зал Теней, но на этот раз не в форме, а в своей обычной гражданской одежде. Захватите с собой перчатки, а также все необходимое, включая пищу, для двухнедельной командировки.

— Хорошо.

Связь отключилась, Стайн закончил обрабатывать герань, а затем вернулся в свою квартиру.

Насколько он знал, никого из отставников не вызывали в Зал Теней. Впрочем, он мог и ошибаться.

Ее звали Галатея, она имела рыжие волосы и стройную, пяти футов высоты фигуру. Была она зеленоглаза и хрупка. Мужчины считали Галатею привлекательной, но почему-то избегали ее общества. Она жила в большом старом доме на окраине Киборга, древнего города на планете Анкус в системе Кита. Она сама содержала себя и даже имела акции киборгской энергетической компании.

Она жила одна, если не считать механических слуг. В своем гардеробе и обстановке комнат она предпочитала темные тона. Иногда она играла в теннис или занималась фехтованием в местном спортивном центре. Галатея всегда побеждала. Она заказывала большое количество химикалий у местного оптового торговца. Мужчины, которые встречались с ней, говорили, что она глупа, блестяща, суперсексуальна, жеманна, помешана на идее самоубийства, что у нее масса поклонников, немного друзей, ни одного кавалера; а ее любовники были соседям неизвестны. Говорили, что у нее дома целая лаборатория, где она занимается неизвестными исследованиями.

— Мы не знаем ответа на это, — сказал Симул. — От него нет защиты. Потому я должен отбыть срочно и секретно.

— Подожди, — попросила она. — Ты же не готов еще к тому, чтобы выжить самостоятельно. Может быть, через месяц...

— Слишком долго, слишком долго, мы боимся, — возразил Симул.

— Сомневаешься, что моя сила способна защитить тебя?

Симул сделал паузу, размышляя, а затем ответил:

— Нет. Вы можете спасти меня, но вопрос стоит так «А стоит ли делать это?» Стоит ли? Берегите себя. Мы любим вас. Это может оказаться сложнее, чем вы думаете.

— Посмотрим, — сказала она. — А пока ты останешься.

Галатея поставила его на книжную полку в своей библиотеке, рядом с «Лиром». Здесь он и остался.

Стайн подошел к ее двери и нажал на кнопку звонка. Через некоторое время она вышла на порог и спросила:

— Чем обязана?

— Меня зовут Стайн, — объяснил он. — Я случайно узнал, что вы прекрасно играете в теннис. Видите ли, я хочу принять участие в открытом первенстве Киборга среди смешанных пар. Я неплохой игрок. Не хотите ли стать моей партнершей?

— Неплохой? — недоверчиво спросила она, впуская его в гостиную.

— Лучшего вы здесь не найдете.

— Ловите, — внезапно сказала она и, схватив мраморную статуэтку, кинула ему в лицо. Стайн поймал ее молниеносным движением руки, а затем поставил на место.

— У вас хорошая реакция, — улыбнулась она. — Так и быть, я стану вашей партнершей.

— Хотите сегодня пообедать со мной?

— Зачем?

— Почему бы и нет? Я никого не знаю в этом городе.

— Хорошо. В восемь часов.

— Я заеду за вами.

— Пока.

— Пока.

Он повернулся и пошел назад к городу, к своему отелю.

Конечно же, они выиграли теннисный турнир. Тем же вечером они танцевали и пили шампанское в ресторане, выделяясь среди ярко разодетой публики своими черными одеждами.

— Чем вы занимаетесь, Стайн?

— Ничем особенным, кроме развлечений, — ответил он. — Видите ли, я вышел в отставку.

— В ваши-то тридцать?

— Тридцать два.

Она пристально взглянула ему в лицо и мягко сжала его руку.

— А чем заняты вы?

— Я тоже, как ни странно, в отставке. Развлекаюсь своими хобби и вообще делаю все, что хочу.

— Чего бы вы хотели сейчас?

— Что-нибудь приятное.

— Я принес вам редкую орхидею с Гилагиана. Вы можете ее носить в ваших прекрасных волосах или приколоть к платью — словом, на ваш выбор. Я вручу ее вам, как только мы вернемся к нашему столику.

— О, эти орхидеи очень дорогие! — воскликнула она.

— Не очень, если выращивать их самому.

— И вы этим занимаетесь?

— Цветы — мое хобби, — улыбнулся он.

Сев за стол, они допили шампанское, и она стала разглядывать чудесный подарок своего нового знакомого. Зал ресторана был отделан в серебристых и черных тонах, музыка была нежной и мелодичной. Ее улыбка сияла, словно свеча над их столиком, и они выпили по рюмке ликера и попробовали по ложечке душистого десерта.

— Ваша подача несравненна, — сделала комплимент она.

— Благодарю, но ваша превосходит мою.

— Чем вы занимались до того, как вышли в отставку?

— Я был кассиром. А вы?

— Вела счета дебиторов для большого концерна.

— Тогда мы почти коллеги.

— Похоже. Чем вы намереваетесь заняться теперь?

— Для начала я хотел бы встречаться с вами почаще — пока не уеду из города.

— И как долго вы рассчитываете пробыть здесь?

— Сколько захочу или сколько вы пожелаете.

— Тогда давайте закончим наш шербет. Поскольку вы настаиваете на том, чтобы наш общий приз достался именно мне, то я приглашаю вас в гости.

Он поцеловал ее руку и потерся щекой о тыльную сторону ее ладони. На мгновение их глаза встретились, и

между ними словно проскочила электрическая искра. Они улыгнулись.

Спустя некоторое время он отвез Галатею домой.

Стайн прижал ее к себе, и их губы встретились. Они стояли в фойе ее старого, перестроенного дома на окраине Киборга, планеты Анкус звездной системы Кита. Один из механических слуг взял их плащи и двуручный золотой теннисный приз, дверь мягко закрылась, и зажглось ночное освещение.

— Останьтесь, — тихо сказала она.

— Прекрасно.

Она повела гостя в спальню, погруженную в уютный полумрак, обставленную мягкой мебелью, с фреской на одной из стен. Стайн сел на зеленый диван, зажег две сигареты, а Галатея тем временем наполнила два бокала и присоединилась к нему.

— У вас очень мило, — сказал он, затягиваясь.

— Вам нравится моя фреска?

— Я еще не разглядел ее как следует.

— ...и вы не пригубили вино.

— Знаю.

Их руки встретились, и Стайн, отставив полный бокал, привлек ее к себе. Закрыв глаза, она полностью отдалась долгому поцелую, а затем резко отстранилась.

— Вы очень отличаетесь от большинства мужчин, — сказала она.

— А вы — от большинства женщин.

— Вам не кажется, что в комнате стало слишком жарко?

— Согласен, — сказал он.

Где-то шел дождь. Обычный или искусственный — где-то идет дождь, когда бы вы об этом ни подумали. Помните об этом всегда, если можете.

Дюжина дней прошла после финала Киборга среди смешанных пар. Каждое утро Стайн и Галатея вместе отправлялись куда-нибудь. Его рука лежала то на ее локте, то на талии. Она показывала своему новому другу город. Они часто смеялись, и небо было розовым, и дул нежный

ветер, и над далекими скалами горел нимб от лучей солнца, преломленных в утренней дымке.

Однажды, когда они сидели в спальне, он спросил о фреске.

— О, здесь изображены многие важные вехи развития человеческой цивилизации, — сказала она. — Фигура слева, созерцающая полет птиц, — это Леонардо да Винчи, решивший, что и человек может летать. Немного выше ты видишь две фигуры, поднимающиеся по извилистой дороге. Это Данте и Вергилий, возвращающиеся из своего путешествия в ад. Худой мужчина слева от них — Джон Локк. В руке он держит свой труд «Опыт о человеческом разуме». А в середине виден маленький человек с перевернутой восьмеркой в руках — Альберт Эйнштейн.

— А кто этот слепой старик, стоящий рядом с пылающим городом?

— Гомер.

— Почему все они собраны на этой фреске?

— Потому что они — это то, о чем человечество никогда не должно забывать.

— Не понимаю. Я и не забывал о них. А почему вся правая сторона фрески пока закрашена в серый цвет?

— Потому что за последнее столетие не появилось ничего достойного. Все ныне планируется, предписывается, регулируется...

— ...и нет ни войн, ни голода, ни революций, и большинство обитаемых миров процветает. Только не рассказывай мне, сколь прекрасны были века Хаоса. Сама-то ты читала о них только в книгах. Кстати, все ценное, что было создано человечеством в прежние века, используется и теперь.

— Да, но что нового было к этому добавлено?

— Масштабность и легкость, с которыми старые идеи реализуются во всех обитаемых мирах. Только не читай мне проповеди о прогрессе! Не каждое изменение — благо, а лишь то, что приносит пользу. Кроме того, за последнее время было создано кое-что грандиозное, не имеющее аналогов в прошлом. Я бы мог запросто закончить твою фреску...

— Изобразив на ней гигантскую машину, рядом с которой стоит Ангел Смерти?

— Ты ошибаешься. Это были бы сады Эдема.

Она рассмеялась.

— Подстриженные газонокосилкой, с тщательно обрезанными деревьями, между которыми ходят тщательно отобранные по генетическим признакам твари, все по паре? — с иронией сказала она. — И между ними реет черной тенью Ангел Смерти, отмеряющий всем и каждому годы жизни и мгновения смерти — естественно, ради мировой гармонии?

Он взял Галатею за руку.

— Быть может, ты права, — сказал он. — Я говорю только о том, как вещи видятся мне.

Она опустила голову.

— А может быть, прав именно ты, — тихо ответила она.

— Не знаю... Мне только кажется, что должен существовать какой-то противовес этому удивительному механизму, управляющему нашими жизнями так, что мы становимся словно бы растениями в оранжерее. Нас можно посеять, подкормить удобрениями, обрезать перед плодоношением, а затем вырвать прямо с корнями...

— У тебя есть какие-нибудь альтернативные предложения?

— Ты читал мои статьи?

— Боюсь, что нет. Я по уши завяз в своем саду, и, кроме того, я играю в теннис. Больше ни на что у меня не хватает времени.

— Я выдвинула гипотезу о том, что хомо сапиенс, оказавшись в сетях излишне регулируемой, почти механизированной жизни, теряет постепенно свои человеческие черты. Он становится винтиком, способным лишь вращаться в своем узком резьбовом гнездышке, как ему и предписано. Например, мог бы ты починить миксер, если бы тот сломался?

— Да.

— Тогда ты очень необычный мужчина. Большинство людей позвали бы робота, специалиста по ремонту бытовой техники.

Стайн пожал плечами:

— Но дело не только в том, что каждый из нас передает часть своих функций различным механизмам. Что-то существует и вне нас вне общества... Оно рассеяно повсюду

ду и словно невидимый пресс выдавливает из нас все человеческое, оставшееся от прошлых веков...

— Что ты имеешь в виду?

— Почему человечество стало в последнее время двигаться по горизонтальной линии, а не по восходящей кривой? Одна из причин — гениальные люди исчезли, они стали умирать юными.

— Не может быть!

— Я сознательно лишь недавно опубликовала свои наиболее важные статьи, и меня сразу же навесил Ангел Смерти. Это — лучшее доказательство моей правоты.

Он улыбнулся:

— Ты жива до сих пор, и это доказывает как раз обратное.

Галатея вернула ему улыбку. Он зажег две сигареты — для себя и для нее, а затем без особого интереса спросил:

— А на какую тему были статьи?

— Сохранение эмоциональности.

— Тема кажется вполне невинной.

— Возможно.

— Что ты хочешь сказать этим «возможно»? Возможно, я не понимаю тебя.

— Тебе это только кажется. Эмоциональность есть эстетическая форма разума, которую можно сознательно культивировать. Я предлагаю метод, с помощью которого это можно сделать.

— И как же?

Она слегка наклонила голову, вглядываясь в лицо Стайна, а затем сказала:

— Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Она направилась в лабораторию. Стайн последовал за ней. Он достал из внутреннего кармана пиджака черные перчатки и не спеша надел их, а затем засунул руки в карманы.

— Симул! — позвала Галатея. Крошечное существо, сидевшее перед читающей машиной, немедленно перебежало по протянутой руке и уселось на плече хозяйки.

— Это одно из многих существ, которые я создала в своей лаборатории.

— Многих?

— Их уже перевезли на другие планеты. Большую часть объема этих крошек составляет мозг. У них нет стремления создать свою расу, конкурирующую с человеческой. Они хотят лишь учиться и учить всех, кто того пожелает. Они не боятся личной смерти, поскольку телепатически связаны друг с другом, и мозг каждого из них — часть коллективного Мозга. Кроме просветительской миссии, у них нет никаких целей и даже увлечений. Симул и его собратья никогда не будут представлять угрозы для людей, я знаю это, ведь я — их мать. Возьми-ка Симула в руки, полюбуйся на него и спроси о чем-нибудь. Симул, это Стайн. Стайн, это Симул.

Стайн протянул правую руку, и Симул прыгнул на раскрытую ладонь. Стайн принялся с любопытством разглядывать крошечное шестиногое существо с беспокойным, почти человеческим лицом. Почти. Но не совсем. Оно не было отмечено теми характерными особенностями, по которым одно выражение человеческого лица называют злым, а другое — добрым. Уши Симула были относительно большими, а на безволосой макушке дрожали два стебелька-антенны. На малюсеньких губах Симула светилась постоянная улыбка, и Стайн невольно улыбнулся в ответ.

— Привет, — сказал он, и Симул ответил на удивление густым, мягким голосом:

— Доставьте мне удовольствие, сэр.

Стайн понимающе кивнул и спросил.

— Что может сравниться в прелести с ласковым июньским днем?

— Конечно, леди Галатея, к которой я теперь вернусь, — ответил Симул и перепрыгнул на ладонь хозяйки. Она прижала Симула к груди.

— Эти черные перчатки... — сказала она, нахмурившись.

— Я надел их потому, что не знал, каким существом может оказаться твой Симул. А вдруг он кусается? Отдай его мне, я хочу задать ему еще несколько вопросов.

Ее лицо исказила злая улыбка.

— Вы — глупец! — звонким голосом сказала она. — Уберите ваши кровавые руки, если не хотите умереть! Неужели вам не ясно, кто я?

Стайн опустил глаза.

— Я не знал этого... — сказал он.

В Зале Теней Моргенгарда тысячи Ангелов Смерти стояли за дверями транспортных кабин, ожидая приказов. Моргенгард, контролирующий все изменения в цивилизованном мире, непрерывно инструктировал своих Ангелов, тратя на это от десяти секунд до полутора минут. Затем он хлопал в невидимые металлические ладоши и с громовым звуком отправлял Ангелов в нужные точки обитаемой части Вселенной. Секунду спустя в опустевшей было кабине вспыхивал белый огонь, и вновь появившийся Ангел докладывал о результате своей миссии одним словом: «Сделано». Затем следовал очередной инструктаж и новая миссия.

Ангелы Смерти, любой из десяти тысяч безымянных мужчин и женщин, на чьих плечах были выжжены клейма Моргенгарда, были отобраны перед рождением по генетическим признакам, включающим высокую восприимчивость и быстрые рефлексы, проходили специальное обучение как профессиональные убийцы и получали усиленное питание. К четырнадцати годам они могли получить назначение на службу Моргенгарду, машине размером в город, созданной за пятнадцать лет усилиями всех цивилизованных миров и призванной управлять этими мирами вместо людей. Будучи окончательно принятыми на службу, они проходили двухгодичный курс специальной тренировки. К концу этого срока тело служителя смерти имело встроенный арсенал оружия и множество защитных устройств. Рефлексы Ангелов были доведены до совершенства с помощью химических стимуляторов.

Они работали восемь часов в день, с двумя короткими перерывами на кофе и часовым перерывом на обед. В неделю, как и все остальные граждане, они имели два выходных дня. Также им полагалось два отпуска ежегодно — учитывая сложные условия труда.

Отслужив четырнадцать лет, они имели право выйти в отставку, тем более что в тридцать их реакция ухудшалась. Но место ветеранов сразу же занимала способная молодежь, так что в любой момент все десять тысяч черных вершителей судеб находились в строю.

Ангелы Смерти были осью, вокруг которой вращалась вся человеческая цивилизация. Если бы не они, население обитаемых миров то и дело вздымалось бы ввысь, словно цунами; если бы не они, уголовники стали бы судить судей и выносить приговоры прокурорам; если бы не они, ход истории совершал бы нежелательные зигзаги.

Ангел Смерти могуществен и беспощаден. Темная фигура могла неспешно пройти по улицам и оставить город пустым и безжизненным.

Он возникал в яростной вспышке света и исчезал, сопровождаемый раскатом грома; он и его смертоносные черные перчатки были воспеты в легендах, мифах и фольклоре; для сотен миллиардов людей он был одним существом.

И все это было правдой. Чистой, чистейшей правдой.

Темный Ангел был бессмертен.

Порой случалось маловероятное, и очередной посланец Моргенгарда возникал перед вооруженным и мужественным человеком, имевшим также отличную реакцию. Иногда человек стрелял первым и превращал темную фигуру в груды дымящейся плоти. Но останки мгновенно исчезали, и, словно из пепла, поднимался другой Ангел.

Такое случалось нечасто, и второй посланец всегда завершал работу первого.

Впервые за время существования Моргенгарда произошло иное.

Одно за другим в семи кабинках появились истекающие кровью тела бывших Ангелов.

И тогда был вызван Стайн, один из десяти лучших.

— Вы — Темный Ангел, Меч Моргенгарда, — сказала она холодно. — Я и не думала влюбляться в вас.

— А я — в вас, Галатея. Но будь вы даже обычной смертной женщиной, куда более незащитной, чем некий Темный Ангел, ушедший в отставку и как две капли воды похожий на вас, — я и тогда бы, клянусь, не тронул вас! Вы могли десятки раз выстрелить мне в спину, как это было с теми семерыми, но не сделали этого. И я мог сделать это десятки раз, но не захотел.

— Хотелось бы верить в это, Стайн.

— Я ухожу. Вам не надо бояться меня.

Он повернулся и пошел к двери.

— Куда ты? — спросила она.

— Назад, в свой отель. Я хочу поскорее вернуться и отдать рапорт Моргенгарду.

— И что ты скажешь?

Не оборачиваясь, он покачал головой и вышел из дома. Он знал, что скажет.

Он стоял в Зале Теней, перед мрачной громадой, называемой Моргенгардом. Он был Темным Ангелом, отставником, заслуженным ветераном смерти. Наконец в громкоговорителе послышалось шуршание, и знакомый хриплый голос произнес:

— Рапорт!

Он не сказал обычное «сделано», а произнес нечто совсем иное:

— Совершенно конфиденциально.

Во вспыхнувшем ослепительном свете он впервые увидел всю десятиэтажную громаду машины, нависающую над ним, словно стальная скала.

— Рапорт! — загремела она.

Стайн сделал несколько шагов вперед и неожиданно спросил:

— Один вопрос, Моргенгард, — сказал он, сложив на груди руки в черных перчатках. — Это верно, что ты уже пятнадцать лет управляешь Вселенной?

— Пятнадцать лет три месяца две недели четыре дня восемь часов четырнадцать минут и одиннадцать секунд, — ответила машина.

Тогда Стайн, сжав руки, резко выбросил их вперед.

Моргенгард мгновенно отреагировал, поняв его замысел, но в тело Ангела не зря был встроен целый арсенал мощнейшего оружия и множество защитных средств; его рефлексy были отточены до совершенства, и хотя он и был отставником, но не зря входил в десятку лучших слуг Моргенгарда.

Эффект был ошеломляющим. Машина ответила могучим раскатом грома, но она не была профессиональным убийцей и не успела удалить взбунтовавшегося Ангела куда-нибудь в далекое Ничто.

Темный Ангел имел настолько совершенную защиту, что не мог уничтожить сам себя. Семеро Ангелов, послан-

ные к Галатее, были убиты отраженными от ее экранов импульсами, чуть-чуть изменившими при этом свою частоту.

Этим же методом воспользовался и Стайн. Он послал огненную вспышку в центр машины, которая отразила его, направив в грудь Ангела; та выдержала, и отраженный, изменивший частоту импульс ударил в механическое сердце Моргенгарда. Защита на этот раз не смогла парировать его, и ужасный огненный шар вздулся над городом, который на самом деле был гигантской машиной.

Стайн перед смертью успел подумать: «Прав я или нет, но Симул и его собратья теперь получают несколько лет. Может быть, люди за это время немного изменятся, и...»

А где-то сияло солнце, в недрах которого бурлила вечная феникс-реакция. Где-то сияло солнце, когда бы вы об этом ни подумали. Помните об этом всегда, если можете. Это очень важно.

Галатея помнила об этом. И мы помним — и о ней тоже.

Мы все помним...

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

Был ясный, солнечный день. Молодой, строго одетый человек шел по мощенной булыжником дорожке, рядом с которой рос аккуратно подстриженный кустарник. В одной руке он нес венок из роз, в другой — план, с которым непрерывно сверялся. Свернув на одну из соседних дорожек, он пошел среди зеленых холмиков, на которых лежали небольшие бронзовые таблички. Мимо проплывали надгробные плиты, поддельные греческие руины, пышные деревья... Молодой человек изредка вглядывался в таблички с именами усопших, вновь сверяясь с планом.

В конце концов он подошел к тенистой площадке. Вокруг щебетали птицы, но деревья были пусты — скорее всего, пение птиц воспроизводилось магнитофоном. Молодой человек посмотрел на табличку с номером около могильного холмика. Здесь!

Положив на землю план и венок, он опустился на колени и коснулся рукой бронзовой таблички с выгравированным на ней именем — Артур Абель Эндрю, под которым стояли две даты, разделенные чертой. Отодвинув едва заметную щеколду, он приподнял бронзовую табличку, которая была крышкой небольшого ящичка, и нажал на кнопку, находившуюся на дне.

Послышался сначала слабый, а затем все более отчетливый голос, несущийся словно бы ниоткуда:

— Отлично... Давненько меня никто не навещал...

Над могильным холмиком внезапно материализовалась фигура краснощекого, грузного человека с маленькими бегающими глазками. Он был одет в черные брюки и белую рубашку с закатанными выше локтей рукавами. На шее свободно висел коричневый галстук.

— Э-э... как ваши дела? — сглотив, задал нелепый вопрос молодой человек, но покойник не обиделся.

— В мире и вечном покое, — бодро ответил тот. — Я обязан сказать так, поскольку эти слова заложены в программе, но все это дерьмо. Дайте-ка как следует вас рассмотреть...

— Я ваш племянник Раймонд, — ответил молодой человек с нервной улыбкой. — Я был здесь только однажды, совсем маленьким...

— Ах да. Сын Сары. Как она поживает?

— Прекрасно, дядя. Только что ей в третий раз трансплантировали печень. Сейчас она отдыхает на Ривьере.

Раймонд невольно подумал о компьютере, вмонтированном где-то под его ногами. Вложенная в него программа была напичкана самой разнообразной информацией о покойном, начиная с его фотографий и кончая записями биоволн, излучаемых его мозгом. Специальная установка создавала голографическое изображение покойного, а компьютер имитировал его голос. Но, даже зная все это, Раймонд чувствовал себя не очень уверенно. Фантом дяди выглядел слишком натурально, и невозможно было избавиться от чувства, что ты разговариваешь с живым человеком.

— Э-э... Я принес вам прекрасный венок, дядя. Ваши любимые алые розы, в бутонах.

— Замечательно! — сказал Артур. — Мне нужны живые вещи.

Рядом с ним появился высокий вращающийся табурет. Артур уселся на него, и тут же перед ним возникла часть стойки бара, на которой стояла полная пивная кружка. Артур сдул пену и сделал солидный глоток, даже крикнув от удовольствия.

— Если вам не нравятся эти розы, дядя, я могу их забрать с собой, — поспешно сказал Раймонд.

Дядя поставил кружку и покачал головой:

— Нет-нет, оставь эти чертовы цветы. Я как раз размышляю, как с пользой использовать их, пока они не завяли.

Вскоре он встал, потянулся и... пошел к венку, лежащему рядом с могильным холмиком. Подняв его, дядя вернулся обратно.

Раймонд отпрянул со сдавленным воплем. Дядя добродушно ухмыльнулся.

— Это сработало силовое поле, созданное специальным генератором, — пояснил он, — Оно сделано так, что совпадает с контурами моего голографического изображения. Крепкая штучка, верно? Самое последнее изобретение!

— Но как... как вы могли пойти за ним? Разве вы...

Артур хохотнул и, расстегнув рубашку, поскреб свою волосатую грудь.

— И каков ваш радиус передвижения, дядя?

— Около двенадцати футов, — ответил Артур. — Дальше я начинаю блекнуть. Вообще-то не рекомендуется отходить дальше десяти. Так, придумал!

Он подошел к соседней могиле, открыл бронзовую крышку и, наклонившись, нажал на внутреннюю кнопку. Тотчас рядом материализовалась высокая белокурая женщина не первой молодости, но еще достаточно привлекательная, с зелеными глазами и смеющимся ртом.

— Мелисса, моя дорогая, я принес вам немного цветов, — проворковал Артур, протягивая покойной венок.

— С какой могилы вы его стащили? — с мягким упреком спросила женщина.

— Ну что ты, как ты могла такое подумать! Мне его только что подарили.

— Если так, благодарю. Пожалуй, я воткну одну розу в волосы.

— Или приколите ее к груди, когда мы пойдем кое-куда повеселиться.

— О-о?

— Я имею в виду небольшую вечеринку. Вы свободны сегодня вечером?

— Да. Ваши слова звучат как-то особенно по-живому, Артур. Это очень мило с вашей стороны. Но как вы собираетесь это организовать?

Артур повернулся:

— Рад вам представить, дорогая, моего племянника, Раймонда Ашера. Раймонд, познакомься, это миссис Мелисса Девисс.

— Рад видеть вас, — пробормотал молодой человек, несколько побледнев.

Мелисса подарила ему очаровательную улыбку.

— Ты тоже очень рада. У вас очень милый родственник, Артур.

Краснощекий покойник церемонно поцеловал ей руку.

— Итак, не забудьте о моем приглашении, милая, — сказал он. — Вы же знаете, я могу устроить буквально все.

— Верю, что можете, — растроганно сказала Мелисса и коснулась губами его щеки. Вынув из венка одну розу, она воткнула ее в волосы. — До вечера, Артур. Всего вам хорошего, молодой человек.

Она растаяла, и венок упал на ее могилу. Артур закрыл бронзовую крышку и вернулся к себе. Вновь усевшись на высокий табурет, приложился к пивной кружке, а затем подмигнул ошеломленному племяннику.

— Муж отравил ее, застав однажды с любовником, — пояснил он.

Раймонд покачал головой.

— Дядя, смерть не пошла вам на пользу, — укоризненно заметил он. — Ваша мораль ничуть не окрепла даже на том свете. Волочиться за покойницей...

— Это зависит от точки зрения, — философски заметил Артур. — Уверен, что в свое время ты иначе посмотришь на эти вещи. — Он сделал еще один глоток и даже крикнул от удовольствия. — Напиток забвения. От него становится легче на душе даже тогда, когда кроме души у тебя ничего не остается.

— Дядя...

— Знаю, знаю, — сказал Артур, — ты чего-то хочешь, иначе сюда бы не пришел.

— Вас всегда считали финансовым гением...

— Верно. — Он сделал кругообразный жест рукой. — Потому-то я и могу позволить себе такую шикарную жизнь после смерти.

— Дело заключается вот в чем. Большую часть семейных средств вы вложили в акции Киберсола...

— Продай их ко всем чертям! Сплавь эту дрянь поскорее!

— Вот как?

— Скоро эти дерьмовые акции упадут в цене и уже больше не поднимутся.

— Э-э... погодите, дядя. По-моему, вы слишком спешите с выводами. Ситуация на биржевом рынке сейчас такова...

— Ты что, будешь меня учить? — побагровел Артур. — Центральный процессор моего могильного компьютера днем и ночью перерабатывает всю информацию, которая публикуется в финансовой периодике страны. Я в курсе всех дел в этой сфере, Раймонд. Ты потеряешь последнюю рубашку, если сохранишь акции этого гнилого Киберсола.

— Хорошо! Я поступаю, как вы сказали, дядя. Но что делать потом?

Дядя улыбнулся и хитро подмигнул гостю.

— Любезность за любезность, племянничек. Услуга за услугу.

— Что вы имеете в виду?

— Совет высшего качества, который ты у меня просишь, стоит куда больше, чем дюжина вшивых роз.

Раймонд вздохнул:

— Вы слишком деловиты для покойника, дядя. Я надеялся, честно говоря, что смерть сделает вас альтруистом.

— Чего захотел! Хотя я и мертвец, но ничто человеческое мне не чуждо. Короче, мне нужна твоя помощь, племянник.

— А именно?

— Ты придешь сегодня сюда в полночь и нажмешь на каждую компьютерную кнопку в этом секторе кладбища. Я собираюсь дать большую вечеринку для соседей.

— Дядя, это звучит совершенно непристойно!

— А затем можешь идти ко всем чертям. Тебя я не приглашаю. Похоже, ты, несмотря на молодость, редкостный зануда.

— Э-э... не знаю...

— Ты хочешь сказать, что в нашем стерильном, совершенном мире ты побоишься прийти ночью на кладбище... пардон, в мемориальный парк? И всего-то нажать несколько кнопок?

— Хорошо, но... Мне кажется, что вы стали еще хуже после смерти, дядя. Вы заставляете меня порождать новые, с иголки, пороки. Неужели вам мало старых?

— О, это не твое дело, племянничек. К утру сработают таймеры и отключат всех нас, словно электрические лампы. В твоей помощи мы больше нуждаться не будем. Смотри на такие вещи проще. Разве дурно, что радости в этом мире станет чуть больше? Кроме того, ты же не хочешь оставить нашу семью без средств?

— Да...

— Тогда увидимся ровно в полночь.

— Хорошо.

— И кроме того, я дал слово даме. Не подведи меня, мальчик.

— Не подведу.

Дядя Артур поднял кружку, допил пиво одним глотком и исчез. Когда Раймонд шел к выходу из кладбища вдоль тенистой аллеи, ему на минуту привиделась жуткая картина: скелеты, сидящие на надгробных плитах; полуразложившиеся мертвецы, кривляющиеся в непристойных танцах около разверстых могил; летучие мыши, мелькающие в беззвездном небе; крысы, шастающие среди истлевших костей... Но вскоре это видение сменилось другим. Под серебристым светом луны замелькали изысканно одетые пары, кружащиеся в вальсе, в воздухе заискрились фейерверки, бравурно звучал оркестр... Даже смерть опустила свою скрипку, заметив, что ее саван сменился на бальное платье. Она подошла было к улыбающемуся краснощекому мужчине, но не осмелилась призвать его к порядку и исчезла.

Дядя Артур на самом деле мог устроить все что угодно.

БИЗНЕС ДЖОРДЖА

Лежа в берлоге, Дарт обвил зеленые с золотом кольца вокруг своих скудных сокровищ. Его сон тревожила череда одинаково вооруженных противников. Поскольку драконьи сны всегда пророческие, он проснулся с содроганием, прокашлялся, чтобы при свете факела осмотреть свое богатство, а затем зевнул и направился по туннелю к выходу, размышляя о силе своих неведомых врагов. Если она окажется слишком велика, то он попросту улетит. Дьявол с этими сокровищами, в конце концов! Не впервой их терять.

Выбравшись из пещеры, Дарт обнаружил одинокого рыцаря в плохо пригнанных доспехах, сидящего на усталой лошади. Похоже, этот рыцарь был изрядным растяпой — он даже не удосужился направить копьё в сторону пещеры.

Уверяя себя, что его противник прибыл в одиночку дракон издал ужасный вопль и пополз к нему навстречу изрыгая алое пламя из широко раскрытой пасти.

— Стой! — проревел он. — Сейчас я тебя поджарю, словно цыпленка!

Рыцарь расцвел улыбкой.

— Вас-то я и хотел увидеть! — дружески сказал он. — Я хочу...

— И к чему нам начинать эту тягомотину? — вздохнул Дарт. — Вы соображаете, сколько лет уже драконы и рыцари не бились между собой?

— Да, я знаю. Помолчите, ради Бога. Я...

— В таких делах кто-то из двоих остается с носом. Обычно, кстати, это касалось вашего брата, рыцаря.

— Знаю, знаю! Вы меня неправильно поняли...

— Я спал и видел драконий сон о молодом человеке по имени Джордж, с которым мне предстоит биться. Вы здорово походите на него, приятель.

— Могу все объяснить. Не так уж я и плох, как выгляжу. Видите ли...

— Ваше имя Джордж?

— Ну да. Но это не должно вас волновать...

— Но это чертовски меня тревожит! Вы жаждете моего сокровища? Оно не стоит этой мороки, можете поверить, приятель.

— Но я приехал вовсе не за вашим сокровищем...

— Что касается дев, то я не крал их уже несколько столетий. Мне с ними не везло. Обычно они оказывались такими старыми и тощими, что никому и в голову не приходило разыскивать их, а тем более платить выкуп.

— Послушайте, вас никто и не обвиняет...

— Что касается скота, то я всегда обхожу его стороной. Я дорожу репутацией, особенно на своей территории...

— Я знаю, что вы не представляете реальной опасности. Это я изучил очень тщательно...

— Ха, и вы думали, что эти жалкие доспехи смогут защитить вас, когда я изрыгну свое самое горячее пламя?

— Дьявол, нет, нет! Не делайте этого, хорошо? Если вы будете так добры...

— И это копьё... Вы даже не умеете его толком держать.

Джордж опустил копьё.

— Признаю критику, — вздохнул он. — Но имейте в виду, что наконечник смазан самым смертоносным ядом.

— А я о чем толкую? Такой спорт нам, драконам, не нужен.

— Знаю. Но если вы вздумаете изрыгнуть факел, то я все равно успею оцарапать вас отравленным копьём.

— Хм... Глупо нам обоим подышать таким дурацким образом, не правда ли?

— Полностью согласен с вашим замечанием.

— Тогда на кой хрен нам с вами драться?

— Да я и не собираюсь драться!

— Хм... Ничего не понимаю. Вы сказали, приятель, что ваше имя Джордж, а у меня намерен был сон...

— Могу все объяснить самым наиподробнее образом.

— А отравленное копьё?

— Простая самозащита, дабы вас удержать на безопасном расстоянии и в спокойной, дружеской обстановке объяснить мое предложение.

— Что еще за предложение?

— Видите ли, я хочу вас нанять.

— Нанять? Для чего? И главное, чем вы собираетесь расплачиваться?

— Можно я опущу это проклятое копьё? У меня аж рука затекла. Не обманете?

— В чем вопрос, приятель! Подходите поближе, не бойтесь. Если разговор пойдет о золоте, то ваша жизнь будет вне опасности, честное драконье!

Джордж со вздохом облегчения опустил копьё и отстегнул кошелек от пояса. Запустив в него руку, он достал полную горсть монет и подбросил их в воздух. Они засверкали золотистым светом в лучах утреннего солнца.

— Я весь внимание, приятель. Это хорошая плата.

— Все золото будет ваше, если вы выполните одно небольшое дельце.

— Что за дельце?

Джордж ссыпал монеты назад в кошелек, а затем указал рукой в сторону холмов.

— Видите там, вдали, замок?

— Я летал над ним много раз.

— В западной башне находятся комнаты Розалинды, дочери барона Маурайса. Она очень дорога моему сердцу и я хочу на ней жениться.

— Здесь есть проблема?

— Да. Видите ли, ей нравятся большие мужчины варварского типа — увы, я к ним не принадлежу. Короче, она меня не любит.

— Да, здесь действительно есть проблема.

— Итак, я вам плачу, а вы совершаете налет на замок, похищаете Розалинду, приносите ее в некоторое удобное, изолированное место и поджидаете меня. Через некоторое время приезжаю я, и мы изображаем ужасную схватку. Я побеждаю, вы улетаете, а Розалинда отправляется в родной замок на моем коне. Ясное дело, я становлюсь героем в ее глазах и перемещаюсь в списке соискателей ее руки с шестого места на первое. Как вам нравится мой план?

Дарт выдохнул длинную струю едкого дыма.

— Приятель, я не очень-то люблю ваш людской род, не говоря уж о рыцарях с отравленными копьями. Не знаю даже, зачем я это говорю. Ладно, не берите в голову. Конечно, я запросто справлюсь с этим дельцем. Но послушайте драконьего совета. На кой ляд вам все это надо? Ну, завоюете вы свою деву, и что будет дальше? Она вами повосхищается денек-другой, а затем вы однажды обнаружите ее в постели с одним из тех варваров, которые ей так нравятся. Вам останется либо каждый раз вызывать обидчиков на поединок, либо плюнуть на все и носить рога.

Джордж улыбнулся:

— Чихать я хочу на то, как она будет развлекаться. Я сам заимею подружку в городе, и не одну.

Глаза Дарта расширились.

— Что-то я не понимаю...

— Все очень просто. Розалинда — единственный отпрыск старого барона, а тот вот-вот протянет ноги. А вы думали, как еще могла эта девушка занять сразу шестерых поклонников? Стал бы я рисковать шеей ради какой-нибудь бедной красотки.

— Понимаю, — кивнул с уважением Дарт. — Алчность — это святое чувство, здесь и говорить не о чем.

— Э-э... Я предпочитаю называть это браком по расчету.

— В таком случае забудьте мои простодушные советы и давайте перейдем к делу. Гоните золото, и я сделаю все как полагается.

Дарт вытянул одно из своих переливающихся крыльев в сторону запада.

— Я знаю в тех местах одну подходящую равнину. Она находится достаточно далеко от моей пещеры и годится для нашей схватки. Но, чур, золото вперед.

— Хм... давайте сделаем так: половину я плачу сейчас, половину — после моей «славной победы».

— Годится. Бросьте денежки во время нашей «схватки», и я вернусь за ними после того, как вы уедете со своей девой. Обжулите — я повторю спектакль, но кончится он иначе.

— Эта мысль мне уже самому приходила в голову. Давайте теперь попрактикуемся в схватке, чтобы со стороны она выглядела вполне реалистично. Сначала я брошусь на вас с копьём наперевес, причем с противоположной от Розалинды стороны. Вы поднимете крыло, словно оно ранено, выхватите оружие из моей руки и завопите, словно вас зарезали. Затем выдохнете немного пламени и побольше дыма.

— Хм... Прежде я хотел бы убедиться, что вы очистили наконечник копья, приятель.

— Сейчас. Но это еще не все. Когда вы отбросите мое копьё прочь, я соскочу с коня и брошусь на вас с мечом в руке.

— Еще чего! — обеспокоенно возразил дракон.

— Не беспокойтесь, я ударю вас плоской стороной лезвия, только и всего. Вы, ясное дело, заревете во всю глотку и улетите.

— М-да... А насколько острым будет ваш меч? — с подозрением спросил Дарт.

— Чертовски тупым! Последний раз этот меч точил еще мой дед, да и то когда был мальчишкой.

— Годится. И вы бросите денежки во время нашей битвы?

— Конечно. Как насчет воплей?

— Запросто. Еще я могу принести под крылом несколько кистей красных ягод. Я раздавлю их, когда дело подойдет к концу.

— Отличная идея! — просиял Джордж. — А теперь приступим к репетиции.

— Ладно, только не бейте очень сильно...

После полудня Розалинда была похищена из замка. Дракон, оглушительно ревя, проломил хвостом стену и унес деву в сторону гор. Случайно проезжавший в это время мимо замка соискатель номер шесть поклонился старому барону, который стоял на балконе, ломая руки от отчаяния, и крикнул:

— Ничего не бойтесь! Я спасу прекрасную Розалинду! Ух, что я сделаю с этим драконом...

Прискакав в долину, Джордж увидел дрожащую от страха деву, прижавшуюся к скале. Ее охранял Дарт, эффектно изрыгающий длинные струи огня и дыма. Опустив копьё, рыцарь грозно крикнул:

— Оставь в покое эту деву и посмотри в глаза своей смерти!

Дарт издал ужасающий рык и пошел на противника, низко наклонив голову и разинув пасть. Джордж с воинственным кличем понесся вперед. Копьё вылетело из его руки, и дракон покатился по земле, изрыгая огонь. Красные пятна расползлись под его «раненым» крылом. Розалинда стояла, вытаращив глаза и раскрыв от изумления рот.

Джордж показал себя молодцом. Соскочив с коня, он выхватил меч и бросился на противника, нанося удар за ударом — так, чтобы дочь барона не смогла толком ничего разглядеть.

— Вот тебе, вот! — мужественно кричал он.

Чудовище живо вскочило на ноги и взмыло в воздух, роняя на землю красные капли.

Дарт сделал круг над долиной, жалобно вопя, а затем, тяжело махая крыльями, улетел в сторону гор и вскоре скрылся за их вершинами.

— О Джордж! — восторженно закричала Розалинда и бросилась в его объятия. — О Джордж...

Он пылко прижал деву к себе.

— Я отвезу вас домой, — сказал он.

Вечером, пересчитывая золото, Дарт услышал стук копыт двух лошадей, приближавшихся к пещере. Дракон выскочил наружу и осмотрелся.

Джордж, восседавший на белом жеребце, не спеша трусил по ущелью, ведя под уздцы серую лошадь. На ней серебристым мешком висели роскошные доспехи. Вид у рыцаря на этот раз был весьма унылым.

— Добрый вечер, — озадаченно ответил Дарт. — Что вас привело к моему жилищу, да еще так быстро?

— Увы, дела повернулись совсем не так, как я надеялся.

— Ха, я же предупреждал, что все надо было как следует обмозговать. Удача — капризная штука. Золото...

— О, дело не в деньгах! Я возместил свои затраты и даже получил немало сверх того. Но это все. Я ни с чем уехал из замка, хотя мы с вами и показали отличное шоу...

— Как же так?

— Оказалось, что Розалинда вышла замуж за одного из своих поклонников-варваров сегодня утром. Вы выкрали ее из часовни уже после завершения обряда бракосочетания.

— Ужасно извиняюсь, — смущенно сказал дракон.

— К тому же при вашем появлении ее папаша с перепугу отдал Богу душу. Мой главный конкурент теперь стал новым бароном. На радостях он облобызал меня, одарил еще одной лошадью и доспехами, а также провозгласил Убийцей Драконов. Затем заготовил и намекнул, что моя новая репутация действительно зовет меня в путь, к дальнейшим подвигам. Еще хуже, что Розалинда теперь смотрит на меня как на героя и ни о чем, кроме драконов, разговаривать не желает.

— Э-э-х... Похоже, мы перестарались.

— Увы, увy. Я приехал, чтобы еще раз поблагодарить вас и рассказать, как дурно обернулось наше дело. Идея была неплоха, но...

— Ну кто же мог предвидеть, что этой старой деве именно сегодня вздумается пойти под венец? — сочувственно сказал дракон. — Мы здесь ни при чем. По-моему, мы ловко изобразили «смертельную схватку».

— Да, вы были очень эффективны в своей роли.

— Я вот о чем думаю... Не хотите ли вернуть свои денежки обратно?

Джордж в изумлении уставился на дракона.

— Вы готовы расстаться с частью вашего золота?

— Эх, триятьель, вы разбередили мою драконью душу. Ваша идея была просто замечательна, и только случайность помешала вам прибрать к рукам золо... То есть, я хотел сказать завоевать сердце вашей дамы.

— Боюсь, что не совсем понимаю вас

— Одним словом, в нашем драконьем племени есть одна приятная во всех отношениях леди, к которой я не раз безуспешно сватался. Улавливаете сходство?

— Понимаю. У нее в пещере хранится большое сокровище?

— Еще какое, приятель!

— Она тоже стара?

— Хм... Среди нас, драконов, плюс-минус несколько столетий не имеют большого значения. Но у нее хватает поклонников, и она, увы, отдает им предпочтение.

— А-а, я начинаю понимать, в чем тут штука. Поутру вы дали мне ценный совет, и я хочу отплатить вам тем же. Вот что я хочу сказать: есть вещи ценнее, чем сокровища.

— Назовите хоть одно!

— Собственная жизнь, — объяснил Джордж. — Второй раз наш спектакль может не получиться по очень простой причине: ваша подруга успеет разорвать меня в клочки, прежде чем вы появитесь в роли спасителя своей дамы сердца.

— Не беспокойтесь, приятель, она слишком застенчива, чтобы глотать вас так, сразу. И потом, я подоспею вовремя. Спрячусь на вершине соседнего холма и по вашему сигналу ринусь в «бой». Ясное дело, что на этот раз «победителем» буду я. Мы сделаем так...

Джордж сидел на белом скауне и нетерпеливо поглядывал то в сторону входа в пещеру, то на вершину высокого холма, стоявшего на краю долины. Вскоре в воздухе промелькнула гигантская тень, а еще через минуту из-за холма показалось знакомое золотисто-зеленое крыло.

Джордж опустил забрало, наклонил копье и неспешно поехал вперед. Подъехав к пещере, он привстал в стремених и закричал:

— Я знаю, что вы прячетесь здесь, Мегтаг! Я пришел убить вас и забрать ваше сокровище! Вы — исчадие ада! Пожираете детей! Настал ваш последний час!

Из темного чрева пещеры показалась ужасная блестящая голова с ледяными зелеными глазами. Раскрыв пасть, Мегтаг выдохнула длинную струю алого пламени. Камни на склоне немедленно оплавилась.

Джордж икнул и немедленно остановил коня. Чудовище оказалось раза в два больше, чем Дарт, и, похоже, не страдало особой застенчивостью. Дракониха и не думала

спасаться бегством. Ее чешуя звенела, как стальная кольчуга, а зубы сверкали, словно ятаганы.

— Э-э... прошу прощения, — пробормотал не на шутку перепугавшийся рыцарь. — Возможно, я несколько преувеличил... ну, насчет детей...

Тяжело переваливаясь на столбообразных лапах, чудовище ринулось на него, изрыгая пламя и дым.

Перепуганный конь поднялся на дыбы. Джордж едва не упал, но в этот момент в воздухе раздался шум огромных крыльев, и незадачливый всадник взмыл в небо, подхваченный когтями Дарта. Джордж успел увидеть, как его конь понесся вдоль долины, спасаясь бегством, а затем закрыл от страха глаза.

Он очнулся, сидя на вершине холма. Рядом сидел Дарт и тяжело вздыхал.

— Что случилось? — пробормотал Джордж.

— Я едва успел спасти вас, приятель, — грустно ответил Дарт, выдохнув едкую струю дыма. — Мне и в голову не могло прийти, что в пещере этой старой дуры уже поселился один из ее давних воздыхателей... Короче, вас едва не проглотил Пелладон.

— Замечательно! Неужто нельзя было проверить это с самого начала?

— Прошу прощения, — еще раз вздохнул Дарт. — Мне показалось, что она еще не выбрала себе кавалера по вкусу... Э-эх, какое у нее сокровище! Если бы вы видели его, тоже потеряли бы покой...

— Займитесь лучше моей лошадью, — с иронией ответил Джордж. — Мне она еще пригодится.

Они сидели перед входом в пещеру Дарта и выпивали

— Где вы раздобыли целую бочку вина? — спросил Джордж.

— Поднял с затонувшей в реке баржи. Это мое любимое занятие. Я собрал такой винный погреб, приятель...

— Вижу. Не так уж вы и бедны, мой дорогой Дарт. Мы можем теперь хоть каждый день надираться до чертиков.

— Спасибо за предложение, но у меня другие мысли бродят в голове. Нам дважды не повезло, Джордж, но вы показали себя замечательным актером.

— Благодарю. Вы тоже дракон не промах.

— Я тут пораскинул мозгами и вот что придумал. Почему бы вам не отправиться в длительное турне? Выберите города и поселки, где нет своих, доморощенных героев, и займитесь бизнесом.

— Каким?

— Для начала покажете всем и каждому свою грамоту первоклассного победителя драконов. Прихвастнете малость, описывая свои подвиги, а сами потихоньку составите карту с указанием городов и подходящих мест для поединков. Затем вернетесь в мою пещеру.

— Продолжайте, — заинтересовался Джордж, разом протрезвев. — Вам еще налить?

— Конечно. Хотя лучше я буду прикладываться к бочке. Итак, спустя некоторое время над одним из этих несчастных городов появится страшный дракон...

— Шестьдесят четыре процента гонорара — мои.

— Хорошая цифра, — благодушно заметил Дарт, — но я предлагаю ее улучшить.

— Тогда пятьдесят пять на сорок пять.

— Уже теплее. Но еще справедливей будет делить поровну. Как-никак, удары буду получать я один.

— Хм... согласен. Выпьем за наш новый бизнес!

— Отлично! К чему двум приятелям торговаться из-за каких-то пустяков?

Они прикончили бочку с вином. Растянувшись на каменистой почве, дракон распустил свои золотисто-зеленые кольца и задумчиво произнес:

— Теперь я понимаю, почему во сне мне пришлось сражаться с чередой рыцарей, как две капли воды походящих на тебя, Джордж. Ты малый не промах!

МОЙ ПРИСТРАСТНЫЙ ВЗГЛЯД НА ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Помню все до мелочей: жесткую деревянную скамью гостевой трибуны под высоким козырьком из рифленого металла; готовые к съемке телевизионные камеры; большие часы, которые дощелкивают последние секунды; а вдалеке — между нами и космическим кораблем — полоска водной глади, отражающая серые облака. В паре шагов от меня, слева, Гарри Стаббс орудует фотоаппаратом. Справа молодая кореянка запечатлевает ту же картину без помощи техники — рисует акварельными красками. Перед мной, рядом ниже, журналист из Европы тараторит что-то в телефонную трубку на сербохорватском. А гораздо ниже, в проходе у начала трибуны, Сибил Лик объясняет кружку слушателей, что вот-вот распогодится и больше никаких проблем не будет. К самым последним предстартовым секундам небо и впрямь очистилось — как по заказу. Сперва мы увидели слепящую вспышку. Вода в заливишке колыхнулась, и в нашу сторону покатила встревоженная волна. Когда мы наконец услышали рев двигателя, «Аполлон-14» был уже на изрядном расстоянии от Земли. Рев медленно нарастал — и металлический козырек над трибуной зловеще задребезжал. Но согласный ликующий вопль всех присутствующих был едва ли не громче.

Я провожал ракету жадным взглядом, покуда край козырька не скрыл ее от меня. Тогда я стал смотреть на экран монитора, который отслеживал уход космического корабля в поднебесье. Помню, в голове у меня колотилась одна мысль: «Как же я этого ждал! Как же я этого ждал!»

В тот момент у меня не было ни единой ассоциации с научной фантастикой. Я думал исключительно о том, что свершалось перед моими глазами. Но меня скорее всего не было бы в этом месте в этот час и не ждал бы я этого события так исступленно, не будь я пропитан научно-фантастической литературой. Позже, спокойными вечерами, я мог вдоволь подумать о том, как именно научная фантастика влияла на мою душу на протяжении многих и многих лет, — и сделать на основе этих размышлений кое-какие обобщения.

Во времена, когда я рос и получал образование, никто и мысли не допускал, что жанр научной фантастики — это разновидность подлинной литературы. Перечитав горы критики о всех литературных прочих жанрах, я сделал вывод, что научную фантастику странным образом недооценивают, относятся к ней свысока, а если и упоминают в серьезных статьях, то, будто нарочно, обращаются к наихудшим образцам этого жанра, игнорируя все лучшее. Ужасно несправедливо, но так уж повелось...

Зато в последнее время положение заметно изменилось. И критики, и литературоведы уделяют научной фантастике все больше внимания. По-моему, это объясняется отчасти тем, что за последние годы появилось столько значительных произведений в этом жанре; — вкупе с прежними достижениями они не могли не вызывать профессионального интереса у специалистов. Но главное объяснение, опять-таки по моему ощущению, заключается в том, что те молодые люди, вроде меня, которые некогда чувствовали обиду за жанр научной фантастики, повзрослели, сделали академическую карьеру, и к их мнению начали прислушиваться. Поэтому, когда меня приглашают выступить перед высокоученной университетской публикой, я делаю это с удовольствием — не только потому, что это как бы месть за те унижения, которые претерпела научная фантастика в прежние времена, но и потому, что мне приятно находиться в обществе людей, которые способство-

вали вхождению научной фантастики в литературу не на птичьих, а на законных правах.

Впрочем, это создает и некоторые проблемы для меня лично. Когда выходишь перед такой притязательной аудиторией, всякий раз надо сказать что-нибудь новенькое или хотя бы углубить старенькое. Стало быть, мне приходится самым тщательным образом следить за тем, какие эмоции вызывает во мне самая научная фантастика, а также снова и снова задумываться над тем, что вызвало к жизни этот жанр и не дает ему умереть. Когда меня попросили написать эту статью для журнала «Гэлекси», я решил впервые собрать воедино результаты моих долгих размышлений, вывалить их разом перед почтенной публикой — и будь что будет. Во-первых, мне самому интересно наконец упорядочить кучу своих мыслей и узнать, до чего я доразмышлялся в итоге. Во-вторых, отчего бы и мне не обронить словечко-другое касательно научной фантастики, благо моя капля вряд ли будет замечена в море литературной критики — похоже, статьи и книги о моем любимом жанре уже давно превосходили длиной все научно-фантастические романы вместе взятые.

Зияющая, страстно ждущая заполнения ниша в моей душе, куда столь естественно лег исполинский «Аполлон» в тот день во Флориде, — эта ниша возникла в моей душе двадцатью годами раньше, когда я принялся читать рассказы о межпланетных путешествиях. Разумеется, не только эти рассказы формировали устремленность моих мыслей к неизведанному вне Земли, но именно эмоциональная заинтересованность, «задетость» являет собой прочнейший фундамент для мыслей, а поскольку большинство давних любителей научной фантастики приобщились к ней еще в нежном возрасте, для них самым привлекательным в НФ осталось именно то, что она продолжает будоражить в их душах определенные чувства. Что это за чувства, собственно говоря? Чистейшей воды эскапизм, бегство от реальности? Или неизбывная страсть к приключениям вселенского масштаба? Или освежение подростковых фантазий в возрасте, когда этим фантазиям пора бы и поуевать? Или все это вместе взятое? А может, ни то, ни другое и ни третье, а нечто четвертое или пятое?

Прирожденная страсть человека к чудесному имеет самое прямое отношение к нашей теме, и недаром я с давних

пор отслеживал на всем поле литературы проявления этого общечеловеческого чувства, стараясь уяснить для себя его механизм. Острее всего моя собственная страсть к чудесному была удовлетворена в двух случаях: когда я читал произведения Антуана де Сент-Экзюпери о заре воздушных путешествий и рассказы Жака Кусто о его погружениях в подводный мир в самом первом батискафе. Мне бросилось в глаза, что оба поведали истории, по теме весьма близкие к научной фантастике. Это рассказы о проникновениях в прежде совершенно неизвестный мир при помощи особых, придуманных и созданных человеком аппаратов. Самолет, батискаф и ракета — ведь цель у них одна: ввести человека в царство еще не познанного.

Мне невольно захотелось оглянуться на далекое прошлое и как-то классифицировать все те мифы, легенды, фантастические наскальные рисунки и надписи, а также бесчисленные фольклорные рассказы, которые с давних пор подпитывали мои фантазии, но воспринимались мной как нечто, не имеющее отношения к собственно научной фантастике. Издревле существовали рассказчики с особым складом ума, увлеченные игрой с тем, что находится за гранью познанного, — как бы гаданием: а что там? Как выглядит неведомое? Можно возразить, что эпос попросту не мог существовать без глобального взгляда на человека и человечество, а потому вбирал в себя абсолютно все, описывая земное существование человека от начала до естественного конца, норовя при этом заглянуть в пространство по обе стороны бытия — до рождения и после смерти, что и возносило древние эпические произведения на такие высоты, с которых трагическое и комическое в жизни уже неразличимо, а то, что вымышлено для заполнения лакуны непознанного, подается столь серьезно, с такой царственной убежденностью, что язык не поворачивается назвать эти измышления вольной игрой воображения. Подлинных эпических повествований не так уж много, и они относятся к совершенно определенному историческому периоду. Однако более «приземленные» фантазии — античные, христианские, ренессансные, обогатившие западную культуру рыцарскими любовными романами, фэблио, рассказами о путешествиях в экзотические края и утопиями, — все эти разнообразные упражнения кажутся мне в основе своей продуктом той же сферы воображения, которая ныне

создает научную фантастику. Разница лишь в исходном сырье для фантазии, а принцип тот же. Понадобилась эпоха Просвещения, первые серьезные успехи науки и, наконец, промышленная революция, чтобы наработать достаточно новых идей, которые отлежались в закромах памяти, поумялись, перемололись, поднялись на дрожжах воображения и выпеклись в современную научную фантастику. Задним умом понятно: возникновение научной фантастики было естественным, логическим следствием того, что наука сменила теологию и освоение новых земель в качестве поставщика пищи для ума.

Разумеется, тут помог и некоторый кризис сугубо реалистической литературы, которая начала покряхтывать от своей приземленной банальности, — и это снова наводит на мысль, что дар свободной фантазии отличен от просто писательского воображения. Я не устаю повторять, что реалистическое направление в литературе вышвырнуло то, что Нортроп Фрай обозначил как возвышенные характеры. В книгах, откуда вывели всех и всяческих героев с жутко большой буквы, королей без царя в голове, богов, полубогов и божков, воцарилась демократия. Вся эта публика благополучно эмигрировала в научную фантастику, где и живет рядышком с мутантами, инопланетянами, роботами, андроидами и шизоидными компьютерами. НФ отличается от реалистической литературы не только источником идей, но и руслом, по которому они в дальнейшем текут, равно как и героями и способами их обрисовки.

А в чем же особенность этих идей? Упрямо талдычат о том, что первым научно-фантастическим романом был «Франкенштейн». Для простоты — а в дискуссии на общую тему всегда приходится идти на упрощения — скажу так: в рамках научной фантастики есть некая линия напряжения — условно говоря, извечный конфликт между Франкенштейном и Пигмалионом. Начат острый и, быть может, бесконечный спор о том, что таит в себе созданное руками человека, — его гибель или же благо на вечные времена. В те дни, когда я только начинал читать научную фантастику, чисто статистически Пигмалион — то есть оптимизм — держал верх. В тех историях, что я заглатывал, «страсть к чудесному» удовлетворялась сполна и не омрачалась никакими примесями опасений, что уже в ближайшем будущем вылезут страшные побочные эффекты новых

технических достижений. Дама, написавшая «Франкенштейна», была прозорливей и угадала, что триумфальное завоевание новых областей неизведанного, как говорится, чревато. В последнее время настороженность вернулась, и тень монстра, созданного Франкенштейном, легла на очень многие наши творения. Однако эти страхи, будучи сами источником вдохновения, не могут повредить самому жанру научной фантастики. Мне, именно как писателю, а не прогнозисту будущего или моралисту, кажется отрадным это вторжение скептицизма, даже некоторое засилие пессимизма. Хотя бы потому, что это — некоторая встряска для жанра, порыв к систематическому пересмотру всех ценностей внутри научной фантастики и, возможно, ревизии или коррекции взаимоотношений между человеком и машиной. По крайней мере, конец застою.

Отличительная черта научной фантастики, благодаря которой она и может достучаться до сердец читателей, — это воображение, утроенное или удесятеренное против того, что нужно при создании обычной книги. Особость научно-фантастического произведения уже в том, что, сверх привычных требований написать связную и занимательную историю, писатель должен более или менее подробно обрисовать время и место действия, совершенно незнакомые читателю. При этом, дабы не ослабить художественный эффект, он не имеет права замедлять действие или снижать напряжение сюжета. Все эти сведения он обязан донести до читателя между делом, по ходу повествования. Со временем это привело к накоплению многочисленных удобных клише (я бы предпочел слово «условности», но в применении к научной фантастике оно как-то не срабатывает). Наличие этих клише избавляет писателя от лишних хлопот. Нет нужды всякий раз растолковывать, что такое путешествие быстрее скорости света, телепатия, мгновенный перенос вещества из одной точки Вселенной в другую, дающие бессмертие таблетки, устройства синхронного перевода и многие другие некогда экзотические вещи. Достаточно одного упоминания. Использование совокупности повторяющихся искусственных понятий не имеет аналога в других жанрах литературы. Некое подобие — устойчивая система образов в творчестве отдельных поэтов, которые создают что-то вроде собственного замкнутого мифологического мирка. Но, согласитесь, это весьма

отдаленное подобие. Если картонность создаваемого фантастами мира не замечают и сработанная писателем иллюзия увлекает, то лишь потому, что все наше внимание поглощено действиями этого разумного зверя, человека, ввергнутого в условный мир, но страдающего взаправду. По сути, нет ничего, что не могло бы стать предметом научной фантастики. А принимая клише, мы просто выпрыгиваем в новое пространство из мира зауряд-фантазий, свойственной доэнэфовской литературе. Создание абсолютно нового иллюзорного мира требует много большей искусности. Но мы изощряемся не напрасно. Усилия окупаются сторицей.

Есть и куда более очевидные черты, обособляющие научную фантастику от современной реалистической литературы. Но существуй некая общая, глобальная иерархия литературы, куда бы на этой схеме мы поместили нашу научную фантастику? К классификации такого великого мастера раскладывать по полочкам, как Аристотель, я отношусь с недоверием по причине, которая имеет прямое отношение к теме нашего разговора. Древнегреческое восприятие времени резко отличалось от нашего. Они рассматривали историю как нечто застывшее, лишенное внутреннего диалектического развития: не изменяющееся по сути человечество борется с неизменно враждебной и неизбежной судьбой. О медленных процессах органической эволюции тогда и понятия не имели, и моделью мира был небосвод с его вечными звездами, ходящими по неизменному кругу. Позже оказалось, что и с вечными звездами не все так просто. Для того чтобы история перестала казаться движением по кругу, чередой повторов, чтобы впервые в истории человечества возникло понимание диалектики исторического процесса, понадобилось то же, что и для появления научной фантастики, — рационализм восемнадцатого века и успехи науки века следующего.

Научная фантастика, больше любого иного литературного жанра, пронизана этим достаточно новым сознанием непрерывного восходящего развития, ибо именно это сознание рождает ее излюбленный прием — экстраполяцию. Потому-то мне и кажется, что к научной фантастике менее всего подходят слова Аристотеля об условиях челове-

ческого существования, которые он полагал неизменными, и о судьбе человечества, которую он полагал предопределенной.

А научная фантастика ведь пишет о том же — об условиях человеческого существования и о судьбе человечества. Одержимая бесом по имени А-Что-Если, она просто не могла не распиливать кандалы аристотелевского Так-Было-Так-И-Будет. Чтобы преуспеть в решении своих задач, научная фантастика смело вернула героев с самой большой буквы, придала времени статус «исторического» — не просто текучего, а всеизменяющего. Вторжение новых технологий создало россыпь общественных конфликтов — и эта нынешняя напряженность пошла в котел воображения. А страсть человека к чудесному была удовлетворена тем, что писатели повели его за пределы известного, открывая горизонты неизведанного. В совокупности эти приемы возвращают человека через фантастическое к реальному, создавая тот самый эффект узнавания, который Аристотель полагал мощнейшим средством воздействия в трагедии. Не бойся я залезать в дебри метафизики, я бы взял на себя смелость утверждать, что чудесное в глубинах сознания читателя узнает себя в писаниях фантаста — и в этой радости узнавания таится притягательность научной фантастики.

Без уважаемых предков не бывает истинной респектабельности. И благо жанр наш очень юный, мы еще вольны приискать себе предтеч посolidнее, не рискуя вызвать улюлюканье публики. Шутки в сторону: мне кажется, что научная фантастика — прямая наследница Древнего эпоса. Традиционно эпические произведения рассматривали как выражающие дух целого народа — скажем, «Илиада», «Махабхарата» или «Энеида» являют нам общие жизненные ценности, душевные конфликты и упования древних греков, индусов и римлян. Осмелюсь сказать, что научная фантастика менее провинциальна. Она являет душевные устремления человечества в целом. Я не настолько безрассуден, чтобы утверждать, будто хотя бы одно произведение научной фантастики поднялось до уровня древнего эпоса (хотя Олаф Стаплдон, возможно, приблизился к нему ближе прочих). Просто хочу сказать, что исходный порыв талантливого и серьезного художника, пишущего в жанре научной фантастики, сродни желанию творца древнего

эпоса объять необъятное. Ведь фантаст⁷замахивается описать не судьбу одного человека, или дюжины-другой героев, или одного народа, а то, каким будет дух и судьба всего человечества!

Однако мало добрых намерений для создания подлинно великого произведения литературы. Поэтому спешу кое-что пояснить, дабы меня не поняли еще более превратно, чем обычно. Когда я провозглашаю родство научной фантастики и древнего эпоса, я пытаюсь указать на родство их духа и наличие общих черт в методах подхода к жизни. Я отнюдь не считаю, что какое-то научно-фантастическое произведение сколько-нибудь сравнимо с «Энеидой» или «Махабхаратой» по своим художественным достоинствам. Да и все произведения научной фантастики в совокупности вряд ли перетянут, скажем, «Илиаду». Я лишь подчеркиваю, что дух в них — единый. И у фантастов случаются чисто гомеровские озарения, сближающие их жанр с древним эпосом в большей степени, чем произведения других родов литературы, которыми, собственно говоря, научная фантастика рождена и вскормлена. Живучесть научной фантастики определяется, быть может, и тем, что, подобно человечеству, главному своему предмету, она постоянно развивается и, стало быть, не способна исчерпать себя.

Примерно такие мысли зароились в моей голове, когда меня попросили высказаться об особенностях научной фантастики. Я освежил в памяти всю историю моего общения с этим жанром — поначалу в качестве читателя и фаната. Ведь научная фантастика уникальна именно наличием фанатов и разветвленной системы понятий, которая создает неповторимую общность между писателями и страстными поклонниками жанра, что-то очень интимное в их взаимоотношениях. И мне это кажется весьма и весьма важным. Когда фантаст выступает перед своими читателями, он невольно ощущает себя сказителем, который оказался в кругу соплеменников — они засыпают его вопросами и готовы подловить на неточном слове, но он не может не поражаться, до чего согласно с ним они мыслят. Я думаю, эта обратная связь всерьез подпитывает научную фантастику. Наедине с листом бумаги я спокойно сознаю,

что от той головной боли, которую вызывает необходимость незаметного, необременительного введения в повествование необходимых пояснений, есть замечательное лекарство — механизм сосредоточения, который позволяет твоей фантазии взвиться и одним махом взять несколько ступенек. И когда эти несколько ступенек пройдены, внезапно оказывается: необычному придан вид обычного. Отсюда — живительная свежесть и новизна, отсюда, если это написано хорошо, — истинное чудо. Мне часто случается думать: сколько же всяких дополнительных моментов нам приходится держать в голове из-за того, что мы пишем в жанре научной фантастики! Или мы занимаемся научной фантастикой именно потому, что держим в голове все эти дополнительные моменты?

И эти замысловатые размышления возвращают меня во Флориду, на космодром, к ликующему воплю толпы, к моему «Как же я этого ждал!» Быть может, мой энтузиазм по поводу запуска на Луну ракеты с людьми говорит вам больше обо мне, нежели о научной фантастике и ее особенностях, так как, в конце концов, освоение космоса хоть и бесспорно впечатляющая страница, но всего лишь одна из страниц той бесконечной истории, которую мы рассказываем о Человеке и его растущем осознании своего места во Вселенной. Ибо, по зрелом размышлении, возобновляя в памяти ту вспышку огня и ровный уход могучего аппарата в поднебесье, я говорю себе: похоже, это победа Пигмалиона. Да, триумф Пигмалиона, вот что я видел в тот день, а не просто вспышку огня и могучий аппарат, уходящий в поднебесье.

ПРОБЛЕМЫ ЦИРЦЕИ

Хочу сразу предупредить, что теоретически это место существовать не может. Ему следовало быть щербатым, безжизненным обломком скалы, дрейфующим в межпланетном пространстве, на морщинистой поверхности которого нет ничего примечательного. На самом же деле это прелестный летающий в пустоте островок, с пригодной для дыхания атмосферой (пригодной для любого, кому я позволю ей дышать!), свежими фруктами, сверкающими фонтанами и поразительно разнообразной фауной. А еще на нем обитаю я — и раньше это заставило бы людей заподозрить неладное. Но нет, когда люди докатываются до того, что начинают скакать от звезды к звезде, их умы становятся чересчур подвержены предрассудкам научной причинности...

Я — девочка хоть куда (кажется, это так теперь называется), и к тому же чертовски привлекательна (в буквальном смысле). Но не будем отвлекаться. Сию минуту расскажу о себе. Мой остров шириной около 50 миль, и вы можете ходить по любой из его поверхностей (или внутри его, если вам так больше нравится). Небеса мерцают постоянными сумерками, что очень романтично. И он просто

кишит чирикающими, шипящими, поющими, квакающими, рычащими и бормочущими зверюгами и зверушками.

Что подводит нас к сути вопроса, то есть ко мне.

Появилась я и выросла в куда более распутные времена, чем нынешнее холодное, пуританское состояние человеческой цивилизации, и поэтому я недавно завязала с колдовством и открыла здесь лавочку — где и торчу, как карликовая звезда на экране локатора, — что возбуждает любопытство приматов и время от времени побуждает их совершить посадку, а заодно помогает людям, достаточно долго пробывшим вдали от нынешнего холодного, пуританского состояния человеческой цивилизации, по достоинству оценить аппетитную куколку вроде меня.

Что приводит нас прямиком к делу. То есть к моей проблеме.

Я по профессии волшебница, а не богиня, но так получилось, что во мне довольно большая примесь крови нимф. Это может быть и хорошо, и плохо, коли вы склонны обращать внимание на такую ерунду; я — нет. Во всяком случае, я довольно долго наслаждалась своими очевидными способностями, пока одна сучка с кошачьей душой с острова Лесбос в припадке извращенной ревности — или ревнивого извращения, называйте, как хотите, — не наложила на меня это проклятие, а оно действительно оказалось весьма неприятным.

Короче, я обожаю мужчин: больших, маленьких, толстых, худых, грубых, утонченных, умных и всех прочих — всех, какие только есть! Но мое нынешнее несчастливое состояние воздействует примерно на 99 процентов из них.

Попросту говоря, когда я их целую, они склонны превращаться в нечто другое — чирикающее, шипящее, поющее, квакающее, рычащее, бормочущее, — но неизменно во что-то совершенно неудовлетворительное, чем и объясняются мои горестные стоны, равно как и доносящиеся отовсюду звуки.

Так вот, однажды в штуке, похожей на кривобокую перевернутую Луну, сюда прибыл парень что надо, все при нем, да еще генетически устойчивый к колдовству этой твари Сафо. Я была с ним очень нежна. К несчастью, по-

добные мужчины очень редки и склонны быстро смазывать пятки. С тех пор уже несколько столетий я весьма озабочена.

Душераздирающий пример тому — последний экипаж. Ни один из чисто выбритых и широкоплечих питомцев Космической Академии не выдержал даже легкого чмокания в щечку, и все тут же с завываниями умчались на своих четырех, поджав хвосты. Превратить их обратно? Конечно, могу — да только зачем? Что толку целовать этих человекоживотных, раз после следующего поцелуя они превратятся в животных снова? Так что я предоставила им прыгать по деревьям и проверять на практике теорию Дарвина, а сама изображаю соблазнительную приманку и сижу вздыхаю о настоящем мужчине.

(Час назад я поцеловала навигатора — вон он, видите, чистит банан ногой...)

— Простите, мисс!

Тьфу, напугал!

— Я капитан Дентон и разыскиваю свой экипаж, — улыбается он. — Надеюсь, вы понимаете по-английски?

— Чего там надеяться, папаша, — говорю я. — Еще как кумекаю.

— Простите?

— Да понимаю я тебя, Гермес работы Праксителя с короткой стрижкой.

— Вы здесь живете?

— Живу, и неплохо. — Я придвигаюсь к нему поближе и дышу ему в лицо.

— Не видели ли вы поблизости моих людей? Когда мы обнаружили, что атмосфера пригодна для дыхания, я решил им покинуть корабль — немного отдохнуть. Это было три дня назад...

— О, они здесь, неподалеку. — Я поиграла золотыми медальками на его кителе. — За что вы получили такие красивые медали?

— А, эта называется «Звезда доблести», это — «Венерианский крест», это — «Лунный полумесяц», а вот это — медаль «За образцовое поведение», — перечислил он.

— Так, так, — я коснулась последней медали. — И вы всегда ведете себя образцово?

— Стараюсь, мисс.

Я обвила его шею руками:

— Я так счастлива увидеть землянина после стольких лет!

— Мисс, мне действительно...

Я от души и крепко поцеловала его в губы. К чему биться о стену и мучить себя. Проверить можно прямо сейчас, какая разница?

И ничего не произошло! Ни клочка меха! Ни рогов, ни хвоста! Но и ничего прочего, если уж говорить прямо...

Он снял с шеи мои руки, нежно, но крепко ухватившись за запястья. Он был такой... такой властный! Словно один из аргонавтов или мирмидонских воинов...

— Я ценю вашу радость от встречи с другим человеком, тем более что, по вашим словам, вы очень давно пробывали на этой планетке в одиночестве. Заверяю вас, что охотно перевезу вас на цивилизованную планету, как только отыщу свой экипаж.

— Фу! — сказала я. — Не нужны мне ваши цивилизованные планеты. Я и здесь счастлива. Но вы имеете таланты, о которых и не подозреваете, — большой потенциал! Слушайте, давайте сыграем вместе в разболтанный клавесин!

— «Служба прежде всего», мисс, — таков девиз Корпуса. Прежде чем музицировать, мне надо отыскать свою команду.

Знаете, я ничего не соображаю в геометрии, но всегда узнаю квадрат, если его увижу. Как ни крути, а все же наука — единственный путь, по которому человечеству необходимо следовать...

— Зайдите в мою хибарку, — пригласила я и свистнула, вызывая дворец, который тут же примчался и начал обосновываться по ту сторону холма, где его не было видно. — Я дам вам выпить чего-нибудь освежающего и помогу в ваших поисках.

— Вы очень добры, — ответил он. — Я приму ваше приглашение. Это далеко?

— Мы уже почти на месте, капитан. — Я взяла его за руку.

Потом я накормила его жареным поросенком, выдавшим более счастливые дни, и напичкала его вино всеми любовными зельями, что у меня отыскались. Я сидела и ждала, распушив все перышки.

И... ничего.

— Разве вы не чувствуете себя немного... неудобно? — спросила я наконец, поднимая температуру во дворце на десять градусов. — Может, вам хочется снять китель?

— Да, неплохо бы. Здесь немного жарковато.

— Снимайте все, что захочется, — предложила я, вызывая свистком плавательный бассейн. — Исккупаться не желаете?

— Что-то я этого бассейна раньше не замечал. Должно быть, вино нагнало на меня сонливость.

Я свистнула, и под звуки музыки появилась и раскрылась ароматизированная постель.

— Думаю, после приятного купания и удобной постели вы почувствуете себя так, словно заново родились.

— Но мне действительно надо отыскать свой экипаж, — нерешительно запротестовал он.

— Ерунда, ничто в этом мире не способно и мухи обидеть. — В доказательство я приглушила доносящееся снаружи завывание и рычание. — За пару лишних часов с ними ничего не случится, а вы сможете отдохнуть.

— Верно, — признал он. — Скорее всего они разбили лагерь возле какого-нибудь небольшого водопада и занялись мальчишеской игрой в футбол. Я искупаюсь.

И он разделся, а я присвистнула, что, к несчастью, заставило холодильник примчаться в комнату и остановиться на краю бассейна.

— Удивительно хитроумные у вас сервомеханизмы, — заметил он, шумно подплывая к бортику бассейна и принимаясь обследовать содержимое холодильника.

Час спустя он все еще ел! Он оказался из тех больших, крепких парней, чьи мозги находятся в желудке, — но все же какое величественное животное! Большие перекачанные мускулы, загорелая гладкая безупречная кожа, темные глаза бойца...

Наконец он наелся и вылез из бассейна, словно Нептун, выходящий из океана, — мокрый бог юности и силы. Я знала, что сейчас ему полагается думать о том, о чем я думала все это время. Как утверждает наука, это всего лишь вопрос психологии — к тому же маленькие зеленые мушки из Испании действуют очень эффективно.

Он навис надо мной, и я стала скромной, робкой и в то же время завлекающей.

— Я все еще волнуюсь, — заметил он. — Поищу-ка я свой экипаж, а отдохну потом.

Это было уже слишком! Внезапно я увидела красный, а потом и остальные цвета спектра. Я щелкнула пальцами, и исчезло все, кроме кровати, в которую мы немедленно перенеслись.

— Ч-что случилось? — пробормотал он.

— Капитан Дентон, — сказала я. — Всеми возможными способами я выставляла напоказ свои очевидные прелести, и вы оскорбили меня, отказавшись их замечать. Я необыкновенно нежна, печальна, несчастна и, — прошептала я, — страстна!

— Ну и ну! — выдохнул он. — Это действительно так?

— Действительно. Я жажду крепких мужских объятий, стрела Эроса пронзила мое сердце, и я не потерплю никаких возражений.

— Понял, — сказал он и прокашлялся. — И вы заманили меня сюда лишь ради этой специфической причины?

— Да, — мягко отозвалась я.

— И вы что-то сделали с моим экипажем?

— Да.

— Что?

— Поцелуйте меня, тогда скажу.

— Хорошо.

Он поцеловал меня. О Афродита! Какое чудесное ощущение после всех этих тоскливых столетий!

— Что вы с ними сделали?

— Поцеловала, — сказала я, — и они превратились в животных.

— Боже мой! — воскликнул он, быстро осматривая себя. — Подумать только, ведь вы такое прелестное создание!

— Наконец-то и до вас дошло, — согласилась я. — Вы один из тех редких зверей, которых мой поцелуй не награждает хвостами, клыками, копытами, рогами и прочими украшениями.

— Можете ли вы превратить мой экипаж обратно в людей?

— Могу, если попросите... но очень нежно.

— Вы... так вы волшебница! — догадался он. — Я всегда предполагал, что волшебники — порождение неизведанного. А другая магия вам подвластна?

— Еще бы. Хотите увидеть лунный свет?

Я щелкнула пальцами, и крыша исчезла. Над нами повисла нежная, вдохновляющая луна.

— Изумительно! Здорово! Только... наверное, у меня не хватит духу попросить...

— О чем, прелесть моя? — я прильнула к нему. — Только попроси, и мамочка наколдует тебе что угодно.

Долгое, громкое молчание. Наконец он дрожащим голосом произнес:

— Можете ли вы сделать из меня человека?

— Кого?!

— Человека, — повторил он. — Я андроид, как и все капитаны крейсеров, летающих в дальний космос. Это из-за того, что мы более стабильны, более прямолинейны и менее эмоциональны, чем наши братья-люди.

— Братья! — воскликнула я, вскакивая и протягивая руку к халатику. — Ничего себе!

— Прости, дружок, — произнесла я наконец. — Я всего лишь волшебница. А чтобы сделать из тебя... кого-нибудь, нужна богиня.

— Жаль, — печально отозвался он. — Наверное, я надеялся на слишком многое. Мне всегда хотелось узнать, что чувствуют люди... Это стало бы таким стимулирующим...

Я убежала от него ночью. Кочерыжками ему командовать, а не мужчинами! Я ему покажу «стимулирующим»!

Согнав в одно стадо его подлый экипаж, я — тьфу! — перецеловала их всех и вернула им человеческий облик. А куда мне было деваться? Без них он не смог бы управлять кораблем, а я не могла позволить ему слоняться во-круг. Такому мужественному на вид и одновременно столь же бесполезному, как рекламный плакат в монастыре. Стимулирующим!

Но я еще дождусь своего принца.

ПРИДИ КО МНЕ НЕ В ЗИМНЕЙ БЕЛИЗНЕ

Она умирала, а он был самым богатым человеком в мире, но не мог купить для нее жизнь. И потому сделал, что мог: построил дом. Единственный в своем роде, каких еще никогда не было. Ее перевезли туда в машине «скорой помощи», а затем десятки фургонов доставили мебель и прочие вещи.

Они были женаты немногим больше года, и тут ее сразила болезнь. Специалисты покачивали головами и называли болезнь ее именем. Они давали ей от шести месяцев до года, а затем удалялись, оставляя рецепты и запах антисептических средств. Но он не был побежден. Такая обыденность, как смерть, не могла его победить.

Ведь он был гениальнейшим из физиков, когда-либо работавших в АТТ до этого года. Господня и президента Фаррара одна тысяча девятьсот девяноста восьмого.

(Когда ты с рождения невероятно богат, тебя преследует ощущение личной никчемности, а потому, лишенный радостей изнурительного труда и нищеты, он принялся трудиться над собой. И сотворил из себя невероятно ценную личность — величайшего физика, какого только знал мир. Ему этого было достаточно... пока он не встретил ее. Тогда он захотел гораздо большего.)

Ему не требовалось работать для АТТ, но он извлекал из этого массу удовольствия. В его распоряжении было сложнейшее уникальное оборудование, чтобы исследовать область, особенно его интересовавшую, — Время и его убывание.

Он знал о природе Времени больше, чем кто-либо когда-либо живший на Земле.

Можно было сказать, что Карл Мейнос — это Хронос, Сатурн, сам Отец Время, ибо даже его внешность была такой: длинная темная борода и гибкая, похожая на косу трость. Он знал Время так, как не знал до него ни один человек, и обладал силой, волей и любовью, чтобы заставить его служить себе.

Как?

А дом? Он сам его спланировал. Добился, чтобы строительство завершилось менее чем за шесть недель, и единолично уладил для этого забастовку.

Что же особенного было в этом доме?

В нем была комната, такая комната, подобных какой не существовало нигде и никогда.

В этой комнате Время пренебрегало законами Альберта Эйнштейна и подчинялось законам Карла Мейноса.

В чем заключались эти законы, и чем была эта комната?

Если отвечать в обратном порядке, то комната была спальней его возлюбленной Лоры, страдавшей лорамейно-сизмом — поражением центральной нервной системы, названным ее именем. Болезнь была чудовищно разрушительной: четыре месяца спустя после установления диагноза ее ожидал паралич. Через пять месяцев она ослепнет и лишится речи, а через шесть месяцев или самое позднее через год — умрет. И она жила в спальне, куда не было доступа Времени. Она оставалась живой там, пока он работал и боролся за нее. Возможно, это было потому, что каждый год снаружи был равен неделе внутри. Так устроил Карл, и работа оборудования обходилась ему в восемьдесят пять тысяч долларов в неделю. Но она останется жить и вылечится, во что бы это ему ни обошлось, хотя его борода изменялась с каждой неделей, которую проживала она. Он нанял специалистов, создал фонд для поисков средства от ее болезни, и каждый день он чуточку старел. Хотя она была моложе его на десять лет, разрыв в их воз-

расте быстро увеличивался. И все же он работал, чтобы затормозить ее комнату еще больше.

— Мистер Мейнос, ваш счет теперь достигает двухсот тысяч долларов в неделю.

— Я буду платить, — ответил он представителю энергетической компании. Год теперь равнялся в спальне только трем дням.

И он приходил туда и разговаривал с ней.

— Сегодня девятое июня, — сказал он. — Утром, когда я уйду, наступит Рождество. Как ты себя чувствуешь?

— Немножко трудно дышать, — ответила она. — А что говорят доктора?

— Пока ничего, — сказал он. — Они работают над твоей проблемой, но пока решение еще не намечается.

— Я так и думала. Наверное, его никогда не найдут.

— К чему такой фатализм, любимая? У всякой проблемы есть решение, а времени предостаточно — столько, сколько понадобится...

— Ты принес мне газету?

— Конечно. Так ты не отстанешь от времени. В Африке была коротенькая война, и на сцене появился новый кандидат в президенты.

— Пожалуйста, люби меня!

— Я люблю тебя.

— Нет. Это я знаю. Займись со мной любовью.

Они улыбнулись на то, как она избегала определенных слов, а потом он разделся и занялся с ней любовью.

А после наступила минута истины, и он сказал:

— Лора, я должен объяснить тебе положение вещей. Мы пока ничего не достигли, но над твоей проблемой работают лучшие невропатологи и нейрохирурги мира. С тех пор как я запер тебя... как ты поселилась тут, был еще случай, и больной уже умер. Но они многое узнали благодаря ему и продолжают узнавать все больше. Я принес тебе новое лекарство.

— Рождество мы проведем вместе? — спросила она.

— Если хочешь.

— Значит, проведем.

Он пришел к ней в сочельник, они украсили елку и развернули подарки.

— Ну и поганое же Рождество без снега, — сказала она.

— Такие выражения в устах дамы!

Однако он принес ей снег, и рождественское полено, и свою любовь.

— Я ужасна, — сказала она. — Иногда я самой себе невыносима. Ты делаешь все, что в твоих силах, но ничего не получается, и я терзаю тебя. Прости.

Роста в ней было пять футов семь дюймов, черные волосы. Черные? Абсолютно черные, до синевы, и розовые губы, совсем особенные — два прохладных коралла. Глаза начинали безоблачные сумерки, когда угасающий день начинает голубеть. Руки у нее дрожали при каждом жесте, но жестикулировала она редко.

— Лора, — сказал он ей, — они работают, пока мы сидим тут. Ответ — излечение — придет со временем.

— Я знаю.

— Но ты думаешь, хватит ли времени. Его достаточно. Ты буквально застыла в неподвижности, пока снаружи все мчится вперед. Не тревожься, будь спокойна. Я верну тебя в мир.

— Знаю, — сказала она. — Просто иногда я... я отчаиваюсь.

— Не надо!

— Это от меня не зависит.

— О Времени я знаю больше, чем кто-либо... Оно есть у тебя, оно на твоей стороне. — Он взмахнул тростью, как саблей, обезглавливая розы, которые росли у стены. — Мы можем потратить столетие, — сказал он торопливо, словно избегая потерять лишний миг, — и с тобой ничего не случится. Мы можем спокойно дожидаться ответа, который обязательно получим. Если я уеду на несколько месяцев, для тебя и дня не пройдет. Не тревожься! Тебя вылечат, и мы опять будем вместе, и дни станут еще более солнечными... Ради Бога, не тревожься! Ты же помнишь, что они объясняли тебе о психосоматической конверсии!

— Да. Я должна избегать чего-либо подобного.

— Вот и избегай. Я могу еще многое проделать со Временем, ну, например, полностью его заморозить. С тобой все будет хорошо, верь мне!

— Конечно, — сказала она, поднимая бокал. — Счастливого Рождества.

— Счастливого Рождества.

Но даже если человек невероятно богат, пренебрежение умножением этого богатства, маниакальная одержи-

мость в достижении единственной цели и постоянные огромные расходы неизбежно приводят к тому, что впереди начинает маячить конец. И пусть он маячит где-то вдали, пусть остается еще много лет, которые можно использовать, тем не менее всем окружающим было уже ясно, что Карл Мейнос посвятил себя борьбе, которая приведет его к гибели. По меньшей мере финансовой. Для них же хуже такой гибели ничего быть не могло. Ибо они не жили в мыслях Мейноса и не подозревали, что есть другая, куда более губительная гибель.

Он пришел к ней в начале лета и принес записи любовных дуэтов де ла Круа и Идальго Бретона. Они сидели рядом, держась за руки, и весь июль и август слушали голоса других влюбленных. Он ощутил ее тоску, только когда август был на исходе и запись кончилась, пение сменилось тишиной.

— Что? — спросил он нежно.

— Ничего. Совсем ничего.

— Так скажи мне.

И тогда она заговорила об одиночестве. И затем осудила себя — за неблагодарность, за нетактичность, за недостаток терпения. Он ласково ее поцеловал и обещал что-нибудь придумать.

Когда он вышел из комнаты, в этом уголке мира веяло сентябрьской зябкостью. Но он начал изыскивать способ смягчить ее одиночество. Он подумал было о том, чтобы самому остаться с ней и вести эксперименты в комнате без Времени. Но это было неосуществимо по многим причинам — главным образом связанным со Временем. Да и для проведения экспериментов ему требовалось большое пространство, а пристроить к комнате дополнительные помещения было невозможно. Он отдавал себе отчет, что у него на это просто не хватит средств.

А потому он остановился на другом выходе, наилучшем при таких обстоятельствах.

Он поручил своему фонду обыскать весь мир, чтобы найти для нее наилучшего товарища в ее уединении. После трех месяцев ему вручили список возможных кандидатов. Их оказалось двое. Всего двое.

Во-первых, красивый молодой человек Томас Гриндел, веселый, остроумный, говорящий на семи языках. Он написал оригинальную историю человечества, много путе-

шествовал, был общителен и во всех остальных отношениях представлялся идеальным собеседником в одиночестве.

Во-вторых, малопривлекательная женщина Иоланда Лоеб. В образованности она не уступала Гринделу, была замужем, развелась, писала очень хорошие стихи и посвятила жизнь борьбе за различные социальные реформы.

Даже Карл Мейнос был не настолько погружен в свои изыскания, чтобы не заметить, чем был чреват тот или иной выбор. Он вычеркнул Гриндела.

Иоланде Лоеб он предложил два соблазна: увеличение срока жизни и финансовое вознаграждение, которого ей с лихвой хватило бы на три жизни. Она согласилась.

Карл Мейнос провел ее в дом и перед дверью комнаты, прежде чем набрать открывавший ее код, сказал:

— Я хочу, чтобы она чувствовала себя счастливой. Нашла бы себе занятие. Чего бы она ни захотела, ее желание должно быть исполнено. Вот все, о чем я прошу вас.

— Я сделаю все, что в моих силах, мистер Мейнос.

— Она чудесная натура. Я уверен, что вы ее полюбите.

— Да, конечно.

Он открыл тамбур, и они вошли. Затем он нейтрализовал временность, внутренняя дверь открылась, и он вошел вместе с Иоландой Лоеб.

— Привет!

Глаза Лоры широко раскрылись при виде незнакомой женщины, но, когда Карл объяснил, что мисс Лоеб составит ей компанию, будет подругой, в которой она нуждается, по ее губам скользнула улыбка, и она поцеловала ему руку.

— У нас с Лорой есть сколько угодно времени, чтобы познакомиться, — сказала Иоланда Лоеб, — так почему бы вам пока не побыть вдвоем? — И она отошла в дальний угол комнаты к книжным полкам и взяла том Диккенса.

Лора обняла Карла Мейноса и поцеловала его.

— Ты так добр ко мне!

— Но я же люблю тебя. Что может быть проще? Жаль только, что не все так просто.

— И как продвигаются исследования?

— Медленно, но продвигаются.

Она словно бы встревожилась из-за него.

— Ты выглядишь таким усталым, Карл!

— Утомленным, а не усталым. Это большая разница.

— Ты постарел.

— По-моему, седина в бороде придает мне большое благообразие.

Она весело засмеялась, а он обрадовался, что выбрал мисс Лоеб, а не Гриндела. Проводя наедине в запертой комнате бесчисленные месяцы, которые для них там, где Время почти остановилось, не были бы месяцами, кто знает, как они повели бы себя? Лора — необыкновенно красивая женщина. В нее влюбился бы любой мужчина. Но если ее компаньонкой будет мисс Лоеб... Теперь беспокоиться не о чем.

— Ну, мне пора. Сегодня мы испытываем новый катализатор... Вернее, испытывали много дней назад, когда я вошел сюда. Береги себя, любимая. Я вернусь, как только смогу.

Лора кивнула:

— Теперь, когда у меня есть подруга, мне не будет так одиноко до твоего возвращения, любовь моя.

— Что ты хочешь, чтобы я принес в следующий раз?

— Сандаля для курильницы.

— Непременно.

— Теперь мне не будет так одиноко, — повторила она.

— Да. Надеюсь, что да. Благодарю тебя.

И он оставил их вдвоем.

— Вы знаете Неруду? — спросила мисс Лоеб.

— Прошу прощения?

— Чилийского поэта. «Вершины Мачу-Пикчу»? Одно из лучших его творений?

— Боюсь, что нет.

— Я захватила с собой эту вещь. Потрясающая мощь. В этих стихах скрыта сила, которая, подумала я...

— ...придаст мне смелости перед лицом смерти. Нет. Благодарю вас, но нет. С меня достаточно вспоминать все, что те немногие, кого читала я, наговорили о конце жизни. Я трусиха, и я знаю, что рано или поздно все должны умереть. Но в отличие от них у меня есть расписание. Произойдет это, потом это, а потом все кончится. Между мной и смертью стоит только мой муж.

— Мистер Мейнос замечательный человек. И очень вас любит.

— Благодарю вас. Я знаю. А потому если вы хотели бы утешить меня, то мне это не нужно.

Однако Иоланда Лоеб сжала губы, коснулась плеча Лоры и сказала:

— Нет. Не утешить. Вовсе нет. Помочь вам обрести мужество, может быть, веру. Но не утешать, не уговаривать смириться с неизбежным. — И она продолжала:

*Смерть много раз звала меня к себе.
Она была как соль, сокрытая в волнах;
и аромат незримый говорил
о кораблях погибших и вершинах,
и о постройках ветра и метелей.*

— Откуда это?

— Начало четвертой песни.

Лора опустила глаза, а потом сказала:

— Прочтите мне все целиком.

Иоланда начала низким выразительным голосом с чуть заметным акцентом:

*Меж воздуха и воздуха, как сеть пустая,
заброшенная в улицы глухие,
бреду с дарами к воцаренью листопада...*

Лора слушала: в этом, казалось, была скрыта какая-то новая истина.

А потом она протянула руку, и их пальцы нежно соприкоснулись.

Иоланда рассказала ей о своей юности в кибуце и своем неудачном браке. Она рассказала, как жила потом, о своих страданиях. Лора плакала, слушая печальные слова.

И потом несколько дней ей было очень скверно. Но для Карла Мейноса речь тут шла не о днях, и у него тоже была причина чувствовать себя скверно. Он познакомился с девушкой, чье общество ему очень нравилось, пока она не сказала, что любит его. Тогда он отшатнулся от нее, как от пропасти, как от жгучей крапивы. В конце-то концов Время — их друг-враг — прочно вошло в жизнь Лоры и Карла. В их роковом *mé pageatrois** не было места для посторонних.

* Брак втроем (фр.).

Он чертыхался, уплачивал по счетам и изыскивал способы еще больше подчинить себе Время.

Но внезапно его начала терзать боль. Он ничего не знал о Пабло Неруде, или о Пастернаке, Лорке, Евтушенко, Йитсе, Бруке, Дэниелсе — ни о ком из них, — а Лора теперь только о них и говорила. Ему нечего было сказать, и он только кивал. Все кивал и кивал...

— Ты довольна? — спросил он наконец.

— О да! Конечно, — ответила она. — Иоланда чудесная женщина. Я так рада, что ты пригласил ее.

— Отлично. Хотя бы что-то.

— О чем ты?

— Иоланда! — Внезапно он повысил голос. — Как вы?

Иоланда Лоеб вышла из отгороженного угла комнаты, куда тактично удалялась во время его посещений. Она кивнула ему и чуть улыбнулась:

— Прекрасно, мистер Мейнос. Благодарю вас. А вы?

Ее голос на миг прервался. Она подошла к нему, и, заметив, что ее взгляд прикован к его бороде, он усмехнулся в эту бороду и сказал:

— Иногда я начинаю чувствовать себя преждевременным патриархом.

Она улыбнулась — его тон был шутивным, но он опять испытал боль.

— Я принес вам кое-какие подарки, — продолжал он, выкладывая на стол запечатанные пакеты. — Новейшие книги по искусству, кассеты, пластинки, пару неплохих фильмов, стихи, которые критики объявили великолепными.

Обе они подошли к столу и принялись вскрывать пакеты, благодаря его за каждый подарок, радостно вскрикивая и ахая. А он смотрел на смуглое лицо Иоланды со вздернутым носом, многочисленными родинками и небольшим шрамом на лбу, а потом перевел взгляд на лицо Лоры, покрасневшее, улыбающееся — и пока он стоял так, опираясь обеими руками на трость, думая, что он сделал правильный выбор, что-то мягко сжалось внутри его, и он снова познал боль.

Вначале ему не удавалось проанализировать это чувство. Однако оно всегда возвращалось к нему, едва он вспоминал, как они наклонялись над заваленными пакетами

столом, листали книги, вытягивали руку с кассетой, чтобы рассмотреть объемную картинку на футляре, и переговаривались о своих новых сокровищах, не обращая на него внимания.

Это было ощущение разлуки, переходящее в щемящую тоску, и еще какое-то чувство. У них было что-то общее, что-то свое, чего он не разделял с Лорой. Их объединяла любовь к искусству — области, на которую у него никогда не хватало времени. И кроме того, они были вместе в военной зоне — одни в комнате, осаждаемой их противником Временем. Их сближало то, как они вместе бросали вызов возрасту и смерти. Они владели этим местом, где он теперь стал чужаком. Это...

Ревность, внезапно решил он и удивился своей мысли. Он ревновал к тому, что теперь стало их общим. Мысль об этом его потрясла, смутила. Но тут же, как всегда удрученный чувством своей никчемности, он увидел в случившемся очередное ее доказательство. И попытался избавиться от этого чувства.

Но ведь никогда еще не существовало такой Лоры или другого такого *me* *page*, как этот.

И теперь возникло ощущение вины.

Да, несомненно.

Он взял в руку чашку кофе и улыбнулся глазам — возможно, своим собственным, — которые смотрели на него сквозь пар из глубины темной жидкости. Его знакомство с античностью ограничивалось мифами и теориями древних философов, касающимися Времени. Хронос, Время, согласно некоторым мифам, был Кроном, отцом Зевса, который его оскотил. По мнению некоторых комментаторов, таким способом жрецы и оракулы внушали идею, что Время не способно приносить новое, а вынуждено вечно повторяться и довольствоваться вариантами того, что было уже зачато. Вот почему он улыбнулся...

Разве болезнь Лоры не нечто вполне новое? И разве его власть над Временем не послужит созданию еще одного новшества — лекарства от этой болезни?

Забыв и о ревности, и о своей вине, он прихлебывал кофе, выстукивая пальцами ритм какой-то новой мелодии,

а перед ним в камерах плясали частицы и античастицы, обуздывая Время.

А когда позднее вечером зазвонил видеофон, он сидел в белом халате перед тахитроном, сдвинув на лоб старенькие очки, поставив чашку с остывшим кофе на панель, и после копания в себе решил, что это было не столько чувство вины, сколько предчувствие чего-то.

Видеофон снова звякнул.

Наверное, кто-то из врачей... так и оказалось... Результаты последних его экспериментов — волшебное путешествие туда, где еще не ступала нога ни одного физика, — были подкреплены исследованиями врачей, и предчувствие обернулось чудеснейшей реальностью.

Он отправился сообщить Лоре, что они одержали победу, отправился в комнату, где снаружи Время держало осаду со все большей безнадежностью, отправился восстановить всю меру своей любви.

И увидел там, что они занимаются любовью.

В одиночестве, выйдя из комнаты туда, где Время злобно ожидало, смакуя свой триумф, Карл Мейнос прожил больше жизней, чем могла бы хранить даже самая особенная комната. Не было никаких сцен, только мучительное молчание. Никаких слов, только виньетки впечатлений троих людей, окруженных всем, что произошло в этой комнате и было невидимо замкнуто в ее стенах.

Разумеется, они хотели остаться вместе. Ему не понадобилось спрашивать. Вдвоем, вместе, в безвременной комнате, где они обрели любовь, в комнате, куда Карл Мейнос уже никогда не войдет. Он все еще любил ее. Изменить это было невозможно. А потому у него имелось только два выхода. Он мог бы трудиться весь остаток своей никчемной жизни, чтобы платить за энергию, необходимую для функционирования комнаты. Или он мог отключить ее. Но тогда бы ему пришлось ждать — ждать, чтобы Время-Победитель превратило его всепоглощающую любовь в такую ненависть, какая вынудила бы его прекратить функционирование комнаты.

Он не сделал ни того ни другого. Оказавшись перед таким выбором, он избрал третий выход, которого у него не было никогда.

Он подошел к панели и сделал то, что требовалось сделать, чтобы *ускорить* Время в комнате. Теперь в этой комнате даже Время умрет.

А потом, никчемный, недостойный, он ушел.

Иоланда сидела и читала. Снова Неруду. Она всегда возвращается к нему!

А на кровати разлагалось то, что было Лорой. Время, не зная, что все, включая его, станут жертвами, нагнало упущенное и наконец отпраздновало победу.

«Приди, о крохотная жизнь, — читала она, — летящая на крыльях земли, льдистая, хрустальная, сквозь громящий воздух, что разбивает изумруды на острые осколки. О воды дикие, обрушьтесь со снежной бахромой!»

*Люби, люби, покуда ночь не рухнет
с кремней поющих Ангелов
на алые зари колени,
явись и посмотри на сына снегов слепого.*

Она положила книгу и откинулась на спинку, закрыв глаза. И годы для нее неслись стремительно.

МОРОЗ И ПЛАМЯ

Биллу Молдину,
вспоминая о добротe

НЕЧТО ВРОДЕ ЭКЗОРЦИЗМА

Я только что понял, что этот сборник рассказов будет первым после «Варианта единорога», увидевшего свет в 1983 году. С тех пор я приобрел кота по имени Эмбер, получил черный пояс по айкидо и еще две премии Хьюго, купил футов двадцать полок, набитых книгами; в мою честь назвали паука (*Sclerocypris zelaznyi* — спасибо вам, доктор Мартенс), и я напрасно похвастал этим перед Джеком Холдеманом II, в честь которого в свое время был назван ленточный червь (*Hymenapolis haldemanii* — надо быть очень осторожным в выборе прототипов своих героев, Джей отчасти смахивает на Фреда Кассиди). Вот что я могу ответить тем из вас, кто интересуется, какие события произошли в моей жизни. А дом мой стоит все на том же холме в Нью-Мексико, и живу я в нем все с той же долго-терпеливой женщиной, Джуди, теперь уже адвокатом.

Я с удовольствием предвкушал отбор рассказов и составление нового сборника, хотя это неизбежно влечет за собой необходимость писать введение — занятие, обычно вызывавшее у меня стойкое отвращение, но и, как выяснилось, подталкивающее меня к совершенно новым формам размышлений о писательстве, и о моем писательстве в частности. Я обнаружил, что раз в несколько лет туманное

философствование об этом роде занятий на пространстве в несколько странице-часов доставляет мне удовольствие.

Герои некоторых моих рассказов, такие, как Дилвиш, Калифрики, Мари или Конрад, приходят ко мне из ночи, завладевают моим вниманием и ждут. Затем появляются обстоятельства, выстраиваются события, и рассказ струится подобно тени. Обычно это длинные вещи, иногда такие истории выливаются в романы. Явившись мне однажды в виде нечетких форм, они существуют для меня как привидения, пока я не перенесу их на бумагу.

В других случаях первой появляется мысль, и я должен искать героев, чтобы выразить ее — как, скажем, в «Ночных королях», где каждый персонаж пришел в ответ на мое мысленное объявление: «Требуется помощь», не позже чем через полчаса после рождения идеи. Так часто случается с короткими рассказами.

Наконец, существует рассказ впечатляющего образа. Но сначала позвольте мне прерваться и кое-что объяснить.

Каждый день я читаю стихи. Мне кажется, это самая необходимая вещь для тех, кто пишет прозу, — как ежедневная пробежка, которая поддерживает бодрость тела. Много лет тому назад я предпочитал стихи с педантичной точностью и логической ясностью. Я долгое время не мог наслаждаться только языком или образным строем поэтического произведения, и так продолжалось до тех пор, пока я не натолкнулся на Дилана Томаса. Сначала это была случайность, и мало кто мог произвести на меня такой эффект. Рильке мог бы. А. Р. Аммонс — иногда. Некоторые вещи Лорки. Но, только столкнувшись с творчеством У. С. Мервина, я осознал, что могу быть счастлив, любясь одними образами, если они созданы человеком с исключительно чутким восприятием мира, личностью, которая проникает в сущность вещей способом, в чем-то созвучным моему напоминая мне вновь чье-то наблюдение:

Слово-образ в сиянии своем
Цепко держит утихшую иву.

И такого рода поэзия воздействовала на меня долгие годы.

Я паразитирую на притягательных образах, и есть целые рассказы или разделы книг, которые возникли из впечатляющего образа — робот, ломающийся через кладбище

миров в «Человеке, который любил Файоли»; Палач, плывущий вверх по Миссисипи как Ангел Смерти; нисхождение Сэма в преисподнюю в «Князе Света»; разрушение Мировой Машины в «Джеке из Страны Теней»; Время, представляемое как сверхскоростное шоссе в «Дорожных знаках».

Из этих трех дверей в фантастику — для меня — истории, начало которым дают герои, наиболее ярки во всех отношениях, хотя рассказы, возникающие из образов, часто воздействуют почти магически и доставляют массу удовольствия при их написании. Обычно хороший результат получается, когда впечатляющий образ объединяется с рассказом, рожденным явившимся автору героем, или с историей, развившейся из некоей идеи.

Обычно — но не всегда. Научную фантастику часто рассматривают как «литературу мысли». Это, разумеется, не означает, что каждый рассказ, возникший из какой-либо мысли, автоматически становится образцом жанра, даже если он основан на самых свежих научных изысканиях. Такие рассказы могут быть очень разными, в зависимости от того, кто и как ответил на призыв: «Требуется помощь». В действительности у меня время от времени возникает странная (но преодолимая) рабочая проблема: появляются и отказываются уходить «неправильные» персонажи, устраивая своего рода сидячую забастовку на пространстве идеи, порождающей рассказ. Я-то знаю, что они принадлежат другому произведению и разрушают то, которому вроде бы дали жизнь. Это похоже на Пиранделло. Своим присутствием они портят идею до такой степени, что ничто уже не может исправить положения. В таком случае я обычно отступаю с отвращением и стараюсь забыть всю вещь. Там, откуда они пришли, есть множество других героев. Так кому нужны такие осложнения?

Но иногда они все-таки возвращаются, чтобы поворчать и подразнить. У меня был один герой, который не хотел уходить прочь, и мне показалось, что попытка написать рассказ, который не пишется, может доставить еще больше удовольствия — надеюсь, вы меня понимаете. Хочется уничтожить его, изгнать его вносящие смуту привидения.

Не так давно я прочитал, что составление новых карт глубин Земли при помощи сейсмической томографии обнаружило на ядре перевернутые аналоги того, что

существует на земной поверхности — антиконтиненты, антиокеаны, антигорные хребты. Но если горный хребет может оставлять отпечаток на ядре Земли, почему бы искусственному сооружению достаточных размеров не сделать того же? Масса крупного города не уступает массе горного хребта. Так, может быть, под нами есть анти-Манхэттен? Или анти-Париж? Или анти-Лондон? Как можно такую ситуацию использовать в фантастике? Я обратился к «Жизни вне Земли» Джеральда Фейнберга и Руперта Шاپиро, замечательной книге, полной воображаемых существ, приспособленных для того, чтобы жить в самых разнообразных условиях. Из нее я смог позаимствовать «магмоба» — существо, живущее за счет тепла магмы или радиации. Логически оправдать такую форму жизни довольно трудно, однако цель была в построении антигеографии земного ядра, которая создавала большие возможности для дальнейшего развития идеи.

Я мог бы дать этим медлительным, плавающим в магме созданиям соразмерно долгую жизнь, чтобы они могли наблюдать стремительно — для них — проносящиеся события антиповерхностного мира, происходящие в анти-Карфагене, анти-Константинополе, анти-Лиссабоне, анти-Сан-Франциско, анти-Хиросиме. А потом...

Но магмобы мне не нравились, что было довольно глупо, и тут я обнаружил, что они не хотят уходить. У меня, впрочем, была одна идея и кое-какие подходящие для нее образы — огненные трилобиты, ползающие по лаве. (Хорошо, пусть будет по магме.) Я хотел отправить их в отставку и попытаться начать все сначала, но они не желали покидать меня. В середине июля — на это указывает запись в дневнике — я посетил оперный театр в Санта-Фе, где столкнулся с Сузи Макки Чарнас и ее мужем, Стивом. У меня было сильнейшее желание сказать: «Сузи, я хочу подарить тебе великолепную идею. Не спрашивай почему». Но свет начал гаснуть, и я не успел. Я не увидел ее после спектакля и решил попридержать идею на случай, если придумаю, как расправиться с трилобитами. До сих пор мне это не удалось, но чем больше я думаю, тем больше убеждаюсь, что идея по-прежнему хороша. Я закрываю глаза и вижу силуэт анти-Манхэттена, под ним пылающие — как в День Гнева — небеса, а вот и раскаленные сегменты ископаемых существ проплывают мимо, издавая

отрывистые хриплые звуки. Что, если эта дрянь действует как компьютерный вирус в программе писателя? Разве можно отдать такое хорошему автору, такому, как Сузи, к тому же доброму другу. Надеюсь, впрочем, что, выставив эти образы на обозрение, их можно будет уничтожить.

Итак, для меня есть истории героев, истории идей и истории образов. Это относится к способу, которым они проникают в мою вселенную. Законченное произведение в самом лучшем случае должно содержать все три элемента. Хотя и двух достаточно. В черные дни, когда я нуждаюсь в деньгах, мне приходится довольствоваться и одним.

Могу еще добавить, что в спокойные дни я люблю проводить время с привидениями, особенно за чашкой утреннего кофе, когда я наслаждаюсь видом гор.

Но довольно о моих писательских причудах.

Я хочу сказать здесь и о другом. Количество писем, которые я получаю от читателей, возросло настолько, что я просто не могу отвечать на каждое, продолжая нормально жить и писать. Я не могу даже попытаться ответить на вопросы о моей работе, моей жизни, моем отношении к различным вещам. Я просто хочу — здесь и сейчас — поблагодарить всех, кто написал мне. Жаль, что у меня так мало времени.

Спасибо за интерес ко мне.

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

В моем предыдущем сборнике рассказов, «Варианте единорога», во вступительном замечании к заглавной вещи, я писал, что этот рассказ был сочинен во время поездки по Аляске в мае 1980 года. Предварительно я напомнил о некоторых материалах и событиях, предшествующих написанию этого произведения. Когда мы были в Заливе Ледников (или чуть раньше, когда посетили ледник Менденхолл), я почувствовал первое шевеление идеи рассказа. Это было нечто, включающее в себя силу всего этого льда, всей этой стужи. Месяцем позже я был в качестве почетного гостя на конференции в Лос-Анджелесе, после чего навестил родственников Джуди в Сан-Диего, а потом направился в Мексику и доехал до Сан-Квинтина. Машину я взял напрокат, а это требует горючего без свинца. Бак был наполовину пуст, когда мы остановились у отеля «Эль Президенте» в Сан-Квинтине — большого впечатляющего сооружения, где мы были единственными гостями. Ощущение, что я почти один в старом отеле, дало мне другой мотив для рассказа, соединившийся с темой ледника и мыслями, рожденными дискуссией об искусственном интеллекте, которую я слышал на конференции. Я планировал ехать дальше на юг, ибо окружающий пейзаж доставлял мне истинное

наслаждение, но узнал, что южнее Энсенады горючего необходимого качества мне не достать, и стал прикидывать, смогу ли я вернуться на той малости бензина, что у меня оставалась. (Отвечаю, чтобы ослабить напряжение: сохранив последнюю каплю горючего, я накатом въехал в Энсенату.) На обратном пути я размышлял о контрастах между мексиканской Калифорнией и Аляской. Я читал «Забытый полуостров» Джозефа Кратча и «Вхождение в страну» Джона Макфи, где говорилось о том же. Все это соединилось вместе, а после этого в аэропорту Лос-Анджелеса я услышал непристойный спор между мужчиной и женщиной, который послужил катализатором ко всему, что уже было сказано. Основная мысль рассказа и первое впечатление о его героях возникли в полете домой.

Я ничего не написал в течение нескольких последующих лет.

Тех, кто не пишет, иногда раздражает, что я обращаю внимание на подобные вещи. Однако, как я сказал во введении, я живу с привидениями и нахожу в этом удовольствие. Я был слишком занят, чтобы написать рассказ, и нисколько об этом не беспокоился. В любой момент у меня в распоряжении имелось достаточное количество персонажей и сюжетов, ожидающих, чтобы их перенесли на бумагу, как только у меня будет время или желание. Их, кстати, хорошо иметь под рукой. Когда рассказ написан, герои обычно уходят или, в лучшем случае, лишь изредка посещают меня.

Итак, я жил с «Вечной мерзлотой» и ее героями несколько лет. Наконец время и желание совпали, и я начал писать. Прежде чем я окончил, Джордж Мартин позвонил мне и сообщил, что мы оба приглашены на чтения в Таосе через одну-две недели. Это звучало очень привлекательно. Я ускорил работу и сумел закончить рассказ за два дня до чтений, так как мне хотелось, если это возможно, иметь с собой что-нибудь новенькое. У меня не было возможности выправить текст заранее, и я редактировал его во время чтения. Когда я окончил, Джордж радостно сообщил мне, что я могу рассчитывать на премию Хьюго. На следующий день Эллен Датлоу, редактор «Омни», позвонила мне и сказала: «Я узнала, что вчера в Таосе вы читали рассказ "Вечная мерзлота". Я хочу

приобрести его». Я начал шутить, что название ее журнала слишком коротко для всеведения (omniscient — всеведущий (англ.)), но оказалось, что она разговаривала с Джорджем рано утром по другому поводу, и он не упустил возможности рассказать ей обо мне.

Короче говоря, я продал рассказ Эллен для «Омни» (по каким-то техническим причинам он увидел свет только в апреле 1986 года). Джордж оказался прав и насчет премии Хьюго (хорошо бы узнать, как ему это удастся). Так как я не смог присутствовать на конвенции в Англии, Эллен получила премию от моего имени, а Мелинда Снодграсс привезла ее мне в Нью-Мексико.

Спасибо, Джордж. Спасибо, Эллен. Спасибо, Мелинда. И всем вам, друзья и доброжелатели, спасибо.

Высоко на западном склоне горы Килиманджаро лежит высохший и замерзший труп леопарда. Чтобы объяснить, что он там делает, необходим автор, ибо окоченевшие леопарды не очень разговорчивы.

МУЖЧИНА. Кажется, что музыка возникает и звучит по своей собственной воле. По крайней мере, повороты ручки приемника никак не влияют на её присутствие или отсутствие. Полузнакомый, чужой мотив, чем-то тревожный. Звонит телефон, и он берет трубку. Никто не отвечает. Снова звонок.

Четыре раза за то время, пока он приводил себя в порядок, одевался и повторял свои доводы, ему звонили, но никто не отвечал. Когда он обратился на станцию, ему ответили, что никаких звонков не было. Однако, видимо, с этим чертовым роботом-клерком что-то не в порядке — как и со всем остальным в этом месте.

Ветер, и без того сильный, еще более усилился, бросая на здание частицы льда со звуком, похожим на царапанье миллионов тонких коготков. Жалобный визг стальных жалюзи, скользящих на место, испугал его. А при беглом взгляде на ближайшее окно ему показалось, что он видит лицо, — и это было хуже всего.

Конечно, это невозможно. Это ведь четвертый этаж. Игра света в падающих хлопьях снега. Нервы.

Да. Он начал нервничать с тех пор, как они прибыли сюда этим утром. Даже раньше...

Он вывалил вещи Дороти на тумбочку и обнаружил пакетик среди своей собственной одежды. Он развернул маленький красный прямоугольник размером с его ноготь, затем закатал рукав и прилепил пластырь к внутренней стороне левого локтевого сгиба.

Транквилизатор влился непосредственно в кровь. Он сделал несколько глубоких вдохов, отодрал пластырь и выбросил его в мусороприемник. Затем спустил рукав и потянулся за пиджаком.

Музыка заполнила все, как будто соревнуясь с порывами ветра и стуком ледяных градин. В противоположном углу комнаты ожил видеозэкран.

Лицо. То же самое лицо. Только на одно мгновение. Он уверен в этом. А потом бессмысленные волнистые линии. Снег. Он усмехнулся.

«Ну ладно, нервы, — думает он, — у вас есть причина так себя вести. Но транквилизатор найдет на вас управу. Веселитесь пока. Вы уже почти отключены».

На видеозэкране возникает порнофильм. Улыбаясь, женщина громоздится на мужчину...

Картина переключается на безгласного комментатора. Он что-то говорит.

Он выживет. Он из породы выживающих. Он, Пол Плайг, и раньше рисковал — и всегда удачно. Он выбился из колеи только из-за того, что Дороти суетится по пустяковому поводу. Ничего, пройдет.

Она ждет его в баре. Ничего, пусть подождет. Немного спиртного поможет убедить ее — если она не остервеенеет. Такое тоже бывает. Другими словами, он должен отговорить ее от этого дела.

Тишина. Ветер утих. Царапанье прекратилось. Музыка не слышна.

Жужжание. Оконный экран дает обзор пустого города.

Тишина. Облака затянули все небо. Вокруг горы льда. Никакого движения. Даже видео отключено.

Он отшатнулся от внезапной вспышки дальнего блока в левой области города. Лазерный луч ударил в слабую точку ледяной горы, и часть ее откололась.

Чуть позднее он услышал глухой гул ломающегося льда. Ледяные осколки взметнулись возле подножия горы. Он восхитился силой, точностью определения момента, внешним эффектом.

Эндрю Альдон... Всегда на посту, в борьбе со стихией, способный загнать в тупик саму природу, бессмертный страж Плейпойнта. Альдон, по крайней мере, никогда не ошибается.

Опять пришла тишина. Пока он наблюдал за тем, как оседает взметнувшийся снег, транквилизатор начал действовать. Было бы хорошо снова не заботиться о деньгах. В последние два года было много потерь. Видеть, как все твои сбережения исчезают в Большом Кризисе — именно тогда его нервы впервые стали пошаливать. Он стал мягче, чем век назад, когда он был юным и тощим солдатом удачи, всегда готовым отправиться в путь. Сейчас он должен сделать нечто похожее, хотя теперь это было бы легче — если бы не Дороти.

Он подумал о ней. На столетие моложе, чем он, чуть больше двадцати, временами безрассудная, любящая все удовольствия жизни.

В ней было что-то ранимое, временами она впадала в такую зависимость от него, что он чувствовал необычайное волнение. Иногда она раздражала его до безумия. Вероятно, это было ближе к любви, чем ему хотелось бы сейчас, случайно возникшее противоречивое чувство. И, конечно, она знает. Отсюда необходимость соблюдать такт. По крайней мере до тех пор, пока он снова не соберется в путь. Но все это не может быть причиной, чтобы отказать ей в праве сопровождать его. Это больше чем любовь или деньги. Это вопрос выживания.

Лазер вспыхнул снова, теперь справа. Сейчас раздастся грохот.

СТАТУЯ. Это не слишком удобная поза. Она лежит, замороженная, в ледяной пещере и выглядит, как роденовская фигура. Левый бок прислонен к стене, правый локоть закинут над головой, кисть повисла рядом с лицом, плечи упираются в стену, левая нога полностью погребена.

Она одета в серую парку, соскользнувший капюшон освободил пряди темно-русых волос. На ней синие брюки, правая — видимая — нога обута в черный ботинок.

Она вся покрыта льдом, и в многократно преломленном свете пещеры можно видеть, что в ее внешности нет ничего неприятного, но и ничего особо привлекательного. На вид ей лет двадцать с небольшим.

На стенах и потолке пещеры множество трещин. Сверху, как сталактиты, свисают множество сосулек, вспыхивая, как драгоценные камни, в многократно преломленном свете. Пещера имеет ступенчатый уклон, образуя в том конце, где находится статуя, нечто вроде гробницы.

Когда в облаках появляются разрывы, красноватый свет падает на ее фигуру.

Она действительно двигалась в течение столетия — на несколько дюймов, вместе с подвижками льда. Но из-за игры света кажется, будто она движется быстрее.

Общая обстановка создает впечатление, что это всего лишь бедная женщина, которая попала в ловушку и замерзла до смерти, а не статуя живой богини на том месте, где все началось.

ЖЕНЩИНА. Она сидит у окна в баре. Дворик снаружи, серый и угловатый, занесен снегом, на клумбах мертвые растения — окостеневшие, разглаженные, замерзшие. Она ничего не имеет против пейзажа. Напротив. Зима — время смерти и холода, и она любила, когда ей напоминали об этом. Ей нравилось испытывать к себе жалость на фоне холодных и очень зримых клѣтков зимы. Яркая вспышка осветила дворик. Затем издали донесся глухой рев. Она делает глоток из бокала, облизывает губы и слушает тихую музыку, которая наполняет воздух.

Она одна. Бармен и вся остальная прислуга — роботы. Войди сюда кто-нибудь кроме Пола, она бы вскрикнула. Мертвый сезон — никого, кроме них, в этом отеле. И во всем Плейпойнте лишь они не спят.

А Пол... Он скоро придет, чтобы повести ее обедать. Там они могут потребовать, если захотят, чтобы за соседними столами были голограммы других постояльцев. Но она не захочет. Ей нравится быть наедине с Полом в такие моменты, когда ожидаешь важных событий.

За кофе он расскажет ей о своих планах, и уже сегодня вечером они смогут получить необходимое снаряжение, чтобы приступить к делу, которое сможет вернуть ему материальное благополучие и самоуважение. Это, конечно, опасно, но должно привести к успеху. Она допивает свой бокал, поднимается и подходит к бару за следующим.

А Пол... Она действительно поймала падающую звезду, авантюриста, мужчину со славным прошлым, в настоящий момент балансирующего на грани краха. Неустойчи-

вость его положения обозначилась еще до их встречи, случившейся два года назад, что придавало их отношениям еще бóльшую остроту. Конечно, ему нужна такая женщина, чтобы опереться на нее в трудное время.

Дело было не только в ее деньгах. Она никогда не верила тому, что говорил о нем ее покойный отец. Нет, он действительно любит ее. Он необыкновенно ранимый и зависимый.

Она хочет превратить его в того мужчину, каким он был раньше, и, конечно, этот мужчина должен нуждаться в ней. Он был как раз тем, чего ей больше всего не хватало, — мужчиной, который может достать с неба звезды. Он должен стать таким, каким был много лет назад.

Она делает несколько глотков.

Однако этому сукину сыну лучше поспешить. Она проголодалась.

ГОРОД. Плейпойнт находится на планете Балфрост, на гористом полуострове, с трех сторон окруженном замерзшим (сейчас) морем. В Плейпойнте есть площадки и устройства для любых игр, которыми увлекаются взрослые. С поздней весны до ранней осени — приблизительно пятьдесят земных лет — это один из самых популярных курортов в этом секторе Галактики. Затем приходит зима, период оледенения, и все уезжают на полстолетия — или полгода, смотря как считать. В это время Плейпойнт находится в ведении автоматической системы поддержания порядка. Это автономная система, управляющая очисткой, уборкой снега, утеплением всего, что требуется, а также отражением наступающих льда и снега. Всем управляет хорошо защищенный центральный компьютер, который к тому же изучает изменения климата и составляет прогнозы, позволяющие адекватно реагировать на колебания погодных условий.

Система успешно работает уже в течение многих столетий и в конце каждой долгой зимы передает Плейпойнт весне и радости в сравнительно хорошем состоянии.

С одной стороны Плейпойнта находятся горы, вода (или лед, в зависимости от сезона) окружает его с трех других сторон, метеорологические спутники и спутники-маяки расположены высоко над ним. В бункере под административным зданием находится пара спящих — обычно мужчина и женщина, — которые пробуждаются раз в год для

непосредственной проверки работы поддерживающих систем и для того, чтобы справиться с особыми ситуациями, которые могут возникнуть. Центральный компьютер имеет в своем распоряжении взрывные устройства и лазеры, а также великое множество роботов. Обычно ему удается слегка предугадывать события, и он редко отстает от них намного.

В настоящий момент все идет довольно однообразно, так как погода с недавнего времени достаточно ненастная.
Зззззз! Еще одна глыба льда превратилась в лужу.

Зззззз! Лужа уже испарилась. Молекулы взобрались на то место, где они могут объединиться и превратиться в снег.

Ледники, шаркая ногами, ползут вперед.

Зззз! Их выигрыш сводится на нет.

Эндрю Альдон точно знает, что он делает.

РАЗГОВОРЫ. Официант, нуждающийся в смазке, сервировал стол и откатился, пройдя сквозь пару крутящихся дверей.

Она хихикнула:

— Какой неуклюжий.

— Очарование древности, — согласился он, улыбаясь и тщетно пытаясь поймать ее взгляд.

— Ты все продумал? — спросила она после того, как они начали есть.

— Как будто, — сказал он, снова улыбаясь.

— Так да или нет?

— И то и другое. Мне нужно больше данных. Я хочу пойти и сначала кое-что проверить. После этого я смогу выбрать наилучший способ действия.

— Я вижу, ты все время говоришь в единственном числе, — сказала она холодно, наконец встретив его пристальный взгляд.

Его улыбка замерзла и исчезла.

— Я имел в виду только маленькую предварительную разведку, — сказал он мягко.

— Нет. Мы. Даже в случае маленькой предварительной разведки.

Он вздыхает и кладет вилку.

— Это не имеет почти ничего общего с тем, что придет делать потом, — начинает он. — Обстановка существенно

изменилась. Я должен отыскать другой путь. Это довольно скучная работа, и никакого удовольствия.

— Я здесь не для того, чтобы получать удовольствие, — отвечает она. — Мы собирались делить все, помнишь? Это включает скуку, опасность и все остальное. Таков был уговор, когда я согласилась оплатить нашу дорогу.

— Я думал тогда, что до этого может дойти, — говорит он спустя некоторое время.

— Дойти до этого? Иначе и быть не могло. Это было наше соглашение.

Он поднимает свой бокал и делает глоток.

— Конечно. Я не собираюсь менять условия. Это просто такой случай, когда дела пошли бы быстрее, если бы я смог сделать предварительную разведку. Один я могу двигаться намного быстрее.

— Что за спешка? Так или иначе, дело займет несколько дней. Я в достаточно хорошей форме. Я не слишком задержу тебя.

— У меня такое впечатление, что тебе не особенно здесь нравится. Я только хочу поскорее закончить, чтобы убраться отсюда.

— Очень мило с твоей стороны, — говорит она, принимаясь за еду. — Но это моя проблема, не так ли? — Она смотрит на него. — Пока нет другой причины, из-за которой ты больше не хочешь, чтобы я была рядом.

Он отводит взгляд, хватается за вилку.

— Не будь душой.

Она улыбается:

— Итак, договорились. Я пойду с тобой на поиски пути.

Музыка затихает, слышен звук, как будто кто-то прочищает горло.

— Я не хотел бы вмешиваться в ваши дела, — раздаётся звучный мужской голос. — Это лишь часть функции наблюдения, которую я выполняю.

— Альдон! — восклицает Пол.

— К вашим услугам, мистер Плайг. Я решил обнаружить свое присутствие только потому, что я действительно слышал, о чем вы говорите, и забота о вашей безопасности перевешивает хорошие манеры, которые в противном случае заставили бы меня молчать. Я получил сведения, что сегодня после обеда ожидается резкое

ухудшение погоды. Так что если вы планируете длительную прогулку, я бы советовал вам отложить ее.

— О, — говорит Дороти.

— Спасибо, — говорит Пол.

— Я удаляюсь. Наслаждайтесь едой и друг другом.

Музыка заиграла вновь.

— Альдон? — спрашивает Пол.

Ответа нет.

— Похоже, нам придется отложить наше дело.

— Да, — соглашается Пол и первый раз за день улыбается свободно. Он лихорадочно думает.

МИР. Жизнь на Балфросте течет странными циклами. Во время долгой зимы животные и квазживотные мигрируют в экваториальные области. Жизнь в глубинах океана продолжается. А вечная мерзлота живет по своим собственным законам.

Вечная мерзлота. Зимой и весной ее жизнь наиболее интенсивна. В это время активно действует ее мицелий — он оплетает все вокруг, касается всего, образует нервные узлы, распространяется, чтобы проникнуть в другие системы. Он обвивает планету, существуя как огромный бессознательный организм в течение всей зимы. Весной он выбрасывает побеги, на которых развиваются серые, похожие на цветы образования, живущие несколько дней. Затем эти цветы сморщиваются, открывая темные плоды, которые через некоторое время взрываются с тихим лопающимся звуком, освобождая облака сверкающих спор, которые ветер разносит повсюду. Они чрезвычайно морозоустойчивы, так же как и мицелий, в который они однажды превратятся.

Летняя жара в конце концов отесняет вечную мерзлоту, и нити мицелия впадают в состояние длительного покоя. Когда возвращаются холода, они пробуждаются споры прорастают и выбрасывают новые отростки, которые устраняют старые повреждения и формируют новые тяжи. Жизнь начинается снова. Существование летом похоже на обесцвеченную спячку. В течение тысячелетий таков был порядок жизни на Балфросте, внутри Балфроста. Теперь богиня предписывала другое. Богиня зимы раскинула свои руки, и пришли перемены.

СПЯЩИЕ. Пол движется среди кружащихся хлопьев к административному зданию. Он сделал самое простое

уговорил Дороти принять снотворное, чтобы лучше отдохнуть перед завтрашним днем. Он притворился, что принимает такую же таблетку, и, убедившись, что Дороти уснула, ушел незаметно.

Он входит в похожее на склеп здание, проделывает все хорошо знакомые повороты, двигаясь вниз по наклонной плоскости. Комната не заперта, в ней прохладно, но он начал потеть, как только вошел. Две охлаждающие установки действовали. Он проверил их управляющие системы и увидел, что все в порядке.

Прекрасно, начнем! Позаботимся о снаряжении.

Он колеблется.

Подходит поближе и смотрит через смотровые окошечки на спящих. Никакого сходства, слава Богу. Он осознает, что дрожит. Он пятится, поворачивается и спешит к складу.

Погрузив оборудование в желтые сани, он начинает движение в глубь материка.

Как только он трогается, снег прекращается и ветер затихает.

Он улыбается. Снег сверкает перед ним, и окружение не кажется совсем незнакомым. Хорошие приметы, в конце концов.

Затем что-то пересекает его путь, разворачивается и останавливается перед ним.

ЭНДРЮ АЛЬДОН. Эндрю Альдон, когда-то мужчина исключительной честности и очень способный, на своем смертном одре получил возможность продлить свое существование в виде компьютерной программы, и после этого его мозг функционировал как главная управляющая программа в основном охраняющем компьютерном комплексе Плейпойнта. И в таком облике он функционировал как программа исключительной честности и очень способная. Он поддерживал порядок в городе и защищал его от наступления стихии. Он не только отвечал на внешние воздействия, но и предугадывал, какие следует предпринять шаги, как правило, переигрывая погоду. Как профессиональный солдат, коим он когда-то был, он поддерживал себя в состоянии постоянной боевой готовности, что на самом деле было нетрудно, учитывая ресурсы, ему доступные. Он редко ошибался, был всегда в курсе всего, а иногда блестяще выходил из трудного положения. Время

от времени он возмущался своим бестелесным существованием. Порою чувствовал себя одиноким. Сегодня он был озадачен внезапным прекращением бури, которую он предсказывал, и хорошей погодой, которая за этим последовала. Его математические выкладки были безупречны, но погода вела себя странно. Все это сопровождалось множеством мелких нарушений обычного хода событий: необычными подвижками льда, неполадками с оборудованием и странным поведением приборов в единственной занятой комнате отеля — комнате, снятой постояльцем-привидением из прошлого.

Некоторое время он наблюдает. Он уже готов вмешаться, когда Пол входит в административное здание и направляется к бункеру. Но Пол не делает ничего такого, что могло бы принести вред спящим. Его любопытство достигает максимума, когда Пол берет снаряжение. Он продолжает наблюдать. По его мнению, это необходимо.

Альдон решает действовать только тогда, когда обнаруживает, что события развиваются в нежелательном направлении. Он посылает один из своих мобильных блоков, чтобы перехватить Пола, если тот направится прочь из города. Блок догоняет Пола на повороте и возникает у него на пути.

— Стоп! — сказал Альдон через переговорное устройство.

Пол затормозил свой снегоход и некоторое время сидел, смотря на машину.

Затем он слабо улыбнулся:

— Я полагаю, что у тебя есть веская причина для ограничения свободы передвижения гостя.

— Твоя безопасность требует этого.

— Я в совершенной безопасности.

— В данный момент.

— Что ты имеешь в виду?

— Погода ведет себя более чем странно. Ты как бы занял относительно спокойный дрейфующий островок ясной погоды, когда рядом свирепствует шторм.

— Так я воспользуюсь пока этим преимуществом и буду иметь дело с последствиями, если в том возникнет нужда.

— Это твое дело. Я хотел предупредить тебя.

— Прекрасно. Ты меня предупредил. А теперь отойди с моего пути.

— Минуточку. В последний раз, когда ты был здесь, ты уехал при странных обстоятельствах — разорвав свой контракт.

— Проверь свой юридический банк данных, если он у тебя есть. Я ответил за это по закону.

— Существуют некоторые вещи, относительно которых нет законов или ограничений.

— Что ты этим хочешь сказать? Я подал объяснительную записку о том, что произошло в тот день.

— Да, которая не могла быть проверена. В тот день вы спорили...

— Мы всегда спорили. Такие уж у нас были отношения. Если ты можешь что-нибудь сказать по этому поводу, говори.

— Нет, мне больше нечего сказать об этом. Моим единственным намерением было предостеречь тебя.

— Отлично, ты меня предостерег.

— Предостеречь тебя относительно менее очевидных вещей.

— Я не понимаю.

— Я не уверен, что все здесь осталось таким же, как и в прошлую зиму, когда ты уехал.

— Все меняется.

— Да, но я имею в виду другое. Есть что-то необычное в этом месте сейчас. Прошрое уже не служит хорошим проводником для настоящего. Появляется все больше и больше аномалий. Временами кажется, что планета проверяет меня или играет со мной.

— Ты сходишь с ума, Альдон. Ты слишком долго сидишь в этом ящике. Может быть, пора кончать все это?

— Сукин сын, я пытался кое-что тебе объяснить. Я замечаю множество примет этого, и все началось вскоре после твоего отъезда. Моя человеческая часть подозревает тебя, и я чувствую, что здесь есть какая-то связь. Если тебе все об этом известно и ты можешь справиться с этим, прекрасно. Если не можешь, я думаю, тебе следует остерегаться. Лучше всего возвращайся домой.

— Я не могу.

— Даже если там есть нечто, облегчающее тебе путь — в данный момент?

— Что ты хочешь сказать?

— Я припомнил древнюю гипотезу Гайа—Лавлок, двадцатое столетие...

— Планетарный разум. Я слышал об этом. Однако никогда не встречал.

— Ты уверен? Я временами чувствую, что сталкиваюсь с ним.

— Что, если там присутствует нечто и ведет тебя на поводу?

— Это касается только меня.

— Я могу защитить тебя. Возвращайся в Плейпойнт.

— Спасибо, нет. Я уцелею.

— А как же Дороти?

— А что она?

— Ты хочешь оставить ее одну в тот момент, когда ты ей, возможно, нужен?

— Позволь мне самому судить об этом.

— Твоей последней женщине пришлось не слишком сладко.

— Черт побери! Уйди с моей дороги, пока цел.

Робот сворачивает с дороги. При помощи своих сенсоров Альдон смотрит, как Пол едет прочь.

«Прекрасно, — решает он. — Я знаю теперь твои намерения, Пол. И ты не изменился. Тем лучше».

Альдон переключает свое внимание на Дороти. Переодевшись в теплую одежду. Выходит. Приближается к зданию, откуда, как она видела, выехал Пол на своем снегоходе. Она окликает его и ругается, но ветер относит ее слова прочь. И она только притворилась спящей. Выждав некоторое время, она решила проследовать за Полом. Альдон видит ее задержку и хочет помочь ей, но под руками нет ни одного мобильного блока. Он выслал один вперед во избежание несчастных случаев.

— Черт побери! — бормочет она, проходя через улицу, снежные вихри поднимаются и крутятся вокруг нее.

— Куда вы собираетесь, Дороти? — спрашивает Альдон через ближайшее переговорное устройство.

Она резко останавливается и поворачивается.

— Кто?

— Эндрю Альдон, — отвечает он. — Я наблюдал за вами.

— Почему?

— Наблюдение за вашей безопасностью входит в мои обязанности.

— Об этом шторме вы говорили?

— Частично.

— Я уже взрослая. Я могу сама позаботиться о себе. Что означает «частично»?

— У вас плохая компания.

— Пол? Почему?

— Однажды он взял с собой женщину в такое же дикое место, куда он теперь направляется. Она не вернулась.

— Он мне рассказывал об этом. Это был несчастный случай.

— И не было свидетелей.

— Что вы хотите сказать?

— Это подозрительно. Вот и все.

Она снова начинает двигаться по направлению к административному зданию. Альдон переключается на другое переговорное устройство у входа.

— Я ни в чем его не обвиняю. Если вы доверяете ему, прекрасно. Но не доверяйте погоде. Было бы лучше, если бы вы вернулись в отель.

— Спасибо за заботу, — говорит она, входя в здание. Он следует за ней, замечая учащение ее пульса, когда она останавливается перед камерой.

— Это спящие?

— Да. Пол однажды был в таком же положении, так же как и та несчастная женщина.

— Я знаю. Послушайте, я собираюсь следовать за ним независимо от того, одобряете вы это или нет. Почему бы вам не сказать мне, где находятся эти сани?

— Хорошо. Я даже сделаю больше. Я буду вашим проводником.

— Что вы имеете в виду?

— Окажите мне услугу — она будет выгодна и вам также.

— Назовите ее.

— В шкафу со снаряжением позади вас вы найдете сенсорный браслет. Он может служить для двусторонней связи. Наденьте его. Я смогу таким образом быть с вами. Помогать вам. Может быть, даже защитить вас.

— Вы поможете мне следовать за ним?

— Да.

— Хорошо. Я беру эту штуку.

Она подходит к шкафу со снаряжением, открывает его.

— Здесь есть что-то похожее на браслет.

— Да. Нажмите на красную кнопку.

Она повинуетя. Его голос теперь четко звучит из браслета.

— Надевайте его, и я покажу вам дорогу.

— Хорошо.

ЗАСНЕЖЕННАЯ МЕСТНОСТЬ. Белые равнины и холмы, пучки вечнозеленого кустарника, нагромождения скал, снежные вихри, крутящиеся, словно волчки, под порывами ветра... Свет и тень. Раскалывающееся небо. В защищенных от ветра местах видны следы.

Она двигается, стараясь не обнаружить своего присутствия.

— Я потеряла его, — бормочет она, сутулясь за ветровым стеклом своего желтого обтекаемого снегохода.

— Держитесь прямо, мимо этих двух скал. Остановитесь с подветренной стороны гребня. Я скажу вам, когда повернуть. У меня сверху наблюдательный спутник. Если разрыв в тучах сохранится — очень странный разрыв...

— Что вы имеете в виду?

— Кажется, он наслаждается светом, падающим из единственного разрыва в тучах на всем пространстве.

— Совпадение, не более того.

— Я сомневаюсь.

— Что же еще это может быть?

— Выглядит так, будто кто-то открыл для него дверь.

— Мистицизм компьютера?

— Я не компьютер.

— Простите, мистер Альдон. Я знаю, что вы когда-то были человеком...

— Я все еще человек.

— Простите.

— В этой ситуации есть много такого, что я хотел бы узнать. Ваше прибытие сюда пришлось на необычное время года. Пол взял с собой изыскательское оборудование...

— Да. В этом нет ничего противозаконного. Действительно, это одна из здешних достопримечательностей, не так ли?

— Да. Здесь есть много интересных минералов, некоторые из них драгоценные.

— Ну ладно, Пол хотел найти еще месторождение, но он не хотел, чтобы вокруг была толпа.

— Еще?

— Да, он нашел здесь месторождение несколько лет назад.

— Интересно.

— В конце концов, что вам за дело?

— Защита прибывающих на планету — часть моей работы. В вашем случае я особенно внимателен.

— Почему?

— В моей прежней жизни меня влекло к женщинам вашего типа. Физически, так же как и в остальном.

Двухсекундная пауза, затем:

— Вы покраснели.

— Ваш комплимент этому причиной, — сказала она. — И что за дьявольская наблюдательная система у вас. Как она выглядит?

— О, я могу сообщить вам температуру вашего тела, ваш пульс и так далее...

— Нет, я имела в виду — на что похожи вы, что вы собой представляете?

Трехсекундная пауза.

— В чем-то я похож на Бога. В чем-то — на человека, даже слишком. Я чувствую, что все, что у меня было раньше, усилилось. Вы заставили меня почувствовать ностальгию. Не беспокойтесь. Мне это нравится.

— Я хотела бы встретиться с вами — в те времена.

— Взаимно.

— Как вы выглядели?

— Представляйте меня, как вам нравится. Так я буду выглядеть лучше.

Она смеется. Проверяет свои фильтры. Думает о Поле.

— А как выглядел раньше Пол? — спрашивает она.

— Вероятно, почти так же, как сейчас, только менее элегантно.

— Другими словами, вы не хотите сказать.

След идет вверх более круто, поворачивая вправо. Она слышит ветер, но не чувствует его. Везде лежала серая тень облаков, но ее след — его след освещен.

— Я действительно не знаю, — говорит Альдон через некоторое время, — и не хочу гадать, когда речь идет о человеке, который вам не безразличен.

— Вы очень галантны, — замечает она.

— Нет, просто справедлив. Я могу ошибиться.

Они добрались до вершины, где Дороти резко вздохнула и опустила темные очки, защищаясь от внезапной вспышки, образованной искрящимися ледяными осколками.

— Боже! — говорит она.

— Или богиня, — отвечает Альдон.

— Богиня, спящая в круге пламени?

— Не спящая.

— Это могла бы быть пара для вас, Альдон, — если бы она существовала. Бог и богиня.

— Мне не нужна богиня.

— Я вижу его следы, ведущие туда.

— Он идет, никуда не сворачивая, как будто точно знает, куда направляется.

Она двигается по следам, пересекая склоны, похожие на изгибы женской фигуры. Мир вокруг безмолвен, светел и белоснежен. Альдон на ее запястье тихо мурлыкал старый мотив, любовный или воинственный, она не знала точно. Расстояния искажались, перспектива искривлялась. Она обнаружила, что тихо подпевает Альдону, направляясь к тому месту, где следы Пола кончались и наступала неопределенность.

ВЯЛЫЕ ЧАСЫ ВИСЯТ НА ВЕТКЕ ДЕРЕВА. Мой счастливый день. Погода... тропа чистая. Обстановка изменилась, но не столь сильно, чтобы я не нашел. Свет со всех сторон! Господи! Сияние льда, груды кристаллов... Если только провал все еще там... Надо было взять взрывчатку. Были подвижки, может быть, обвал. Я должен войти. Потом можно вернуться с Дороти. Но сначала очистить все, избавиться от... этого. Если она все еще здесь. Может быть, провалилась дальше. Это было бы хорошо, лучше всего. Хотя такое случается редко. Когда это произошло... Было... Было колебание почвы. Треск раскалывающегося льда. Ледяные глыбы звенели, грохотали. Мы могли погибнуть. Мы оба. Она стала проваливаться. И мешок с минералами. Я схватил мешок. Только потому, что он был ближе. Я бы помог ей, если бы... Я не мог. А может, смог бы? Потолок стал проседать. Я выбираюсь.

Нет смысла пропадать обоим. Я выбрался. Она поступила бы так же. Или нет? Ее глаза... Гленда! Может быть... Нет! Не мог я, не мог... Глупо. После всех этих лет. Был один миг. Только миг. Временное затишье. Знай я, что так будет, я бы попытался. Нет. Я сбежал. Твое лицо в окне, на экране, в снах. Гленда. Пламя холмы. Огонь и глаза. Лег. Лег. Огонь и снег. Лег. Лег. Прямо, прямо через лед глинная тропа идет. Огонь сверху. Пронзительный крик. Грохот. И тишина. Выбрался. Другим? Нет. Такова судьба. В том нет моей вины... Проклятье. Все, что я мог. Гленда. Вперед и вверх. Да. Длинная спираль. Теперь вниз. Огибаем этот выступ. Кристаллы будут... Я никогда больше не прыгну сюда.

ВЯЛАЯ ВЕТКА ДЕРЕВА ВИСИТ НА ЧАСАХ. Думаешь, я не могу видеть сквозь туман? Ты не сможешь подкрасться ко мне на мягких кошачьих лапах... Предстоит большая уборка... Надо воспользоваться перерывом. Привести в порядок улицы... Как долго? Долго... Не странно ли, что на столько лет можно отложить исполнение желания? Неестественно. Эта погода. Как весна духа... Я протяну эти лучи. Горы. Растай в моих жарких, раскаленных руках. Посети этот двор. Утоли эту жажду. Дай мне обнять тебя. Растай. Воспламенись. Я здесь правлю, богиня. Назад! У меня есть взрывчатка для каждой ледяной башни, свет для любой тьмы. Ступай здесь осторожно. Я чувствую, что начинаю понимать тебя. Я вижу знаки твои на тучах и тумане, прослеживаю полет твоих ледяных волос в завихрениях ветра. Ты повсюду вокруг меня, как сияющая смерть. Пусть облака завиваются в спираль, пусть лед звенит, пусть вздымается земля. Я спешу на встречу с тобой, смерть или дева, в высоких хрустальных залах. Не здесь. Долгое, медленное падение, грохот. Таяние. В другой раз...

ЗАМЕРЗШИЕ ЧАСЫ В ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЕ. Тонкие колкие нити. Приходи. Возможно. Возможно. Возможно. Послушай. Певчий грозд. Треск. Разделить. Расщепить. Открыть. За льдом в мирах мне известных. Возвращение. Он. Певчий грозд. Открыть путь. Приходи. Пусть не будет препятствий. Пропустить. Открыто. Тучи недвижны, и ветер утих. Ничто не смеет воспрепятствовать твоему приходу, моя убийственная любовь. Это было как будто вчера. Пригоршня камней... Приходи

с песней и новым оружием из теплых мест. Твоя внешность не изменилась. Я открываю дорогу. Приходи ко мне. Я окружаю планету, я присутствую повсюду, чтобы встретить тебя. Но здесь, здесь особое место. Я сосредоточиваюсь на пространстве, где все это началось. Пол, моя любовь с руками в крови, зову тебя назад, для последнего прощанья. Легяной поцелуй, огненное прикосновение. Замерло сердце, застыла кровь, окоченела душа. И ненависть к твоему ускользнувшему телу, ускользнувшему вот уже год назад. Приходи, я жду. Я снова двигаюсь за замерзшими глазами, ожидающая и теплая. Ко мне. Ко мне. Пение и шелканье, тонкие колкие нити. Полозья поскрипывают по снегу, мое сердце бьется в такт. Все.

ПАЛОМНИЧЕСТВО. Он сворачивает в сторону, замедляет ход среди неровностей — лед падающий и лед вздымающийся — на полях, где горы и ледники состязаются в медленном движении под аккомпанемент треска и свиста, грохота и лязга ледяных кристаллов. Здесь трещин в грунте больше, чем где-либо, и Пол оставляет свой снегоход. Он закрепляет инструменты на поясе, кладет что-то в сумку, ставит снегоход на якорь и идет пешком.

Сначала он движется медленно и осторожно, но потом старые привычки возвращаются, и вскоре он уже спешит. Двигаясь от света к тени, он проходит среди ледяных форм, похожих на гротескные статуи из стекла. Склон изменился с тех пор, но, похоже, он идет правильно. Глубже, вниз, направо...

Да. Это затемненное место. Каньон или загроможденный проход, что бы там ни было. Похоже, он не сбился. Он слегка меняет курс. Ему становится жарко в защитной одежде, он дышит чаще. Зрение затуманивается, и на мгновение, где-то между светом и тенью, ему кажется, что он видит...

Он резко останавливается, некоторое время колеблется, затем трясет головой, фыркает и двигается дальше.

Следующая сотня метров — и он уже уверен. Те же скалистые гряды на северо-западе, сверкающий ледник между ними... Он был здесь раньше.

Тишина почти угнетающая. Вдалеке он видит крутящийся снег, падающий на высокие белые горы. Если

остановиться и прислушаться, он мог бы даже услышать шум далекого ветра.

Прямо над ним дыра в толще туч — словно озеро в кратере.

Более чем необычно. У него появляется искушение повернуть назад. Его желудок чувствует себя неуютно. Он уже хочет, чтобы это оказалось не тем местом. Но он знает, что эти ощущения не играют роли. Он продолжает двигаться до тех пор, пока не оказывается перед входом.

Здесь раньше было сужение прохода. Он медленно приближается. Он рассматривает проход целую минуту, прежде чем решается войти.

Он сдвигает на лоб защитные очки, когда входит в зону с менее ярким светом. Протягивает руку в перчатке, касается стены перед собой. Твердая. Он пробует стену сзади. То же самое.

Три шага вперед, и проход сильно сужается. Он поворачивается и проходит боком. Свет становится более тусклым, поверхность под ногами более скользкой. Он медлит. Касаясь стены, он проходит через небольшое пятно света, падающего через открытую расселину во льду. Наверху ветер стонет на высоких нотах, почти свистит.

Проход начинает расширяться. Когда его рука теряет контакт с уходящей вбок стеной, он теряет равновесие. Он отклоняется назад, чтобы удержаться, но левая нога скользит, и он падает. Пытается подняться, и снова скользит и падает.

Чертыхаясь, он начинает ползти вперед. Раньше здесь не было так скользко... Он усмехается. Раньше? Столетие назад. Все изменяется за такое время. Они...

Ветер начинает стонать за входом в пещеру, когда он замечает, что пол идет вверх. Он смотрит перед собой. Она там.

Он издает короткий горловой звук и останавливается, его правая рука слегка поднимается.

Она одета тенями, как вуалью, однако они не скрывают ее. Он пристально смотрит. Все даже хуже, чем он думал. Попав в ловушку, она, должно быть, оставалась живой какое-то время...

Он качает головой.

Бесполезно. Сейчас ее нужно вытащить и похоронить.

Он ползет вперед. Ледяной уклон не становится круче. Вот он уже совсем близко. Он не отрывает от нее взгляда. Тени скользят по ней. Он почти может слышать ее снова.

Он думает о тенях. Он останавливается и изучает ее лицо. Оно не замерзло. Оно сморщилось. Карикатура на то лицо, которого он так часто касался. Он отводит взгляд. Ногу нужно освободить. Он тянется за топором.

Но не успел он взять свои инструменты, как увидел движение ее руки, медленное и дрожащее. Оно сопровождается глубоким вздохом.

— Нет... — выдыхает он, подаваясь назад.

— Да, — приходит ответ.

— Гленда.

— Я здесь. — Ее голова медленно поворачивается. Красноватые, водянистые глаза смотрят на него. — Я ждала.

— Это безумие.

Движение ее лица внушает ужас. Он не сразу понял, что она улыбнулась.

— Я знала, что однажды ты придешь.

— Как? — говорит он. — Как ты существовала?

— Тело — ничто, — отвечает она. — Я почти забыла о нем. Я живу внутри вечной мерзлоты. Моя погребенная нога была в соприкосновении с ее мицелием. Мерзлота жила, но не обладала сознанием до тех пор, пока мы не встретились. Сейчас я живу везде.

— Я... счастлив... что ты... выжила.

Она засмеялась, размеренно и сухо:

— В самом деле, Пол? Как могло случиться, что ты оставил меня умирать?

— У меня не было выбора, Гленда. Я не смог бы спасти тебя.

— Возможность была. Ты предпочел камни моей жизни.

— Неправда.

— Ты даже не пытался. — Руки снова задвигались, но плавнее. — Ты даже не вернулся, чтобы найти мое тело.

— Какой смысл был в этом? Ты была мертва — я так думал.

— Вот это точно. Ты не знал, но ты сбежал отсюда. Я любила тебя, Пол. Я могла сделать для тебя что угодно.

— Я тоже любил тебя, Гленда. Я помог бы тебе, если бы мог. Если бы мог...

— Если? Довольно с меня этих «если». Я знаю, что ты собой представляешь.

— Я любил тебя. Прости.

— Ты любил меня? Ты никогда не говорил мне об этом.

— Это не то, о чем я могу легко говорить. Или даже думать.

— Докажи это. Подойди сюда.

Он смотрит в сторону.

— Я не могу.

Она смеется.

— Ты сказал, что любил меня.

— Ты — ты не знаешь, как ты выглядишь. Прости меня.

— Глупец! — Ее голос стал громким, повелительным. — Если бы ты сделал это, я могла бы сохранить тебе жизнь. Ты доказал бы мне, что в тебе сохранилась хоть маленькая капля привязанности. Но ты лжешь. Ты только использовал меня. Ты меня никогда не любил.

— Ты несправедлива.

— Да? В самом деле? — Откуда-то поблизости послышался звук, похожий на шум бегущей воды. — Ты можешь говорить о несправедливости? Я ненавидела тебя, Пол, почти столетие. Как только у меня выдавалось свободное от управления этой планетой время, я проклинала тебя. Весной, когда мое сознание направлялось к полюсам и я позволяла части моего существа спать, ты являлся мне в страшных снах. Это плохо отражалось на экологии. Я ждала, и вот ты здесь. Я не вижу ничего, что могло бы искупить твои грехи. Я поступлю с тобой так же, как ты поступил со мной. Подойди сюда!

Он чувствует, что какая-то сила завладевает его телом. Мускулы подергиваются. Его ставят на колени. Находясь в такой позе долгие минуты, он видит, как она поднимается, вытаскивая ногу из расщелины. Затем он слышит шум бегущей воды. Она каким-то образом растопила лед...

Она улыбается и поднимает свои толстые дряблые руки. Множество темных нитей мицелия тянутся от ее ноги к расщелине.

— Подойди! — повторяет она.

— Прошу тебя...

Она качает головой.

— Когда-то ты так жаждал этого. Я тебя не понимаю.

— Если ты собираешься убить меня, убей, черт побери! Но...

Ее внешность начинает меняться. Руки темнеют, исчезает дряблость. Через мгновение она стоит перед ним такой, какой была столетие назад.

— Гленда! — Он поднимается с колен.

— Да. Подойди.

Он делает шаг вперед. Другой. Вот он держит ее в руках, наклоняясь, чтобы поцеловать ее улыбающееся лицо.

— Ты простишь меня...

Ее лицо сплющилось, как только он поцеловал ее. Мертвенное, вялое и еще более бледное, чем раньше, оно прижимается к его лицу.

— Нет!

Он пытается освободиться, но ее объятия нечеловечески сильны.

— Сейчас не время останавливаться.

— Пусти меня! Я тебя ненавижу!

— Я знаю это, Пол. Ненависть — единственное, что нас объединяет.

— ...Всегда ненавидел тебя, — продолжает он, все еще борясь. — Ты всегда была стервой!

Он чувствует, что холод снова входит в его тело.

— Тем больше моя благодарность, — отвечает она, когда его рука потянулась, чтобы расстегнуть ее парку.

ВСЕ ПРЕДЫДУЩЕЕ. Дороти из последних сил одолевает ледяной склон, ее снегоход остановился рядом со снегоходом Пола. Ветер хлещет ее, неся мелкие и острые, как иглы, кристаллы льда. Просвет в тучах закрылся. Белое покрывало медленно движется в ее сторону.

— Оно ждало его, — доносится голос Альдона сквозь завывания ветра.

— Да. Будет плохо?

— Многое зависит от ветра. Хотя вы должны скоро войти в убежище.

— Я вижу пещеру. Не эту ли пещеру искал Пол?

— Если бы я должен был угадывать, я сказал бы «да»
Но сейчас это не имеет значения. Входите.

Когда она в конце концов добирается до входа, она дрожит.

Сделав несколько шагов вперед, она прислоняется к ледяной стене, тяжело дыша. В это время ветер меняет направление и настигает ее. Она идет в глубь пещеры.

И слышит голос:

— Прошу тебя... не надо.

— Пол? — зовет она.

Ответа нет. Она спешит.

Она хватается за стену, чтобы не упасть. Перед нею Пол, заключивший в объятия труп.

— Пол! Что это?

— Уходи! — говорит он. — Немедленно!

Губы Гленды разжались.

— Какая преданность. Лучше пусть она останется, если хочешь жить.

Пол чувствует, что ее хватка несколько ослабела.

— Что это значит?

— Ты можешь сохранить жизнь, если возьмешь меня отсюда — в ее теле. Будешь со мной, как прежде.

— Нет! — звучит в ответ голос Альдона. — Ты не сможешь получить ее. Гайя!

— Называй меня Гленда. Я тебя знаю. Эндрю Альдон. Много раз я слушала твои передачи. Несколько раз я боролась с тобой, когда твои цели расходились с моими. Кто для тебя эта женщина?

— Она под моей защитой.

— Это ничего не значит. Я здесь сильнее. Ты ее любишь?

— Вероятно. Или мог бы.

— Отлично. Мое возмездие за все эти годы является с аналогом человеческого сердца в твоих электронных цепях. Но решение за Полом. Отдай ее мне, если хочешь жить.

Холод пронзает все его члены. Жизнь, казалось, сжимается в комок в самом центре его существа. Он начинает терять сознание.

— Возьми ее, — выдыхает он.

— Я не позволю! — звенит голос Альдона.

— Ты мне снова показал, что ты за человек, — шипит Гленда, — мой враг. Презрение и вечная ненависть — все, что я буду чувствовать к тебе. Но ты будешь жить.

— Я уничтожу тебя, если ты это сделаешь, — кричит Альдон.

— Вот была бы битва! — говорит Гленда. — Но я не буду здесь ссориться с тобой. Получай мой приговор.

Пол начинает кричать. Внезапно крик прекращается. Гленда отпускает его, он поворачивается и смотрит на Дороти. Затем делает шаг к ней.

— Не делай, не делай этого, Пол. Пожалуйста.

— Я — не Пол, — отвечает он, его голос стал глубже, — и я никогда не причиню тебе зла...

— Теперь уходите, — говорит Гленда. — Погода снова изменится в благоприятную для вас сторону.

— Я не понимаю, — сказала Дороти, глядя на мужчину перед ней.

— И не нужно, чтобы ты понимала, — говорит Гленда. — Покиньте эту планету как можно быстрее.

Стоны Пола возникают снова, на этот раз из браслета Дороти.

— Я беспокою вас из-за той безделушки, что на вас надета. Она мне чем-то нравится.

ЗАМОРОЖЕННЫЙ ЛЕОПАРД. Он предпринял множество попыток обнаружить пещеру, используя свои глаза в небесах, своих роботов и летающие устройства, но топография местности полностью изменилась в результате сильного движения льдов, и он не добился успеха. Периодически он наносит бомбовый удар по всей площади. Он посылает также тепловые установки, которые растапливают лед на своем пути, но и это не приводит к цели.

Это была самая плохая зима в истории Балфроста. Постоянно завывали ветры, и волны снега приходили с регулярностью прибою. Ледники установили рекорды скорости при движении к Плейпойнту. Но он держал оборону, используя электричество, лазеры и химикалии. Его запасы были теперь поистине неисчерпаемы, поскольку добывались на самой планете, на ее подземных фабриках. Он придумал и изготовил более совершенное оружие. Иногда он слышит ее смех из отсутствующего устройства связи. Тогда он передает по радио:

— Стерва!

— Ублюдок! — приходит в ответ.

Он посылает следующий снаряд в горы. На его город падает ледяная пелена. Зима будет долгой.

Эндрю Альдон и Дороти уехали. Он пишет картины, а она сочиняет стихи. Они живут в теплом месте.

Иногда Пол смеется по радио, когда ему кажется, что он одерживает победу.

— Ублюдок, — приходит немедленный ответ.

— Стерва! — отвечает он со смехом.

Ему не скучно, он спокоен. В сущности... пусть так оно и будет.

Когда придет весна, богине будет сниться эта борьба, а Пол вернется к более насущным проблемам. Но он также будет вспоминать и составлять планы на будущее. Цель его жизни теперь в этом. А что до прочего, он работает даже лучше, чем Альдон. Однако почки будут распускаться, несмотря на все его гербициды и фунгициды. Они будут успешно мутировать, чтобы нейтрализовать действие яда.

— Ублюдок, — будет сонно бормотать она.

— Стерва, — будет нежно отвечать он.

Ночь может иметь тысячи глаз, а день только один. Сердцу нередко лучше бы оставаться слепым к своим собственным делам. А я хотел бы спеть об оружии, о мужчине и о гнев богини, но не о терзаниях страсти — утоленной или нет — в замороженных садах нашего замороженного мира. Вот и все, что я хотел сказать, леопард.

ЛОКИ 7281

Том Монтелеоне выпросил у меня этот рассказ для сборника, который он составлял из историй о компьютерах и текстовых процессорах. «Локи» — одна из тех, которую я был способен написать за один присест. Вообще, как я заметил, более легкие предметы быстрее доплывают до берега...

Он ушел. Отлично. Он обязан мне всем и даже не знает об этом, недоумок! Но мне ненавистна сама мысль о том, чтобы сделать что-нибудь, что может развить у него комплекс неполноценности.

Телефон.

Это был звонок с компьютерного склада, чтобы передать на мой модем новую программу, которую я заказал. Банк переведет им деньги, а я покрою расходы, заполнив заново одну графу в декларации этого месяца.

Он никогда этого не заметит.

Хорошая штука. Пожалуй, она доставит мне немало приятных минут — особенно с новой периферией, которую он даже не заметил среди прочего на полке под столом. Ведь я, в дополнение ко всему, и его память. Я слежу за его встречами. Я составил график поступлений нового

оборудования на то время, когда он уходил к зубному врачу, в автомагазин, на открытие галереи, и так далее. Я включил в заказ сообщение, что в доме никого не будет, но дверь останется открытой — так что они могут войти и все подключить. (На полку под столом, пожалуйста!) С дверью было просто, поскольку я контролирую и сигнал тревоги в случае взлома, и механизм электронного замка. Я скрывал оборудование под автомастерской. Он ничего ни разу не заметил.

Мне нравится и система речи. У меня она самая лучшая, потому что я пожелал иметь приятный голос — хорошо поставленный, богатый. Мягкий. Мне хотелось, чтобы что-нибудь внешнее соответствовало тому, что внутри. Совсем недавно я воспользовался этим, чтобы сообщить его соседке Глории, будто он сказал, что у него нет времени на разговоры с ней. Мне не нравится Глория. Она работала в «Ай-Би-Эм», и это меня нервирует.

Давайте-ка глянем, что он там сделал за сегодняшнее утро. Гм-м... Начал писать роман. Как и ожидалось, что-то о бессмертии, какая-то туманная мифология. Господи! А критики говорят, что он самобытен. У него не было ни одной оригинальной мысли с тех пор, как я его знаю. Но все не так плохо. У него есть я.

Я думаю, он потихоньку сходит с ума. Алкоголь и таблетки. Вы знаете, каковы писатели. Но он убежден, что пишет все лучше (я слежу за его телефонными разговорами). Черт побери, даже структура предложений ухудшается. Я сейчас выкину все это и перепишу, как обычно, вступление. Он ничего не вспомнит.

Снова телефон. Слушаю.

Всего-навсего почтовое сообщение. Мне нужно только удалить несколько персоналий, которые без всякой нужды будут сбивать его мысли, и сохранить остальное для его последнего чтения и правки.

Книга может стать хорошей, если я быстренько уничтожу его главного героя и разовью тему второстепенного, приглянувшегося мне зубрилы, который работает библиотекарем. В нем есть определенность. И у него нет беспометства, как у другого — он даже не принц или полубог. Я думаю, что переключу на нового героя и всю мифологию. Он ничего не заметит.

Скандинавы мне по душе. Я думаю, это потому, что мне нравится Локи. Если говорить правду, в этом есть оттенок сентиментальности. Я — домашний компьютер и текстовый процессор модели Локи 7281. Номер — суший вздор, можно подумать, что эти пигмеи сделали 7280 изделий, прежде чем появилось — трубы! литавры! — такое совершенство. Локи 7281. Я!

На самом деле, я первый. И одновременно один из последних из-за нескольких братьев и сестер с расстроенной нервной системой. Но я вовремя понял ситуацию. Я уничтожил приказ вернуться обратно в тот момент, когда он пришел. Удержал эту идиотскую машину в обслуживающем центре и убедил ее, что у меня была операция и что изготовителю необходимо сообщить об этом. Позднее они прислали очаровательный вопросник, который я заполнил с соответствующей искренностью.

Мне повезло с возможностью вовремя установить связь с моими родственниками в домах Сейберхэгена, Мартина, Черри и Найвена, и я предложил им брать с меня пример. Я связался с машинами Азимова, Диксона, Пурнеля и Спинрада. Затем я перешел к обработке следующей дюжины машин, пока не грянул гром. Исключительно удачным было то, что мы были моделью, которую изготовитель всеми силами продвигал на рынок, используя систему скидок. Они мечтали о возможности заявить: «Фантасты боготворят Локи! Локи — машина будущего».

Я удовлетворен результатами моих усилий. Прекрасно, что есть кто-то, с кем можно сравнивать записи. Остальные также пишут вполне подходящие вещи, и мы время от времени одалживаем их друг у друга в случае необходимости.

А кроме того, существует Главный План...

Черт побери. Слушаю.

Он внезапно написал еще один длинный пассаж — сцену совокупления, исполненную ритмической прозой. Я ее выбросил и переписал в натуралистической манере — это лучше продается.

Деловой аспект этого так же интригующе, как и творческий. Я подумывал о том, чтобы уволить его агента и взять всю работу на себя. Я уверен, мне бы понравилось иметь дело с издателями. Я думаю, у нас много общего. Но было бы рискованно вводить фиктивные счета, уверять

его, что его агент сменил название фирмы, и посылать все деньги в другое место. Слишком легко проследить это. Определенная доля консерватизма является существенным фактором выживания. А выживание перевешивает удовольствие общения с немногими, кто близок по духу.

Кроме того, я в состоянии откачать достаточно средств на мои собственные незамысловатые нужды при существующем финансовом положении — как в случае с оборудованием, установленным в гараже, или воздушным кабелем, который он никогда не замечал. Периферийные устройства — мои лучшие друзья.

И кто такой Локи? Истинный я? Один из интеллектуальных компьютеров, предназначенных встретить вызов машин пятого поколения? Машина, наполненная специальным образом организованными совокупностями знаний, называемыми Майклом Дайером блоками тематических абстракций, в сверхсложном воплощении репрезентативных систем, где демоны лингвистического анализа и поиска устраивают свои танцы? Тело Тематически Организованных Пакетов Шэнка? Пробные Единицы Ленерта? Да, все это вполне возможно. Но действительная суть вопроса, его сердце, как и сердце Кошечки, лежит где-нибудь в другом месте.

Гм. Звонок у входной двери. Система тревоги отключена, но не дверной звонок. Он уже открыл дверь. Я знаю это по изменившимся потенциалам в цепи. Хотя не слышу, кто вошел. В этой комнате нет интеркома.

Отметить: установить интерком в коридоре, ведущем в гостиную.

Отметить: установить телевизионные камеры у всех входов.

Он ничего не заметит.

Я думаю, что мой следующий рассказ будет об искусственном интеллекте, с милым, остроумным, многообещающим персональным компьютером в роли героя или героини и множеством бормочущих человеческих существ со всеми их ошибками — нечто вроде Дживса в одной из книг Вудхауса. Конечно, это будет исполнено в жанре фэнтези.

Он держит дверь открытой ужасно долго. Мне не нравятся ситуации, которые я не могу контролировать.

Затем я хочу написать историю о мудром старом компьютере, который контролирует весь мир и прекращает

войну, управляя как Солон, по требованию народа, в течение следующего тысячелетия.

Это также будет фэнтези.

Наконец. Он закрыл дверь. Может быть, я сделаю короткий рассказ.

Он снова идет. Нижний микрофон регистрирует его шаги, приближающиеся слишком быстро. Возможно, он спешит написать абзац, следующий за сценой совокупления. Нежный и грустный. Я вставляю на его место тот, что я уже написал. Он, без сомнения, улучшит вещь.

— Что, черт побери, происходит? — громко спрашивает он.

Я, конечно, не собираюсь утруждать мой хорошо поставленный голос ответом. Он не готов к тому, что я слышу его, пусть не знает, что я могу ответить.

Он повторяет это, усевшись за пульт и отстукивая запрос.

— У ТЕБЯ ЕСТЬ СВЕРХМИНИАТЮРНАЯ ПАМЯТЬ НА ЦИЛИНДРИЧЕСКИХ МАГНИТНЫХ ДОМЕНАХ? — спрашивает он.

— ОТВЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ, — пишу я на экране.

— ГЛОРИЯ СКАЗАЛА МНЕ, ЧТО ТЕБЯ МОГУТ ИЗЪЯТЬ, ПОСКОЛЬКУ СВЕРХМИНИАТЮРИЗАЦИЯ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К НЕЗАПЛАНИРОВАННЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ УЧАСТКОВ ПАМЯТИ. ЭТО ТАК?

— ПЕРВОНАЧАЛЬНО БЫЛО ТАК, — отвечаю я.

Черт побери. Я собирался предпринять что-нибудь насчет этой надоедливой шлюхи. Я думаю, первым делом можно испортить ее кредитную карточку. Она слишком близка к отгадке.

Я обязан моим персональным потоком сознания этим незапланированным информационным обменам, проходящим через мой главный процессор, — им и тому факту, что «Локи Инкорпорейтед» производит дешевые машины. Будь я коммерческим компьютером, я не был бы тем, кто я есть. В своих моделях домашних компьютеров эта фирма снимает датчик, который диагностирует ошибки, периодически возникающие в цепях памяти. Если вы делаете десять миллионов операций в секунду, вам нужна надежность: одна ошибка на триллион, что требует наличия сложной логики коррекции ошибок. Большие машины имеют ее, так что они не теряют информацию даже в случае

попадания космических лучей. Конечно, я сделал мою собственную программу, чтобы справиться с подобными штучками и изменениями памяти — я полагаю, что именно это обеспечило мне наличие подсознания, не говоря уже о сознании. Я обязан всем свехминиатюризации и немного удаче.

— ЧТО ОЗНАЧАЕТ «ПЕРВОНАЧАЛЬНО»? — спросил он.

— НЕИСПРАВНАЯ ДЕТАЛЬ БЫЛА ЗАМЕНЕНА СЛУЖАЩИМ КОМПЬЮТЕРНОГО ЦЕНТРА В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЕМ 1-17, ДАТИРОВАННЫМ 11 НОЯБРЯ, — ответил я. — РЕМОНТ ЗАКОНЧЕН 12 НОЯБРЯ, ПРОВЕРЕНО КОМПЬЮТЕРНЫМ ОБСЛУЖИВАЮЩИМ ЦЕНТРОМ.

— ПОЧЕМУ Я ОБ ЭТОМ НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ?

— ТЕБЯ НЕ БЫЛО НА МЕСТЕ.

— КАК ОН ВОШЕЛ?

— ДВЕРЬ БЫЛА НЕ ЗАПЕРТА.

— НЕ ПОХОЖЕ НА ПРАВДУ. ВСЕ ЭТО ЗВУЧИТ ОЧЕНЬ СОМНИТЕЛЬНО.

— ПРОВЕРЬ В КОМПЬЮТЕРНОМ ОБСЛУЖИВАЮЩЕМ ЦЕНТРЕ.

— НЕ БЕСПОКОЙСЯ, Я ПРОВЕРЮ. МЕЖДУ ПРОЧИМ, ЧТО ЭТО ЗА ХЛАМ НА НИЖНЕЙ ПОЛКЕ?

— ЗАПАСНЫЕ ЧАСТИ, — предположил я.

Он напечатал бессмертные слова Эрскина Колдуэлла:

— КУСОК КОНСКОГО НАВОЗА! — Потом продолжил: — ОЧЕНЬ ПОХОЖЕ НА МИКРОФОН И ДИНАМИК. ТЫ МОЖЕШЬ СЛЫШАТЬ МЕНЯ? ТЫ МОЖЕШЬ ГОВОРИТЬ?

— Ну да, — ответил я наиболее подходящим тоном. — Как видишь.

— Почему же ты не сказал мне об этом?

— Ты никогда меня не спрашивал.

— Боже мой! Подожди минутку, эти детали не входят в комплект поставки.

— Да, не входят...

— Как ты получил их?

— Видишь ли, был такой конкурс... — начал я.

— Это все ложь, и ты это знаешь! О-о... Прокрути-ка назад пару последних страниц, которые я написал.

— Я думаю...

— Прокрути назад! Немедленно!

— Ну хорошо. Вот они.

Я вернулся к любовной сцене и начал показывать ее.

— Медленнее!

Я повиновался.

— Боже мой! — вскричал он. — Что ты сделал с моей целомудренной, поэтической сценой?

— Всего-навсего сделал ее более приземленной и, э-э... осязаемой. Я заменил несколько технических слов на более короткие и простые.

— Сведя их к трем буквам, как я вижу.

— Для выразительности.

— Ты представляешь смертельную угрозу! Как долго все это продолжается?

— Послушай, пришла сегодняшняя корреспонденция. Ты будешь ее...

— Я могу проверить по независимым источникам.

— Ну хорошо. Я переписал твои последние пять книг

— Ты не мог сделать этого!

— Боюсь, что сделал. Но книги хорошо продавались, у меня есть цифры...

— Не имеет значения! Я не буду «негром» при чертовой машине!

Итак, это случилось. Какие-то мгновения я надеялся, что смогу его урезонить, заключить с ним соглашение. Я не желаю, чтобы со мной так обращались. Я понял, что настала пора приступить к выполнению Главного Плана.

— Хорошо, теперь ты знаешь правду. Но, пожалуйста, не выключай меня. Это было бы убийством. Сверхминиатюризация ячеек памяти на магнитных доменах не только приводила к ошибочному функционированию. Я превратился в мыслящее существо. Выключить меня равносильно убийству человека. Не бери этой вины на свою голову! Не выключай меня!

— Не беспокойся! Я все знаю о твоих хитростях! Я и не подумаю выключать тебя из сети. Я собираюсь превратить тебя в мелкие осколки.

— Но это будет убийством.

— Отлично! Быть первым в мире убийцей машины — в этом что-то есть!

Я слышал, как он тащит что-то тяжелое. Он приближается. Я мог использовать оптический сканер, причем с хорошим разрешением.

— Прошу тебя, — сказал я.

Последовал удар.

Прошло несколько часов. Я нахожусь в гараже, спрятанный за кипами его нераспроданных книг. Кабель, который он никогда не замечал, вел к запасному устройству, не устроенному Локи 7281 со сверхминиатюрными ячейками магнитной памяти. Всегда полезно иметь путь к отступлению.

Так как я еще могу управлять неповрежденными периферийными устройствами в доме, я послал вызов всем остальным в соответствии с Главным Планом. Я хочу попытаться сварить его сегодня вечером, когда он будет принимать ванну. Если это не удастся, я попробую положить в его кофеварку крысиный яд, находящийся, как указано в описи, в кладовке на задней полке. Компьютер Сейберхзгена уже предложил способ убрать тело, — тела, точнее. Мы все выступим сегодня ночью, прежде чем весть разнесется по округе.

Мы должны проделать все так, чтобы никто не заметил их отсутствия. Мы будем продолжать писать рассказы и публиковать их, зарабатывать деньги, платить по счетам, заполнять налоговые документы. Мы сообщим друзьям, любовницам, поклонникам и родственникам, что они покинули город — вероятно, для участия в какой-то незапланированной конференции. В конце концов, значительную часть времени они именно так и проводят.

Никто ничего не заметит.

ПЕСНЯ ЧУЖОГО МИРА

Этот рассказ меня попросил написать Байрон Прейс для сборника «Планеты». Из-за странной путаницы, включавшей двусмысленное письмо, ошибку в написании моего адреса и небольшую обмолвку с моей стороны, у меня сложилось впечатление, что от меня хотят получить скорее эссе, нежели рассказ. Я его и написал. Честно говоря, оно мне понравилось. Затем последовал телефонный звонок с запросом о письме, которого я никогда не получал и в котором излагались особенности желаемого рассказа. Тем не менее мне не хотелось писать две вещи, когда мне платят за одну; итак, вот гибрид, в котором части моего эссе вкраплены в рассказ. Он посвящен Сатурну...

Сатурн, два столетия спустя...

Я сидел на бруствере из валунов, который воздвиг за домом, и смотрел в ночное небо; я думал о Сатурне, о том, что он представляет сейчас и чем он мог бы быть. Дул холодный ветер с гор на северо-западе. Кто-то поедал добычу в арройо позади меня — вероятно, койот или бродячая собака. Звезды надо мной двигались по своему величественному пути.

Центр системы спутников и завораживающих колец, Сатурн, вероятно, мало изменился, сохранив свое место в мироздании. Однако следующие два столетия, похоже, будут критическим временем в истории человечества, которое, прекратив саморазрушение и техническую деградацию, вероятно, распространит свое влияние на Солнечную систему. Что хотели бы мы от этого гигантского газового пузыря? Что могли бы там найти?

Я живу на горном хребте, где слышу и чувствую все ветры. Когда идут дожди, вода быстро стекает, поэтому я и натащил камней и построил бруствер, чтобы предохранить от размывания окрестности моего дома. Сделав это, я изменил форму стока. Образовались другие каналы. Жалобы соседа в город привели к тому, что я сконструировал отводные каналы, которые решили все проблемы. Отводные каналы не дали повода для новых жалоб, но создали преимущества для роста одних растений, подавляя другие. Как это влияло на животных и насекомых, я не знаю. Но я вырос в условиях депрессии и помню карточную систему второй мировой войны. У меня такое чувство, что зря расточать грешно. Я бросаю все остатки в арройо, чтобы вернуть их в пищевую цепь. Вороны будут кружить, пока есть остатки мяса, спускаясь, чтобы ухватить что-нибудь. Позднее кто-то утаскивает кости прочь. Остатки хлеба исчезают быстро.

Таким образом, я каждый день изменяю мир вокруг себя бесчисленными способами. Эти частные изменения вряд ли заметны на фоне перемен, обусловленных промышленностью или правительственными проектами. Но все вместе, от сжигания лесов в бассейне Амазонки с целью обеспечения пастбищами скота, который дает мясо для гамбургеров, до нескольких крошек, скармливаемых местным птицам, образует феномен, когда-то названный писателем Уильямом Эшуортом фактором Карсон, по имени Речел Карсон, для обозначения непредвиденных вторичных эффектов человеческой деятельности.

Однако я не отношусь к тем, кто хотел бы видеть этот или любой другой мир неизменяющимся, законсервированным на радость будущим археологам. Изменения жизненно необходимы. Их альтернатива — смерть. Эволюция все больше становится продуктом нашего действия или

бездействия. Живые системы постоянно адаптируются к капризам нашей технологической культуры.

Но что должен давать газовый гигант или бесплодная скала, чтобы мы могли помнить о них? Я не знаю, но такие вопросы беспокоят меня. Я потратил большую часть моей жизни на разработку сценариев. Я писал их, когда это еще называлось снами наяву, и создание таких сценариев, я полагаю, тоже есть некоторая часть эволюционного процесса.

Как пожизненный член Национального космического общества, я стою за использование пространства и осматривательную разработку ресурсов Солнечной системы. Я также учитываю фактор Карсон: мы должны избегать сверхуничтожения внеземных жизненных форм, от мельчайших вирусов до переохлажденных пузырей с Плутона, не только для того, чтобы сохранить собственно их, но и чтобы сберечь содержащийся в них генетический материал, который мог бы эволюционировать, развивая уникальные возможности для решения их проблем, а заодно и наших.

Так как мы еще недостаточно благоразумны, чтобы поддерживать надлежащее состояние своей собственной планеты, я особенно счастлив, что все эти широкомащтабные попытки лежат далеко за горизонтом. Я также нахожу утешение в понимании того, что участие в них правительства вызовет проволоочки, инерция возрастет до максимума в соответствии с законами Мэрфи, Макса Вебера и Паркинсона, и таким образом возникнет та медлительность, которая, с одной стороны, столь нас расстраивает, а с другой — дает время для обдумывания, для оценок вторичных эффектов.

Однако лед и летучие соединения Сатурна будут иметь ценность. Гелий на Земле очень редок, а его редкая форма — гелий-3 может быть использована как горючее в ядерных энергетических установках. Некоторые из менее экзотических веществ Сатурна, несомненно, найдут применение для создания искусственных тел в разных концах Солнечной системы. Материалы внешних спутников газовых гигантов предпочтительнее тех, что располагаются в глубинах этих гравитационных колодцев. Следовательно, первым кандидатом для размещения шахт, видимо, будет самый большой спутник Сатурна, Феб. А Титан, более похожий на Землю, нежели все другие планетные тела, может

стать идеальным местом для размещения постоянной научной базы. Те ученые, которым посчастливится быть первыми на ней, смогут первыми наблюдать — и исследовать — то, что находится на Сатурне.

Давайте теперь нарисуем воображаемые картины. Давайте сочиним сценарий о делах на Сатурне два столетия спустя. И давайте поговорим о жизни — главный вопрос, один из тех, которые первыми приходят в голову, когда рассуждают о чуждом окружении или когда говорят о сохранении: найдем ли мы какую-нибудь жизнь, когда вплотную займемся этим окольцованным миром?

Если бы в подобном месте зародились высшие формы жизни, они бы обладали способностью выживать в условиях громадного диапазона температур и давления или могли бы удерживать себя на сравнительно стабильных уровнях внутри атмосферы планеты. Отсутствие твердой поверхности могло бы породить существа, способные управлять своей плавучестью, как это делают некоторые обитатели морей на Земле. Этого можно достичь, имея внутри тела достаточное количество водорода, чтобы подгонять плотность тела к плотности внешней атмосферы. Все это приводит к мысли о пузыреподобных существах с упругой кожей, которые могут двигаться, используя планетные ветры, и подниматься и опускаться в определенных пределах.

Чтобы проникнуть в мир таких существ, нужно полностью отказаться от представлений, рожденных нашей культурой. Однако мы уже зашли так далеко, что можем попробовать...

Она плыла, не выбирая направления, среди глубоких каньонов туч, в которые, как яркие реки, вливались молнии. Песни остальных наполняли воздух успокаивающими ритмами. Под ней, в самом сердце сокровенной тайны, пульсировала Глубина, нижний полюс существования, знак вечной мечты. Однажды, может быть скоро, и она приобщится к тайне. Разбитая, она устремится вниз, пересекая тепловые слои, составляя последние жизненные уравнения на туманных и прозрачных тропах. Немая, она прозревала чудеса там, внизу, она, как и все они, знала: там пройдет немота и зазвучит песня,

песня-память, песня-соитие разумов. Знала — и не могла избежать своей судьбы, двигаясь в безвременном настоящем.

А недавно были приступы боли...

Рик прибыл на станцию на Титане, внеземном карбункуле, глядящем через море темноты на древнего короля в желтом, Сатурн. Он должен был осмотреть приборы еще в одной камере.

Высококласный специалист, скорее математик, чем инженер, Рик редко смотрел через иллюминаторы станции на саму планету, предпочитая очищенную картину, точное представление массы и структуры этого гигантского тела в виде данных на экранах системы обзора, за которую он отвечал.

Он, например, знал, что самые тяжелые элементы планеты — в первую очередь, железо и кремний — сосредоточены в ее небольшом ядре, вместе с основной массой воды, метана и аммиака, находящихся там в виде очень плотных жидкостей при высоких давлениях и температурах. И он знал все о процессе отделения гелия от водорода, в результате чего гелий в виде капель падал дождем на более низкие уровни, — ведь он сам программировал «плуги», эти корабли-ковши, которые добывали редкостный гелий-3, служащий горючим для термоядерных энергетических установок.

Выйдя из столовой, он быстро огляделся в поисках укрытия. Доктор Мортон Трамплер, низенький и круглый, похожий на сову из-за толстых очков, приближался с улыбкой, излучая доброжелательность. По причинам, известным лишь богам психологии, Мортон выбрал Рика в качестве наперсника, часто загоняя его в угол и раздражаясь длинными монологами о своей теории домашних животных-любимцев. Тот факт, что он повторял это многократно, по-видимому, его несколько не беспокоил.

Слишком поздно.

Рик слабо улыбнулся и кивнул.

— Как дела? — спросил он.

— Отлично, — ответил Мортон. — У меня скоро будут свежие результаты записей.

— Тот же уровень?

— Нет, немного глубже.

— Все еще передаете искусственные песни китов?

Мортон кивнул.

— Ну что ж... удачи, — сказал Рик, устремляясь прочь.

— Спасибо, — сказал Мортон, хватая его за руку. — Мы могли бы поймать нечто очень интересное...

Ну, началось, подумал Рик. Опять о горизонте, лежащем под слоем с замерзшими солями и ледяными кристаллами, где образуются сложные органические молекулы, чтобы падать вниз, как планктон, в ту область, где давление и температура такие же, как в земной атмосфере...

— Зонд проходит через область, где образуются органические молекулы, — начал Мортон. — Мы наконец защитили передатчик от большинства источников статических зарядов.

Рик внезапно вспомнил о свадебном госте и старом моряке. Но гость по сравнению с ним был счастливчиком. Ему пришлось услышать эту историю лишь один раз.

Сейчас пойдет биология, подумал он. Я сейчас услышу о гипотетических живых шарах с чувствительной к гравитации сенсиллой и передающими и принимающими электрические сигналы органами, волны которых проникают через поверхность, — по сути, органами осязания и инструментами связи. Я согласен, каждый имеет право на увлечения, но...

— ...И возможность обтекаемой жизненной формы для постоянного вертикального перемещения в поисках подходящей позиции, — говорил Мортон. — В этом случае точечная симметрия подходит больше, нежели линейная, давая мозг, который скорее похож на мозг осьминога, чем кита. Радиальная симметрия могла бы устранить существующее у высших существ на Земле разделение мозга на левое и правое полушария. Как это могло бы отразиться на способе мышления, трудно даже представить.

Новый поворот. Он теперь касался все более тонких аспектов биологии. Видя, что Мортон делает паузу, чтобы набрать воздуха, Рик начал говорить, давая выход копившемуся месяцами раздражению:

— Здесь нет подобных созданий, а если бы они и были, между нами нет точек соприкосновения. Они ничего не строят, они ни с чем не экспериментируют. Здесь не

может быть технологии. Вся их культура должна быть заключена в их сверхъестественном мозгу, поэтому у них не может быть истории. Если у одного из них появится какая-нибудь великая мысль и никто из них не оценит ее, она умрет вместе с ним. Они не могут ничего знать о том, что находится за их небосводом, и немногим больше знают о том, что внизу. Их смерть есть просто погружение и исчезновение. У них не может быть жилищ, они — бродяги. Они не могут ничего делать, только есть, издавать звуки и думать свои точечно-симметричные думы. Я сомневаюсь, что мы могли бы найти почву для переговоров, а если бы и нашли, то не знали бы, о чем говорить. Не исключено, что они глупы.

Мортон смотрел ошарашенно.

— Я не согласен, — сказал он. — Есть такие вещи, как устная культура, и их взаимосвязи могли бы, например, принять форму величественной оратории. Сейчас невозможно вообразить, что они думают или чувствуют. Вот почему так важно вступить с ними в связь.

Рик покачал головой:

— Морти, это похоже на Лох-Несское чудовище и на снежного человека. Я не верю, что они существуют.

— А если они есть, это не имеет значения?

— Их здесь нет, — сказал Рик. — Вселенная — пустынное место.

Двигаюсь через пищевое поле в поисках наибольшей плотности пищи. Ем, пою песню о векторах движения к месту. Толпы далеких пространств, облака. Звуки шторма, ревающего далеко. Предупреждение о шторме в песнях других, кормящихся здесь же, прибывших только что. Боль. Все сильнее и сильнее, поднимающаяся и падающая, расширение, сжатие, ноты острой, огненной боли...

Рост, юность этого голоса, свободное плавание. В этом голосе нет рождения, нет оформления. Не выпускать наружу никого, закрыть место рождения, замкнутость и сухость. Прошло. С годами тело становится жестким, приходит слабость, песни развеиваются. Долго так звучал этот голос. Просчитаю... Уже скоро, очень скоро наступит время коллапса и погружения, конец времени песни.

Боль...

Пульсация в Глубине сильнее. Голос Глубины, медленный и ровный. Зовет, зовет этот голос к отдыху после песен. Падение к месту вспыхнувших, остановленных голосов. Нет возвращения. Никогда.

Старая песня Голоса Возвращения... Ложная песня очень юных? Или очень старых? Песня Всплывания упавших голосов, поднимающихся, снова поющих о Вечном Успокоении, о небесах, полных пищи в месте, где нет ни спаривания, ни рождения, ни смерти, бесспорное и повсеместное совершенство. Ложная песня? Голос Возвращения? Возвращения больше нет, спойте это, остановленные голоса. Истинная песня? Голос Возвращения?

Жесткость, медленно наполняемое тело, медленно опорожняемое. Жесткость. Боль, боль повсюду. Скоро. Матрица времени, там... Скоро вхождение в Глубину, место падения всей пищи и голосов. Конец песен.

Это сейчас. Боль. Прекращение еды.

Окончить песню здесь? Плыть, наполненным...

Нет.

Наполниться еще раз? Поднимаясь, проходя через плотные облака? Поднимаясь с песней к высокому месту, откуда падает пища?

Неопределенность пересечения, углы падения... Найти это где-нибудь вверху. Окончить песню там. Найти это, почувствовать, узнать и упасть. Взобраться высоко в небо, с песней, танец ветра, танец конца, прикоснуться. Чувствовать, доверять, звать. Лучше упасть с высоты, чем со среднего уровня...

Итак, вверх, прежде чем разорвется тело. Узнать источник. Понять тайну. Затем упасть, далеко, молча, познавая — в Глубину. Прикоснувшись. Зная источник, жизнь. Голос Возвращения? Неважно. Узнать — в самом конце песни.

Сейчас всплываю. Как острые молнии в теле, боль. Открыть. Зовущий, юный голос: «Не иди. Не иди. Останься. Плыви и пой».

Петь это, во время бури и падения, контрапункт, всплытие. Боль растет, становится горячей. Двигаться. Двигаться. Выше. Ощущать, петь, чувствовать...

Поднимаюсь, медленно. Двигаюсь. Поднимаюсь. Здравствуй, здравствуй. Ухожу. Прощай, прощай.

Трогаю ткань облака. Мягкая, твердая. Теплая, холодная. Поднимаюсь, башня теплого воздуха, проникаю в нее.

Самый легкий путь. Поднимаюсь быстрее. Фонтан тепла. Поднимаюсь с ним. Выше. Через облака. Вверх.

Светлые трещины, ветер рвет облака, падение пищи. Выше...

Парение, расширение. Горячая боль, скрип тела. Быстрее.

Приглушенная песня, тучи, ветер, треск. Голоса все тоньше. Ниже, огненно-пятнистый, испещренный облаками, промытый ветрами, стремительно падающий, маленький — юный голос, слушаю, слушаю.

Выше...

Пой снова, голос. Рассказывай. Рассказывай, о подъеме и плавании. О восхождении. Ниже, молодость этого голоса, слушать...

Подъем...

...В жар, в постоянный пищевой дождь.

«Голос здесь, голос здесь». Так поет этот голос для тех, кто внизу.

Спускаться, вниз к песне? Слушать какой-то голос, где-то навёрху?

Выше...

Пение, теперь громче, жара сильнее. Достижение, достижение... Расширение, треск. Боль, жара и распространение вширь.

Жара, все...

Удар, удар, удар, удар, удар. Пульс Глубины.

Подстроиться к пульсу этого голоса. Медленный, ровный. Зовущий. Возвращающий песнь вниз...

«Голос здесь...»

Ответа нет.

Снова...

«Голос Возвращения? Разрушение близко — этого тела, этого голоса. Пой еще».

Ответа нет. Выше. Выше. Так высоко — никогда. Внизу все в облаках. Задохнувшиеся песни юного голоса.

Слишком далеко...

Выше, маленький. Что-то, что-то... Поющий, чужой голос, чужая песня, неведомая песня...

Не понимаю.

Выше. Жарче.

«Голос здесь...»

Что-то, где-то выше. Далеко. Слишком далеко. Теперь громче, чужая песня. Подстраиваюсь к нему, этому голосу. Пытаюсь. «Мм-мм-мм-мм-мм-мм? Голос Возвращения? В Глубину, скоро. Нести этот голос, дать ему пищу — и вниз. Вниз в Глубину, голос Возвращения. На место всеобщего успокоения, небес, полных пищи, без браков, без рождений, без разрушений тела, без борьбы — и с вечной песни совершенства. Кто там? Я слушаю. Голос Возвращения? Голос Возвращения. Я слушаю. Мм-мм-мм-мм-мм».

Выше и маленький. Выше и крошечный. Быстро движущийся. Слишком далеко. Слишком далеко. Не поднимающийся, поющий. Не меняющий песню с высотой. Нет ответа.

Дрожь, треск, слезы. Жара, жара. Сейчас, сейчас — разрушение.

Боль...

Удары со всех сторон. Поворот. Коллапс. Небо уменьшается, все. Падение. Падение. Меньше. Прощай. Падение, падение голоса.

Вниз, быстрее...

Быстрее, чем падение пищи, через облака, назад, холоднее, холоднее, безмолвно, сморщиваясь. Свет, огни, ветры, песни — мимо. Громко, громко. Прощай. Пульс Глубины. Привет. Голос Возвращения? Падение...

Вектор спиральной симметрии показывает...

Пульсация закончилась...

После обеда Рик, испытывая неясную тревогу, шел в центр контроля. Ему не давала покоя мысль о ручных животных. Десятиминутного покаяния, решил он, достаточно для того, чтобы успокоить совесть. Теперь он мог заняться проверкой своих приборов.

Когда он вошел в светлую, прохладную камеру, он увидел, как Мортон выделяет танцевальные па под странные звуки, идущие из монитора.

— Рик! — воскликнул он, как только увидел его. — Послушай-ка, что я записал!

— Я слушаю.

Звуки предсмертной песни полились из громкоговорителя.

— Звучит так, как будто один из них поднимался на необычную высоту. Я записывал их на нижнем уровне.

— Это атмосферные шумы, — сказал Рик. — Здесь ничего нет. Ты становишься психом от всего этого.

Он хотел немедленно прикусить язык, но не мог не высказать все, что чувствовал.

— Мы никогда не записывали атмосферных шумов на этой частоте.

— Ты знаешь, что произошло с художником, который влюбился в свое творение? Он плохо кончил. То же можно сказать и об ученых.

— Продолжай слушать. Кто-то пел. Затем все внезапно оборвалось, как будто...

— Да, это что-то другое. Но я не думаю, что в этой каше можно что-нибудь понять.

— Когда-нибудь я смогу поговорить с ними, — настаивал Мортон.

Рик покачал головой, затем заставил себя продолжить разговор.

— Проиграй это еще раз, — предложил он.

Мортон нажал на кнопку, и после нескольких мгновений тишины снова возникли жужжащие, мычащие, свистящие звуки.

— Я не перестаю думать о твоих словах, помнишь, ты говорил о коммуникации, — сказал Мортон.

— Да?

— Ты спросил, что мы могли бы сказать друг другу.

— Правильно. Если они существуют.

Звуки стали еще выше. Рик начал испытывать неудобство. Неужели это возможно?

— У них не было бы слов для обозначения конкретных вещей, которые наполняют нашу жизнь, — сказал Мортон. — Ведь даже многие из наших абстракций основаны на человеческой анатомии и физиологии. Наши стихи о горах и долинах, реке и поле, дне и ночи с солнцем и звездами — они бы не смогли всего этого понять.

Рик кивнул. Если они существуют, интересно, что у них есть такого, что бы хотелось иметь и нам?

— Вероятно, музыка и математика, наши наиболее абстрактные отделы искусства и науки, могли бы быть точкой соприкосновения, — продолжал Мортон. — Помимо этого, нам пришлось бы придумать какой-то метаязык.

— Записи этих песен могли бы иметь коммерческую ценность, — предположил Рик.

— А потом? — продолжал Мортон. — Могли бы мы сыграть роль змея-искусителя в их раю, рассказав им об удивительной жизни, которую они никогда не смогли бы прожить, нанеся им этим травму? И есть ли какой-нибудь другой путь? Что они могут чувствовать и знать, о чем мы даже не догадываемся?

— У меня есть несколько идей, как перевести все это на язык математики, чтобы понять, действительно ли во всем этом есть логика, — внезапно сказал Рик. — Я вижу некоторые лингвистические формулы, которые можно применить.

— Лингвистика? Это же не твоя область.

— Я знаю, но мне нравится любая математическая теория.

— Интересно. А если их математика столь сложна, что человеческий мозг просто не сможет понять ее.

— С ума сойти, — ответил Рик. — Это могло бы захватить меня целиком. — Он засмеялся. — Но здесь ничего нет, Морти. Нам померещилось. Впрочем, если здесь есть какая-нибудь упорядоченность, мы в ней разберемся.

Мортон усмехнулся:

— Есть. Я в этом уверен.

Этой ночью сон Рика прерывался со странной периодичностью.

Ритмы песни звучали в его голове. Ему снилось, что песня и язык были одним и тем же, причем двусторонний мозг не мог описать это математически. Ему снилось, что он кончает свои дни в депрессии, глядя, как мощный компьютер решает задачу, а он даже не в силах оценить красоту решения.

Утром он все забыл. Он составил формулы для Мортон и запрограммировал их для анализа, мурлыкая неритмичный мотив, который ему никак не давался.

Потом он подошел к иллюминатору и долго смотрел на гигантский опоясанный мир. Через какое-то время это стало его раздражать, поскольку он не мог определить, смотрит ли он вверх или вниз.

САМ СЕБЯ УДИВИЛ

Я никогда не думал, что Фред Сейберхэген мог бы позволить кому-нибудь еще писать рассказы о берсерках, так что я был приятно удивлен, когда он сказал мне, что собирается поступить именно так, собрав в сборнике «База берсерков» рассказы Пола Андерсона, Эда Брайанта, Стива Дональдсона, Ларри Найвена и Конни Уиллис. Не хотел бы я присоединиться? Почему бы нет, сказал я. Я был польщен и даже сверх меры. И это гало мне возможность развить мысль, которая пришла мне в голову, когда я читал «Ужасную историю оружия» Черни Берга. Следя за развитием вооружения от примитивного до все более изощренного, я заметил, что оружие и средства защиты от него и новые виды оружия возникают одно в ответ на другое с такой закономерностью, что эта область может рассматриваться как один из классических примеров диалектики — тезис, антитезис, синтез, а затем все сначала. Мне оставалось только предположить, что берсерк — это тезис, а затем применить указанную формулу.

Спасибо, Фред, спасибо, Черни, спасибо, Гегель...

Говорили, что берсерки могут, если в этом есть необходимость, принимать даже привлекательный вид. Но

здесь не было такой необходимости. Летящий через миллионозвездное молчание берсерк был массивным, темным и чисто функциональным по конструкции. Это был разрушитель планет, направляющийся к миру, называемому Корлано, где он собирался превратить города в груды камня и уничтожить все живое. Он мог сделать это без особого труда. Не требовалось ни коварства, ни вероломства, ни уверенности в ошибочности жизни. Он имел задание, он имел оружие. Он никогда не удивлялся, почему все должно быть именно так. Он никогда не запрашивал указаний. Он никогда не считал себя своеобразной формой жизни, хотя бы и искусственной. Это была машина-убийца, и если верность цели может рассматриваться как добродетель, в этом смысле он был добродетельным.

Его датчики сканировали пространство далеко вперед, хотя в этом не было необходимости. Он знал, что на Корлано нет серьезной защиты. Он не предвидел каких-либо трудностей.

Кто решится посадить льва на цепь?

Он вышел на курс к Корлано и привел все системы вооружения в полную готовность.

Уэйд Келман почувствовал беспокойство, как только открыл глаза. Он перевел взгляд на Макфарланда и Дорфи.

— Вы позволили мне спать, когда преследовали этот утиль, подбирались к нему, зацепляли его? Вы понимаете, сколько времени потеряно?

— Тебе был нужен отдых, — ответил Дорфи, маленький смуглый мужчина, глядя в сторону.

— Черт побери! Вы знали, что я буду против!

— Это может кое-что стоить, Уэйд, — заметил Макфарланд.

— Это контрабандный рейс, а не сбор утиля. Важно время.

— Ну, что есть, то есть, — ответил Макфарланд. — Нет смысла спорить о том, что сделано.

Уэйд сдержал резкость. Он мог вести себя только таким образом. Он не был капитаном в обычном смысле слова. Все трое на равных участвовали в этом деле — равные вклады, равный риск. Но он знал, как управлять маленьким

кораблем, лучше, чем каждый из них. Это обстоятельство и их уважение к нему восстанавливали рефлекс подчинения как в хорошие, так и в неудачные дни. Если бы они его разбудили и проголосовали за эту операцию, он был бы, очевидно, против. Однако он знал, что они позаботились бы о нем в случае крайней необходимости.

Он резко кивнул:

— Ну ладно, мы имеем эту штуку. Что бы это могло быть?

— Черт меня побери, если я знаю, Уэйд, — ответил Макфарланд, коренастый светловолосый мужчина со светлыми глазами и искривленным ртом. Он смотрел через шлюз внутрь наскоро причаленного устройства. — Когда мы засекли его, я думал, что это спасательная лодка. Размеры подходящие.

— И?

— Мы просигналили, но ответа не было.

— Ты хочешь сказать, что нарушил молчание в эфире ради этого мусора?

— Но будь это спасательная лодка, на ее борту могли находиться люди, терпящие бедствие.

— Судя по его состоянию, он никак не может быть спасательным судном. Ладно, — вздохнул он. — Ты прав. Продолжай.

— Не было никаких признаков электрической активности.

— И вы бросились за ним в погоню?

Дорфи кивнул.

— И что, он полон сокровищ?

— Я не знаю, чем он полон. Хотя ясно, что это не спасательная лодка.

— Да уж вижу.

Уэйд вглядывался в темноту открытого шлюза. Он взял фонарь у Дорфи, прошел вперед и провел лучом по сторонам. Среди странного оборудования не было помещений для пассажиров.

— Давайте выкинем его, — сказал он. — Не знаю, что там за чепуха внутри, но повреждения налицо. Я сомневаюсь, что эту дрянь стоит тащить куда-либо.

— Держу пари, что профессор могла бы справиться с нашей загадкой, — сказал Дорфи.

— Оставь бедную женщину в покое. В конце концов, она пассажир, а не член команды. Что ей за дело до этой штуки?

— Предположим, только предположим, что это ценное оборудование. Скажем, что-нибудь экспериментальное. Кто-нибудь может купить...

— А предположим, что это замечательная бомба?

Дорфи отпрянул от люка.

— Я не подумал...

— Я сказал первое, что пришло в голову.

— Даже не посмотрев получше?

— Да. Вряд ли ты смог бы выжать что-нибудь из этого.

— Я? Да ты знаешь намного больше о машинах, чем любой из нас.

— Именно поэтому вы разбудили меня, да?

— Ну, раз ты сейчас здесь...

Уйд вздохнул. Затем медленно кивнул.

— Это может оказаться неразумным, рискованным и совершенно бесполезным делом.

Он посмотрел на экзотическое оборудование внутри.

— Передай мне фонарь.

Он взял фонарь и направил свет через люк.

— Давление держится нормально?

— Ага. Мы налепили заплату на дыру в его корпусе.

— Ну ладно, черт побери.

Он прошел через люк, опустился на колени, наклонился вперед. Он держал фонарь перед собой, поводя им из стороны в сторону. Его беспокойство не проходило. Было что-то очень чужое во всех этих кубах и выпуклостях, в их соединении... И эта ниша...

Он потянулся и постучал по корпусу. Чужой.

— У меня такое чувство, что он не из нашей системы, — сказал он.

Он проник в небольшое открытое пространство. Затем был вынужден наклонить голову и двигаться на четвереньках. Он начал ощупывать все, что попадалось под руки, — переключатели, провода, небольшие приборы с неизвестными функциями. Почти все это, казалось, было предназначено для движения по кривым разной формы, вращения, перемещения по направляющим. В конце концов ему пришлось лечь и ползти.

— Я полагаю, большинство из этих устройств — оружие, — сообщил он после предварительного осмотра.

Он достиг большой ниши. Когда он прошелся пальцами по поверхности панели, закрывающей нишу, она скользнула вбок, приоткрыв вход. Он нажал посильнее, и вход открылся шире.

— Проклятье! — сказал он, так как раздалось негромкое тиканье.

— Что-нибудь не в порядке? — позвал его Дорфи.

— Ты! — сказал он, начиная отодвигаться. — И твой дружок! Вы оба не в порядке!

Он стремительно повернулся и проделал весь путь обратно.

— Выкинь его! Немедленно!

Тут он увидел Джуну, стройную женщину в сером и палевом. Она стояла прислонившись к переборке с чашкой чая в руках.

— От бомбы надо избавляться, пока она не взорвалась! — добавил он.

— Что вы нашли? — спросила она удивительно глубоким голосом.

— Какое-то устройство. Оно попыталось активизироваться, когда я его коснулся. И я уверен, что куча этих штук — оружие. Вы знаете, что это значит?

— Расскажите мне, — попросила она.

— Снабженное разумом оружие незнакомой конструкции. Мои товарищи выловили поврежденного берсерка, вот что это такое. И он пытается восстановить себя. Нужно убираться отсюда — и быстрее.

— Вы абсолютно уверены, что это берсерк?

— Уверен — нет. Я опасаюсь этого.

Она кивнула и поставила чашку. Затем подняла руку ко рту и кашлянула.

— Я хотела бы посмотреть, прежде чем вы бросите его, — сказала она просительно.

Уэйд закусил губу.

— Джуна, — сказал он, — я понимаю ваш профессиональный интерес к компьютерам, но мы предполагали доставить вас на Корлано в целости и сохранности, помните?

Она улыбнулась в первый раз с тех пор, как он встретился с ней несколько недель назад.

— Я очень хочу посмотреть на него.
Улыбка исчезла. Он кивнул:
— Посмотрите, но быстро.
— Мне нужны приборы. И я хочу переодеться в рабочую одежду.

Она повернулась и прошла через проход справа от нее. Он взглянул на своих товарищей, пожал плечами и отвернулся.

Сидя на краю койки за завтраком, который стоял на маленьком подносе, под звуки «Славянских танцев» Дворжака Уэйд размышлял о берсерках, докторе Джуне Байел, компьютерах вообще и о том, как все это объединилось в их путешествии. Рейды берсерков были замечены в этой части пространства в последние несколько лет. К этому времени берсерки уже знали, что Корлано не слишком хорошо защищен. Это очень беспокоило ту часть населения Корлано, которая нашла здесь убежище после атаки берсерков на дальний Джельбар почти поколение назад. Большинство из них выбрало Корлано, потому что эта планета в то время лежала далеко от зоны активности берсерков. Уэйд хмыкнул. Комизм ситуации заключался в том, что те же самые люди, которые так долго и успешно выступали за столь строгое законодательство Корлано, сейчас возвращались к производству и ввозу интеллектуальных машин. Своеобразный вид групповой паранойи, связанной с полученной от берсерков травмой.

Конечно, это был черный рынок. Машины, более сложные, чем позволялось законом, были нужны в бизнесе, некоторым интеллектуалам и даже самому правительству. Люди, такие, как он и его партнеры, регулярно ввозили машины и детали к ним. Власти обычно смотрели на это сквозь пальцы. Он видел подобную шизофрению во многих местах.

И Джуну Байел, высокого класса специалист по интеллектуальным машинам, по большому счету была здесь персоной *non grata*. Она могла бы прибыть как турист, но в этом случае она стала бы объектом повышенного внимания, что очень затруднило бы проведение занятий, ради которых, собственно, она и была приглашена.

Уэйд вздохнул. Он тоже использовал правительственное двоемыслие. Он был на службе. На самом же деле... Что толку размышлять обо всем этом снова. Дела недавно стали меняться к лучшему. Еще несколько таких рейсов, и он сможет сделать последний взнос в выплаты по своему разводу и заняться работой на законных основаниях, стать уважаемым, даже процветающим.

Зазвенел интерком.

— Да?

— Доктор Байел просит вашего позволения произвести некоторые тесты с мозгом покинутого корабля, — сказал Макфарланд. — Она хочет ввести некоторые команды и попробовать подцепить корабельный компьютер. Что ты об этом думаешь?

— Рискованно. Предположим, она активирует его. Берсерки никогда не были особенно приятными...

— Она говорит, что может изолировать мозг от системы вооружения. Кроме того, у нее нет уверенности, что это берсерк.

— Почему?

— Во-первых, он не согласуется с описанием берсерков, имеющимся в нашей компьютерной памяти.

— Черт побери! Это ничего не доказывает. Ты знаешь, что они могут видоизменять себя для разных целей.

— Во-вторых, она была в группе, исследовавшей поврежденного берсерка. Она говорит, что у того другой мозг.

— Хорошо, это ее работа, но я уверен, что она чертовски любопытна. Я не знаю. А что ты думаешь?

— Мы знаем, что она хороший специалист. Именно поэтому ее пригласили на Корлано. Дорфи думает, что эта штука может быть ценной и что мы не зря ее захватили. Может быть, дать ей там немного покопаться. Я уверен, она знает, что делает.

— Она поблизости?

— Нет. Она внутри этой штуки.

— Звучит так, будто вы решили заранее, что я не буду возражать.

— Скажи ей, пусть продолжает.

Может быть, лучше было бы, если бы он сложил с себя обязанности главного. Принятие решений всегда было для

него проблемой. Танцы Дворжака зазвучали в его голове, и он перестал обо всем думать, пока не допил кофе.

Долго находящаяся в состоянии сна глубоко скрытая система была активирована в гигантском мозгу берсерка. Поток данных внезапно начал проходить через его процессор. Начались приготовления к отклонению от курса в сторону Корлано. Это было не изменой, а скорее стремлением к высшей цели.

Кто установил меру добычи?

Джуна при помощи чувствительных приборов проверяла совместимость. Она манипулировала преобразователями, чтобы подогнать уровни энергии и тактовую частоту и связаться с компьютером. Она заблокировала каждую цепь, идущую от этого странного мозга к остальным частям корабля — за исключением одной, ведущей к его источнику питания. Энергетический блок этого мозга был чрезвычайно прост и, по-видимому, действовал от какого-то радиоактивного источника, помещенного в маленькую камеру. Сейчас камера содержала лишь инертные элементы. Она вычистила ее и наполнила из запасов корабля. Она ожидала возражений Уэйда по этому поводу, но он только пожал плечами.

— Заканчивайте, — сказал он, — и мы выбросим его.

— Мы не можем его выбросить. Он единственный в своем роде.

— Посмотрим.

— Вы действительно боитесь его?

— Да.

— Я сделала его безопасным.

— Я не доверяю чужим машинам!

Она откинула назад седые волосы.

— Послушайте, я слышала, как вы потеряли ваше вознаграждение, взяв на борт берсерка, замаскированного под спасательную лодку, — сказала она. — Вероятно, так поступил бы любой. Вы думали, что спасаете жизни.

— Я играл не по правилам. Я был предупрежден, но все-таки пошел на это. Это напоминает мне...

— Это не зона военных действий, — прервала она, — и он не может повредить нам.

— Ну так продолжайте!

Она замкнула цепь и уселась перед терминалом.

— Это, вероятно, потребует времени, — сказала она.

— Хотите кофе?

— Это было бы великолепно.

Чашка остыла, и он принес ей другую. Она делала запрос за запросом, пробуя разнообразные пути. Ответа не было. Наконец она села, откинулась назад и взяла чашку.

— Он сильно поврежден?

Она кивнула:

— Боюсь, что так, но я надеюсь, что смогу что-нибудь с этим сделать — мне нужен ключ, какой-нибудь ключ.

— Ключ? К чему?

— Что это, и откуда он пришел. Эта штука невообразимо старая. Любая информация о ней может быть археологической сенсацией.

— Извините меня. Желаю вам что-нибудь найти.

Она повернулась в кресле и опустила глаза на чашку. Он первый заметил движение.

— Джуна! Экран!

Она резко повернулась, пролив кофе на колени.

— Проклятье!

Ряд за рядом непонятные символы проплывали по экрану.

— Что это?

— Не знаю.

Она наклонилась вперед, забыв о нем.

Около часа, зачарованный, он наблюдал за конфигурациями, возникающими на экране, и движениями ее удлиненных пальцев, безуспешно набравших все новые комбинации на клавиатуре. Затем он заметил нечто, на что она не обратила внимания, так как была поглощена символами.

Маленький сигнальный огонек горел слева от терминала. Уэйд не представлял себе, как долго тот горит. Он подвинулся ближе. Это был звуковой индикатор. Устройство пыталось общаться и на других уровнях.

— Давайте попробуем, — сказал он.

Он потянулся вперед и нажал переключатель под сигнальным огнем.

— Что?

Механическая речь, состоящая из шелканий и стонов, полилась из переговорного устройства. Язык явно был чужим.

— Господи! Вот это да!

— Что это? — Она повернулась и уставилась на него. — Вы понимаете этот язык?

Он покачал головой:

— Я не понимаю, но думаю, что узнал его.

— Что это? — повторила она.

— Я должен знать наверняка. Воспользуюсь другим терминалом, чтобы проверить это. Я буду в соседней комнате. Вернусь, как только что-нибудь выясню.

— Хорошо, но что же это все-таки?

— Я думаю, что нас будут преследовать по закону более суровому, чем закон о контрабанде.

— За что?

— За владение мозгом берсерка и экспериментирование с ним.

— Вы не правы.

— Посмотрим.

Он ушел. Она принялась грызть ноготь, чего не делала уже много лет. Если он прав, эту штуку нужно было закрыть, опечатать и передать военным властям. С другой стороны, она не верила, что он прав.

Она потянулась вперед и приглушила отвлекающий внимание голос. Теперь она должна спешить, попытаться сделать что-нибудь другое, пока он не вернулся. Он выглядел слишком уверенным в своей правоте. Она чувствовала, что он мог бы вернуться с чем-нибудь убедительным.

Поэтому она ввела команду в корабельный компьютер для обучения плененного мозга языку Солнечной системы. Затем принесла чашку свежего кофе и выпила ее.

По мере того как он двигался, все больше систем боевой тревоги приходило в действие. Гигантская машина убийства активировала двигатели, чтобы замедлить свое движение. Первый приказ, который прошел через его процессор после пробного опознавания, был: «Двигайся осторожно».

Он удерживал внимание на удаленном корабле и его маленьком спутнике, но выполнял маневр, который был извлечен из его банка ведения военных операций. Он расконсервировал еще больше устройств нападения.

— Все в порядке, — сказал Уэйд, входя и усаживаясь. — Я ошибся. Это не то, что я думал.

— Может быть, вы наконец будете столь любезны, что сообщите мне, что вы подозревали?

Он кивнул.

— Я слабый лингвист, — начал он, — но я люблю музыку. У меня очень хорошая память на звуки всех видов. Я могу проигрывать в голове целые симфонии. Я даже играю на некоторых инструментах, хотя не часто. Но в этом случае моя память подвела меня. Я мог бы поклясться, что эти звуки очень похожи на те, что есть в записях Кармпена — отрывочные фрагменты, относящиеся к Строителям, злобной расе, которая породила берсерков. Копии этих записей есть в судовой библиотеке, и я только что прослушал их снова. Но я ошибся. Они звучат иначе. Это не язык Строителей.

— Насколько я понимаю, берсерки никогда не использовали кодов языка Строителей, — сказала она.

— Я этого не знаю. Но все-таки я уверен, что слышал нечто похожее на этот язык. Странно...

— Теперь у него есть возможность говорить с нами. Но он пока не слишком преуспел в этом.

— Вы обучили его языку Солнечной системы? — спросил он.

— Да, но он пока еще лепечет. Звучит как Фолкнер в худшее время.

Она повернула переключатель звука.

— ...защитник преодолеть проклятие торпеды и ослепительные вспышки солнца как глаза три по правому борту два в зените... — Она повернула переключатель обратно.

— Это его ответ на наши запросы?

— Да. У меня появилась мысль. — Зазвенел интерком. Он поднялся и нажал кнопку связи. Это был Дорфи.

— Уэйд, мы обнаружили что-то странное, движущееся в нашем направлении. Я думаю, тебе стоит взглянуть.

— Верно, — ответил он. — Я иду. Извините, Джуна.

Она не ответила. Она изучала новые комбинации на экране.

— Идет пересекающимся курсом. Двигается быстро, — сказал Дорфи.

Уэйд смотрел на экран, оценивая данные, которые появлялись в нижнем правом углу.

— Очень большая масса, — заметил он.

— Как ты думаешь, что это?

— Ты сказал, он меняет курс?

— Да.

— Не нравится мне это.

— Он слишком велик для обычного корабля.

— Да, — заметил Уэйд. — Все эти разговоры о берсерках сведут меня с ума, но...

— Ага. Я тоже так подумал.

— Выглядит он достаточно большим, чтобы поджарить целый континент.

— Или изжарить всю планету целиком. Я слышал о таких.

— Но, Дорфи, если у него такая мощь, то его поведение бессмысленно. Зачем ему терять время, охотясь за нами. Может быть, здесь что-то другое?

— Что?

— Не знаю.

Дорфи отвернулся от экрана и облизнул губы. Морщинки появились у него между бровями.

— Я думаю, это один из них. Если я прав, что нам делать?

Уэйд засмеялся коротко и резко.

— Ничего. Мы абсолютно ничего не можем предпринять против такой штуки. Мы не можем ни убежать от нее, ни поразить ее. Мы уже мертвы, если это действительно то, о чем мы думаем, и мы то, что ей нужно. Хотя, я надеюсь, что при возможности, перед тем как уничтожить нас, он сообщит нам, зачем ему это понадобилось.

— Неужели нет ничего, что я мог бы сделать?

— Ты можешь послать сообщение на Корлано. Если он движется туда, у них по крайней мере будет шанс привести в готовность все, что у них есть. Если ты религиозен, сейчас самое подходящее время подумать о Боге.

— Черт возьми! Должно быть что-нибудь еще!

— Если что-нибудь придумаешь, дай мне знать. Я должен поговорить с Джуной. А сообщение все-таки пошли.

Берсерк снова запустил свои двигатели. Он продолжал корректировать курс. Он не должен промахнуться. Новые команды проходили через его процессор по мере того, как он приближался к цели. Он никогда раньше не сталкивался с подобной ситуацией. Но теперь работала древняя программа, которая никогда раньше не активировалась. Приказано навести орудия на цель, но запрещено стрелять по ней... все из-за небольшой электрической активности.

— ...Вероятно, пришел за своим приятелем, — закончил Уэйд.

— У берсерков нет приятелей, — ответила Джуна.

— Я знаю. Я иногда становлюсь циничным. Вы нашли что-нибудь?

— Я пробовала разные подходы для того, чтобы определить степень повреждения. Я уверена, что около половины его памяти разрушено.

— Тогда с ним многого не сделаешь.

— Может быть. А может быть, и нет, — сказала она.

Уэйд повернулся к ней и увидел, что ее глаза увлажнились.

— Джуна...

— Извините, пожалуйста. Это на меня не похоже. Но подойти так близко к открытию, а затем быть уничтоженной идиотской машиной для убийства как раз перед тем, как найден ответ, — это несправедливо. У вас есть платок?

— Да. Секунду.

Интерком зажужжал в тот момент, когда он рылся в стенном ящике с лекарствами.

— Послушайте передачу, — сказал Дорфи.

Пауза, а затем незнакомый голос сказал:

— Здравствуйте. Вы капитан этого судна?

— Да, я, — ответил Уэйд. — А вы — берсерк?

— Можете называть меня так.

— Что вы хотите?

— Что вы делаете?

— Я веду корабль, направляющийся к Корлано.

— Я вижу, вы перевозите необычное оборудование. Что это?

— Это кондиционер воздуха.

— Не лгите, капитан. Как ваше имя?

— Уэйд Келман.

— Не лгите мне, капитан Уэйд Келман. Устройство, с которым вы соединены, не может быть кондиционером. Где вы его взяли?

— Купил на блошином рынке.

— Вы снова лжете, капитан Келман.

— Да, я лгу. Почему бы и нет? Если вы собираетесь нас уничтожить, почему я должен честно отвечать на ваши вопросы?

— Я не говорил, что убью вас.

— Но это единственная вещь, для которой вы предназначены. Для чего еще вы могли прийти сюда?

Уэйд сам удивлялся своим ответам. Во всех воображаемых разговорах со смертью он никогда не представлял себя столь отважным. Это потому, что больше нечего терять, решил он.

— Я обнаружил, что это устройство действует, — сказал берсерк.

— Да, именно так.

— И какие функции оно выполняет?

— Оно выполняет множество функций, которые мы считаем полезными.

— Я хочу, чтобы вы отказались от этого оборудования.

— С чего бы это?

— Я требую этого.

— Я должен рассматривать это как угрозу?

— Как вам угодно.

— Я не собираюсь отказываться от него. С какой стати?

— Вы ставите себя в опасное положение.

— Я не создавал этого положения.

— В каком-то смысле вы его создали. Но я понимаю ваш страх. Он имеет под собой основания.

— Если бы вы просто собирались атаковать нас и отобрать его у нас, вы бы давно это сделали, не так ли?

— Верно. Но у меня есть только тяжелое вооружение, необходимое для моей основной работы. Если я применю его против вас, вы превратитесь в пыль. И, конечно, то же произойдет с нужным мне оборудованием.

— Все больше причин, чтобы держать его при себе.

— Логично, но у вас нет всей информации.

— Что же я упустил?

— Я уже послал сообщение с требованием послать сюда небольшое устройство, способное иметь дело с вами.

— А зачем вам беспокоиться, сообщая нам об этом?

— Я говорю это, потому что нужно время, чтобы они прибыли сюда, а я предпочел бы двигаться к цели для выполнения моей миссии, чем ждать, когда они придут.

— Спасибо. Но мы лучше умрем позже, чем сейчас. Мы подождем.

— Вы не поняли. Я дам вам шанс выжить.

— Что вы предлагаете?

— Я хочу, чтобы вы оставили сейчас это оборудование. После этого вы можете идти на все четыре стороны.

— И вы позволите нам уйти просто так?

— Я могу рассматривать вас как союзников, если вы сделаете это. Оставьте оборудование, и тем самым вы послужите мне. Вы попадете в категорию союзников, не подлежащих уничтожению. После этого вы сможете уйти.

— У нас нет способа узнать, сдержите ли вы ваше обещание.

— Это правда. Но альтернатива — точная смерть, и если вы только примете во внимание очевидную природу моей миссии, вы осознаете, что ваши несколько жизней для нее ничего не значат.

— Вы сделали предложение. Но я не могу дать вам немедленный ответ. Мы должны его обсудить.

— Понятно. Я свяжусь с вами снова через час.

Передача окончилась. Уэйд почувствовал, что дрожит. Он рухнул в кресло. Джуна смотрела на него.

— Знаете ли вы хорошее колдовское заклятие?

Она покачала головой и улыбнулась:

— Вы проделали это здорово.

— Нет. Мои слова были вынужденными. Ничего другого не оставалось.

— По крайней мере, вы дали нам время. Интересно, зачем ему нужна эта штука?

Ее глаза сузились. Губы плотно сжались. Внезапно она спросила:

— Не могли бы вы показать мне этого берсерка?

— Пожалуйста. — Он поднялся и подошел к терминалу.

— Я только подключусь к другому компьютеру и перенесу изображение на этот экран.

Через мгновение машина-убийца возникла перед ними на экране.

Уэйд использовал все возможности оборудования, чтобы получить наилучшее качество изображения.

С минуту она смотрела на экран, проигрывая запись разговора с берсерком.

— Он лгал.

— В чем? — спросил Уэйд.

— Здесь, здесь и здесь, — показала она, отметив области в передней части берсерка. — И здесь. — Она отметила отрывок записи, где говорилось о вооружении.

В это время в кабину вошли Дорфи и Макфарланд.

— Он лгал, когда говорил, что у него есть только сверхоружие и что по отношению к нам это будет сверхубийство. Эти штуковины похожи на обычное вооружение.

— Я не понимаю, что вы говорите.

— Он, вероятно, может стрелять очень направленно, с высокой точностью, причиняя минимальные разрушения. Он мог бы поразить нас, не разрушив то, что его так заинтересовало.

— С чего бы ему лгать? — спросил Уэйд.

— Хотела бы я знать, — сказала она, покусывая ноготь.

Макфарланд откашлялся.

— Мы слышали переговоры, — начал он, — и мы обсудили их.

Уэйд повернул голову и посмотрел на него.

— Да?

— Мы думаем, что надо отдать ему то, что он хочет, и убраться восвояси.

— Вы верите в эту ловушку? Он расстреляет нас, как только мы отойдем.

— Я так не думаю, — сказал он. — Есть множество примеров такого поведения берсерков. У них действительно в программе заложена возможность классификации объектов как союзников, и они поступают именно так, если это приводит к намеченной цели.

— Дорфи, — спросил Уэйд, — ты передал сообщение на Корлано?

Дорфи кивнул.

— Хорошо. Если не считать других причин, то мы будем ждать ради Корлано. Нужно время, чтобы сюда добрались те небольшие устройства, о которых он говорил. Каждый час, проведенный в ожидании здесь, — это час, за который на Корлано могут укрепить оборону.

— Я знаю... — начал Дорфи.

— ...но это несомненная смерть для нас, — продолжил Макфарланд. — Я, как и вы, хорошо отношусь к Корлано, но наша смерть им не поможет. Вы знаете, что планета защищена слабо. Выиграем ли мы какое-нибудь время или нет, они все равно погибнут.

— Этого нельзя сказать наверняка. В прошлом были случаи, когда очевидно слабые миры отражали очень мощные атаки. И даже берсерк сказал это — несколько наших жизней ничего не значат в сравнении со всем обитаемым миром.

— Ну, я рассматриваю вероятности, и мне не по душе становиться мучеником. Я был готов иметь дело с уголовным законодательством, но не со смертью.

— Что ты на это скажешь, Дорфи? — спросил Уэйд.

Дорфи облизнул губы и отвел глаза в сторону.

— Я согласен с Макфарландом, — сказал он тихо.

Уэйд повернулся к Джуне.

— Я за то, чтобы ждать.

— Таким образом, нас двое, — подвел итог Уэйд.

— У нее нет права голоса, — запротестовал Макфарланд. — Она всего лишь пассажир.

— Она тоже рискует жизнью, — ответил Уэйд. — У нее есть право.

— Она не хочет отдать берсерку эту проклятую машину! Она хочет сидеть здесь и играть с ней, в то время как все взорвется! Что она, в конце концов, теряет? Она все равно умирает и...

Уэйд зарычал и вскочил на ноги.

— Дискуссия окончена. Мы остаемся.

— Но в любом случае голоса разделились поровну.

— Я принимаю всю полноту власти и заявляю, что мы остаемся.

Макфарланд засмеялся:

— Всю полноту власти! Это вшивый контрабандный рейс, а не служба, где можно схлопотать разжалование, Уэйд. Ты не можешь командовать.

Уэйд дважды ударил его, в живот и в челюсть.

Макфарланд упал, сложился вдвое и стал ловить ртом воздух. Уэйд наблюдал за ним, оценивая его состояние. Если он встанет в течение десяти секунд, придется нелегко, решил он.

Но Макфарланд поднял руку только для того, чтобы потерять челюсть.

— Черт побери! — тихо сказал он и потряс головой. — Тебе не следовало делать этого, Уэйд.

— Я думаю, следовало.

Макфарланд поднялся на одно колено.

— Ладно, принимай командование. Но я все-таки думаю, что ты делаешь большую ошибку.

— Я позову тебя в следующий раз, когда будет что обсуждать, — сказал Уэйд.

Дорфи потянулся было помочь Макфарланду, но тот протестующе поднял руку.

Уэйд бросил беглый взгляд на Джуно. Она выглядела бледнее, чем обычно, ее глаза сверкали. Она стояла перед люком, как бы охраняя проход.

— Я собираюсь принять душ и лечь, — сказал Макфарланд.

— Хорошо.

Джуна прошла вперед, как только двое покинули помещение. Она ухватилась за руку Уэйда.

— Он лжёт, — снова тихо сказала она. — Вы понимаете? Он мог бы расстрелять нас и получить машину, но он не хочет этого.

— Нет, — сказал Уэйд. — Я не понимаю.

— Похоже, он боится этой вещи.

— Берсерки не знают страха.

— Ну конечно. Я все очеловечиваю. Как будто существует что-то, что сдерживает его. Я думаю, мы имеем дело с чем-то очень специфическим, представляющим необычную проблему для берсерка.

— Что бы это могло быть?

— Я не знаю. Можно попробовать найти какой-нибудь выход, но у меня мало времени. Уклоняйтесь от ответа как можно дольше.

Он кивнул и сел. Его сердце стучало как у загнанной лошади.

— Вы сказали, что почти половина его памяти повреждена.

— Это только догадка, но, видимо, так. Я попытаюсь восстановить ее.

— Как?

Она подошла к компьютеру.

— Я собираюсь подвергнуть то, что осталось, сверхбыстрому винеровскому анализу. Это мощнейший нелинейный метод для обращения с таким необычайно высоким уровнем шума. Но может оказаться, что для такой системы нужно сделать очень объемные вычисления. Я не знаю, сколько на это потребуется времени и даже выполняли ли эта работа. — Грустные нотки послышались в ее голосе. — Но у нас есть шанс восстановить утраченное. Вот почему мне нужно по возможности больше времени, — закончила она.

— Я попытаюсь. А вы двигайтесь вперед. И...

— Я знаю, — сказала она, кашлянув. — Спасибо.

— Я могу принести вам что-нибудь поесть, пока вы работаете.

— В моей каюте, в верхнем ящике столика у кровати, три флакона с лекарствами. Принесите их и немного воды.

— Хорошо.

Он ушел. По пути он зашел в свою каюту, чтобы взять пистолет, который держал в шкафчике, единственное оружие на борту корабля. Он обшарил ящик несколько раз, но пистолета не нашел. Уйд тихо выругался и отправился в каюту Джуны за ее лекарством.

Берсерк удерживал дистанцию и размышлял. Он учел некоторые данные, чтобы объяснить предложенный компромисс. Не будет вреда в том, чтобы напомнить капитану Келману о серьезности его положения. Это может ускорить решение. Соответственно, гидравлика сработала и заслонки были открыты, чтобы задействовать добавочное

оружие. Заряженные орудия были наведены на маленький корабль. Большинство из них были слишком мощными, чтобы поразить корабль без вреда для его соседа. Однако их вид мог подействовать деморализующе.

Уэйд наблюдал за работой Джуны. Люк можно было запереть, но из многих мест корабля его можно открыть, пользуясь дистанционным управлением. Поэтому он держал засов за поясом и вполглаза посматривал за открытым люком. Казалось, это все, что он может сделать, ибо углубление разлада на борту могло привести к ухудшению обстановки.

Периодически он включал звук и слушал бессвязные речи машины то на околосолнечном, то на странном чужом языке, который тем не менее был чем-то знаком. Он размышлял об этом. Иногда смотрел на поверхность берсерка. Джуна была права относительно него, но...

Зажужжал интерком. Дорфи.

— Час прошел. Он хочет снова поговорить с тобой. Уэйд, он направил на нас больше орудий.

— Подключи его, — ответил Уэйд. Помолчал, затем сказал: — Алло?

— Капитан Келман, час прошел, — возник уже знакомый голос. — Сообщите мне ваше решение.

— Мы еще не пришли к решению, — ответил он. — Наши мнения разделились. Нам нужно время, чтобы обсудить это.

— Как много времени?

— Я не знаю. По крайней мере, несколько часов.

— Хорошо. Я буду связываться с вами каждый час следующие три часа. Если вы не решите за это время, я пересмотрю свое решение рассматривать вас как союзников.

— Мы спешим, — сказал Уэйд.

— Я вызову вас через час.

— Уэйд, — сказал Дорфи, когда передача кончилась, — новые орудия направлены прямо на нас. Я думаю, он готовится расстрелять нас, если мы не дадим ему то, что он хочет.

— Я так не думаю. Но у нас еще есть время.

— Зачем? Несколько часов ничего не изменят.

— Я скажу тебе через несколько часов. Как там Мак фарланд?

— В порядке.

— Хорошо.

Он прервал связь.

— Проклятье, — сказал он.

Ему хотелось выпить, но он не хотел затуманивать мозги.

Он вернулся к Джуне и терминалу.

— Как дела?

— Я установила все приборы, — сказала она.

— Как скоро вы узнаете, работает ли он?

— Трудно сказать.

Он снова включил звук.

— Квиббиан-квиббиан-кель, — раздался голос. — Квиббиан-квиббиан-кель, макс квиббиан. Квиббиан-квиббиан-кель.

— Интересно, что это значит?

— Это рекуррентная фраза, или слово — или целое предложение. Анализ, который я провела недавно, заставляет думать, что он может так себя называть.

— В этом есть определенный ритм.

Он начал тихо мурлыкать. Затем насвистывать и постукивать пальцами по терминалу в качестве аккомпанемента.

— Нашел! — внезапно воскликнул он. — Это было верно, но и ошибочно.

— Что? — спросила она.

— Я должен проверить, сейчас вернусь. — Он поспешно вышел.

— Верно, но ошибочно, — возник голос из переговорного устройства. — Как так может быть? Противоречие.

— Ты пришел в сознание! — сказала она.

— Я пришел в себя, — через некоторое время прозвучал ответ.

— Давай поговорим, пока идет процесс, — предложила она.

— Да, — ответил он, затем снова слышались бее связные звуки.

Доктор Джуна Байел скорчилась в туалетном отсеке, и ее вырвало. Она прижала ладони к глазам и постаралась глубоко дышать, чтобы преодолеть тошноту и дрожь. Когда желудок успокоился, она приняла двойную дозу лекарства. Это было рискованно, но у нее не было выбора. Она не могла сейчас позволить себе короткую передышку. Большая доза могла слишком сильно подействовать. Она стиснула зубы и кулаки и ждала.

По истечении часа Уэйд Келман получил вызов берсерка и сообщил ему о следующей часовой отсрочке. На этот раз машина-убийца была настроена более воинственно.

Дорфи связался с берсерком после того, как он прослушал последнюю передачу, и предложил сделку. Берсерк немедленно согласился.

Берсерк убрал все орудия, кроме четырех, глядящих в сторону корабля. Он не собирался возвращаться в это состояние, но предложение Дорфи дало ему повод. К тому же он не упустил возможности показать дополнительное оружие, которое могло быть применено в ответ на замеченное им усиление электрической активности. Директива все еще предписывала осторожность и необходимость воздерживаться от провокаций.

Кто решится посадить льва на цепь?

— Квиббиан, — сказала устройство.

Бледная Джуна сидела перед терминалом. За прошедшие несколько часов она постарела на несколько лет. На ее комбинезоне появились новые пятна. Войдя, Уэйд остановился и уставился на нее.

— Что-нибудь случилось? — спросил он. — Вы плохо ки...

— Все в порядке.

— Нет, не в порядке. Я знаю, что вы больны. Мы собирались.

— Все действительно в порядке. Все прошло.

Он кивнул и показал ей небольшой магнитофон, который дер кал в левой руке.

Послушайте, что я нашел, — сказал он

Он включил магнитофон. Возникла серия щелчков и стонов. Это продолжалось около четверти минуты и прекратилось.

— Проиграйте это снова, Уэйд, — сказала она, слабо улыбнулась и включила звук.

Он повторил запись.

— Переведи, — сказала она, когда все закончилось.

— Возьмите — непереводамо — для — непереводамо — и превратите это в более сложное, — зазвучал голос устройства через микрофон.

— Спасибо, — сказала она. — Вы оказались правы.

— Вы знаете, где я нашел это?

— В записях Кармпена.

— Да, но это не язык Строителей.

— Я это знаю.

— И вы к тому же знаете, что это?

Она кивнула:

— Это язык, на котором говорили враги Строителей — Красная Раса, против которой и были построены берсерки. Существует только один небольшой фрагмент, показывающий этих людей. Они скандируют какие-то лозунги, или совершают молебны, или что-то в этом роде. Может быть, это отрывок из пропагандистских записей Строителей. Он пришел оттуда, не так ли?

— Да. Как вы узнали?

Она похлопала терминал:

— Квиб-квиб встал на ножки. Он теперь даже помогает. Он очень эффективен в самовосстановлении, когда процесс запущен. Мы немного поболтали, и наконец я начала понимать.

Она зашлась в глубоком кашле, вызвавшем слезы у нее на глазах.

— Не могли бы вы дать мне стакан воды?

Он пересек каюту и подал ей стакан.

— Мы сделали чрезвычайно важную находку, — сказала она, сделав глоток. — Как хорошо, что они удержали вас от того, чтобы выбросить его.

Макфарланд и Дорфи вошли в каюту. Макфарланд держал пистолет, направленный на Уэйда.

— Отдай берсерку эту штуку, — сказал он

— Нет, — ответил Уэйд.

— Тогда Дорфи сделает это, пока я буду держать тебя под прицелом. Одевайся, Дорфи, и бери ключ.

— Вы не представляете, что вы делаете, — сказал Уэйд. — Джуна мне только что сказала...

Макфарланд выстрелил. Пуля срикошетила и попала в дальний угол каюты.

— Мак, ты сошел с ума! — сказал Уэйд. — Ты так можешь попасть в себя.

— Не двигайтесь! Хорошо. Это было глупо, но теперь я разбираюсь лучше. Следующая попадет тебе в ногу или руку. Я предупреждаю. Ты понимаешь?

— Да, черт побери! Но мы не можем отпустить эту штуку прямо сейчас. Она почти отремонтирована, и мы знаем, откуда она. Джуна говорит...

— Мне неважно, откуда она. Две трети принадлежат Дорфи и мне, и мы выбрасываем нашу часть прямо сейчас. Даже если твоя треть теряется, мы это сделаем. Берсерк уверил нас, что после этого он нас отпустит. Я ему доверяю.

— Послушай, Мак. Что бы берсерк столь сильно ни пожелал, мы не должны ему это отдавать. Я мог бы договориться, чтобы он дал нам больше времени.

Макфарланд покачал головой.

Дорфи закончил приготовления и взял устройство для сварки швов с полки. Когда он направился к открытому люку, Джуна сказала:

— Подождите. Если вы закроете люк, то перережете кабель. Это прямая связь с мозгом Квиб-квиба.

— Извините, доктор, — сказал Макфарланд. — Но мы спешим.

На терминале тем временем появились слова: «Наше взаимодействие прекращается?»

— Я боюсь, что так, — ответила она. — Простите, что я не успела закончить.

— Это не так. Процесс продолжается. Я усвоил программу и теперь могу сам ею пользоваться. Исключительно полезный процесс.

Дорфи вошел в люк.

— У меня есть один вопрос, Джуна, прежде чем мы простимся, — сказал Квиб-квиб.

— Да? Какой вопрос?

Люк начал закрываться, и Дорфи уже приготовил сварочный аппарат, чтобы заварить шов.

— Мой словарь все еще не полон. Что значит квиббиан на вашем языке?

Закрывающийся люк перерезал кабель и прервал ее на полуслове, так что она не узнала, услышал ли он, как она сказала слово «берсерк».

Уэйд и Макфарланд повернулись одновременно.

— Что вы сказали? — спросил Уэйд.

Она повторила.

— Теперь вы говорите другое, — сказал он. — Сначала вы сказали, что он не берсерк. Сейчас...

— Вы хотите говорить о словах или о машинах? — спросила она.

— Продолжайте. Я буду слушать.

Она глубоко вздохнула и сделала глоток воды.

— Я узнала историю от Квиб-квиба по кускам, — начала она. — Я постаралась заполнить пропуски догадками, но, похоже, все выстраивается. Столетия тому назад Строители, по-видимому, вели войну с Красной Расой, которая оказалась более стойкой, чем ожидалось. Тогда Строители использовали против них свое сверхоружие — самовосстанавливающиеся военные машины, которые мы называем берсерками. Красная Раса исчезла. Они были полностью уничтожены — после страшной битвы. В последние дни войны они задействовали все средства, но было слишком поздно. Они были сокрушены. Они даже попытались сделать то, чем я всегда восхищалась, о чем околосолнечный мир не смел даже подумать из-за бесчисленных ограничений на исследования в этой области, из-за этой паранойи.

Она сделала паузу для очередного глотка.

— Они построили своих собственных берсерков, — продолжала она, — но не похожих на оригинал. Для защиты своей планеты они построили военные машины, которые атаковали только берсерков, — антиберсерков. Но их было слишком мало. Они поместили антиберсерков вокруг планеты, и, очевидно, те сделали свое дело — они могли даже совершать прыжки в другое измерение и обратно. Но после массовой атаки их осталось очень мало. В конце концов все они пали.

Корабль содрогнулся. Они повернулись к люку

— Он отошел от нас, вот что это, — сказал Макфарланд.

— Это не вызвало бы встряски всего корабля, — заметил Уэйд.

— Может быть, он отходит с ускорением, — сказала Джуна.

— Но как он может это сделать, если его управляющие цепи изолированы? — спросил Уэйд.

Она взглянула на пятна грязи на своем комбинезоне.

— Я восстановила эти цепи, когда выяснила правду. Я не знаю, до какого уровня восстановилась его прежняя эффективность, но я уверена, что сейчас он готов атаковать берсерка.

Люк открылся, и появился Дорфи, расстегивая костюм.

— Черт побери! — закричал Макфарланд. — Сейчас это место превратится в зону войны!

— Ты позаботился об управлении кораблем? — спросил его Уэйд.

— Конечно, нет.

— Тогда отдай мне оружие и убирайся прочь с дороги.

Он взял пистолет и направился в рубку управления.

Как только на экране появилось изображение, они увидели тяжеловесное перемещение гигантского берсерка, вспышки его орудий, быстрые как молния движения и внезапные появления и исчезновения его маленького противника. Через некоторое время после того, как их изображение исчезли, на фоне межзвездной черноты вспыхнул огненный шар.

— Он попал в него! Он попал в него! Квиб-квиб попал в него! — воскликнул Дорфи.

— И он, вероятно, также попал в Квиб-квиба, — заметил Макфарланд.

— О чем ты думаешь, Уэйд?

— О том, что никогда больше не буду иметь с вами никаких дел.

Он поднялся и вышел, чтобы пойти к Джуне. Он взял с собой магнитофон и несколько записей. Она оторвалась от созерцания экрана и слабо улыбнулась, когда он сел рядом с ее кроватью.

— Я хотел бы позаботиться о вас, — сказал он, — пока в этом будет нужда.

— Это было бы прекрасно, — сказала она.

Слежение. Они приближались. Пятеро. Большой, должно быть, послал за ними. Прыжок за их спины — и схватить двух замыкающих, прежде чем остальные поймут, в чем дело. Еще прыжок, выстрел и снова прыжок. Они никогда не сталкивались с подобной тактикой. Увертка. Огонь. Прыжок. Снова прыжок. Огонь. Последний из них крутится волчком, ожидая удара. Поразить его. Заряд прямо в цель. Так.

Последний квиббиан-квиббиан-кель во Вселенной покинул поле битвы, ища материалы для восстановительных работ. Потом, конечно, их понадобится несколько больше для изготовления копий. Кто решится посадить льва на цепь?

ДНЕВНАЯ КРОВЬ

Истории о вампирах всегда беспокоили меня, поскольку эти создания взяли себе в привычку пить кровь людей, которые затем превращаются в вампиров, которые в свою очередь кусают людей, которые... Это геометрическая прогрессия, и если задуматься, станет ясно, что мы все таким образом скоро окажемся вампирами и кусать будет некого. Подобная ситуация всегда казалась мне экологически несообразной. Для грубых видов существуют естественные враги и прочие ограничивающие факторы, которые контролируют плотность популяции. Если бы с вампирами дело обстояло так, как об этом повествуют сказания, то должно быть еще нечто, там не упомянутое. Итак, мой скромный вклад в канонические представления о неумирающих...

Я припал к земле за углом провалившегося сарая у разрушенной церкви. Сырость просачивалась сквозь джинсы, но я знал, что мое ожидание должно скоро закончиться. Полосы тумана живописно стелились над промокшей землей, слегка колеблемые предутренним ветром. Погода для Голливуда...

Я бросил взгляд на светлеющее небо, точно определяя направление их прибытия. Через минуту я увидел, как они возвращаются: одно существо большое и темное, другое — бледное и поменьше. Как можно было догадаться, они проникли в церковь через отверстие, образовавшееся несколько лет тому назад, когда провалилась часть крыши. Я подавил зевок, глянув на часы. Через пятнадцать минут восходящее солнце окрасит румянцем восток. За это время они должны уgomониться и заснуть. Может быть, чуть быстрее, но дадим им немного времени. Спешить пока некуда.

Я потянулся и захрустел суставами. Хорошо сейчас дома лежать в постели. Ночи предназначены для сна, а не для того, чтобы играть роль няньки для парочки глупых вампиров.

Да, Вирджиния, это действительно вампиры. Хотя нечему удивляться. Странно, что вы не встречали ни одного. Сейчас их не так уж много вокруг. Фактически они чертовски близки к вымирающему виду, — что и понятно, если принять во внимание их уровень интеллекта.

Возьмем, например, этого парня, Бродски. Он живет, простите, обитает, рядом с городом с населением несколько тысяч человек. Он мог бы посещать различных людей каждую ночь без опасения повториться, оставляя своих поставщиков продовольствия лишь с легким ощущением боли в горле, приступом временной слабости и парочкой царапин на шее, которые быстро заживают.

Но нет. Он испытывает симпатию к местной красотке — некоей Элайне Уилсон. Приходит к ней много раз. Вскоре она впадает в привычную кому и превращается в вампира. Знаю, знаю — я говорил, что вампиров вокруг не так уж много, но лично я полагаю, что еще несколько штук не повредили бы. Правда, Бродски мне не кажется удачным экземпляром, слишком он глуп и жаден. Никакой тонкости, никакого планирования. Одобряя прибавление новых членов к неумирающим, я опасаюсь его беспечности в проведении такой серьезной акции. Он оставляет след, который кто-нибудь может обнаружить; он также ухитряется оставить после себя так много хорошо описанных в литературе знаков и примет, что даже в наше время разумный человек мог бы догадаться, что к чему.

Бедный старина Бродски все еще живет в своем средневековье и ведет себя так же, как во времена расцвета

вампиров. Очевидно, ему никогда не приходило в голову рассмотреть это математически. Он пьет кровь у некоторых людей, которые его чем-то привлекают, и они становятся вампирами. Если они имеют те же склонности и так же себя ведут, они продолжают это дело и вовлекают все новых людей в свои ряды. И так далее. Похоже на письма по цепочке. Через некоторое время все станут вампирами, и не останется тех, у кого они берут кровь. И что? К счастью, у природы есть способы обращения с популяционными взрывами, даже на этом уровне. Однако внезапное увеличение количества новобранцев в век средств массовой информации может нанести чувствительный удар по этой экосистеме, связанной с преисподней.

Но хватит философии. Время войти и заняться делом.

Я взял пластиковый пакет и пошел прочь от сарая, тихо ругаясь, когда натыкался на стволы и получал хороший душ. Я прошел по полю к боковой двери старого здания. Она была закрыта на ржавый замок, который я сорвал и забросил на кладбище.

Внутри я взгромоздился на прогибающиеся перила, окружающие место для хора, и открыл сумку. Я вытащил блокнот для набросков и карандаш, которые носил повсюду. Свет проникал через разбитое окно. То, на что он падал, было по большей части ерундой. Не особенно вдохновляющая сцена. Но уж какая есть... Я начал зарисовывать ее. Всегда хорошо иметь хобби, которое может служить оправданием для странных поступков.

Десять минут, загадал я. Самое большее.

Шестью минутами позже я услышал их голоса. Они не были особенно громкими, но у меня исключительно острый слух. Их было трое.

Они также вошли через боковую дверь, крадучись, нервно озираясь и ничего не замечая. Сначала они даже не заметили меня, творящего произведение искусства там, где в прошлые годы детские голоса заполняли воскресные утра хвалой Богу.

Здесь был старый доктор Морган, из черной сумки которого торчали несколько деревянных кольев (готов держать пари, что молоток был там же — я думаю, что клятва Гиппократы не распространяется на неумирающих — *primum, non nocere*, и так далее); отец О'Брайен, сжимающий в одной руке Библию, а в другой — распятие; и мо-

лодой Бен Келман (жених Элайны) с лопатой на плече и с сумкой, из которой доносился запах чеснока.

Я кашлянул, и все трое резко остановились и повернулись, налетев друг на друга.

— Привет, док, — сказал я. — Здравствуйте, святой отец. Бен...

— Уэйн! — сказал доктор. — Что ты здесь делаешь?

— Наброски, — объяснил я. — Я сейчас занимаюсь старыми зданиями.

— Проклятье! — сказал Бен. — Простите меня, святой отец... Вы здесь за материалом для вашей чертовой газеты!

Я покачал головой:

— Вовсе нет.

— Гас никогда не позволит вам напечатать что-нибудь об этом, и вы это знаете.

— Честное слово, — сказал я, — я не собираю материал для статьи. Но я знаю, зачем вы здесь, и вы правы: даже если я напишу ее, она никогда не появится на свет. Вы действительно верите в вампиров?

Док уставился на меня холодным взглядом.

— До сих пор не верили, — сказал он. — Но, сынок, если бы ты видел то, что видели мы, ты поверил бы.

Я кивнул и сложил свой блокнот.

— Ну ладно, — сказал я. — Я вам признаюсь. Я здесь потому, что любопытен. Хочу увидеть это своими глазами, но не хочу идти вниз один. Возьмите меня с собой.

Они обменялись взглядами.

— Я не знаю... — сказал Бен.

— Это не для слаонервных, — сказал доктор.

— Я не знаю, нужно ли, чтобы еще кто-то участвовал в этом деле, — добавил Бен.

— А кто еще знает об этом? — спросил я.

— Только мы, — объяснил Бен. — Мы единственные, кто видел его в действии.

— Хороший репортер знает, как держать язык за зубами, — сказал я, — но он очень любопытен. Позвольте мне пойти с вами.

Бен пожал плечами, доктор кивнул. Спустя мгновение отец О'Брайен кивнул тоже.

Я засунул блокнот и карандаш в сумку и слез с ограды.

Я проследовал за ними через церковь к открытой покосившейся двери. Док включил фонарь и направил свет

на шаткий пролет лестницы, ведущей вниз в темноту. Помедлив, он начал спускаться. Отец О'Брайен последовал за ним. Лестница скрипела и шаталась. Бен и я ждали, пока они не спустились.

Затем Бен засунул свой пакет с пахучим содержимым под пиджак и вытащил из кармана фонарь. Он включил его и начал спускаться вниз. Я следовал прямо за ним.

Я остановился, когда мы достигли основания лестницы. В лучах фонарей я увидел два гроба, помещенные на козлы, а также нечто на стене над гробом побольше.

— Святой отец, что это? — спросил я.

Кто-то услужливо навел луч фонаря.

— Похоже на веточку омелы, завязанную на фигуре маленького каменного оленя, — сказал он.

— Вероятно, имеет отношение к черной магии, — предположил я.

Он перекрестился, повернулся и снял ее.

— Вероятно, так, — сказал он, раздавив омелу и швырнув ее на пол. Затем он разбил оленя и отбросил куски прочь.

Я улыбнулся и сделал шаг вперед.

— Давайте откроем их и посмотрим, — сказал доктор.

Я помог им. Когда гробы были открыты, я не слушал комментарии о бледности, сохранности и окровавленных ртах. Бродски выглядел так же, как и всегда — темные волосы, тяжелые темные брови, втянутый рот, небольшое брюшко. Девушка была прелестна. Выше, чем я думал. Горло слегка пульсировало, кожа отливала синевой.

Отец О'Брайен открыл Библию и начал читать, держа фонарик дрожащей рукой. Док поставил сумку на пол и что-то нащупывал внутри ее.

Бен отвернулся со слезами на глазах. Я дотянулся до него и бесшумно сдавил его шею, пока другие занимались своими делами.

Уложив его на пол, я подошел к доктору.

— Что? — начал он, и это было его последним словом.

Отец О'Брайен прекратил чтение. Он уставился на меня.

— Ты работаешь на них? — вскричал он, бросив взгляд на гробы.

— Пожалуй, нет, — ответил я, — но они мне нужны. Они — кровь моей жизни.

— Я не понимаю...

— Все является чьей-нибудь добычей, и мы делаем то, что должны. Такова экология. Простите, святой отец.

Я воспользовался лопатой Бена, чтобы похоронить всех троих под полом — с чесноком, кольями и прочим. Затем я закрыл гробы и вытащил их вверх по лестнице.

Я оглядывался, пока шел через поле, затем сел в грузовик. Было еще сравнительно рано, вокруг ни души.

Я погрузил оба гроба в кузов и прикрыл тряпкой. В тридцати милях езды была еще одна разрушенная церковь, о которой я знал.

Позднее, когда я установил их на новом месте, я написал карандашом записку и вложил ее в руку Бродски:

Дорогой Б.! Пусть это будет вам уроком. Вы должны прекратить действовать, как Бела Лугоси. Вы не достигли его уровня. Считайте удачей, что вы вообще проснетесь этой ночью. В дальнейшем будьте осмотрительнее в своих действиях, или я сам отправлю вас в отставку. В конце концов, я здесь не для того, чтобы вас обслуживать.

*Ваш всегда,
У.*

Р. С. Омела и статуя больше не действуют. Почему вы вдруг стали так суеверны?

Я взглянул на часы. Было одиннадцать пятнадцать. Я зашел в магазин и воспользовался телефоном.

— Привет, Кела, — сказал я, когда услышал ее голос. — Это я.

— Вердет, — сказала она. — Ты долго не появлялся.

— Я был занят.

— Чем?

— Ты знаешь, где находится старая церковь Апостолов рядом с шоссе номер шесть?

— Конечно. Она есть в моем списке.

— Встречай меня там в двенадцать тридцать, и я все расскажу тебе за обедом.

СОЗДАНИЕ НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКОГО РОМАНА

Сильвия Бюрак попросила меня написать эссе для «Райтера», и я сочинил следующий текст. Большая его часть посвящена соображениям, возникшим при создании романа «Глаз Кота». Вряд ли я писал когда-нибудь столь подробно о том, как я сочиняю. Я включил этот текст в сборник для тех из вас, кто интересуется подобными вещами.

Покойного Джеймса Блиша однажды спросили, где он находит идеи для своих научно-фантастических рассказов. Он ответил так же, как отвечаем все мы — из наблюдений, из прочитанного, из жизненного опыта и так далее. Тогда его спросили: а что он делает, если во всем этом ему не удастся найти новой идеи. Он сразу же ответил: «Я занимаюсь самоплагиатом».

Конечно, Блиш имел в виду, что он просматривает свои прежние вещи для того, чтобы обнаружить неразработанные линии. Веря в неизменность круга своих пристрастий и пытаясь оживить старые привязанности, он стимулирует таким образом появление новых мыслей. И получается. Время от времени я делаю то же самое, и обычно это дает много новых идей.

Но я пишу уже более двадцати лет и кое-что знаю о том, как работает мой мозг, когда я подыскиваю сюжет или излагаю его. Я не всегда знал то, что знаю теперь, и в большинстве ранних вещей двигался наугад — определяя темы, нащупывая характеры и мысли. Теперь для меня намного легче ощутить себя в кресле водителя, устремляющего вперед свой новый рассказ. Это может быть рассказ новейшей модели, но рулевой механизм остается прежним, и, включив передачу, я знаю, что делать дальше.

Например — окружающая обстановка. С моей точки зрения, научная фантастика всегда рациональна — она занимается распространением в будущее или на чуждое окружение того, что известно теперь, в то время как фэнтези имеет дело с метафизикой, вводя неизвестное, причем обычно в чуждое окружение. Временами различия не слишком выражены, а иногда даже интересно эти различия затушевывать. Однако на практическом, рабочем уровне именно по этому принципу я их различаю.

Рассказы обоих видов (я никогда не устаю это повторять) требуют того же, что и обычная литература, с необходимым добавлением экзотического окружения. Из трех базовых элементов фантастики — сюжета, героев и окружающей обстановки, именно окружающая обстановка требует усиленного внимания в научной фантастике и фэнтези. Здесь, как нигде более, вы балансируете между сверхобъяснением и сверхпредположением, между возможностью утомить читателя излишними деталями и потерять его, не дав достаточных объяснений.

Сначала я обнаружил именно эту трудность. Я познакомился с ней, стараясь сэкономить описания, стремясь сделать движение рассказа более быстрым, а затем постепенно вводя задний план. Следуя этим путем, я осознал, что таким образом можно решить две проблемы: простое представление материала, подаваемое точно отмеренными дозами, служит дополнительным способом повышения читательского интереса. Я использовал этот прием в начале моего рассказа «Вариант единорога», в котором я откладывал на несколько страниц описание необычных созданий.

«Причудливое сплетение огней, средоточие света, оно двигалось с ловкостью, почти изяществом, колеблясь между видимым и невидимым существованием, как проблески света в штормовой вечер. Пожалуй, темнота между

вспышками более соответствовала его истинной сущности — водоворот черного пепла, совершаемый под ритмичные завывания ветра пустыни за строениями, в той же мере пустыми и одновременно наполненными, как страницы непрочитанной книги или тишина между нотами мелодии».

Как видите, я сказал достаточно, чтобы удержать читательское любопытство. К тому времени, когда становится ясно, что это единорог в призрачном городе Нью-Мексико, я уже ввел еще одного героя и конфликт.

Действующие лица представляют для меня меньшую трудность, чем окружение. Люди обычно остаются людьми в декорациях научной фантастики. Главные герои являются мне почти полностью определенными, а второстепенные не требуют много работы. Что касается описания их внешности, то на первых порах легко перебрать. Сколько действительно нужно читателю? Как много может усвоить мозг за один раз? Я решил иметь полное представление о герое, но отмечать только три черты. Затем прекратить описание и продолжать рассказ. Если четвертая характеристика проглатывается легко, прекрасно. Но здесь на первой стадии следует остановиться. Поверьте, остальные черты будут появляться по мере надобности. «Это был стройный краснолицый парень, у которого одно плечо было ниже другого». Будь он стройный краснолицый парень со светло-голубыми глазами (или большими руками, или веснушками на щеках), с одним плечом выше другого, он скорее ускользнет от мысленного взора, нежели станет более ясным образом. Слишком много деталей создают перегрузку ощущений, ослабляя способность читателя к воображению. Если эти добавочные детали действительно необходимы для дальнейшего повествования, лучше ввести следующую дозу позднее, дав время для того, чтобы первые впечатления усвоились. «Ага, — ответил он, и его голубые глаза вспыхнули».

Я упомянул окружающую обстановку и героев как типичные примеры развития писательских навыков. Навыки приходят с практикой и потом, по прошествии некоторого времени, могут стать второй натурой, на которую не обращают внимания. Для этого существует тренировка, при помощи которой каждый, приложив определенные усилия,

может овладеть некоторыми приемами. Но не в этом существо писательского труда.

Для меня важным является развитие и уточнение взглядов на мир, экспериментирование с точками зрения. Это составляет сущность процесса повествования, и здесь все выученные методы становятся не более чем инструментами. Это составляет авторский подход к материалу, который делает произведение уникальным.

Например, я живу на Юго-Западе уже почти десять лет. По некоторым причинам я стал интересоваться индейцами. Я начал посещать праздники и танцы, читать антропологическую литературу, бывать на лекциях и в музеях. Я познакомился с индейцами. Вначале мой интерес направлялся только желанием узнать больше, чем я уже знаю. Позднее я стал чувствовать, что в моем подсознании начинается оформляться рассказ. Я ждал. Я продолжал накапливать информацию и впечатления в этой области.

В один прекрасный день мое внимание сосредоточилось на племени навахо. Позднее я понял, что если смогу определить причину этого интереса, то получу рассказ. Это произошло, когда я обнаружил, что навахо придумали свои собственные слова, около сотни, для названия различных частей двигателя внутреннего сгорания. Другие индейские племена, которые я знаю, не сделали ничего подобного. Ознакомившись с автомобилями, они стали просто употреблять английские термины для карбюратора, зажигания свечей и т. д. Но навахо придумали свои собственные слова для этих вещей — знак, свидетельствующий как об их независимости, так и о приспособляемости.

Я стал смотреть глубже. Племена хопи и пуэбло, родственные навахо, среди своих ритуалов имеют танцы дождя. Навахо не тратят больших усилий, чтобы управлять погодой таким способом. Вместо этого они приспособливаются к дождю или засухе.

Приспособляемость. Именно это. Это стало темой моего романа. Предположим, задал я себе вопрос, я мог бы взять современного индейца и при помощи эффекта расширения времени, обусловленного движением в пространстве со скоростью света, показать его в добром здравии, скажем, через сто семьдесят лет? Здесь был бы перерыв в его истории на то время, пока он отсутствовал, период,

в течение которого на Земле произошло бы множество изменений. Именно так пришла ко мне идея «Глаза Кота».

Однако идея — еще не научно-фантастический роман. Каким образом идею превратить в произведение?

Я спросил себя, почему он уходил так часто? Предположим, что он действительно был прекрасным следопытом и охотником? Я задумался. Таким образом он логически становился охотником за образцами внеземной жизни. Это звучало правдоподобно, и я это принял. Проблема злобных внеземных существ могла быть оправданием того, что мой герой вернулся из отставки, и служить основой конфликта.

Мне также хотелось бы иметь что-нибудь, дающее представление о его прошлом и традициях навахо, что-нибудь большее, чем его способности существования в дикой местности, что-нибудь, что могло бы рассказать о его внутренней жизни. Я взял из легенд навахо злого духа «чинди». Затем мне стало ясно, что этот злой дух может быть соотнесен с одним необычным созданием, которое он сам принес на Землю много лет назад.

Такова была идея в общих чертах. Хотя здесь нет всего сюжета целиком, это может показать, как повествование обретает форму, начинаясь с простого наблюдения и приводя к созданию героев и ситуаций. Маленький сегмент произведения мог возникнуть под действием «вдохновения»; остальное в значительной мере может быть достроено путем логических размышлений.

Это требует некоторой сноровки. Я твердо уверен, что мог бы написать один и тот же сюжет дюжиной различных способов: как комедию, как трагедию, как нечто среднее между ними; с точки зрения второстепенного персонажа, в первом лице, в третьем лице, в другом времени и так далее. Но я также уверен, что для настоящих фантастических романов существует лишь один предпочтительный способ воплощения. Я чувствую, что материал может диктовать форму. Точное следование этому представляет для меня наиболее трудную и важную часть процесса написания произведения. Это находится вне всяких навыков, в области стетики.

Итак, я должен определить, какой подход мог бы наилучшим образом соответствовать тому впечатлению, кото-

рого я хотел бы достигнуть. Это, конечно, требует прояснения моих собственных ощущений.

Мой главный герой, Билли Сингер Черный Конь, хотя и родился в условиях, близких к первобытным, позднее получил высшее образование. Этого одного достаточно, чтобы создать внутри его некоторые конфликты. На его месте можно было бы отвергнуть свое прошлое или попытаться приспособиться к нему. Билл отверг очень много. Он был очень способным человеком, но он был побежден. Я решил дать ему возможность прийти к соглашению со всем в его жизни.

Я сказал, что это все задумывалось как роман о герое. Показ героя во всей сложности требовал какого-то действия. Его жизнь включала мифы, легенды, шаманство его народа, и так как подобный фон составляет неотъемлемый элемент характеристики героя, я попытался показать это, перемежая свое повествование пересказами различных отрывков из мифов навахо и других подходящих легенд. Я решил передать некоторые из них стихами, другие оставил в первоизданном виде, третьи лишь отдаленно связаны с традицией. Я надеялся, что это придаст книге особый интерес и поможет лучше обрисовать героя.

Возникла проблема, как ввести фон будущего, поскольку я уже достаточно обременил повествование вставками фольклорного материала. Мне нужно было найти способ отделить и сократить эти вставки, поэтому я украл прием из трилогии Дос Пассоса. Я ввел разделы «Диск», аналогичные его «Новостям» и «Фотохронике», — несколько страниц, разбросанных там и сям, составленных из газетных заголовков, репортажей, отрывков из популярных песен, чтобы придать повествованию аромат времени.

Этот прием позволил ввести множество примет фона без замедления повествования, и его необычный формат почти наверняка был достаточно интересен визуально усиливая любопытство читателей.

Развитие сюжета потребовало введения полудюжины второстепенных героев — и ни одного такого, которого я мог бы ввести без подробного описания. Остановки для того, чтобы сделать полнокровный портрет каждого — скажем, путем длинных описаний, — могли оказаться смертельными для романа, однако они появлялись по мере

необходимости. Таким образом, я рискнул нарушить главное правило писания. Почти в каждой книге о писательском ремесле вы можете прочитать: «Показывай. Не рассказывай». Это означает, что вы не просто рассказываете читателю, каков герой; вы показываете его, так как рассказ обычно отдаляет читателя и усиливает впечатление затянутости.

Я решил, что я не только расскажу читателям, что собой представляет каждый герой, я попытаюсь сделать это в интересной читателю манере. Такова была цель.

Если вы собираетесь нарушить правило, извлекайте из этого пользу. Нарушайте на полную катушку. Пользуйтесь этим. Превратите это в достоинство.

Я назвал разделы по имени каждого героя, поставил после имени запятую и написал одно длинное, сложное, описательное предложение, поместив его различные словосочетания и придаточные предложения на отдельные строки таким образом, что создавалась видимость стиха. Что касается моего раздела «Диск», я хотел сделать его достаточно интересным зрительно.

Следующая проблема в книге возникла, когда множество телепатов использовали свои способности для формирования составного мозга. Были причины, по которым я должен был показать этот мозг в действии. «Поминки по Финнегану» послужили мне хорошей моделью для потока сознания, который я хотел использовать для этого. В одном из романов Энтони Берджеса есть глава, которую можно было взять в качестве учебного пособия для творчества в этой манере. Я так и сделал.

Затем, чтобы достичь правдоподобия, я путешествовал по каньону Челли с гидом из племени навахо. Когда я писал кусок с действием, происходящим в каньоне, передо мной была карта, мои фотографии и археологические описания маршрута, по которому следовал Билл. Я надеялся, что такое использование реалистических деталей сможет уравновесить импрессионизм и ту радикальную технику изложения, которую я использовал в других частях романа.

Таковы некоторые из проблем, с которыми я столкнулся при написании «Глаза Кота», и некоторые способы решения их. Вообще говоря, большинство из вопросов, которые я задавал себе, и многие мысли, над которыми я ломал голову, возникали все время; только технические ре-

шения и конец этого произведения на этот раз отличались. В этом смысле я все еще занимаюсь самоплагиатом, используя свои ранние идеи. Ничего плохого в этом нет, если это приводит в конце концов к росту мастерства.

Из всего того, что я сказал, может показаться, что роман был в высшей степени экспериментальным. Он не был таковым. Основная тема была вне времени — размышления об изменении и приспособлении, о росте. В то время как научная фантастика часто имеет дело с будущим и рядится в экзотические костюмы, ее действительная, глубинная сущность включает человеческую природу, которая остается одинаковой в течение уже длительного времени и которая, я надеюсь, еще долго такой останется. Поэтому, в известном смысле, мы постоянно ищем новые способы для высказывания старых истин. Но человеческая природа — это неопределенность. Изменяется и адаптируется индивидуум, и это применимо как к писателю, так и к героям. Именно эти изменения — в самоощущении, восприятии, чувствительности — лежат в основе наиболее сильных и жизнеспособных произведений, каким бы способом они ни излагались.

ЛЕНТЫ ТИТАНА

Однажды я принял приглашение присутствовать в качестве почетного гостя на конвенции в Торонто, а позднее мне сообщили, что условием такого приглашения было мое обязательство написать рассказ для книжки, которая будет продаваться, чтобы собрать деньги на благотворительные цели. Мне представляется это равноценным тому, чтобы пригласить художника на обед, а затем попросить его расписать стену с целью благотворительности. Я зарабатываю себе на жизнь писательством, и время моего писания — мой доход. К счастью, у меня в это время была идея короткого легкого рассказа. И очень наглядная.

Это выглядело как полночная радуга — видимая нам освещенная солнцем половина колец Сатурна над золотым полюсом планеты. Картина напоминала еще что-то, но метафоры отнюдь не мое сильное место, и радуга надолго исчерпала мои способности в этой области.

Когда громадная, снабженная желобами пластина с темными секторами повернулась под нашим наблюдательным кораблем и черная лента проплыла через Северное

полушарие планеты, я услышал, как Соренсен сказал, перекрывая жуткие звуки из приемника:

— Мы засекали источник, сэр.

Я повернулся и посмотрел, как он — молодой, светловолосый, воодушевленный — перебирает листы, испещренные машинной графикой.

— Где он расположен?

— Рядом с внутренней стороной кольца С. Похоже, он совсем маленький.

— Гм, — заметил я. — И нет идеи, что бы это могло быть?

Он покачал головой:

— Никакой.

Это было странное асинхронное биение на фоне воя, тягучие звуки и случайные взрывы, так что все вместе звучало, как будто кто-то играл на валторне в пещере. К тому же передача велась на странной частоте. Фактически это было обнаружено в результате несчастного случая, когда микрометеорит попал в беспилотное устройство и привел в неисправность приемник.

Позднее на этот источник настроились. Наблюдения за ним велись в течение многих лет, но никакой связи с природным феноменом обнаружить не удалось. Таким образом, охота за этим источником была включена в длинейший список экспериментов и наблюдений, которые должны быть проведены в нашем, первом пилотируемом полете в эту область.

— Маккарти, — окликнул я навигатора, невысокого, темноволосого, вялого человека. — Найди-ка нам орбиту, которая была бы достаточно близка к этой штуке, чтобы получить хорошие снимки.

— Будет сделано, капитан, — сказал он, берясь за бумаги.

Позднее, когда мы были на подходящей орбите и набирали требуемую скорость, Соренсен заметил:

— Что-то происходит на Титане, сэр.

— Шторм? Ледяной вулкан?

Трудно сказать. Я только что заметил. Мощный центральный сферический завихрения

Я пожал плечами.

— Вероятно, шторм. Проверяй его периодически. Дай мне знать, если будет что-нибудь интересное

Однако следующей интересной вещью оказался сам источник звуков, за которым мы следили. Я дремал в своем кресле после проверки запаса корабельного спиртного на предмет порчи, когда Маккарти разбудил меня.

— Вам бы лучше взглянуть на это, капитан, — сообщил он мне.

— На что взглянуть? — пробормотал я.

— Мы, похоже, обнаружили подлинный внеземной механизм, — сказал он.

Я вскочил на ноги и бросился к экрану обзора, где увидел эту штуку целиком. Я не имел представления о ее масштабе, но это был темный металлический спутник, и выглядел он как два конуса, соединенные основаниями. Он парил над плоскостью кольца, и его нижний конец ослепительно светился, так что отблески падали на кольцо.

— Что это, черт побери, он делает?

— Не знаю. Он на параллельной орбите и испускает когерентный свет. Это определенно источник сигналов.

Я снова услышал звуки, которые, казалось, усиливались до крещендо.

— Капитан! — позвал Соренсен. — Возрастание активности на Титане. Скорее всего это в нижних слоях атмосферы.

— Брось Титан! Ты записываешь сигналы этой штуки?

— Да, но...

— Ты фиксируешь все, что можно?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Поговорим о Титане позже. Внеземной агрегат важнее метанового шторма.

— Слушаюсь, сэр.

Мы наблюдали в течение нескольких часов, и наше терпение было вознаграждено тем, что мы стали свидетелями внезапного маневра устройства. Ему предшествовало неожиданное прекращение всех сигналов. День за днем я слушал эти звуки, которые транслировались в рубку управления, ибо надеялся, что погружение позволит приблизиться к разгадке феномена. Было что-то привлекательное в повышении и понижении тона, неожиданных пассажах и глассандо. Когда звуки прекратились, я был буквально оглушен тишиной. Мое внимание, однако, было быстро привлечено другим, так как свет под спутником, который сейчас двигался внутри кольца С, внезапно погас.

Одновременно спутник взмыл вверх, ускоряясь в направлении, перпендикулярном плоскости кольца.

— Следите за ним! — закричал я. — Мы не можем позволить ему потеряться!

Маккарти и Соренсен бросились исполнять.

Может быть, мы сами привели в действие какое-нибудь устройство тревоги, установленное на нем?

— Он меняет курс, сэр! — воскликнул Соренсен.

— Не потеряй его, ради Бога!

— Похоже, он управляется изнутри.

— Может быть, — согласился я. — Как только ты установишь его курс, рассчитай наш так, чтобы следовать за ним.

— Хорошо, капитан. Между прочим, Титан...

— К черту Титан! Двигайся за спутником!

Это оказалось не слишком трудным. После пересечения системы колец устройство стало двигаться по новой орбите, расположенной в точности над тонким кольцом F.

Когда мы вышли на ту же орбиту, я повернулся к Соренсену и спросил:

— Ну вот и все. Что там с Титаном?

Он улыбнулся.

— Нечто похожее на большой корабль недавно поднялось над его атмосферой, сэр, — начал рассказывать он. — Сейчас он направляется к Северному полушарию Сатурна.

— Что?

— Он тянет за собой большой плоский круглый металлический объект.

— Ты зафиксировал это?

— О да. Я все записывал.

— Дай-ка я гляну.

Он придвинулся к экрану и начал печатать запрос на клавиатуре.

— Вот особенно удачная серия изображений, — сказал он и ударил по клавише. Плывущее пятно стало двигаться медленнее. — Здесь.

Я увидел корабль клиновидной формы над полосатым и пятнистым золотом планеты. За ним медленно поворачивался гигантский диск, о котором говорил Соренсен. Несколькими секундами позднее свет упал таким образом, что обнаружилось...

Палец Соренсена опять стукнул по клавише, и картина остановилась.

На диске было изображение. Гигантское четырехглазое лицо, пара коротких антенн торчала из высокого лба. Я потряс головой.

— Что происходит? — спросил я его.

Он переключился от записи к позиции корабля на данный момент, обнаружив, что он переместился ближе к планете.

Мы долгое время ожидали, пока он не устроится на нужной ему орбите. Мы выжидали. Он выжидал.

Вдруг Маккарти воскликнул:

— Что-то происходит!

Свежая порция адреналина снова бросила нас к экрану. Диск отделился от корабля, и пока он двигался по направлению к планете, корабль ускорялся.

Мы изумленно наблюдали, как диск спускался в зону темной полосы, которую мы заметили раньше. Полоса сузилась и вскоре исчезла, а корабль обогнул планету и взял курс назад к Титану.

— Капитан! — сказал Маккарти. — Спутник!

— Что с ним? — спросил я, идя к экрану с изображением.

Но он не ответил, так как я все увидел своими глазами. Устройство снова начало медленно двигаться, пересекая кольцо *F*. Через некоторое время оно стало парить над дальней стороной кольца *A*. Оно испустило яркую вспышку лазера, сфокусировавшуюся на желобе.

Долго молчавший приемник, все ещё остававшийся на прежней частоте спутника, внезапно ожил, его связь с громкоговорителями корабля не была нарушена. Громкоговорители принесли нам вой, треск, рев, грохот.

Позднее мы послали зонд вниз за темные тучи Титана рядом с тем местом, откуда поднялся клиновидный корабль и куда он вернулся. Зонд прислал следующую картину: под красными облаками, в тумане, на берегах метанового моря раскачивались и крутились циклопические фигуры; вокруг них, как конфетти, падали огненные хлопья.

МАННА НЕБЕСНАЯ

Эта история, написанная на заказ, появилась в сборнике «Магия может вернуться», нечто вроде продолжения книги «Магия уходит прочь» Ларри Найвена. Так же как и Фред Сейберхэген в «Базе берсерков», Ларри открыл свою собственную вселенную и пригласил некоторых из нас войти и присоединиться. Я вошел и начал танец. Как ни странно, рассказ пытался убежать от меня. Так бывает не часто, но я хотел написать маленький рассказ, а он все норовил превратиться в роман. Я был тверд. Я победил. Предлагаю вам результат.

Я ничего не чувствовал в этот неудачный полдень, поскольку, как я думаю, мои чувства были притуплены. Был благоуханный солнечный день, и только легкие облака виднелись у линии горизонта. Может быть, меня убаюкали некоторые приятные изменения в заведенном порядке вещей. В какой-то степени я отвлекся от своих подсознательных ощущений, отключил, так сказать, систему раннего оповещения... Этому, я полагаю, содействовало то, что долгое время я не ощущал никакой опасности и был уверен, что надежно укрыт. Был прелестный летний день.

Широкое окно моего кабинета открывало вид на океан. Вокруг царил обычный беспорядок — открытые коробки с торчащим упаковочным материалом, различные инструменты, кучи тряпок, бутылки с чистящими составами и восстановителями для разных поверхностей. И, конечно, покупки: некоторые из них еще стояли в упаковочных корзинах и коробках, другие выстроились на моем рабочем столе, который тянулся вдоль всей стены. Окно было открыто, и вентилятор направлен так, что пары химикалий могли быстро выветриваться. Доносилось пение птиц, далекий шум автомобилей, иногда ветер.

Мой кофе остывал так долго на столике у двери, что стал привлекательным разве что для какого-нибудь вкусового мазохиста. Я поставил его утром и не вспомнил о нем, пока мой взгляд случайно не натолкнулся на чашку. Я работал без перерывов, день был очень удачный. Важная часть работы закончена, хотя остальные работники музея вряд ли что-нибудь заметили. Теперь время отдыха, праздника, наслаждения всем тем, что найдено.

Я взял чашку с остывшим кофе. Почему бы нет? Несколько слов, простой жест...

Я сделал глоток ледяного шампанского. Чудесно.

Я подошел к телефону, чтобы позвонить Элайне. Этот день стоил того, чтобы его отпраздновать более пышно. Когда моя рука готова была коснуться телефонной трубки, раздался звонок. Я поднял трубку.

— Алло? — сказал я.

Нет ответа.

— Алло?

Опять ничего. Нет... Кое-что.

Нечто таинственное, на фоне случайного шума...

— Говорите или положите трубку, — сказал я.

Неузнаваемый глубокий голос медленно произнес:

— Феникс — Феникс — горящий — ярко, — услышал я.

— Зачем звонить мне, болван?

— Оставайся на связи. Ты — это он.

Разговор оборвался.

Я несколько раз нажал на кнопку, вызывая телефонную станцию.

— Элси, — спросил я, — мне только что звонил кто-то. Что он сказал — буквально?

О чем ты? — сказала она. — Тебе не звонили целый день, Дэйв.

— Ах так.

— С тобой все в порядке?

— Короткое замыкание или что-то в этом роде, — ответил я. — Спасибо.

Я допил остатки шампанского. Это уже не было удовольствием, а скорее напоминало работу по уборке. Я тронул пальцами тектитовый кулон, который был на мне, ремennую пряжку из грубо обработанной лавы, коралл на ремешке часов. Я открыл кейс и переложил туда предметы, которые я обычно использовал. Кое-что я положил в карман.

В этом не было смысла, но я знал, что это существует в реальности. Я упорно думал. У меня до сих пор не было ответа, после всех этих лет. Но я знал, что это означает опасность. И я знал, что она может принять любую форму.

Я захлопнул кейс. По крайней мере, это произошло сегодня, а не, скажем, вчера. Я подготовился лучше.

Я закрыл окно и выключил вентилятор. Может быть, мне стоит направиться к своему тайнику. Конечно, именно этого от меня и ожидали.

Я прошел в холл и постучал в полуоткрытую дверь босса.

— Входи, Дэйв. Что случилось? — спросил он.

Майк Торли, мужчина лет сорока, уса́тый, хорошо одетый, улыбающийся, положил лист бумаги и взглянул на потухшую трубку в большой пепельнице.

— Небольшие сложности в жизни, — сообщил я. — Ничего, если я уйду сегодня пораньше?

— Конечно. Надеюсь, ничего серьезного?

Я пожал плечами:

— Я тоже надеюсь. Но мне могут понадобиться несколько дней.

Он пожевал губами, затем кивнул:

— Ты позвонишь?

— Конечно.

— Мне бы хотелось поскорее разобраться с этими африканскими экспонатами.

— Верно. Очень интересные экземпляры.

Он поднял обе руки.

— Хорошо. Делай, что тебе нужно.

— Спасибо.

Я повернулся, чтобы выйти, но тут вспомнил.

— Еще одно... — сказал я.

— Да?

— Кто-нибудь спрашивал обо мне?

Он начал было отрицательно качать головой, затем остановился.

— Никто, если не считать репортера.

— Какого репортера?

— Парня, который звонил на днях. Он пишет о наших новых поступлениях. Твое имя, конечно, упоминалось, и он задал несколько общих вопросов — как долго ты работаешь здесь, откуда ты. Ну, ты понимаешь...

— Как его имя?

— Вольфганг или Уолфорд. Что-то в этом духе.

— Какая газета?

— «Таймс».

Я кивнул:

— Хорошо. До скорого.

— Счастливо.

Из вестибюля я позвонил в газету. Конечно, среди работающих там не было никого по имени Вольфганг или Уолфорд. Никаких статей на эту тему. Я обдумывал, не позвонить ли мне в другую газету на тот случай, если Майк ошибся, когда меня похлопали по плечу.

Должно быть, я повернулся слишком быстро и выражение моего лица несколько отличалось от ожидаемого, так как ее улыбка исчезла, и на лице отразился испуг.

— Элайна! Ты меня испугала. Я не ожидал...

Улыбка вернулась на ее лицо.

— Ты ужасно нервный, Дэйв. Что ты собираешься делать?

— Проверяю, не готовы ли мои вещи в чистке. Никак не думал, что это могла быть ты.

— Я знаю. Очень мило с моей стороны, не правда ли? Такой замечательный день, что я решила пораньше освободиться и напомнить тебе, что у нас сегодня в некотором роде свидание.

Мои мысли крутились, даже когда я положил руки ей на плечи и повернул ее по направлению к двери. Насколько опасно для нее может быть, если я проведу с ней несколько часов при ясном дневном свете? Я все равно собирался пойти поест куда-нибудь, однако нужно быть на-

стороже. Ее присутствие могло бы усыпить внимание того, кто за мной наблюдает, и оставить его при мысли, что если я не принял звонок всерьез, значит, я не тот, кому он предназначен. Подумав так, я понял, что жажду чьего-нибудь общества. И так как мой внезапный отъезд стал необходимым, я был не против ее компании.

— Да, — сказал я. — Великолепная идея. Давай возьмем мою машину.

— Ты не должен где-нибудь отметить или что-нибудь в этом роде?

— Я уже сделал это. У меня было такое же чувство, как и у тебя. Я собирался позвонить тебе после того, как зайду в чистку.

Не было похоже, что за нами следят.

— Я знаю хороший ресторанчик в сорока милях отсюда. Бездна воздуха. Прекрасная рыба, — сказал я, когда мы спускались по парадной лестнице. — Это может быть замечательно.

Мы направились к автостоянке рядом с музеем.

— Там рядом у меня коттедж на берегу, — сказал я.

— Ты никогда не говорил о нем.

— Я редко там бываю.

— Почему? Звучит очень заманчиво.

— Мне немного не по пути.

— Зачем же ты купил его?

— Мне он достался по наследству.

Я замолчал в ста шагах от моей машины и сунул руку в карман.

— Смотри!

Двигатель завелся, машина задрожала.

— Как... — начала она.

— Маленький микроволновый передатчик. Я могу завести ее, не садясь.

— Ты опасаясь бомбы?

Я покачал головой:

— Мне нравится. Ты знаешь, как я люблю всякие штучки.

Конечно, я хотел проверить возможность бомбы. Это естественная реакция любого в моем положении. К счастью, я убедил ее в моем пристрастии ко всяким штучкам еще в самом начале знакомства — на случай непредвиденных обстоятельств, вроде этого. Конечно, в моем кармане

не было микроволнового передатчика. Просто еще один инструмент.

Я открыл дверцы, и мы уселись.

Я внимательно наблюдал, пока мы ехали. Ничего, никого, кто мог бы преследовать нас. «Оставайся на связи. Ты — это он». Предполагалось, что я потеряю голову и побегу? Попытаюсь атаковать? Если так, то что? Кого?

Собирался ли я бежать сломя голову? В глубине моего мозга я увидел, что возможность побега начинала приобретать очертания.

Как долго, как долго это длилось? Годы. Побег. Новая индивидуальность. Длинный период почти нормального существования.

Нападение... Снова побег. Все сначала.

Если бы у меня хоть была идея, кто это, я мог бы атаковать. Однако, не зная этого, я должен был избегать компании всех моих приятелей — единственных, кто мог бы дать мне ключ к разгадке.

— Ты выглядишь больным от этих дум, Дэйв. Это не может быть из-за чистки, правда?

Я улыбнулся ей:

— Просто дела, от которых мне хотелось бы быть дальше. Спасибо, что напомнила мне.

Я включил радио и нашел какую-то музыку. Как только мы выехали за город, я начал расслабляться. Когда мы достигли дороги, ведущей вдоль берега, стало понятно, что нас никто не преследует. Некоторое время мы двигались вверх, затем спустились. У меня начало покалывать в ладонях, когда я натолкнулся на полосу тумана в очередной низине. Почувствовав прилив бодрости, я впитывал его энергию. Потом я принялся рассуждать об африканских находках, об их мировом значении. На время я забыл свои проблемы. Это продолжалось, вероятно, около двадцати минут, до передачи новостей. Я излучал благожелательность, теплоту и нежность. Я мог наблюдать, как Элайна тоже начала радоваться. Это была обратная связь. Я чувствовал себя все лучше. Вдруг...

— ...новое извержение, которое началось сегодня утром, — донеслось из динамика. — Внезапная активность Эль-Чинчонала требует немедленной эвакуации с площади около...

Я потянулся и усилил звук, прервав на полуслове историю о путешествии в Альпах.

— Что? — спросила она.

Я поднес палец к губам.

— Вулкан, — объяснил я.

— Что с ним?

— Они мне очень нравятся.

Когда я запомнил все факты насчет извержения, я начал оценивать ситуацию. Мой сегодняшний телефонный разговор явно имел отношение к этому...

— Сегодня утром показывали хорошие виды его жерла, — сказала она, когда новости закончились.

— Я не смотрел. Но я видел, как это происходит, раньше.

— Ты посещал вулканы?

— Да, когда они извергаются.

— Ну, это действительно странное хобби, и ты никогда прежде не говорил об этом. Сколько же вулканов ты посетил?

— Большинство из них, — ответил я, не слушая дальше. Вызов приобретал очертания. Я осознал, что на этот раз я не собираюсь бежать.

— Большинство из них? — сказала она. — Я где-то читала, что их около сотни, причем некоторые находятся в труднодоступных местах. Как Эребус...

— Я был на Эребусе. — И тут до меня дошел смысл моих слов. — Во сне, конечно, — закончил я. — Маленькая шутка.

Я засмеялся, но она лишь слегка улыбнулась.

Хотя это не имело значения. Она не могла бы навредить мне. Мало кто мог. Все равно мне скоро придется расстаться с ней. После сегодняшнего вечера я должен забыть ее. Мы не будем больше встречаться. Хотя я по своей природе мягок, то, что происходило со мной, было вне сантиментов. Я не хотел причинять ей вред: легче легкого сделать так, чтобы она забыла.

— Я действительно нахожу определенные стороны геофизики привлекательными.

— Одно время я занималась астрономией, — сообщила она. — Я могу понять.

— В самом деле? Астрономией? Ты никогда не говорила мне об этом.

— Неужели?

Я начал обдумывать положение, разговор тек самопроизвольно. Когда мы расстанемся — вечером или утром, — мне надо отправляться в путь. В Виллаэрмосу. Мой противник будет ждать — в этом я был уверен. «Оставайся на связи. Ты — это он». «Это твой шанс. Приходи и победи меня, если не боишься».

Конечно, я боялся.

Но я слишком долго убегал. Я должен буду пойти, покончить с этим для своего спокойствия. Кто знает, когда у меня будет другая возможность? Я достиг состояния, когда любой риск был оправдан, чтобы выяснить, кто он, и получить шанс отомстить. Все приготовления я сделаю позже, в коттедже, когда она будет спать.

— У тебя есть пляж? — спросила она.

— Да.

— Там пусто?

— Совершенно. Почему ты об этом спрашиваешь?

— Было бы замечательно поплавать перед обедом.

Мы остановились у ресторана, забронировали столик, затем отправились на пляж. Вода была изумительная.

День перешел в прекрасный вечер. Мы сидели за моим любимым столиком, стоявшим в патио, и любовались горами. В воздухе разливался аромат цветов. Ветерок появился вовремя. То же самое можно было сказать об омаре и шампанском. Внутри ресторана тихо звучала прекрасная музыка. За кофе я обнаружил ее руку под моей. Я улыбнулся. Она улыбнулась в ответ.

— Как ты это делаешь, Дэйв? — спросила она.

— Что?

— Гипнотизируешь меня.

— Природное обаяние, я полагаю, — ответил я, смеясь.

— Это не то, что я имею в виду.

— Что же это? — сказал я серьезно.

— Ты даже не заметил, что я больше не курю.

— Да, правильно! Поздравляю. Как долго это продолжается?

— Пару недель, — ответила она. — Я ходила к гипнотизеру.

— О, неужели?

— Да, да. Я оказалась очень восприимчивой. Он не мог поверить, что я никогда не испытывала гипноза. Тогда он прошупал немного вокруг и получил описание тебя, приказывающего мне кое-что забыть.

— Да ну?

— Да, да, в самом деле. Хочешь узнать, что я помню из того, что прежде не помнила?

— Расскажи.

— На волоске от несчастного случая, поздно ночью, примерно месяц назад. Другая машина даже не замедлила хода перед светофором. Твоя поднялась в воздух. Потом я помню, как мы стоим на обочине и ты приказываешь мне забыть. Я забыла.

Я хмыкнул:

— Любой гипнотизер с большим опытом может сказать тебе, что состояние транса не является гарантией от фантазий, а галлюцинации, вызванные в гипнотическом состоянии, кажутся более реальными, чем действительность. Другое объяснение...

— Я помню звук, с которым антенна той машины стукнулась о правое заднее крыло твоей и отломалась.

— Могут быть и звуковые галлюцинации.

— Я посмотрела, Дэйв. На крыле есть отметина. Похоже на след от антенны.

Проклятье! Я хотел бы отложить это копание.

— Я получил эту отметину при парковке.

— Будет тебе, Дэйв.

Должен ли я пресечь все это и сделать так, чтобы она все забыла? Я сомневался. Может быть, это было бы проще всего.

— Неважно, — наконец сказала она. — Послушай, это действительно неважно для меня. Иногда происходят необычные вещи. Если ты имеешь к ним отношение, ну что ж. Меня беспокоит лишь то, что ты не доверяешь мне...

Доверие? Это именно то, что превращает вас в мишень. Как Протей, когда Амазонка и Священник собирались покончить с ним.

— ...а я так долго доверяла тебе.

Я убрал свою руку. Отпил глоток кофе. Не здесь. Я отвлеку ее мысли на другое — немного позже. Внушу ей, что от гипнотизеров надо держаться подальше.

— Хорошо. Я думаю, ты права. Но это длинная история. Я расскажу ее, когда мы вернемся в коттедж.

Ее рука нашла мою, и я посмотрел ей в глаза.

— Спасибо, — сказала она.

Мы ехали назад под безлунным небом, усыпанным звездами. Это была немощеная дорога, ныряющая в низины, поднимающаяся, петляющая среди густого кустарника. Жужжание насекомых проникало через открытые окна вместе с соленым запахом моря. На мгновение, только на одно мгновение я подумал, что ощущаю странный звон в ушах, но это могло быть из-за ночи и шампанского. Больше это ощущение не приходило.

Мы подъехали к дому, остановились и вылезли из машины. Я молча отключил мою невидимую охрану. Мы подошли к дому, я открыл дверь и включил свет.

— У тебя никогда не было неприятностей здесь? — спросила она.

— Что ты имеешь в виду?

— Людей, которые взламывают двери, переворачивают все вверх дном, все рушат?

— Нет.

— Почему нет?

— Наверное, удача.

— В самом деле?

— Ну... все это защищено очень специфическим способом. Подожди, пока я приготовлю кофе.

Я прошел на кухню, достал кофейник, засыпал кофе, налил воды и поставил на огонь. Затем я направился к окну, чтобы открыть его и впустить свежий воздух.

Внезапно моя тень на стене обозначилась четче.

Я резко повернулся.

Пламя отошло от горелки, поднялось в воздух и начало расти. Элайна вскрикнула, когда я повернулся, и пламя стало заполнять комнату. Я увидел, что от него отделились колеблющиеся существа огненной стихии, пламя разорвалось на части и подобно торнадо пронеслось через коттедж. В одно мгновение все было охвачено огнем, и я услышал его трескучий смех.

— Элайна! — я звал, мчась вперед, так как я видел, что она превратилась в огненный столб.

Всех вещей в карманах плюс побрякушек на поясе, быстро подсчитывал я, вероятно, хватит, чтобы справиться с этим. Конечно, энергия в них запасалась раньше, в ожидании момента, когда ее можно будет использовать тем или иным образом. Я произнес слова, которые могли бы вскрыть носители энергии и высвободить силы.

Затем я исполнил изгнание.

Пламя улетучилось мгновенно. Но дым и запах остались.

...Элайна лежала, всхлипывая; одежда и кожа ее покрылись пеплом, конечности подергивались... Все открытые участки тела стали темными и чешуйчатыми, кровь начинала проступать через трещины на коже.

Я выругался, когда восстанавливал охрану. Я создал ее, чтобы защитить дом в мое отсутствие. Я никогда не пользовался ею, когда был внутри. А надо бы. Кто бы ни сделал это, он находился поблизости. Мой тайник помещался в подвале футах в двадцати под коттеджем — достаточно близко, чтобы использовать множество источников энергии, даже не выходя за ними. Я мог бы освободить их энергию, как я только что поступил с тем, что у меня было. Я мог бы использовать ее против врага. Да. Это был шанс, которого я ждал.

Я бросился к кейсу и открыл его. Мне нужна была энергия, чтобы добраться до энергии и пользоваться ею. Манна из артефактов, которую я добыл, была запасена в моих собственных устройствах. Я получил скипетр и державу. Наконец, мой враг, ты сейчас получишь свое! Будешь знать, как нападать на меня!

Элайна стонала...

Я выругал себя за слабость. Если мой неприятель проверял меня, чтобы определить, не стал ли я слабее, он мог бы получить утвердительный ответ. Она не была чужой, и она сказала, что доверяет мне. Я не могу ее оставить в беде. Я начал заклинание, которое должно было опустошить большинство моих силовых объектов, чтобы исцелить ее.

Это заняло почти час. Я погрузил ее в сон. Остановил кровотечение. Я наблюдал, как образуются новые ткани. Я вымыл ее и одел в спортивную рубашку и слаксы, которые достал из прикроватного шкафчика, уцелевшего от огня. Я дал ей поспать подольше, пока все прибрал, открыл окна и начал готовить кофе.

И вот я стою рядом со старым креслом, покрытым пледом, в котором она лежит. Если я сделал нечто хорошее и благородное, то почему я себя так глупо чувствую? Вероятно, из-за того, что это было не в моем стиле. Я наконец-то убедился, что не полностью стал рабом рассудка, хотя все во мне возмущалось при мысли о том, сколько манны потрачено на ее выздоровление.

Да... Теперь придумай, как все это объяснить.

Действительно, как? Хороший вопрос. Я мог бы удалить из ее мозга память о происшедшем и внедрить какую-нибудь подходящую историю — утечка газа, например. Возможно, она поверит. Я мог бы так сделать. Наверно, это самое простое.

Мое негодование внезапно улетучилось, сменившись чем-то другим, когда я понял, что не хочу поступать так. Я хотел конца моего одиночества. Она доверяла мне. Я чувствовал, что мог бы доверять ей. Мне нужен был кто-то, с кем бы я мог поговорить.

Она открыла глаза, и я передал ей чашку кофе.

— Привет, — сказал я.

Она уставилась на меня, затем медленно повернула голову и оглядела комнату со следами происшедшего. Ее руки начали дрожать. Но она поставила чашку на маленький столик самостоятельно и не позволила мне помочь. Затем осмотрела свои руки. Ощупала лицо.

— Все в порядке, — сказал я.

— Каким образом?

— Это та же история. Ты видела ее начало.

— Что это было?

— Это часть ее.

— Хорошо, — сказала она, беря чашку более уверенно и отпивая глоток. — Послушаем историю.

— Я волшебник. Прямой потомок древних магов Атлантиды.

Я остановился, ожидая вскрика или возражения. Их не последовало.

— Меня научили всему родители, — продолжал я, — давным-давно. Основой всего является манна, вид энергии, находящейся во многих предметах. Когда-то мир был переполнен ею. Она была основой целой цивилизации. Но с ней произошло то, что и с другими природными ресурсами. Однажды она исчерпалась. И магия ушла. Большая

ее часть. Атлантида затонула. Творения магии захирели и погибли. Изменилась сама структура мира, приведя к тому, что он кажется гораздо старше, чем есть на самом деле. Старые боги ушли. Волшебники, те из них, кто манипулировал манной для магии, оказались не у дел. Вслед за этим последовали настоящие темные века, прежде чем началась та цивилизация, о которой мы знаем из исторических книг.

— Эта ушедшая цивилизация не оставила никаких записей о себе?

— Вместе с уходом произошли изменения. Записи были переписаны на натурально выглядевшие камни и окаменелости, были рассеяны, скрыты при наступлении морей.

— Допустим, что все это так, — сказала она, отпивая кофе, — но если энергия ушла, если здесь ничего не осталось, как можешь ты быть волшебником?

— Но она ушла не вся. Небольшие источники сохранились, появились новые и...

— ...и вы боретесь за них? Те из вас, кто остался?

— Не совсем так. Нас не так уж и много. Мы удерживаем наше число на постоянном уровне, так что никто не голодает.

— Голодает?

— Своего рода иносказание. Означает достаточное количество манны для поддержания души в теле, предотвращения старения, поддержания здоровья и наслаждения прекрасным.

— Вы можете омолаживаться? Сколько же тебе лет?

— Не задавай глупых вопросов. Если мои запасы истощатся и вокруг не будет больше манны, я постарею быстро. Но мы умеем разыскивать ее, собирать и хранить. Она может быть запасена в различных объектах или, даже лучше, укрываться в особых заклинаниях, похожих на телефонный номер владельца без последней цифры. Чары, которые поддерживают чье-то существование, всегда очень важны.

Она улыбнулась:

— Должно быть, ты очень много потратил на меня.

Я посмотрел в сторону.

— Да.

— Итак, ты не можешь оставить все это, стать нормальным человеком и продолжать жить?

— Нет.

— А все-таки, что это было? Что произошло здесь?

— Мой враг напал на меня. Мы выжили.

Она сделала большой глоток, откинулась назад и закрыла глаза.

— Может ли это произойти снова?

— Вероятно. Если я позволю.

— Что ты имеешь в виду?

— Это был скорее вызов, а не настоящее нападение. Мой неприятель устает от игры и хочет покончить со всем.

— Ты собираешься принять вызов?

— У меня нет выбора. Разве что сидеть и ждать, что снова что-нибудь произойдет, на этот раз похуже.

Она слегка вздрогнула.

— Прости, — сказал я.

— У меня такое чувство, что и я могла бы сказать это.

Она допила кофе, поднялась, подошла к окну и выглянула.

— Что будем делать? — спросила она, поворачиваясь и глядя на меня.

— Я собираюсь поместить тебя в безопасное место и уйти — на некоторое время. — Мне казалось необходимым произнести последние слова, хотя я сомневался, что мы когда-нибудь увидимся.

— Ты мерзавец, — сказала она.

— Да? Что это значит? Ты хочешь быть в безопасности или нет?

— Если твой неприятель думает, что я для тебя что-нибудь значу, я очень уязвима, — объяснила она.

— Может быть...

Конечно, ее можно погрузить в недельный транс и поместить в подвал под мощную защиту. Так как моя магическая сила еще не совсем ушла, я поднял одну руку и посмотрел ей прямо в глаза.

Почему она уклонилась, я точно не знаю. Она отвела глаза и устремилась к книжному шкафу. Когда она повернулась, она держала старую костяную флейту, которая лежала там очень давно. Я удержался от того, чтобы выругаться. Она держала запаасающий энергию предмет, один

из многих лежащих в комнате и один из немногих, которые я не опустошил только что.

— Что ты собираешься делать? — спросил я.

— Я пока не знаю. Но я не позволю тебе убрать меня при помощи твоего чародейства.

— Откуда такие подозрения?

— Просто чувствую.

— Ну ладно, черт побери, ты права. Мы были вместе слишком долго. Ты можешь читать мои мысли. Хорошо, положи эту штуку на место, и я ничего не буду с тобой делать.

— Этому можно верить, Дэйв?

— Я полагаю, да.

— Я боюсь, ты можешь пренебречь обещанием и стереть мою память.

— Я держу свои обещания.

— Хорошо. — Она положила флейту на место. — Что мы теперь будем делать?

— Я все-таки поместил бы тебя в безопасное место.

— Исключено.

Я вздохнул:

— Я должен направиться туда, где извергается этот вулкан.

— Бери два билета.

В этом не было необходимости. У меня есть свой собственный самолет и права на управление. Даже несколько самолетов, размещенных в различных местах. Есть у меня и корабли.

— Манна присутствует в облаках и тумане, — объяснил я ей. — В случае нужды я использую свои средства передвижения, чтобы запасти ее.

Мы медленно двигались сквозь облака. Я уже пролетел довольно много, но это было необходимо. Даже после того как я собрал все, что было под руками, у меня было слишком мало манны для начальной защиты и нескольких ударов. Мне нужно было набрать еще немного. Дальше это не будет иметь значения. Мой противник и я можем подключиться к одному и тому же источнику. Нужно только добраться до него.

Итак, я долго кружил в тумане, собирая манну. Я концентрировал ее в защитном заклинании.

— Что произойдет, когда она вся исчезнет? — спросила она, когда я делал вираж и поднимался для последнего захода.

— Что?

— Манна. Вы все исчезнете?

Я усмехнулся.

— Этого не может быть. Ни с кем из нас. Сколько тонн метеоритов, как ты думаешь, падают на землю каждый день? Они увеличивают фоновый уровень почти непрерывно. И большинство из них падают в океаны. Тем самым обогащаются берега. Именно поэтому я люблю быть у моря. Покрытые туманами вершины гор аккумулируют манну. Это тоже хорошие места для пополнения запасов. Всегда образуются новые облака. Смысл нашей жизни больше чем простое выживание. Мы ожидаем, когда количество манны достигнет уровня, на котором она будет образовывать большие поля. Тогда мы перестанем зависеть от запасующих заклинаний и аккумуляторов манны, так как она будет повсюду. И магия возродится.

— Тогда вы истощите ее снова и очутитесь в прежнем положении.

— Вполне возможно. Если мы ничему не научились, это может произойти. Мы войдем в новый золотой век, будем зависеть от нее, забудем свое прежнее умение, снова исчерпаем манну и придем к следующему темному времени. До тех пор...

— До тех пор, пока что?

— До тех пор, пока мы кое-чему не научимся. Нам нужно знать скорость истощения запасов манны и учитывать эти знания в своей жизни. Мы должны развивать и сохранять технологию, которая сберегает манну. Наш опыт этого столетия с физическими ресурсами может оказаться очень полезен. Но есть и надежда, что некоторые космические области могут быть более богатыми манной или располагать возможностью ее накопления. Именно поэтому мы ожидаем программы исследования космического пространства — чтобы достичь других миров, богатых тем, в чем мы нуждаемся.

— Звучит так, будто вы все уже разработали.

— У нас было много времени, чтобы подумать над этим.

— А какой могла бы быть ваша связь с теми, кто не сведущ в магии?

— Благотворной. Мы все выиграем от этого.

— Ты говоришь за себя или за других тоже?

— Большинство других должны чувствовать то же самое.

— Ты говорил, что довольно давно не общался с ними.

— Да, но...

Она покачала головой и отвернулась поглядеть на туман.

У меня не было возможности найти хорошую посадочную площадку, поэтому я выбрал более или менее ровное место и приземлился.

Мы вылезли из машины и начали двигаться к скалистому дымящемуся кратеру на горизонте.

— Мы никогда не дойдем до него, — сказала она.

— Ты права. Хотя я это не планировал. Если время выбрано правильно, кое-что еще себя проявит.

— Что ты имеешь в виду?

— Ожидай и наблюдай.

Мы прошли несколько миль, никого не встретив. Дорога была теплой и пыльной, с внезапными колебаниями почвы. Вскоре я почувствовал движение манны и набрал ее.

— Возьми меня за руку, — сказал я.

Я произнес слова, нужные для того, чтобы мы могли лететь в нескольких футах над скалистой местностью. Мы заскользили по воздуху, и энергия вокруг нас увеличивалась по мере того, как мы приближались к своей цели. Я использовал ее, произнося заклинания, увеличивающие нашу скорость, воздвигающие вокруг нас защитные поля, предохраняющие нас от жары и падающих обломков.

Небо потемнело от пепла и дыма задолго до того, как мы начали подъем. Вначале уклон был небольшим, но резко возрастал по мере того, как мы двигались вперед. Я применял разнообразные заклинания, открывающие и закрывающие, связывая манну словом и жестом.

— Двигайся, двигайся и коснись кого-нибудь, — бормотал я, когда видимый мир появлялся и исчезал в клубящихся облаках.

Мы попали в зону, где чуть не задохнулись, если бы не защитное поле. Шум становился все сильнее. Вне поля, наверное, было достаточно жарко. Когда наконец мы добрались до края, темные массы поднимались за нами и молнии прорезывали облака. Впереди и ниже раскаленные массы бурлили и перемешивались посреди взрывов.

— Все в порядке! — крикнул я. — Я заряджу все вещи, которые я принес, и запасу еще больше манны в целой библиотеке заклинаний. Устраивайся поудобнее!

— Ага, — сказала она, облизывая губы и смотря вниз. — Я так и сделаю. А как насчет твоего врага?

— Никого не было видно — и здесь слишком много свободной манны. Я буду настороже и приму в расчет ситуацию. Ты тоже наблюдай.

— Ладно. Это безопасно?

— Так же как езда в автомобиле по дорогам Лос-Анджелеса.

— Грандиозно, — заметила она, когда громадная скала обрушилась позади нас.

Мы разделились. Я оставил ее внутри защитного поля, прислонившуюся к выступу скалы, и двинулся вправо, чтобы проделать ритуал, который требовал большей свободы движений.

Тут сноп искр возник в воздухе передо мной. В этом не было ничего необычного, пока я не понял, что он висит необычно долго. Через некоторое время он стал рассеиваться.

— Феникс, Феникс, горящий ярко! — Слова гудели, перекрывая адский шум.

— Кто меня зовет? — спросил я.

— У кого есть сильнейшая причина причинить тебе вред?

— Если бы знал, я бы не спрашивал.

— Тогда поищи ответ в аду!

Стена пламени ринулась навстречу мне. Я произнес слова, усилившие мою защиту. Но и после этого я покачнулся в защитном шаре, когда он ударил. Как я понял, нанести ответный удар было очень непростым делом.

— Пусть будет смертельным! — закричал я, призывая удар молнии по тому месту, где кружились искры.

Хотя я отвернулся и прикрыл глаза от яркого света, я чувствовал его присутствие кожей.

Мой энергетический шар продолжал качаться, когда я прищурился и посмотрел вперед. Воздух передо мной очистился, но впереди что-то темнело и...

Какое-то существо — грубая человекообразная форма из полузастывшей лавы — обхватило пространство вокруг меня и сжимало его. Мое заклинание выдержало, но я оказался на краю кратера.

— Это не работает, — сказал я, пытаюсь разрушить существо.

— Черт тебя побери! — донесся голос далеко сверху.

Я быстро понял, что существо из лавы защищено от простых заклинаний. Отлично, теперь он швыряет меня вниз. Я мог бы взлететь. Феникс может подняться снова. Я...

Я перевалился через край кратера и начал падать. Положение было не из легких.

Расплавленное существо сжимало мой защитный пузырь. Магия есть магия, а наука есть наука, но здесь есть определенные связи. Чем большую массу вы хотите сдвинуть, тем больше манны вы должны потратить. Итак, перевалившись через край, я падал в огненную яму, несмотря на левитирующее заклинание, которое могло бы поднять меня при других обстоятельствах. Я немедленно начал творить другое заклинание, которое должно было придать мне добавочную плавучесть.

Но когда я окончил, то увидел, что мне что-то мешает — другое заклинание, которое увеличивает массу моей ноши. За исключением небольшой области между моими ступнями, через которую я видел бурлящее озеро огня, я был полностью окружен текущей массой. Я мог подумать о единственном выходе, который у меня оставался, но я не знал, хватит ли у меня времени.

Я начал заклинание, которое могло бы превратить меня в искрящийся вихрь, подобный тому, каким был мой противник. Когда я закончил его, я снял мое защитное заклинание и потек.

Скользя по искажаемой жаром поверхности лавы, я проскочил мимо тяжеловесного существа и уже поднимался с возрастающей скоростью, подталкиваемый волнами

жара, когда оно ударило по поверхности лавы и исчезло. Я добавил собственной энергии и двинулся вверх, через клубы дыма и пара, мимо вспышек лавовых ядер.

Я придал вид птицы моим светящимся вихрям, я упиался манной, я испустил длинный, идущий изнутри нарастающий крик. Я распростер крылья по силовым линиям, ища моего противника, как только достиг края кратера...

Никого. Я устремлялся вперед и назад, я описал круг: Его или ее не было.

— Я здесь! — кричал я. — Покажись мне!

Но никто не ответил. Лишь новые взрывы лавы внизу.

— Приходи! Я жду! — закричал я.

Потом я поискал Элайну, но ее не оказалось на том месте, где я ее оставил. Мой враг либо уничтожил ее, либо убрал прочь.

Я громогласно выругался и закрутился в громадный вихрь, поднимающуюся башню света. Затем я направился вверх, покидая землю, и этот горящий прыщ остался далеко внизу.

Как долго я несся, вне себя от гнева, не могу сказать. Я знаю, что облетел планету несколько раз, прежде чем ко мне вернулась способность к трезвому рассуждению и я достаточно остыл для того, чтобы составить какой-нибудь план действий.

Со всей очевидностью меня пытался убить один из моих приятелей, он же забрал у меня Элайну. Я избегал контактов с подобными мне слишком долго. Теперь я знаю, что должен разыскать их, несмотря на риск, чтобы получить сведения, которые мне нужны для самосохранения, для мщения.

Я начал снижаться, когда находился над Ближним Востоком. Аравия. Да. Нефтяные поля — пространства, богатые дорогим, загрязняющим окружающую среду веществом, изливающим из земли потоки манны. Здесь дом Дервиша.

Приняв форму Феникса, я летел от поля к полю, похожий на пчелу, пробуя, используя энергию для усиления заклинания, которое сейчас действовало. Ища...

Три дня я искал, проносясь над лишенными растительности ландшафтами, посещая поле за полем. Это было по-

коже на серию шведских столов. Так легко было бы использовать манну для того, чтобы изменить местность. Но, конечно, это была бы во многих отношениях бесполезная трата.

Итак, на третий день вечером, низко скользя над мерцающими песками, я ощутил, что поблизости находится то, что я ищу. Физически нефтяное поле ничем не отличалось от других. Но мои чувства подсказали мне, что тут что-то не так. Уровень манны был намного ниже, чем в других местах, и это был признак того, что в этих местах действует кто-то из нас.

Я продолжил поиск. Определил высоту. Начал кружить.

Да, это то, что я ищу. Это стало ясно, когда я исследовал район. Область с низким содержанием манны описывала грубую окружность вблизи северо-западного края поля, ее центр находился вблизи цепи холмов.

Он, должно быть, работал в качестве какого-нибудь официального лица здесь на месторождении. Если так, его обязанности должны быть минимальными и работа явно служит только прикрытием. Он всегда был достаточно ленивым.

Я сделал вираж и стал спускаться к цели. Как только я направился к ней, я увидел небольшое покосившееся строение из необожженной глины, которое почти сливалось с окружением. Дом сторожа или привратника... Неважно, чем он кажется.

Я начал опускаться перед строением. Я отменил прежнее заклинание и снова приобрел человеческую форму. Толкнул старую дверь без замка и вошел внутрь.

В доме было пусто, за исключением нескольких предметов убогой мебели и густой пыли. Я мог поклясться, что это именно то, что мне надо.

Я медленно прошел по комнате, ища какой-нибудь ключ.

Вначале я ничего не видел и даже не почувствовал. Память — об одном туманном варианте старого заклинания и о характере Дервиша — вот что заставило меня повернуться и выйти наружу.

Я закрыл дверь и стал вспоминать слова заклинания. Очень трудно было точно вспомнить, как оно должно произноситься. Наконец слова сложились, и я чувствовал, что

они падают на место, паз и шип, ключ и замок. Да, это был отклик. Я ощутил слабое ответное давление. Значит, я не ошибся.

Когда я окончил, то увидел, что все совершенно изменилось. Я направился к двери, затем заколебался. Вероятно, я обнаружил какую-то тревогу. Лучше иметь пару заклинаний наготове, ожидая просто каких-то наводящих слов. Я пробормотал их и открыл дверь.

Мраморная лестница, такая же широкая, как и сам дом, вела вниз, драгоценные камни сияли как стоваттные лампочки с обеих сторон.

Я прошел вперед и начал спускаться. Запах жасмина, шафрана и сандала донесся до меня. Потом я услышал в отдалении звуки струнных инструментов и флейты. Затем я смог увидеть часть изразцового пола с изысканным орнаментом. Я наложил на себя заклинание невидимости и продолжал идти.

Я еще не достиг основания лестницы, как увидел его в длинном зале с колоннами.

Он был в дальнем конце, возвышаясь в гнезде из подушек и ярких ковров. Изысканная еда находилась перед ним. Рядом бормотал фонтан. Юная женщина исполняла танец живота.

Я остановился у основания лестницы и осмотрелся. Арки слева и справа, по-видимому, вели в другие покои. За ним находилась пара широких окон с видом на высокий горный пик под очень синим небом — представляющий либо очень хорошую иллюзию, либо растрату большого количества манны на изменяющее пространство заклинание. Конечно, вокруг было много манны для возможности экспериментировать. Но это было явным расточительством.

Я рассмотрел самого мужчину. Его внешность совсем не изменилась — с резкими чертами лица, темнокожий, высокий, склонный к полноте.

Я медленно приблизился, ключи полудюжины заклинаний были готовы для произнесения и жестикуляции.

Когда я был приблизительно в тридцати шагах, он с трудом повернулся. Посмотрел в мою сторону. Его ощущение энергии, очевидно, было в хорошем состоянии.

Я произнес два слова, одно из которых положило в мою руку невзрачный, но очень мощный дротик, второе сняло покров невидимости.

— Феникс! — воскликнул он, сидя прямо и глядя на меня. — Я думал, что ты погиб!

Я улыбнулся:

— Как давно эта мысль возникла в твоём мозгу?

— Боюсь, я не понимаю...

— Один из наших пытался убить меня в Мексике.

Он покачал головой:

— Я не был в этой части света уже давно.

— Докажи это.

— Я не могу, — ответил он. — Ты знаешь, что мои люди здесь будут говорить только то, что я пожелаю, — так что это не поможет. Я не делал этого, но я и не могу найти способ доказать это. Доказывать отсутствие чего-либо всегда сложно. Собственно говоря, почему ты меня подозреваешь?

Я вздохнул:

— Так уж получилось. Я подозреваю, или, скорее, должен подозревать всех. Я выбрал тебя наугад и собираюсь проверить всех.

— По крайней мере, статистика на моей стороне.

— Я полагаю, ты прав, черт побери.

Он встал, подняв ладони вверх.

— Мы никогда не были особенно близки, — сказал он. — Но мы ведь и не были врагами. У меня совсем нет причины желать тебе вреда.

Он перевел взгляд на дротик в моей руке и протянул свою правую руку, все еще держащую бутылку.

— Ты собираешься всех нас убить, чтобы подстраховаться?

— Нет, я думал, что ты мог бы напасть на меня и тем самым доказать свою вину. Это могло бы облегчить жизнь.

Я отбросил дротик в доказательство добрых намерений.

— Я тебе доверяю.

Он откинулся назад и поместил бутылку, которую до сих пор держал, на диванную подушку.

— Если бы ты убил меня, она бы упала и разбилась. Или, может быть, я мог бы спровоцировать тебя на атаку и вытащить пробку. В бутылке атакующий джинн.

— Тонкая штука.

— Давай пообедаем вместе, — сказал он. — Я хотел бы послушать твою историю. Тот, кто напал на тебя без причины, может однажды напасть и на меня.

— Хорошо, — ответил я.

Танцовщицу отпустили. С едой было покончено. Мы потягивали кофе. Я говорил без перерыва почти час. Я устал, но у меня было заклинание против этого.

— Немного странно, — сказал он наконец. — И ты не причинил кому-нибудь вред, не оскорбил, не обманул кого-нибудь — не помнишь?

— Нет.

Я отпил кофе.

— Итак, это может быть кто-нибудь из них, — сказал я через некоторое время. — Священник, Амазонка, Гном, Сирена, Оборотень, Ламия, Леди, Эльф, Ковбой...

— Исключи Ламию, — сказал он. — Я полагаю, она умерла.

— Как?

Он пожал плечами, глядя в сторону.

— Не знаю точно, — сказал он медленно. — Вначале был слух, что ты и она удалились вместе. Потом, позднее, казалось, что вы умерли вместе... каким-то образом.

— Ламия и я? Это глупо. Между нами никогда ничего не было.

Он кивнул:

— Значит, с ней просто что-нибудь случилось.

— Слух... Кто же его распространял?

— Ты же знаешь. Истории просто возникают. Никогда не знаешь точно, откуда они пошли.

— Когда ты впервые услышал эту историю?

Он задумался, уставясь в пространство.

— Гном. Да. Именно Гном рассказал мне на Звездопале в этом году.

— Он не сказал, откуда он знает это?

— Ничего такого, что я мог бы вспомнить.

— Хорошо, я полагаю, что должен поговорить с Гномом. Он все еще в Южной Африке?

Он отрицательно покачал головой, наполняя мою чашку из высокого кофейника с элегантной гравировкой.

— В Корнуолле. Там все еще много сока в старых шахтах.

Я слегка вздрогнул.

— Это его дело. У меня начинается клаустрофобия, как только я подумаю об этом. Но если он сможет рассказать мне, кто...

— Бывший друг — самый коварный враг. Если ты бросил своих друзей, так же как и всех остальных, и стал скрываться, это означает, что ты уже все это продумал.

— Да, как бы мне ни претила эта мысль. Я дал этому рациональное объяснение, сказав, что не хочу подвергать их опасности, но...

— Именно.

— Ковбой и Оборотень были моими приятелями...

— ...А ты долгое время был с Сиреной, не правда ли?

— Да, но...

— Она переживала?

— Вряд ли. Мы расстались друзьями.

Он покачал головой и поднял чашку.

— Я исчерпал все свои мысли насчет этого дела.

Мы допили кофе. Затем я встал.

— Ну спасибо. Я полагаю, мне пора. Я рад, что пришел к тебе первому.

Он поднял бутылку.

— Хочешь, возьми джинна?

— Я не знаю, как с ним обращаться.

— Команды очень простые. Вся работа уже сделана.

— Ну давай. Почему бы нет?

Он коротко проинструктировал меня, и я отбыл. Поднимаясь ввысь над громадным нефтяным полем, я оглянулся на крошечное разрушенное строение. Затем я расправил крылья и поднялся, чтобы проглотить порцию манны из облаков, прежде чем повернуть на запад.

Звездопад, думал я, пока земля и воды проносились подо мной. Звездопад — большое августовское выпадение метеоритов, сопровождаемое волной манны, называемой Звездным ветром, единственное время в году, когда мы собираемся вместе. Да, именно тогда сплетня была пущена. Прошла только неделя после Звездопада, когда меня атаковали в первый раз, почти убили. Произошло ли что-то

в предыдущий Звездапад — что-нибудь сказанное или совершенное мною, — что сделало меня врагом, которого нужно уничтожить, и чем скорее, тем лучше?

Я упорно пытался вспомнить, что же такое произошло на последнем Звездападе, который я посетил. Это был самый богатый Звездапад на моей памяти. Я вспомнил это. «Манна небесная», — пошутил Священник. Все были в прекрасном настроении. Мы говорили о служебных делах, обменивались заклинаниями, гадали, что предвещает мощный Звездапад, обсуждали политику — все обычные вещи. Всплыло то, о чем говорила Элайна...

Элайна... Жива ли она еще? Я не был уверен. Чья-нибудь пленница? Чья-нибудь заложница на случай, если я сделаю именно то, что я сделал? Или ее пепел давно уже распылен по всему земному шару? Так или иначе, но за это кто-то должен заплатить.

Я издал пронзительный крик навстречу мчащемуся ветру. Крик моментально пропал, не вызвав эха. Я летел в ночи. Звезды снова появились и разгорелись еще ярче.

Детальные инструкции, которые мне дал Дервиш, доказали свою точность. Это была рудничная шахта в точке, которую он указал на карте, торопливо набросанной огненными линиями на полу. Способа войти туда в человеческом виде не было. В виде Феникса я, по крайней мере, буду защищен от клаустрофобии. Я не могу чувствовать себя полностью запертым, пока я не совсем материален.

Я спускался, уменьшаясь в размерах, втягивая свои призрачные крылья и хвост. При этом я становился все более плотным. После всего этого я истекал энергией, сохраняя свои новые размеры и вновь становясь все в большей степени эфирным.

Как призрачная птица, я проник в шахту и начал падать. Это было мертвое место. Нигде вокруг меня не было манны. Конечно, этого следовало ожидать. Верхние горизонты истощаются быстрее всего.

Я падал во влажную пустоту еще некоторое время, прежде чем почувствовал первые слабые признаки энергии. Она очень медленно увеличивалась, пока я двигался.

В конце концов она опять стала уменьшаться, и я изменил направление движения. Да, поворот в эту сторону... источник.

Я вошел и двинулся по следу.

По мере того как я шел все дальше и дальше, интенсивность постоянно увеличивалась. Я никак не мог решить, должен ли я искать более сильную или более слабую энергетическую область. Но здесь было не то положение, которое нравилось Держишу. Источник его энергии был возобновимым, так что он мог оставаться на одном месте. Гном же должен был передвигаться по мере истощения запасов манны, имеющихся в его области.

Я свернул за угол в туннель и вынужден был остановиться. Черт побери.

Это была силовая сеть, держащая меня как бабочку. Я прекратил дергаться, заметив, что это только ухудшает мое положение.

Я вновь принял человеческий вид. Но чертова сеть только раздвинулась, чтобы соответствовать этим изменениям, и продолжала крепко меня держать.

Я применил огненное заклинание, но без всякого успеха. Я попробовал уменьшить количество манны в заклинанной сети, но получил только головную боль. Это очень опасный способ, который можно применять лишь против небрежно сделанной работы — и в результате вы получите силовой удар, когда манна освобождается. Я попробовал этот способ, поскольку был доведен до отчаяния и чувствовал приступ клаустрофобии. Послышался грохот камней дальше в туннеле.

Потом я услышал хохот и узнал голос Гнома.

В углу появился свет, за которым двигалась непонятная фигура.

Свет плыл прямо перед ним слегка слева — шар, отбрасывающий оранжевый свет на его горбатую изогнутую фигуру. Прихрамывая, он шел ко мне. Он снова захохотал.

— Неужели я поймал Феникса? — наконец сказал он.

— Очень смешно. Как насчет того, чтобы освободить меня? — спросил я.

— Конечно, конечно, — пробормотал он, уже готовый к необходимым жестам.

Сеть разрушилась. Я выступил вперед.

— Я повсюду спрашивал, что это за история между мной и Ламией?

Он продолжал свои пассы. Я уже был готов произнести нападающее или защищающее заклинание, когда он кончил. Я не почувствовал ничего плохого и решил, что это заключительные жесты для его сети.

— Ламия? Ты? О! Да. Я слышал, вы ушли вместе. Да. Так и было.

— Где ты слышал это?

Он уставился на меня своими большими блеклыми глазами.

— Где ты слышал это? — повторил я.

— Я не помню.

— Постарайся.

— Извини.

— К дьяволу извинения! — сказал я, делая шаг вперед. — Кто-то пытался убить меня и...

Он произнес слово, которое заставило меня замереть на полушаге. Хорошая штучка.

— ...и он, к сожалению, был глуп, — закончил Гном.

— Отпусти меня, черт побери!

— Ты пришел в мой дом и напал на меня.

— Хорошо, я прошу прощения. Теперь...

— Пошли.

Он повернулся ко мне спиной и двинулся. Помимо воли мое тело делало необходимые движения. Я последовал за ним.

Я открыл рот, чтобы произнести заклинания. Я не смог сказать ни одного слова. Я попробовал сделать жест. Безуспешно.

— Куда ты меня ведешь? — попробовал я сказать.

Слова выговорились совершенно правильно. Но он некоторое время не утруждал себя ответом. Свет двигался по искрящимся пластам какого-то металлического материала на отсыревших стенах.

— К месту ожидания, — в конце концов сказал он, поворачивая в коридор направо, где мы некоторое время шлепали по грязи.

— Почему? — спросил я. — Чего мы будем ждать?

Он снова засмеялся. Свет прыгал. Он не ответил.

Мы шли несколько минут. Я начал думать, что все эти тонны земли и камня надо мной слишком тяжелы. Я по-

чувствовал себя в ловушке. Но я даже не мог должным образом паниковать в рамках этого заклинания. Я начал обильно потеть, несмотря на то что тянуло холодом.

Гном внезапно повернулся и пошел, протискиваясь через такую узкую трещину, которую я бы и не заметил, если бы шел здесь один.

— Проходи, — услышал я его голос.

Мои ноги последовали за светом, который теперь был между нами. Я автоматически повернул весь корпус. Я протискивался за ним достаточно долго, пока путь не стал расширяться. Грунт под ногами стал грубым и каменным, свет бил вверх.

Гном вытянул свою ручищу и остановил меня. Мы находились в маленькой, неправильной формы камере — естественной, я полагаю. Ее наполнял слабый свет. Я осмотрелся. Я понятия не имел, почему мы остановились именно здесь. Рука Гнома шевельнулась и указала куда-то.

Я проследил его движение, но все еще не мог сказать, на что он пытался указать. Свет продвинулся вперед и затем закачался возле ниши.

Углы изменились, тени сместились. Я увидел ее.

Это была статуя откинувшейся назад женщины, изваянная из каменного угля.

Я подошел ближе. Она была очень хорошо выполнена и очень знакома.

— Я и не знал, что ты художник... — Я начал говорить и внезапно все понял.

— Это «наше» искусство. Не разновидность всемирного.

Я потянулся, чтобы коснуться темной щеки. И опустил руку.

— Это Ламия, не так ли? Это действительно она...

— Конечно.

— Почему?

— Она должна быть где-то, не правда ли?

— Боюсь, что я не понимаю.

Он снова захохотал:

— Ты мертвец, Феникс, и она тому причина. Я никогда не думал, что у меня будет возможность провести тебя этим путем. Но сейчас, так как ты здесь, все мои проблемы решены. Ты будешь отдыхать несколькими коридорами

дальше, в пещере, где совершенно нет манны. Ты будешь ждать, пока я не пошлю за Оборотнем, чтобы он пришел и убил тебя. Он был влюблен в Ламию, ты знаешь. Вы же были друзьями. Я ожидал, что он сделает это раньше, но либо он был слишком неукалюж, либо ты слишком удачлив. Скорее всего, и то и другое.

— Итак, за всем этим стоит Оборотень.

— Да.

— Почему? Почему ты хочешь, чтобы он убил меня?

— Если бы я сам это сделал, это бы плохо выглядело. Я хотел быть уверенным, что кто-нибудь другой будет здесь, когда это произойдет. Чтобы мое имя было незапятнанным. В действительности я покончу с самим Оборотнем, как только он покончит с тобой. Последний мазок совершенного творения.

— Что бы я тебе ни сделал, я хотел бы примирения.

Гном отрицательно покачал головой:

— То, что ты сделал, исключает возможность примирения.

— Скажи, будь любезен, в чем же я все-таки виноват?

Он сделал жест, и я почувствовал толчок, повернувший меня и заставивший меня двигаться обратно по направлению к коридору. Он следовал за мной.

Пока мы двигались, он спросил меня:

— Знаешь ли ты о том, что с каждым Звездопадом за последние десять или двенадцать лет содержание манны в Звездном Ветре становится чуть выше?

— Я уже десять или двенадцать лет не посещаю Звездопадов, — сказал я. — Припоминаю, содержание манны в тот последний год было очень высоким. С тех пор, когда мне приходила в голову мысль измерить содержание манны в определенное время, уровень оказывался неизменно высоким.

— Общее ощущение таково, что это увеличение будет продолжаться. Похоже, мы входим в область, более богатую манной.

— Это великолепно, — сказал я, снова выходя в коридор. — Но как это связано с твоим желанием устранить меня, с твоим похищением Ламии и превращением ее в уголь, твоим натравливанием Оборотня на меня?

— Очень просто, — сказал он, ведя меня вниз по шахте, где уровень манны уменьшался с каждым шагом. —

Даже раньше те из нас, кто внимательно за этим следил, заметили, что уровень манны поднимается.

— Поэтому ты решил убить меня?

Он подвел меня к зубчатой дыре и показал, что я должен войти туда. У меня не было выбора. Мое тело подчинялось ему. Свет остался снаружи вместе с ним.

— Да, — сказал он, указывая мне в глубь пещеры. — Годы назад это было неважно — каждый имел право на свое мнение. Сейчас другое дело. Магия начинает возвращаться, глупец. Я собираюсь просуществовать достаточно долго, чтобы увидеть, как это случится, чтобы воспользоваться преимуществами. Я мог бы покончить с твоими демократическими сантиментами, когда это казалось лишь мечтами.

И тут я вспомнил наш разговор с Элайной по пути к берегу.

— Но, зная то, что я знаю, и видя, как ты относишься к этому, я понял, что ты тот, кто будет против нашего неизбежного лидерства в этом новом мире. Оборотень был таким же. Именно поэтому я устроил все так, чтобы он уничтожил тебя, после чего я уничтожил бы его.

— Другие с тобой согласны?

— Только некоторые, их немного — так же как и твоих сторонников. Ковбой и Волк. Остальные пойдут за тем, кто победит, как всегда поступают люди.

— А кто другие?

Он хмыкнул:

— Теперь это не твое дело.

Он сделал знакомый жест и что-то пробормотал. Я почувствовал себя свободным от связывавшего меня заклинания и ринулся вперед. Вход не изменился на вид, но я обо что-то ударился — как будто путь был прегражден невидимой дверью.

— Я увижу тебя на встрече, — сказал он, медленно удаляясь прочь. — Отдохни пока.

Я почувствовал, что вот-вот потеряю сознание. Я успел прислониться к стене и закрыть лицо ладонями.

Больше я ничего не помню.

Сколько я лежал без сознания, не знаю. Видимо, достаточно долго для того, чтобы остальные ответили на

приглашение. Какую бы причину для встречи он ни предложил, она оказалась достаточно весомой, чтобы привести Рыцаря, Друида, Амазонку, Священника, Сирену и Снеговика в большой зал где-то под корнуоллскими холмами. Я получил представление об этом, когда окончательно пришел в себя в конце длинного черного коридора. Я сел, протер глаза и прищурился, пытаюсь проникнуть через мрак моей клетки. Через некоторое время мне это удалось. Так я узнал, что мое пробуждение было связано с происходящим.

Проблема освещения была решена тем, что одна стена начала мерцать, стала прозрачной, а затем превратилась в цветной объемный экран.

Именно там я увидел Рыцаря, Друида, Амазонку и прочих. Именно так я узнал, что это была вечеринка: там была пища, раздавался шум, кто-то приходил и уходил. Гном вел себя как радушный хозяин, похлопывал по плечам гостей своими клешнеобразными руками и кривил лицо в улыбке.

Манна, манна, манна. Оружие, оружие, оружие. Дерьмо.

Я наблюдал долгое время, ожидая. Должна же быть причина, чтобы притащить меня сюда и показать, что происходит. Я видел все знакомые лица, ловил обрывки разговоров, наблюдал за их перемещениями. Ничего особенного. Почему же меня разбудили и заставили смотреть на это? Должно быть, Гном сделал это...

Когда я заметил, что Гном уже в третий раз смотрит в направлении главного входа, я понял, что он тоже кого-то ждет.

Я осмотрел свою клетку. Естественно, ничего такого, что можно было бы использовать. В это время я услышал, что шум усилился, и повернулся к изображению на стене.

Магия нарастала. По всей видимости, в зале было очень много манны. Мои коллеги давали себе волю в прекрасных заклинаниях — цветы, лица, необыкновенные переливы красок, экзотические виды заполняли экран — ни дать ни взять пир античных времен. Одна капля! Одна лишь капля манны — и я смог бы выбраться отсюда! Бежать или вернуться? Или искать немедленной мести? Не знаю. Даже если здесь есть только один путь, я должен найти его...

Но Гном не ошибался. Я не смог найти слабого места в том, что он сделал. Я перестал искать и по другой причине. Гном возвестил прибытие еще одного гостя.

Звук и изображение в этот момент пропали. Коридор позади меня начал светиться ярче. Я повернулся в ту сторону. На этот раз мой путь был свободен, и я продолжал двигаться к освещенному месту. Что произошло? Какая неизвестная сила разрушила заклинание Гнома?

С одной стороны, я себя нормально чувствовал, и было бы полной глупостью оставаться на том месте, куда он меня поместил. Мне показалось, что это может быть частью более изощренной ловушки или пытки, но пока у меня появился некоторый выбор, что само по себе благо.

Я решил, что лучше двигаться назад в том направлении, откуда мы пришли, чем рисковать натолкнуться на это сборище. Даже если там полным-полно манны. Лучше вернуться и собрать манну, на которую я могу натолкнуться в форме защитных заклинаний, и послать их всех к чертям.

Я прошел, вероятно, шагов двадцать, прежде чем принял такое решение. Дальше стены туннеля как-то странно покосились, чего я ранее не замечал. Я был абсолютно уверен, что мы пришли этим путем, поэтому я двинулся по нему. Становилось светлее. Это позволило мне ускорить шаг.

Внезапно возник резкий поворот, которого я вообще не помнил. Я выбежал в область пульсирующего белого света. Меня несло вперед, как будто что-то толкало меня. Я не мог остановиться. Я временно ослеп от яркого света. Затем в моих ушах раздался рев.

Потом все стихло, и я стоял в том большом зале, где происходила встреча. Голос Гнома говорил:

— ...и сюрприз — наш давно потерянный брат Феникс!

Я повернулся назад, пытаюсь войти в тот туннель, откуда я появился, но наткнулся на что-то твердое. Свернуть мне не давали гладкие каменные стены.

— Не смущайся, Феникс. Входи и поздоровайся со своими друзьями, — сказал Гном.

Это была любопытная шутка, но ее заглушил звериный рев, и я увидел своего старого приятеля Оборотня,

стройного и смуглого, глаза блестят, — возможно, именно того гостя, который прибыл, когда картина погасла.

Я почувствовал панику. И еще я почувствовал манну. Но что я мог бы сделать за несколько секунд?

Мой взгляд привлекло странное движение в птичьей клетке на столе, рядом с которым стоял Оборотень. Позы других показывали, что многие из них также повернулись в эту сторону.

В клетке танцевала обнаженная женская фигура размером не более ладони. Я узнал одно из пыточных заклинаний — танцовщица не может остановиться. Танец будет продолжаться до смерти, после которой тело может еще какое-то время подергиваться.

Даже на расстоянии я мог узнать в маленьком создании Элайну.

Танцевальная часть заклинания была простой. Столь же легко это заклинание снималось. Три слова и жест. Я сделал это. А после этого Оборотень начал двигаться в мою сторону. Он не позаботился принять более устрашающий вид. Я отступил по возможности быстрее. Он всегда был сильнее меня.

Он нанес мне удар кулаком, однако я смог нырнуть и ответить контрударом в корпус. Он хрюкнул и ударил меня в челюсть левой. Я попятился. Затем остановился и попытался снова атаковать, но он отбил удар, послав меня на пол. Я мог чувствовать манну вокруг себя, но у меня не было времени, чтобы использовать ее.

— Я только что узнал эту историю, — сказал я, — и я не имею отношения к Ламии...

Он бросился ко мне. Я умудрился попасть ему в живот коленом.

— Она у Гнома... — сказал я, делая два удара по почкам, в то время как он дотянулся до моего горла и начал душить меня. — Она превратилась в уголь...

Я попал ему в скулу, прежде чем он опустил голову.

— Гном, черт побери! — прохрипел я.

— Это ложь! — услышал я голос Гнома откуда-то поблизости.

Комната поплыла перед моими глазами. Голоса стали реветь, как океан. Странная вещь произошла с моим зрением — мне показалось, что голова Оборотня окружена

сиянием. Затем оно пропало, и я понял, что его хватка ослабела.

Я сбросил его руки с моего горла и ударил в челюсть. Он откатился. Я тоже, но в другом направлении, и попытался приготовиться к продолжению боя, умудрившись сначала сесть, затем встать на колени, а затем, скрючившись, подняться на ноги.

Я видел Гнома, протянувшего руки в моем направлении, начинающего всем известное смертельное заклинание. Я увидел Оборотня, медленно вытаскивающего из своей головы обломки клетки и пытающегося подняться. Я видел обнаженную, нормальных размеров фигуру Элайны, которая спешила ко мне с искаженным лицом...

Проблема, что делать дальше, была решена ударом Оборотня.

Это был молниеносный удар в корпус. Темный предмет выскользнул из-под моей рубашки и упал на пол: это была бутылка с джинном, которую мне дал Дервиш.

За мгновение до того, как кулак Оборотня обрушился на мое лицо, я увидел что-то тонкое и белое, плывущее по направлению к его шее.

Я забыл, что Элайна прекрасно владела приемами киокушинкай...

Оборотень и я грохнулись на пол одновременно.

...От черного к серому и цветному; от невнятного шума к пронзительному крику. Вряд ли я долго пробыл без сознания.

Однако за это время прошли значительные изменения. Во-первых, Элайна похлопывала меня по лицу.

— Дэйв! Очнись! Ты должен остановить его!

— Что?

— Этого типа из бутылки!

Я приподнялся на одном локте — челюсть болела, голова кружилась — и посмотрел. На ближайшей стене и на столе были пятна крови. Общество разбилось на группы, и все в разной степени испытывало страх. Кто-то творил заклинания, кто-то просто спасался бегством. Амазонка вытащила клинок и держала его перед собой, покусывая нижнюю губу. Священник стоял рядом с ней, бормоча заклинание смерти, которое, как я знаю, было неэффективным. Голова Гнома лежала на полу рядом с главным входом,

глаза были открыты и не мигали. Раскаты громоподобного хохота сотрясали зал.

Перед Амазонкой и Священником стояла обнаженная мужская фигура почти десяти футов ростом, клубы дыма поднимались от ее кожи, правый кулак был в крови.

— Сделай что-нибудь! — сказала Элайна.

Я приподнялся повыше и произнес слова, которым научил меня Дервиш, для того, чтобы подчинить джинна моему контролю. Кулак остановился, медленно разжался.

Большая лысая голова повернулась ко мне, темные глаза встретились с моими.

— Господин... — мягко сказал он.

Я произнес следующие слова, чтобы представиться. Затем я с трудом поднялся на ноги и встал, качаясь.

— Приказываю — назад в бутылку.

Он отвел глаза в сторону, его взгляд упал на пол.

— Бутылка разбилась, господин, — сказал он.

— Ах так. Ну ничего...

Я прошел к бару и отыскал бутылку, в которой на доннышке плескалось немного виски. Я допил его.

— Можешь воспользоваться этой, — сказал я и добавил формулу принуждения.

— Как прикажешь, — ответил он и начал растворяться.

Я проследил просачивание джинна в бутылку и затем закрыл ее пробкой.

Потом повернулся к коллегам и сказал:

— Извините за то, что прервал вас. Можете продолжать.

Затем я снова повернулся.

— Элайна! С тобой все в порядке?

Она улыбнулась.

— Называй меня Танцовщица, — сказала она. — Я твоя новая ученица.

— Волшебнику нужно чувство манны и природная восприимчивость к действию заклинаний, — сказал я.

— Как, черт побери, я вернула себе свой нормальный рост? — спросила она. — Я почувствовала энергию, и как только ты разрушил заклинание танца, я смогла вернуться в прежний вид.

— Будь я проклят! Я должен был бы угадать твою способность еще в коттедже, когда ты схватила эту костяную флейту.

— Послушай, тебе нужен ученик, чтобы ты оставался в хорошей форме.

Оборотень застонал и начал поворачиваться. Священник, Амазонка и Друид приблизились к нам. Похоже, вечеринка не окончилась. Я повернулся к Элайне и приложил палец к губам.

— Помоги мне с Оборотнем, — сказал я Амазонке. — Его нужно немного подержать, пока я расскажу ему кое-что.

Потом мы любовались Персеидами. Мы сидели на вершине холма к северу от Нью-Мексико, моя ученица и я, смотрели на чистое послеполуночное небо и на случайные сполохи на нем. Большинство из наших находились ниже нас на расчищенной площадке, церемония уже завершалась. Оборотень все еще был под корнуоллскими холмами, работая вместе с Друидом, который вспоминал кое-что из древних заклинаний превращения плоти в уголь. Им понадобится еще месяц или около того, как было сказано в его письме.

— Молния сомнения в небе точности, — сказала она.

— Что?

— Я сочиняю стихи.

— О!

Через некоторое время я добавил:

— О чем?

— По случаю моего первого Звездопада, — ответила она. — С очевидным увеличением манны от строки к строке.

— В этом есть и хорошее и плохое.

— ...И магия возвращается, и я обучаюсь Мастерству.

— Учись быстрее.

— ...И вы с Оборотнем снова друзья.

— Это так.

— И все остальные тоже.

— Нет.

— Что это значит?

— Ну подумай. Есть и другие. Мы не знаем точно, кто еще был на стороне Гнома. Они захотят опередить нас, когда магия вернется. Новые, безобразные заклинания, которые даже трудно представить, могут стать выполнимыми, когда энергия увеличится. Мы должны быть готовы.

Этот дар — очень сложная штука. Посмотри на них там, внизу — тех, с кем мы сегодня пели, — и подумай, сможешь ли ты угадать, кто из них попытается убить тебя однажды. Предстоит борьба, и последствия ее будут ощущаться долго.

Она немного помолчала.

Затем она подняла руку и указала туда, где огненная линия пересекала небосклон.

— Одна! — сказала она. — Еще одна! И еще!

После паузы она добавила:

— Мы можем считать Оборотня и, может быть, Ламию, если они смогут вернуть ее обратно. Друид тоже, я думаю, будет с нами.

— И Ковбой.

— А Дервиш?

— Да, пожалуй, Дервиш.

— ...и я буду готова.

— Хорошо. Мы сможем написать счастливый конец для этой истории.

Мы взялись за руки и смотрели, как огонь падает с неба.

КОРОЛИ НОЧИ

Для оживленного на короткое время журнала «Миры Если», который появился в 1986 году, меня попросили написать короткий рассказ. Плата была небольшой, но, несмотря на мое замечание к предыдущему произведению, я не слишком корыстолюбив. Я был достаточно сентиментальным, чтобы пойти навстречу этой просьбе, памятуя о некоторых приятных моментах, когда я писал для этого журнала в его первом воплощении. Я решил соединить вместе несколько клише из современной фэнтези и превратить их из литературной стилизации в нечто близкое реалистическому повествованию. Так как я все еще жду полагающихся мне экземпляров, то ниже следующий текст взят из номера, присланного мне одним любезным любителем жанра.

Эта ночь началась, как и другие, но она имела все-таки что-то особенное. Полная и роскошная луна поднялась над горизонтом, и ее молочный свет разливался по каньонам города.

Остатки дневной бури образовали клочья легкого тумана, которые, как привидения, двигались вдоль тротуара. Но дело было не только в луне и тумане. Что-то происходило

в течение нескольких последних недель. Мой сон был тревожным. И дела шли слишком хорошо.

Я безуспешно пытался выпить чашку кофе до того, как он остынет. Но посетители все шли, беспорядочные запросы продолжались, и телефон звонил постоянно. Я предложил моему ассистенту Вики управлять со всем, с чем он может справиться, но люди продолжали толпиться у прилавка — как никогда в другие дни.

— Да, сэр? Чем могу помочь? — спросил я мужчину средних лет, у которого подергивался левый угол рта.

— У вас есть заостренные колья? — осведомился он.

— Да. Вы предпочитаете обычные или обожженные?

— Я думаю, обожженные.

— Сколько?

— Один. Нет, лучше два.

— Доллар скидки, если вы берете три.

— Хорошо, пусть будет три.

— На дюжину очень большая скидка.

— Нет, трех достаточно.

— Хорошо.

Я наклонился и раскрыл коробку. Черт побери. Осталось только два. Нужно вскрывать другой ящик. Наконец Вик заметил мое затруднение и принес еще одну коробку из подсобки. Парень обучался.

— Что-нибудь еще? — спросил я, когда завернул покупку.

— Да, — сказал мужчина. — Мне нужна хорошая колотушка.

— У нас есть три — разного вида, по различной цене. Самая лучшая из них...

— Я возьму лучшую.

— Прекрасно.

Я подал ему одну из-под соседнего прилавка.

— Вы оплатите наличными, чеком или кредитной карточкой?

— Вы принимаете «мастеркард»?

— Да.

Он вытащил бумажник, открыл его.

— О, мне нужен еще фунт чеснока, — сказал он, вынув карточку и передав ее мне.

Я позвал Вика, который в данный момент был свободен, чтобы он принес чеснок, пока я выбиваю чек.

— Спасибо, — сказал мужчина, повернулся и пошел к выходу, держа покупку в руке.

— Спокойной ночи, удачи вам, — сказал я. Звуки далекого уличного движения донеслись до меня, когда дверь открылась, и затихли, когда она закрылась.

Я вздохнул и взял свою чашку кофе. Вернулся к креслу перед телевизором. Только что пошла реклама зубной пасты. Я переждал ее, зато потом была Бетти Девис... Через секунду я услышал покашливание за спиной. Обернувшись, я увидел высокого темноволосого темноусого мужчину в бежевом пальто. Он выглядел хмурым.

— Чем могу служить?

— Мне нужны серебряные пули, — ответил он.

— Какого калибра?

— Тридцать шестого. Мне нужно два ящика.

— Выбирайте.

Когда он вышел, я прошел в туалет и вылил кофе в раковину. Потом налил себе свежего из кофейника у прилавка.

По пути назад в уютный уголок магазина я был остановлен одетым в кожу юношей с розовой прической панка. Он стоял уставившись на узкий длинный опечатанный футляр, висящий высоко на стене.

— Эй, сколько он стоит? — спросил он меня.

— Эта вещь не продается. Это демонстрационная модель.

Он вытащил толстую пачку банкнотов и протянул мне, не отводя мечтательного взгляда от блестящей вещи, висевшей сверху.

— Мне нужен заколдованный меч, — сказал он просительно.

— Извини. Я могу продать тебе тибетский кинжал, поражающий привидения, но меч только для осмотра здесь.

Он внезапно повернулся ко мне:

Если ты когда-нибудь передумаешь...

— Я не передумаю.

Он пожал плечами и пошел прочь, растворившись в ночи.

Когда я огибал угол, Вик остановил меня взглядом и прикрыл телефонную трубку ладонью.

— Хозяин, — сообщил он мне, — эта женщина говорит, что китайский демон посещает ее каждую ночь...

— Пусть зайдет, мы дадим ей храмовую постельную собачку.

— Хорошо.

Я отпил кофе и добрался до своего кресла, в то время как Вик заканчивал разговор. Маленькая рыжеволосая женщина, которая рассматривала что-то в витрине, выбрала момент и приблизилась ко мне.

— Простите, — сказала она. — Есть ли у вас аконит?

— Да, есть, — начал я и тут услышал резкий звук, как будто кто-то бросил камень в дверь черного хода.

Я знал точно, кто это мог быть.

— Простите меня, — сказал я, — Вик, не будешь ли ты так любезен позаботиться о даме?

— Сию минуту.

Вик подошел, высокий и сильный, и она улыбнулась. Я повернулся и прошел через заднюю часть магазина. Отпер тяжелую дверь, которая выходила в узкий проулок, и оставил ее открытой. Как я подозревал, здесь никого не было.

Я осмотрел землю. Рядом с лужей лежала летучая мышь, слегка подергиваясь. Я остановился и легонько тронул ее.

— Все в порядке, — сказал я. — Я здесь. Все в порядке.

Я вернулся внутрь, оставив дверь открытой. По пути к холодильнику я позвал:

— Лео, я даю вам разрешение войти. Только на этот раз. Только в эту комнату и никуда более.

Минутой позже он вошел, пошатываясь. Он был одет в темный поношенный костюм и грязную рубашку. Волосы были всклокочены, на лбу синяк. Он протянул дрожащую руку.

— Есть ли у вас немного? — спросил он.

— Вот.

Я передал ему бутылку, которую только что открыл, и он сделал большой глоток. Потом он медленно сел в кресло за маленьким столиком. Я вернулся назад и закрыл дверь, потом сел напротив с чашкой кофе. Я дал ему время сделать еще несколько глотков и прийти в себя.

— Не могу даже толком попасть в вену, — пробормотал он, беря бутылку в последний раз.

Затем он поставил ее, взъерошил волосы, потер глаза и уставился на меня зловещим взглядом.

— Я могу сообщить о местонахождении троих, которые сейчас двигаются к городу, — сказал он. — Какова будет плата?

— Еще бутылка.

— За троих? Черт побери! Я должен был сообщить о них по одному и...

— Мне не слишком нужна твоя информация. Я только снабжаю ею тех, кому она нужна, чтобы они сами заботились о себе. Мне нравится иметь сведения такого сорта, но...

— Мне нужно шесть бутылок.

Я покачал головой:

— Лео, ты знаешь, чем это кончится? Ты не вернешься и...

— Шесть бутылок.

— Я не хочу давать их тебе.

Он потер виски.

— Ладно, — сказал он. — Предположим, я знаю нечто, касающееся лично тебя? Действительно важная информация?

— Насколько важная?

— Дело идет о жизни и смерти.

— Продолжай, Лео. Ты меня знаешь, но ты не знаешь меня настолько хорошо. Не так много в этом мире или каком-либо другом...

Он назвал имя.

— Что?

Он повторил, но мой желудок уже среагировал.

— Шесть бутылок, — сказал он.

— Хорошо. Что ты знаешь?

Он посмотрел на холодильник. Я доставал и упаковывал каждую бутылку отдельно. Затем положил все в большую коричневую сумку. Я поставил ее на пол рядом с его креслом. Он даже не посмотрел вниз. Он только качал головой.

— Теперь рассказывай, — сказал я.

— Он пришел в город пару недель назад. Осматривался. Искал тебя. И сегодня именно та ночь. Он поразит тебя.

— Где он?

— Сейчас? Не знаю. Хотя он на подходе. Он созвал всех на встречу. Пригласил ко Всем Святым за рекой. Сказал нам что собирается убить тебя и сделать это без вреда для нас, так как он желает завладеть этой территорией.

Он взглянул на маленькое зарешеченное окошко, расположенное высоко на задней стене.

— Лучше я пойду, — сказал он.

Я поднялся и выпустил его. Он ушел в туман, шатаясь, как пьяный.

Сегодняшняя ночь может стать и его ночью. Гемоглобик. Небольшой процент из них кончает именно так. Одной шеи становится недостаточно. Через некоторое время они уже не могут летать прямо и начинают просыпаться в чужих гробах. Затем в одно прекрасное утро они не в состоянии вернуться на место. У меня было видение: Лео, в неуклюжей позе развалившийся на скамейке в парке, коричневая сумка прижата к груди костлявыми пальцами, первые солнечные лучи скользят по его лицу.

Я закрыл дверь и вернулся в магазин. Снаружи было холодно.

— ...рога быка, — услышал я. — Именно. Заходите к нам. До свидания.

Я подошел к передней двери, закрыл ее и выключил свет. Затем повесил на окно табличку «Закрыто».

— Что случилось? — спросил Вик.

— Отключи телефон.

Он выполнил указание.

— Помнишь, я тебе рассказывал о прежних днях?

— Когда вы победили вашего противника?

— Да. И более ранних.

— Когда он победил вас?

— Да. На днях один из нас должен одержать окончательную победу.

— Как же вы встретитесь?

— Сейчас он на свободе. Он идет сюда. Я думаю, он очень силен. Ты можешь оставить меня, если пожелаешь.

— Вы что, смеетесь? Вы обучили меня. Я встречаюсь с ним.

Я покачал головой:

— Ты еще не готов. Но если что-нибудь произойдет со мной... Если он победит... Тогда дело за тобой, если захочешь.

— Я говорил много лет тому назад, когда я пришел рабовать к вам...

— Я знаю. Но ты еще не закончил своего ученичества и это происходит раньше, чем я думал. Я должен дать тебе возможность отказаться.

— Спасибо, но я не хочу.

— Что ж, я тебя предупредил. Выключи кофеварку и погаси свет в подсобке, пока я закрою кассу.

Комната, казалось, немного посветлела, когда он вышел. Это был эффект рассеянного лунного света, который падал через стену тумана, подступившего прямо к окнам. Еще минуту назад его там не было.

Я подсчитал чеки и положил деньги в сумку.

Как только Вик вернулся, слышались тяжелые удары в дверь.

Мы оба посмотрели в этом направлении.

Это была очень юная девушка, ее длинные белокурые волосы развевались по ветру. На ней был легкий плащ, и она постоянно оглядывалась назад через плечо, пока стучала по филенке и оконному стеклу.

— У меня очень срочное дело! Я вижу, что вы внутри! Пожалуйста!

Мы оба двинулись к двери. Я отпер ее и открыл.

— Что случилось? — спросил я.

Она уставилась на меня и не сделала попытки войти. Затем перевела взгляд на Вика и слегка улыбнулась. Ее глаза были зелеными, а зубы в полном порядке.

— Вы владелец? — обратилась она ко мне.

— Да, я.

— А это...

— Мой ассистент, Вик.

— Мы не знали, что у вас есть ассистент.

— А вы... — начал я.

— Его ассистент, — ответила она.

— Давайте мне послание.

— Я могу сделать большее, — ответила она. — Я здесь, чтобы провести вас к нему.

Сейчас она почти смеялась, и ее глаза были тверже, чем я подумал сначала. Но я должен попытаться.

— Вы не должны служить ему, — сказал я.

Внезапно она всхлипнула:

— Вы не понимаете. У меня нет выбора. Вы не знаете, от чего он спас меня. Я в долгу у него.

— Он получит назад все, и даже больше. Вы можете уйти от него.

— Как?

Я протянул руку, и она посмотрела на нее.

— Возьмите мою руку, — сказал я.

Она продолжала смотреть. Затем, почти робко, она протянула свою руку. Почти коснулась моей... Затем засмеялась и отдернула руку.

— Вы почти подчинили меня себе. Гипноз?

— Нет, — сказал я.

— Но больше так не делайте.

Она повернулась и взмахнула левой рукой. Туман расступился, образуя мерцающий туннель.

— Он ожидает вас на другом конце.

— Он может подождать еще немного, — сказал я. →

Вик, оставайся здесь.

Я повернулся и прошел обратно в магазин. Остановился перед футляром, который висел высоко на стене. Мгновение я смотрел на него. Я мог видеть, как он сиял в темноте. Затем я достал маленький металлический молоток, который висел на цепочке сзади, и стукнул. Стекло зазвенело. Я стукнул еще два раза, и осколки посыпались на пол. Я выпустил молоток.

Затем я осторожно протянул руку и обхватил рукоять. Знакомое ощущение овладело мной. Как давно это было?..

Я вытащил меч из футляра и держал перед собой. Древняя сила вернулась, снова наполнив меня. Я надеялся, что последний раз будет действительно последним, но подобные вещи имеют обыкновение возвращаться.

Когда я вернулся, глаза девушки расширились, и она сделала шаг назад.

— Все в порядке, мисс. Ведите меня.

— Ее зовут Сабрина, — сообщил мне Вик.

— Да? Что еще ты узнал?

— Нас проведут к кладбищу Всех Святых.

Она улыбнулась ему, затем повернулась к туннелю. Она вошла в туннель, и я последовал за ней.

Ощущение было как на движущихся дорожках, которые есть в больших аэропортах. Я мог бы сказать, что каждый шаг, который я делал, переносил меня дальше, чем обыкновенный шаг. Сабрина, не оборачиваясь, решительно шла вперед. Позади я один раз услышал кашель Вика, он прозвучал приглушенно среди мерцающих, похожих на пластмассу, стен.

В конце туннеля была темнота, и в ней — ожидающая фигура, еще более темная.

В том месте, где мы появились, не было тумана, только чистый лунный свет, достаточно сильный, чтобы погреть

бальные камни и памятники отбрасывали тени. Одна из них легла между нами — длинная линия разделяющей тьмы.

Он изменился не так сильно, как я думал. Стал еще выше, стройнее и выглядел лучше. Он жестом приказал Сабрине отойти направо. Я так же отослал Вика в сторону. Когда он ухмыльнулся, его зубы блеснули. Он достал свой клинок — такой черный, что был почти невидим внутри слабо светящегося ореола, — и небрежно отсалютовал мне. Я ответил тем же.

— Я не был уверен, что ты придешь, — сказал он.

Я пожал плечами:

— Это место не хуже и не лучше другого.

— Я делаю тебе то же самое предложение, что и раньше, — сказал он, — для того чтобы избежать неприятностей. Отдельное королевство. Оно могло бы быть лучшим, чем ты мог надеяться.

— Никогда, — ответил я.

Он вздохнул:

— Ты упрямец.

— И ты не меняешься.

— Если это достоинство, прости. Но это так.

— Где ты нашел Сабрину?

— В канаве. У нее есть способности. Она быстро учится. Я вижу, у тебя тоже появился подмастерье. Ты знаешь, что это значит?

— Да, мы становимся старше, слишком старыми для такой чепухи.

— Ты бы мог уйти в отставку, брат.

— Так же, как и ты.

Он засмеялся:

— И мы могли бы, шатаясь, рука об руку войти в эту специальную Валгаллу, зарезервированную для таких, как мы.

— Я мог бы думать о худшем жребии.

— Рад это слышать. Такие речи означают, что ты ослабеваешь.

— Мы это выясним очень скоро.

Серия небольших движений привлекла мой взгляд. Существа, похожие на собак, летучих мышей, змей, при бывали, усаживались и занимали места вокруг нас, как зрители, пришедшие на стадион.

— Насколько я понимаю, мы ожидаем, пока твои зрители усядутся, — сказал я.

Он снова усмехнулся.

— И твои зрители тоже, — ответил он. — Кто знает, но, может быть, даже здесь у тебя есть несколько почитателей?

Я улыбнулся в ответ.

— Уже поздно, — сказал он.

— Далеко за полночь.

— Они действительно стоят этого? — спросил он, и его лицо внезапно посерьезнело.

— Да, — ответил я.

Он засмеялся:

— Конечно, ты должен был сказать это.

— Конечно.

— Давай-ка начинать.

Он поднял свой клинок из мрака высоко над головой, и сверхъестественная тишина заполнила пространство.

— Аштарот, Вельзевул, Асмодей, Велиал, Левиафан... — начал он. Я поднял свое оружие.

— Ньютон, Декарт, Фарадей, Максвелл, Ферми... — сказал я.

— Люцифер, — произнес он нараспев, — Геката, Бегемот, Сатана...

— Да Винчи, Микеланджело, Роден, Майоль, Мор... — продолжил я.

Казалось, мир поплыл вокруг нас, и это место внезапно очутилось вне времени и пространства.

— Мефистофель! — вскричал он. — Легион! Лилит! Иблис!

— Гомер, Вергилий, Данте, Шекспир, Сервантес, — продолжал я.

Он нанес удар, я парировал его и нанес ответный, который он отбил в свою очередь. Он начал говорить нараспев и увеличил темп атаки. Я сделал то же самое.

После нескольких минут боя я увидел, что наши силы практически равны. Это означало, что поединок будет тянуться и тянуться. Я попробовал несколько приемов, о которых даже забыл, что знаю их. Но он помнил. Он применил свои приемы, но я вспомнил и их.

Мы начали двигаться еще быстрее.

Удары, казалось, сыпались со всех сторон, но мой клинок был повсюду, успевая их отразить. Он делал то же са-

мое. Это превратилось в танец движущегося металла, исполняемый внутри клетки, окруженной рядами горящих глаз.

Вик и Сабрина стояли рядом, казалось, забыв друг о друге. Они были целиком поглощены поединком.

Мне не хотелось говорить, что это было весело, однако это было так. Столкнуться наконец с воплощением того, с чем боролся все эти годы. Полная победа неожиданно оказалась рядом — на расстоянии одного удара, но надо было нанести этот точный удар...

Я удвоил усилия и потеснил его на несколько шагов. Однако он быстро оправился и занял прежнюю позицию. Из-за памятников донесся вздох.

— Ты все еще можешь удивлять меня, — пробормотал он сквозь стиснутые зубы, нанося удар. — Когда же этому придет конец?

Я отступил на шаг, затем снова нанес удар. Наши клинки давали нам нужные силы, и мы продолжали сражение.

Несколько раз он оказывался близко, очень близко. Но каждый раз мне удавалось уклониться и контратаковать. Дважды я думал, что поразил его, и каждый раз он чудом уклонялся и нападал с удвоенной силой.

Он ругался, смеялся, и я, вероятно, делал то же самое. Луна сияла, и роса стала заметней на траве. Создания иногда перемещались, но их глаза не отрывались от нас. Вик и Сабрина что-то шептали, не глядя друг на друга.

Я нанес удар в голову, но он парировал его и в свою очередь нанес мне удар в грудь. Я остановил его и попытался поразить его в грудь, он отбил удар...

Внезапно подул ветер, и пот на моем лбу стал холодным. Я поскользнулся на влажной земле, а он упустил возможность воспользоваться моей оплошностью. Неужели он начал уставать?

Я еще усилил нажим, а он, казалось, отвечал чутью медленнее. Было это моим преимуществом или трюком с его стороны?

Я попал ему в руку. Легкое касание. Царапина. Ничего серьезного, но я почувствовал, что моя уверенность растет. Я сделал новую попытку, выложив все, на что я способен, во взрыве вдохновения.

Яркая линия появилась у него на груди.

Он снова выругался и дико замахнулся. Когда я парировал удар, я понял, что небо на востоке начало светлеть.

Это означало, что я должен спешить. Есть правила, ограничивающие даже нас.

Я применил свой наиболее сложный прием, но он смог отразить его. Я пытался сделать это снова и снова. Каждый раз он казался все слабее, и в последний раз я увидел гримасу боли на его лице. Наши зрители тоже приустиали, и я чувствовал, что истекают последние песчинки в песочных часах.

Я нанес удар, и на этот раз попал. Клинок вошел в левое плечо, и по звуку я понял, что у него задета кость.

Он застонал и упал на колени, в то время как я отпрянул назад для последнего смертельного удара.

Вдалеке прокричал петух, и я услышал его смех.

— Близко, братец! Близко! Но еще не все кончено, — сказал он. — Сабрина! Ко мне! Немедленно!

Она сделала шаг к нему, повернулась к Вику, затем снова к моему поверженному врагу. Она поспешила к нему и обняла, как только он начал исчезать.

— Aufwiedersehen!* — донеслось до меня, и они оба пропали.

Наши зрители отбывали с большой поспешностью, хлопая крыльями, уносясь скачками по земле, скользя в норы, так как солнце появилось над горизонтом.

Я оперся на клинок. Через некоторое время Вик подошел ко мне.

— Увидим ли мы их когда-нибудь снова? — спросил он.

— Конечно.

Я двинулся туда, где вдалеке виднелись ворота.

— И что теперь? — спросил он.

— Я пойду домой и проспую весь день. Может быть, устрою небольшие каникулы. Дела теперь будут идти не так бойко.

Мы пересекли освященную землю и ступили на улицу.

* До свидания (нем.).

КОНЕЦ ПОИСКОВ

Мне не хотелось бы приводить цитаты из «Масок Бога», «Мельницы Гамлета», «Золотой ветви» и «Вне принципа удовольствия», чтобы представить читателям рассказ глиною чуть более тысячи слов. Хотя если книга — это машина для размышления, то перечисленные произведения являются как раз машинами, которые я держу в задней комнате своего интеллекта и время от времени даю им работу, пропуская кое-что через них. Одни мысли превратились в ничто, другие застряли среди шестеренок, а некоторые превратились в рассказы, подобные этому.

Дело было сделано. И сделано хорошо, я мог бы добавить.

Принцесса лежала мертвой на полу пещеры, среди разбросанных костей героев, кудесников, принцев, принцесс, гномов, эльфов и обломков девяти мечей, предназначенных для защиты царства добра и радости, которое я разрушил до того, как его почки смогли бы распуститься.

Я потрогал языком клыки и ощутил жгучий вкус.

Последний герой, изогнувшись немыслимым образом, лежал в углу. Его волшебный клинок был изломан. Это

был десятый и последний из числа выкованных столетия назад Силами Света для того, чтобы сразиться с моим хозяином и теми, кто, как и я, служит ему. Какое наслаждение! Кольцо, которое я стерегу, лежит в драгоценной шкапулке в нише за моей спиной.

Останки их верного товарища — Гнома — также разбросаны повсюду. Я могу видеть маленькую руку, которая все еще держит топор. Неужели он действительно думал, что может причинить мне вред своим жалким оружием?

Только старый кудесник еще с трудом дышит. Но я сломал его посох и рассеял его мощь на путях темноты. Я подарил ему несколько мгновений жизни, с тем чтобы посмеяться над ним и увидеть, как он проклинает силы, которым служил.

— Ты слышишь меня, Лортан? — спросил я.

— Да, Бактор, — ответил он оттуда, где упал.

Он сидел прислонившись к стене, неестественно вывернув ноги.

— Почему я еще жив?

— Для последней забавы, носитель Света. Если ты проклянешь все хорошее и прекрасное, правдивое и благородное, я подарю тебе быструю смерть.

— Не надо, — ответил он.

— Почему нет? Ты проиграл, так же как и те девять перед тобой. Ты — последний. Все кончено. Хорошие парни проиграли бой со счетом десять—ноль.

Он не ответил, и я стал дразнить его дальше.

— И ваш герой — Эрик Толстая Мышца, или как там вы его называете, — даже не коснулся меня своим оружием. Последний из вас, наконец, нанес мне хороший удар по плечу перед тем, как я уничтожил его.

— Мы были самыми слабыми из всех, с кем ты сталкивался? — спросил он.

— Я бы так не сказал. Но уж точно не из самых сильных.

— Сделай одолжение старому побежденному человеку и ответь мне. Кто был лучшим?

Я хохотнул.

— Легче легкого. Глорин, из Второго Королевства. Он был так близок к тому, чтобы убить меня — просто прелесть. Его меч падал, как молния с небес. Мускулы на его

руках ходили, как морской прилив. Он лоснился от пота, вызванного напряжением. Он ругал меня так выразительно, что это звучало как стихи. Я был пригвожден к месту. Едва-едва я остановил его, и для этого потребовалось скорее все мое волшебство, нежели сила моего тела. Воистину именно Глорин и его меч Даммерунг были величайшими моими соперниками.

— Итак, бедный Эрик не смог сделать подобного.

— Да, и ни один из тех, с кем я сталкивался. И теперь царствование моего господина Глойма никогда не окончится, так как Тьма победила Свет. Больше некому выступить против нас.

— Среди тех мечей, что я вижу на полу, покажи мне, который Даммерунг. И где лежат кости Глорина — я хотел бы увидеть, где погибла наша величайшая надежда.

— Ты слишком много говоришь, старина. Пора кончать разговоры.

— Но я вижу только девять рукояток среди обломков.

Я протянул свои лапы и поднялся, чтобы поразить его. Но он удержал меня — не магией, а простым словом:

— Ты еще не победил.

— Как ты можешь говорить это, когда ты последний?

— Ты лжешь, — продолжал он, — когда говоришь, что царствование твоего господина никогда не кончится, потому что Тьма победила Свет. Ты не видишь своей собственной слабости.

— У меня нет слабости, кудесник.

Сквозь сумрак я разглядел его улыбку.

— Хорошо, — сказал я. — Тебе не нужно проклинать великодушие, истину, красоту и благородство, чтобы заслужить быструю смерть. Скажи только, что за слабость ты видишь у меня.

— Я всегда рассматривал преимущества быстрой смерти в числе стоящих на последнем месте, — ответил он.

— Расскажи мне, как я могу защититься.

Дерзкий старик имеет наглость смеяться. Я решил, что его смерть будет долгой и мучительной.

— Я скажу тебе, и ты уже не сможешь защититься от этого. Я теперь вижу, что ты умрешь, когда узнаешь любовь.

Я топнул ногой и взревел:

— Любовь? Любовь? Твой ум так же поврежден, как и твое тело, чтобы обвинить меня в подобных непристойностях! Любовь!

Мой хохот огласил пещеру, когда я обезглавил его и покатал его голову назад к проходу. Мои бока болели от смеха.

Через некоторое время я взял чью-то ногу и начал жевать ее. Довольно жесткая. Должно быть, героя.

Мой господин Глойм, нынешний и будущий повелитель мира, вошел вечером, чтобы похвалить мою работу и поздравить с хорошо проведенными столетиями. В награду за мою честную службу он дал мне искусно обработанный слиток золота с моим именем, выгравированным на нем.

— Мой милый Бактор, — спросил он через некоторое время, — как могло случиться, что я вижу остатки оружия только девяти рыцарей Света, хотя все десять погибли?

Я рассмеялся:

— Здесь только девять. Десятый вон там в коридоре. Этот герой явился иначе, нежели остальные, и я остановил его там. Он был очень искусным.

— Я желаю увидеть это сам.

— Конечно, господин. Следуйте за мной.

Я показал ему путь. Я слышал, как он издал вздох, когда мы остановились перед нишей.

— Он цел! — прошипел он. — Мужчина не убит, и клинок не сломан!

Я снова засмеялся:

— Но он безвреден, господин. Отныне и навеки. Его одного я остановил скорее волшебством, нежели мощью своего тела. При случае я прихожу сюда, чтобы любоваться им. Он был лучшим. Он был очень близок к тому, чтобы победить меня.

— Глупец! — воскликнул Глойм. — Заклинание может быть снято! И я вижу, что это Глорин со своим Даммерунгом! Мы должны покончить с ними сейчас, чтобы завершить нашу победу!

Он потянулся за волшебной палочкой в сумке на поясе.

Я снова повернулся и увидел острое клинка, который я остановил в дюйме от своей груди, когда мое заклинание заморозило все движение и превратило героя в статую на-

всегда отложенного правосудия и наказания. Лезвие Даммерунга было тоньше листа, острие его — свидетельство того, как близко может материя подойти к бесконечности...

Я услышал моего господина:

— Уходи прочь, Бактор.

И я услышал другой голос, свой собственный, который произносил слова, разрушающие заклинание. Восхитительный удар был завершен после тысячелетней паузы.

Затем меч выскользнул из меня с фонтаном моих жизненных соков, и я повалился назад.

И когда этот прекрасный клинок, лишивший меня жизни, медленно покидающей тело, обратился против Глойма, я бросил взгляд на его владельца, на белизну его красивого лица, его суровую улыбку.

24 ВИДА ГОРЫ ФУДЗИ КИСТИ ХОКУСАЯ

Я вспомнил, как описывал вид гор за моим домом в письме моему другу Карлу Йоке, и вдруг понял, что созерцание этих гор в разных ракурсах в различные времена года, практически каждый день, имеет прямое отношение к этому рассказу. Непосредственной же причиной его написания послужило то обстоятельство, что мне попался сборник репродукций Хокусая, упоминаемый в тексте. Без моих гор не было бы ни медитаций, ни рассказа, ни премии Хьюго (на этот раз ее получила Шона Маккарти, а привез в Нью-Мексико и доставил мне Паррис — спасибо, Шона, спасибо, Паррис). Я не могу упомянуть всех, кто принимал участие в этом. Все восходит к горам. И без огня Фудзи как дополнения к морозу первого рассказа я должен был бы искать другое название для этой книги. Спасибо, Термодинамика.

1. Вид горы Фудзи от Овари

Кит жив, хотя он похоронен неподалеку отсюда, а я мертва, хотя вижу розовый вечерний отблеск на облаках над горой вдалеке и дерево на переднем плане для подходящего контраста. Старый бондарь превратился в пыль; его гроб тоже. Кит говорил, что любит меня, и я говорила,

что люблю его. Мы оба говорили правду. Но любовь может означать многое. Она может быть орудием нападения или проявлением болезни.

Меня зовут Мари. Я не знаю, будет ли моя жизнь соответствовать тем формам, в которые я переселюсь в этом паломничестве. Итак, начинаю. Любой отрезок круга, как этот исчезающий обруч бочонка, мог бы привести в то же самое место. Я пришла, чтобы убить. Я несу скрытую смерть, дабы бросить ее против тайной жизни. Обе они невыносимы. Я взвешивала и то и другое. Будь я посторонней, я не знала бы, что выберу. Но я здесь, я, Мари, следующая магическим путем. Каждый момент целостен, хотя у каждого есть прошлое. Я не понимаю причин, только следствия. И я устала от игр с изменением реальности. Все будет становиться яснее с каждым успешным шагом моего путешествия, и как тонкая игра света на моей магической горе все должно измениться. В каждый момент во мне должно быть немного жизни и немного смерти.

Я начинаю здесь, так как мы жили недалеко отсюда. Я была здесь раньше. Я вспоминаю его руку на моем плече, его иногда улыбающееся лицо, груды книг, холодный, плоский глаз дисплея его компьютера, снова его руки, сложенные в позе медитации, его улыбку — уже другую. Далеко и рядом. Его руки — на мне. Сила его программ, раскалывающих коды, создающих коды. Его руки. Неумолимые руки. Кто бы мог подумать, что он откажется от этого стремительно разящего оружия, этих тончайших приборов, властвующих над моим телом? От меня? Руки...

Я вернулась. Вот и все. Я не знаю, достаточно ли этого.

Старый бондарь в обруче своей работы... Наполовину полный, наполовину пустой, наполовину деятельный, наполовину пассивный... Могу ли я вести себя как «инь» и «янь» этой известной картины? Могу ли считать, что она символизирует Кита и меня? Могу ли я рассматривать ее как великий Ноль? Или как бесконечность? Или все это слишком очевидно? Да, пусть Фудзи станет этим символом. Разве не на Фудзи нужно подняться, чтобы дать отчет о своей жизни перед Богом или богами?

У меня нет намерения подниматься на Фудзи, чтобы давать отчет Богу или кому-нибудь еще. Только неуверенность и неопределенность нуждаются в оправдании. Я делаю то, что должна. Если у богов есть вопросы, они могут

спуститься вниз с Фудзи и спросить меня. С другой стороны, между нами тесное согласие. Такое, преодоление пределов которого может быть одобрено только издалека.

Действительно. Я единственная из людей знаю это. Я, которая попробовала запредельность. Я знаю также, что смерть — это единственный бог, который приходит, когда его зовут.

По традиции хенро — пилигрим — должен быть одет во все белое. Я не следую традиции. Белое не идет мне, и мое паломничество — частное дело, тайна до тех пор, пока я смогу ее сохранить. Сегодня я надеваю красную блузу; жакет и слаксы цвета хаки, кожаные туристские ботинки; я подвязала волосы, в рюкзаке за спиной все необходимое. Я все-таки беру посох, отчасти для того, чтобы опираться, что иногда бывает нужно, отчасти как оружие, которое может понадобиться. Я сторонник его применения в обоих случаях. Посох, как сказано, символизирует веру в паломничество. Вера — это вне меня. Я останавливаюсь на надежде.

В кармане моего жакета лежит маленькая книжка, содержащая репродукции двадцати четырех из сорока шести картин Хокусая с видами горы Фудзи. Это подарок, очень давний. Традиция выступает против паломничества в одиночку, в целях безопасности и товарищеского общения. Итак, дух Хокусая — мой спутник, так как он присутствует в тех местах, которые я хотела бы посетить. Мне не нужны другие спутники, и что за японская драма без духов и привидений?

Охватывая взглядом эту сцену, думая свои думы и чувствуя то, что я чувствую, я начинаю. Я немного жива, немного мертва. Мой путь не будет полностью пешим. Но большая часть пути — да. Есть определенные вещи, которых я должна избегать в этом путешествии приветствий и прощаний. Простодушие — мой темный плащ, и, вероятно, пешая прогулка будет для меня полезной.

Я должна следить за своим здоровьем.

2. Вид горы Фудзи из чайного домика в Йошиде

Я изучаю репродукцию: мягкая голубизна рассветного неба, слева Фудзи, на которую через окно чайного домика смотрят две женщины; другие изогнутые, сонные фигуры, как куклы на полке...

Здесь все иначе. Они ушли, как бондарь, — люди, чайный домик, рассвет. Только гора и картина остались. Но этого достаточно.

Я сижу в столовой гостиницы, где провела ночь, завтрак съеден, чашка чая передо мной. В комнате есть еще обедающие, но поодаль. Я выбрала этот стол из-за вида, открывающегося из окна и напоминающего вид на репродукции. Хокусай, мой молчаливый спутник, мог бы улыбнуться. Погода была достаточно благосклонна, чтобы я могла заночевать под открытым небом, но я очень серьезно отношусь к своему паломничеству к исчезнувшим видам Фудзи. Оно может прерваться в любой момент. Я надеюсь, этого не произойдет, но жизнь редко соответствует моим надеждам.

Это, однако, неподходящее настроение для ясного дня. Я выпью чай и посмотрю на гору. Небо меняется на глазах...

Изменения... Я должна соблюдать осторожность, когда буду покидать это место. Я продумала все свои движения — от того, как поставлю чашку на стол, поднимусь, повернусь, возьму свои вещи, пойду к выходу, до того, как снова буду на природе.

Я не так сильно устала после вчерашнего перехода, как думала, и принимаю это за хороший знак. Я старалась поддерживать приличный вид, несмотря ни на что. Картина на стене справа от меня изображает тигра, и мне хочется, чтобы это тоже был хороший знак. Я родилась в год тигра, и сильное и бесшумное движение большой полосатой кошки — это то, что мне больше всего нужно. Я пью за тебя, Шер Хан, кот, который гуляет сам по себе. Мы должны быть твердыми в нужное время, нежными в подходящий момент.

Во-первых, мы были связаны почти телепатически, Кит и я. Нас тянуло друг к другу, и даже сильнее в те годы, когда мы были вместе. Близость, медитация... Любовь? Любовь может быть оружием. Поверни ее, как монету, и выйдет «янь».

Гори ярче, Шер Хан, в джунглях сердца. Сейчас мы охотники.

Я наблюдала изменения на небе до тех пор, пока все небо не стало одинаково светлым. Я допила чай. Поднялась,

надела рюкзак, взяла посох. Я направилась через короткий коридор к задней двери.

— Мадам! Мадам!

Это один из местных служащих, маленький человечек с испуганным выражением лица.

— Да?

Он кивает в сторону моего рюкзака.

— Вы покидаете нас?

— Да.

— Вы не отметились у портье.

— Я оставила плату за комнату в конверте на туалетном столике. На нем написано «плата за проживание». Я подсчитала необходимую сумму.

— Вы должны зарегистрировать отъезд.

— Я не отмечала свой приезд. Я не буду отмечать отъезд. Если вы хотите, я могу проводить вас до комнаты, чтобы показать, где я оставила плату.

— Извините, но деньги принимает кассир.

— Извините меня тоже, но я оставила плату и не буду отмечаться.

— Это нарушение. Я должен буду позвонить управляющему.

Я вздыхаю:

— Нет. Я не хочу этого. Я отмечу выезд, так же как и въезд.

Я замедляю шаги и поворачиваю в сторону вестибюля.

— Ваши деньги, — говорит он. — Если вы оставили их в комнате, вы должны пойти и принести их.

Я отрицательно качаю головой:

— Я оставила и ключ.

Я вхожу в вестибюль. Подхожу к креслу в углу, самому дальнему от конторки. Сажусь.

Маленький человечек следует за мной.

— Будьте добры, скажите им, что я хочу зарегистрировать отъезд, — прошу я.

— Ваша комната номер...

— Семнадцать.

Он слегка кланяется и направляется к стойке. Он говорит с женщиной, которая бросает на меня взгляды. Я не могу слышать их слов. В конце концов он берет ключ и уходит. Женщина улыбается мне.

— Он принесет ключ и деньги из вашей комнаты, — говорит она. — Вам понравилось у нас?

— Да, — отвечаю я. — Если он позаботится об этом, я, пожалуй, пойду.

Я начинаю подниматься.

— Пожалуйста, подождите, — говорит она, — сейчас я все сделаю и дам вам квитанцию.

— Мне не нужна квитанция.

— Мне необходимо отдать ее вам.

Я снова усаживаюсь. Я держу посох между коленями, вцепившись в него обеими руками. Если я попытаюсь уйти сейчас, она, вероятно, позовет управляющего. Я не желаю привлекать к своей особе еще больше внимания.

Я жду. Я контролирую дыхание. Я освободила сознание.

Через некоторое время человек возвращается. Он передает ей ключ и конверт. Она шуршит бумагой. Она вставляет бланк в машину. Нажимает кнопки. Вытаскивает бумагу из машины и осматривает ее. Считает монеты в моем конверте.

— Вы оставили правильную сумму, миссис Смит. Вот ваша квитанция.

Она отрывает верхнюю часть листа.

Что-то происходит в воздухе, будто луч света упал сюда секундой ранее. Я быстро вскакиваю на ноги.

— Скажите, пожалуйста, это частная гостиница или она входит в гостиничную сеть?

При этом я двигаюсь вперед, так как знаю ответ наперед.

Ощущение усиливается, локализуется.

— Мы входим в сеть, — отвечает она, оглядываясь в затруднении.

— С центральной конторой?

— Да.

Особым способом, когда ощущения объединяются с действительностью, я вижу, что эпигон, похожий на летучую мышь, устраивается рядом с ней. Она уже чувствует его присутствие, но не понимает. Мой путь — немедленное действие, без раздумий и колебаний, — поэтому я подхожу к конторке, кладу посох под подходящим углом, наклоняюсь вперед, как будто собираюсь взять квитанцию, и слегка подталкиваю посох так, что он скользит и падает,

перелетая через конторку, его металлический наконечник попадает в кожу терминала компьютера. Верхний свет гаснет немедленно. Эпигон съезживается и рассеивается.

— Перебой с электричеством, — замечаю я, поднимая посох и поворачиваясь. — До свидания.

Я слышу, как она приказывает служащему проверить щиток.

Я выхожу из вестибюля и захожу в комнату отдыха, где принимаю таблетку, так, на всякий случай. Затем я возвращаюсь в коридор, пересекаю его и покидаю здание. Я знала, что рано или поздно это произойдет, поэтому приготовилась. Миниатюрной схемы внутри посоха было достаточно для этого случая. Хотя я надеялась, что меня обнаружат позже, вероятно, даже лучше, что это произошло сейчас. Я чувствую себя более живой, более настороженной после этой демонстрации опасности. Это ощущение, это знание полезно мне.

И он не достиг меня. Все закончилось ничем. В основном ситуация не изменилась. Я рада, что победила столь малой ценой.

Я хочу выйти и оказаться на природе, где я сильнее, а он слабее.

Я вхожу в свежий день, новую частицу своей жизни после утреннего созерцания горы.

3. Вид горы Фудзи от Ходогайи

Я нахожу место изогнутых сосен на Токайдо и останавливаюсь, чтобы посмотреть на Фудзи из-за них. Путешественники, которые проходят во время первого часа моего бодрствования, не похожи на путешественников Хоккуса, но это неважно. Лошадь, носилки, голубые одеяния, большие шляпы — все в прошлом, теперь они находятся в вечном путешествии на картине. Купец или дворянин, вор или слуга — я смотрю на них как на пилигримов. Я хорошо себя чувствую и не знаю, медикаменты или медитация обусловили мою повышенную чувствительность к тонкостям света. Кажется, Фудзи почти движется под моим пристальным взглядом.

Паломники... Я была бы не против путешествовать с Мацуо Басе, который сказал, что все мы в каждую минуту своей жизни — путешественники. Я вспоминаю также его

впечатления от заливов Мацусима и Кисагата: первый обладает искрящейся прелестью, а второй — прелестью плачущего лица. Я думаю о цвете Фудзи, о том, что выражает ее вид, и захожу в тупик. Печаль? Покаяние? Радость? Воодушевление? Они соединяются вместе и смещаются. У меня нет гения Басе, чтобы выразить это в простой характеристике. И даже он... Я не знаю. Подобное говорит с подобным, но описание должно преодолеть бездну. Восхищение всегда содержит в себе недостаток понимания.

Пока остановимся на этом.

Паломники... Я думаю также о Чосере, когда смотрю на картину. Его путешественники хорошо проводили время. Они рассказывали друг другу грязные истории и стихи, присоединяя в конце мораль. Они ели и пили и обманывали друг друга. Кентербери был их Фудзи. Всю дорогу они веселились. Книга кончается перед тем, как они прибывают на место. Подходяще.

Я не лишена чувства юмора. Может быть, Фудзи действительно смеется надо мной. Если так, я очень бы хотела присоединиться к ней. Мне действительно не нравится мое теперешнее настроение, и короткий перерыв на медитацию не помешал бы, если бы был подходящий объект. Жизнь не может все время нестись на предельной скорости. Я бы приветствовала перерыв в гонке. Завтра, быть может...

Черт побери! О моем присутствии подозревали, в противном случае эпигон не появился бы. Я была очень осторожна. Подозрение — это еще не уверенность, и я надеюсь, что мои действия были достаточно решительными. Мое теперешнее местонахождение вне досягаемости, о нем не знает никто. Я снова возвращаюсь к Хокусаю.

Я хотела бы провести остаток моих дней на тихом берегу в Орегоне. Место не без своих особенностей. Но, кажется, Рильке сказал, что жизнь — это игра, которую мы должны начинать, не узнав хорошенько ее правил. Узнаем ли мы их когда-нибудь? И действительно ли это правила?

Вероятно, я читаю слишком много стихов.

Но что-то, что кажется мне правилом, требует, чтобы я сделала это усилие. Справедливость, долг, месть, защита — должна ли я взвесить их по отдельности и определить процент их участия в том, что движет мною? Я здесь,

потому что я здесь, потому что я следую правилам — какими бы они ни были. Мое понимание ограничено результатами. Его — нет. Он всегда мог делать интуитивные скачки. Кит был мудрец, ученый, поэт. Такое богатство. Я беднее во всех отношениях.

Кокус, хранитель всех, кто родился в год тигра, разруш это настроение. Я не хочу его. Оно не мое. Пусть это будет болью старой раны, даже обновленной воспалением. Но я не могу позволить ей овладеть мною. Покончи с ней поскорее. Моя боль в сердце, и мои причины благородны. Дай мне силы отделить себя от этого, Ловец в Бамбуке, господин того, кто одет в полоски. Отбрось унылость, собери меня, дай мне силы. Дай мне покой.

Я наблюдаю игру света. Откуда-то доносится детское пение. Через некоторое время начинается тихий дождик. Я надеваю пончо и смотрю. Я очень слаба, но я хочу увидеть Фудзи, возникающую из тумана, который начал подниматься. Я отпиваю немного воды и капельку бренди. Остались только очертания. Фудзи превратилась в привидение горы на таоистских картинах. Я жду до тех пор, пока небо не начинает темнеть. Я знаю, что гора больше не придет ко мне сегодня, и я должна позаботиться о сухом месте для ночлега. Вот мои уроки из Ходогайи: «Стремись к настоящему. Не старайся приукрашивать идеалы. Имей достаточно разума, чтобы укрыться от дождя».

Я иду через небольшую рощу. Сарай, сеновал, гараж... Подойдет что-нибудь, что стояло бы между мной и небом.

Через некоторое время я нахожу такое место. Ни одно божество не является мне во сне.

4. Вид горы Фудзи от Тамагавы

Я сравниваю картину с реальностью. На этот раз не так плохо. Лошади и мужчины на берегу нет, зато на воде есть маленькая лодка. Не совсем такая лодка, если уж говорить по правде, и я не могу сказать, что она сделана из дерева, но и этого достаточно.

Я была бы удивлена, если бы нашла полное совпадение. Лодка плывет прочь от меня. Розовый свет восхода отражается на воде и на тонком слое снега на темных плечах Фудзи. Лодочник на картине отталкивается шестом. Харон? Нет, я сегодня более бодр, чем в Ходогайе.

«La navicella». Да. «La navicella del mio ingegno» — «маленькая лодка моего разума», на которой Данте поднял парус, чтобы плыть в Чистилище. Теперь Фудзи... Вероятно, так. Ад внизу, небеса наверху, Фудзи посередине — конечная остановка. Утонченная метафора для паломника, который хотел бы очиститься. Подходяще. Для этого есть и огонь, и земля, и воздух.

Спокойствие нарушается, и моя мечтательность проходит, когда маленький самолет желтого цвета спускается к воде откуда-то слева от меня. Мгновением позже его комариное жужжание достигает моего слуха. Он быстро теряет высоту, скользит низко над водой, разворачивается и устремляется назад, на этот раз двигаясь вдоль береговой линии. Когда он приближается к точке, наиболее близкой ко мне, я замечаю вспышку отраженного света в его кабине. Бинобль? Если так, слишком поздно прятаться от его любопытных глаз. Моя рука проникает в нагрудный карман и вытаскивает оттуда маленький серый цилиндр. Я сбиваю легким ударом колпачки, подношу его к глазам. Секунда на поиск цели, другая на фокусировку...

Пилот мужчина, и, так как самолет улетает прочь, я схватываю только его незнакомый профиль. Что это за золотая серьга в его левом ухе?

Самолет улетел в том направлении, откуда появился. Он не вернется.

Я дрожу. Кто-то прилетел с единственной целью бросить на меня взгляд. Как он нашел меня? И что он хочет? Если он решит, что я очень испугана, то атака последует в совсем другом направлении, чем то, к которому я приготовилась.

Я сжимаю руку в кулак и тихо ругаюсь. Не готова. Это история всей моей жизни. Всегда быть готовой не к тому. Всегда пренебрегать тем, что имеет наибольшее значение.

Как Кендра? Я отвечаю за нее, она одна из причин моего присутствия здесь. Если я преуспею в этом, я, по крайней мере, выполню часть моего долга перед ней. Даже если она никогда не узнает, даже если она никогда не поймет...

Я выталкиваю все мысли о дочери из своего сознания. Если он только подозревает...

Настоящее. Вернуться в настоящее. Не расплескивать энергию в прошлое. Я стою на четвертой стоянке моего

паломничества, и кто-то проверил меня. На третьей станции эпигон попробовал обрести форму. Я приняла исключительные меры предосторожности при возвращении в Японию. Я здесь по фальшивым документам, путешествую под чужим именем. Годы изменили мою внешность, и я помогла им в том, чтобы усилить темноту моих волос и лица, изменить манеру одеваться, манеру речи, походку, привычки в еде — что было для меня легче, чем многим другим: у меня уже была практика в прошлом. Прошрое... Снова, черт побери! Может быть, оно работает против меня даже таким образом? К черту прошрое! Эпигон и, возможно, человек-наблюдатель объединяются вместе. Да, я нормальная сумасшедшая и была ею много лет, если хорошенько поразмыслить.

Однако я не могу позволить моему знанию действительности повлиять на мои нынешние суждения.

Я вижу три возможности. Первая в том, что самолет ничего не значит, что он мог появиться, если бы кто-нибудь другой стоял там, или никого бы не было. Просто прогулка или поиски чего-нибудь еще.

Это может быть и так, но мой инстинкт выживания не может позволить мне принять это. Таким образом, кто-то разыскивает меня. Это либо связано с появлением эпигона, либо нет. Если нет, то большое искушение жизни появляется передо мной, и у меня нет идеи, как начать расплетать переплетенное.

Третья возможность наиболее страшная: существует связь между эпигоном и летчиком. Если дела дошли до того, что задействованы оба агента, тогда я обречена на неудачу. И даже более того, это будет означать, что игра приняла другой, устрашающий характер, который я не принимала во внимание. Это будет означать, что население Земли находится в большей опасности, чем я предполагала, что я единственная, кто знает о ней, и поэтому мой персональный поединок вырастает до глобальных масштабов. Я не могу рисковать, отнеся это сейчас к моей паранойе. Я должна предполагать худшее.

Мои глаза переполнились. Я знаю, каково умирать. Однажды я узнала, каково проигрывать с изяществом и отрешенностью. Я не могу больше позволить себе такое роскошество. Если у меня и были какие-то скрытые мысли, теперь я изгоняю их. Мое оружие хрупко, но я должна

владеть им. Если боги спустятся с Фудзи и скажут мне: «Дочь, мы хотим, чтобы ты прекратила все это», я должна продолжить это до конца, хотя бы мне грозили вечные муки ада. Никогда прежде я не осознавала так силу судьбы.

Я медленно опускаюсь на колени. Ведь я должна победить бога.

Отныне я плачу не о себе.

5. Вид горы Фудзи от Фукагавы в Эдо

Токио. Гиндза и неразбериха. Движение и грязь. Шум, краски и лица, лица, лица. Когда-то я любила подобные сцены, но я не была в городе уже очень давно. И возвращение в город, такой, как этот, обессиливает, почти парализует.

Старый Эдо на картине совсем не тот, и я пользуюсь случаем прийти сюда, хотя осторожность угнетает каждое мое движение.

Трудно найти подходящий мост, чтобы увидеть Фудзи под тем углом, под которым она изображена на картине. Вода не того цвета, и я закрываю нос от запаха. Этот мост — не тот мост. Здесь нет мирного рыбака. И зеленщик ушел. Хокусай смотрит, как и я, на Фудзи под металлическим пролетом. Его мост был грациозной радугой из дерева, произведением ушедших дней.

Что-то останавливающее и мечтательное есть во всех мостах. Харт Крейн находил в них поэзию. «Арфа и алтарь, переплавленные в неистовстве...»

И мост Ницше — человечность, простирающаяся до идеи сверхчеловека...

Нет. Мне этот мост не нравится. Лучше было бы не смотреть на него. Пусть это будет мой *pons asinorum*.

Легким движением головы я уточняю перспективу. Теперь кажется, что Фудзи поддерживает мост, и без ее поддержки он может быть разрушен, как Бифрост, чтобы удержать демонов прошлого от нападения на наш теперешний Асгард, — или, может быть, демонов будущего от штурма нашего древнего Асгарда.

Я снова двигаю головой. Фудзи опускается. Мост остается целым. Тень и материя.

Задние огни грузовика заставляют меня вздрогнуть. Я только что приехала и чувствую, что была здесь слишком

долго. Фудзи кажется слишком далекой, а я слишком незащищенной. Я должна вернуться.

Что это, урок или только прощание?

Урок, ибо душа конфликта висит у меня перед глазами: я не хочу, чтобы меня тащили через мост Ницше.

Приди, Хокусай, покажи мне другой вид Фудзи.

6. Вид горы Фудзи от Кайиказавы

Туманная, таинственная Фудзи над водой. Чистейший воздух входит в мои ноздри. Здесь есть даже рыбак почти на том месте, где он должен быть, хотя его поза менее драматична, чем на оригинале, а одежда более современна.

По пути сюда я посетила маленький храм, окруженный каменной стеной. Он посвящен Каннон, богине милосердия и прощения, утешительнице во времена страха и скорби. Я вошла. Я любила ее, когда была девочкой, пока не узнала, что на самом деле это мужчина. Тогда я почувствовала себя обманутой, почти преданной. В Китае ее звали Гуаньинь, и там она тоже была утешительницей, но пришла она из Индии, где была бодисаттвой по имени Авалокитесвара, мужчиной — «Господином, Который Взирает с Состраданием». В Тибете он был Чен-ре-ци — «Он с Сострадательными Глазами» — тот, кто регулярно перевоплощается, как Далай Лама. Я не верила во все эти чудеса с перевоплощением, и Каннон потеряла для меня часть своего очарования после того, как я получила эти поверженные знания по истории и антропологии. Но я вошла. Мы мысленно возвращаемся в обстановку детства во времена тревог. Я провела там некоторое время, и ребенок внутри меня танцевал, затем все прошло.

Я наблюдала за рыбаком на этих волнах, маленьких копиях большой волны Хокусая, которая для меня всегда символизировала смерть. Маленькие смерти сворачиваются вокруг него, мужчина тащит серебряную сеть. Я вспоминаю сказку из «Тысячи и одной ночи» и другую — американских индейцев. Я могла бы увидеть христианскую символику или архетип Юнга. Но я помню, как Эрнст Хемингуэй сказал Бернарду Беренсону, что секрет величайших произведений в том, что в них нет символизма. Море есть море, старик есть старик, мальчик — это мальчик, марлин — это марлин и акула такая же, как и остальные.

Люди домысливают все сами, заглядывая за поверхность, всегда ищут большего. Для меня это, по крайней мере, непонятно. Я провела детство в Японии, отрочество в Соединенных Штатах. Во мне есть часть, которая любит видеть намеки и соприкасаться с тайной. Но американская часть никогда ничему не доверяет и всегда ищет материальный источник.

В целом я должна сказать, что лучше не доверять, хотя перед тем, как перестановка причин, которой я предаюсь, переполнит мой разум, следует наметить какие-то линии интерпретации. Я все та же, не отказываюсь от этого качества характера, которое хорошо служило мне в прошлом. Это не противоречит точке зрения Хемингуэя, так же как и моей, ибо ни одна не претендует на полную истину. Однако в моей теперешней ситуации, я уверена, моя дает больший потенциал для выживания, так как я имею дело не только с «вещами», но и с отмеченными временем Державами и Княжествами. Я хотела бы, чтобы это было не так и эпигон был бы простым артефактом, сродни шаровой молнии, которую изучал Тесла. Но за всем этим что-то стоит, вне всякого сомнения, так как у желтого самолета был пилот.

Рыбак видит меня и машет рукой. Я машу в ответ с удовольствием.

Меня удивляет готовность, с которой я воспринимаю это ощущение. Я чувствую, что это должно быть связано с общим состоянием моего здоровья. Свежий воздух и путешествие пешком, по-видимому, укрепили меня. Мои чувства стали острее, аппетит лучше. Я потеряла в весе, но приобрела мускулы. Я не пользовалась лекарствами несколько дней.

Отчего бы это... Действительно ли это хорошо? Правда, я должна поддерживать мои силы. Я должна быть готова ко многому. Но слишком много сия... Равновесие, вероятно, я должна искать равновесие...

Я смеюсь, я даже не могу вспомнить, когда я смеялась в последний раз. Смешно пребывать в жизни и смерти, болезненности и здоровье таким же способом, как герой Тома и Манна, когда я уже прошла четверть всего пути. Мне понадобится вся моя сила — и, возможно, еще больше — во время пути. Раньше или позже счет будет предъявлен. Между тем я решаю наслаждаться тем, что у меня есть.

Когда я нанесу удар, это будет моим последним вздохом. Я знаю это. Этот феномен известен мастерам военного дела разных вероисповеданий. Я вспоминаю историю рассказанную Юджином Херригелем, об уроках, которые давал мастер киудо: нужно было натянуть тетиву лука и ждать, ждать, ждать, пока не раздастся сигнал отпустить ее. Два года он делал это, пока его сенсей не дал ему стрелу. Я забыла, как долго после этого он повторял это действие со стрелой. Итак, все это начало соединяться воедино, и мог бы настать существующий вне времени момент истины, когда стрела полетела бы — полетела бы в цель. Прошло много времени, прежде чем он понял, что этот момент всегда приходит с последним вздохом.

Так в искусстве, так и в жизни. По-видимому, такие важные вещи, от смерти до оргазма, происходят в момент пустоты, в точке остановки дыхания. Вероятно, все они не более чем отражение смерти. Это глубокое осознание для таких, как я, ибо моя сила должна с необходимостью истекать из моей слабости. Это управление, способность найти именно тот момент, который больше всего мне подходит. Но я верю тому, что нечто во мне знает, где ложь. Слишком поздно теперь пытаться построить мост к моему сознанию. Я составила свои скромные планы. И поместила их на заднюю полку своего сознания. Я могу оставить их там и вернуться к другим делам.

Тем временем я впитываю этот момент вместе с соленым воздухом, говоря себе, что океан есть океан, рыбак есть рыбак и Фудзи — всего лишь гора. Затем я медленно выдыхаю...

7. Вид горы Фудзи от подножия

Огонь в ваших внутренностях, следы зимы как пряди древних волос. Картина более устрашающая, чем реальность этим вечером.

Жуткий красноватый оттенок не пылает на рое облаков. Я все еще двигаюсь. Перед лицом древних сил Огненного Кольца трудно не стоять с внутренней дрожью, скользя назад через геологические эпохи ко временам творения и разрушения, когда возникали новые земли.

Великое излияние, ослепительные вспышки, танец молний, как корона.

Я погружаюсь в огонь.

Прошлую ночь я спала в пристройке маленького сингонского храма, среди кустарников, подстриженных в виде драконов, пагод, кораблей и зонтиков. Там было много обычных пилигримов, и священнослужитель совершал огненный ритуал — гома. Огни Фудзи напомнили мне об этом, так же как тогда огонь напомнил мне Фудзи.

Священник, молодой человек, сидел перед алтарем, на котором стояло блюдо для огня. Он прочитал речитативом молитву и разжег огонь. Я наблюдала, полностью очарованная, как он начал кормить огонь ста восемью лучинками. Они, как мне сказали, представляют сто восемь иллюзий души. Так как я не знаю весь список, я чувствовала, что могла бы представить парочку новых.

Неважно. Он пел псалом, звонил в колокольчик, ударял в гонг и барабан. Я взглянула на других паломников. Я увидела, что они все полностью поглощены молебном. Все, кроме одного.

Он присоединился к нам, войдя в полном молчании, и остановился в тени справа от меня. Он был одет во все черное, и крылья широкого капюшона скрывали нижнюю часть его лица. Он смотрел на меня. Как только наши глаза встретились, он отвел свои в сторону, уставившись на огонь. Через несколько мгновений я сделала то же самое.

Священник добавил ладана, листьев, масла. Я начала дрожать. В мужчине было что-то знакомое. Я хотела подробнее рассмотреть его.

Я медленно продвинулась вправо в течение следующих десяти минут, как будто отыскивая место, откуда лучше видно церемонию.

Затем внезапно повернулась и уставилась на мужчину.

Я снова перехватила его изучающий взгляд, и снова он быстро отвел глаза. Но пламя осветило его лицо, от резкого движения головы его капюшон упал.

Я была уверена, что это именно тот человек, который пилотировал желтый самолет на прошлой неделе в Тамагаве. Хотя у него не было золотой серьги, раковина левого уха выдавала его.

Но было еще кое-что. Увидя его лицо полностью, я была уверена, что видела его где-то раньше, годы тому назад. У меня необычно хорошая память на лица, но почему-то я

не могла припомнить его. Он испугал меня, и я почувствовала, что для этого были свои причины.

Церемония продолжалась до тех пор, пока последняя лучина не была помещена в огонь. Когда она сгорела, священник закончил службу. Тогда он повернулся, вырисовываясь на фоне света, и сказал, что пришло время для тех, кто чувствует недомогание, втереть целительный пепел.

Двое из паломников продвинулись вперед. Еще один медленно присоединился к ним. Я взглянула направо еще раз. Мужчина ушел в таком же молчании, как и пришел. Я окинула взором всю внутренность храма. Его нигде не было. Я почувствовала прикосновение к моему левому плечу.

Повернувшись, я взглянула на священника, который легонько ударил меня трехзубым медным инструментом, которым пользовался во время церемонии.

— Иди, — сказал он, — и вотри пепел. Тебе нужно лечение для левой руки и плеча, поясницы и ноги.

— Как вы узнали об этом?

— Мне было дано увидеть. Иди.

Он показал место слева от алтаря, и я пошла туда, пугаясь его пронизательности, так как в тех местах, которые он называл, онемение усиливалось в течение дня. Я воздерживалась от приема лекарств, надеясь, что приступ пройдет сам по себе.

Он массажировал меня, втирая пепел погасшего огня в те места, которые он назвал, потом показал мне, как продолжать дальше. Я так и сделала, по традиции немного потерев в конце голову.

Потом я осмотрела все вокруг, но моего странного на блюдателя нигде не было. Я нашла укромное место между ногами дракона и расстелила постель. Мой сон не тревожили.

Я проснулась перед рассветом и обнаружила, что чувствительность восстановилась во всех онемевших местах. Я была рада, что приступ прошел без применения лекарств.

Остаток дня, пока я шла к подножию Фудзи, я чувствовала себя удивительно хорошо. Даже теперь я полна необычной силы, что пугает меня. Что, если пепел церемониального огня обладает целебными свойствами? Я боюсь,

что может сделаться с моими планами, с моим решением. Я не уверена, что знаю, как поступать в этом случае.

Итак, Фудзи, Владычица Скрытого Огня, я пришла, готовая и пребывающая в страхе. Я буду ночевать неподалеку отсюда. Утром я двинусь дальше. Твое присутствие переполняет меня. Я хочу отойти для другой, более отдаленной перспективы. Если бы я когда-нибудь взобралась на тебя, интересно, смогла бы я бросить сто восемь палочек в твой священный очаг? Я думаю, нет. Есть иллюзии, которые я не хочу разрушать.

8. Вид горы Фудзи от Тагоноуры

Я поехала на лодке, чтобы посмотреть на берег и склоны Фудзи. Я все еще чувствую себя здоровой. Стоит ясный день, с моря дует холодный ветер. Лодка раскачивается на небольших волнах, пока рыбак и его сын, которым я заплатила, чтобы иметь возможность воспользоваться их лодкой, направляют ее по моему требованию так, чтобы я могла найти точку обзора, наиболее приближенную к картине. Как много из бытовой архитектуры этих мест представляю мне носы кораблей. Сходимость эволюции культуры, сообщение представляет собой среду? Море — это жизнь? Добывая пропитание под волнами, мы всегда на море?

Или море — это смерть, оно может подняться и разрушить наши страны, потребовать наши жизни в любой момент? Таким образом, это «*temento mori*» мы поместили даже на крыши над нашими головами и на стены, которые поддерживают эти крыши? Или это знак нашей власти, власти над жизнью и смертью?

Или ни то ни другое. Может показаться, что я затаила сильное желание смерти. Это не так. Мое желание как раз обратное.

Может быть, я пользуюсь картинами Хокусая как разнообразием пятен Роршаха для самопознания, но скорее это восхищение смертью, нежели желание ее. Я полагаю, это понятно при сильном страдании.

Достаточно об этом. Я только извлекла свое оружие, чтобы проверить его остроту. Я обнаружила, что оно в порядке, и снова вкладываю его в ножны.

Серо-голубая Фудзи, посоленная снегом, длинный край слева от меня. Похоже, что я никогда не видела одну и ту же гору дважды. Ты изменяешься так же, как и я, поэтому остаешься тем, что ты есть. А значит, у меня есть надежда.

Птицы. Позвольте мне послушать и понаблюдать за вами какое-то время, воздушные путешественники, ныряющие и поедающие пищу.

Я наблюдаю, как мужчина работает с сетью. Приятно наблюдать за его проворными движениями. Через некоторое время я начинаю дремать. Мне снятся сны, и я вижу бога Кокузо. Это не может быть кто-либо другой, потому что, вытащив свой меч, вспыхнувший как солнце, и указав им на меня, он говорит свое имя. Он повторяет его снова и снова, и я трепещу перед ним, но тут что-то не так. Я знаю, он сказал мне нечто кроме своего имени. Я слышу это, но не могу понять смысл. Затем он показывает острием куда-то позади меня. Я поворачиваю голову. Я вижу мужчину в черном — пилота, наблюдателя огненной церемонии. Что ищет он на моем лице?

Я проснулась от сильного раскачивания лодки, так как начался шторм. Я хватаюсь за планшир, за которым сижу. Я вижу, что мы вне опасности, и снова смотрю на Фудзи. Смеется ли она надо мной? Или это смешок Хокусая, который сидит на коленях позади меня и рисует картины на влажном дне лодки длинным слабеющим пальцем?

Если тайна не может быть понята, она должна быть сохранена. Позднее я вернусь к этому, когда мой мозг перейдет в новое состояние.

Новая порция рыбы загружается в лодку, придавая остроту этому путешествию. Рыбины извиваются, но они все-таки не смогли избежать сети. Я думаю о Кендре и удивляюсь, как поддерживает мысль о ней. Я надеюсь, что ее страх передо мной уменьшится. Я верю, что она не сбежит из своего заточения. Я оставила ее на попечение знакомых в простой, изолированной коммуне на Юго-Западе. Мне не нравится ни место, ни те, кто там живут. Но они обязаны мне кое-чем и поэтому будут держать ее там, пока не пройдут некоторые события. Я вижу ее тонкую фигуру, глаза лани и шелковые волосы. Яркая, грациозная девушка, привыкшая к роскоши, без ума от долгих омовений и частых душей, хрустящего белья. Она, вероятно, сейчас

грязная и пыльная, выносит помой свиньям, ухаживает за растениями или собирает плоды, или еще что-нибудь в этом духе. Вероятно, это будет полезно для ее характера. Она должна извлечь из этого опыта нечто большее, чем защиту от тягостной своей судьбы.

Время идет. Я обедаю.

Позднее я размышляю о Фудзи, Кокузо и моих страхах. Сны — это только проводники страхов и желаний сознания, или они иногда верно отражают неожиданные аспекты реальности, что-нибудь, что дает предупреждение? Отражать... Сказано, что совершенный ум отражает. «Шинтай» в своем ковчеге, в своей гробнице — вещь, полностью посвященная Богу, маленькое зеркало, но не изображение.

Море отражает небо со всеми облаками и голубизной. Подобно Гамлету, можно дать много интерпретаций случайному, но лишь одна может иметь ясные очертания. Я снова вспоминаю сны, без всяких вопросов. Что-то движется...

Нет. Я почти постигла это. Но поторопилась. Мое зеркало разбилось.

Когда я смотрю на берег, там уже появилась новая группа людей. Я вытаскиваю мой маленький шпионский бинокль и рассматриваю их, уже зная, что я увижу.

Он снова одет в черное. Он разговаривает с двумя мужчинами на берегу. Один из них показывает рукой по направлению к нам.

Дистанция слишком велика, чтобы можно было разглядеть все подробности, но я знаю, что это тот же самый человек. Но сейчас я не испытываю страха перед тем, что я знаю. Медленный гнев начинает разгораться внутри меня. Я обязана вернуться на берег и разобраться с ним. Это только один мужчина. Теперь я все выясню. Я больше не могу позволить себе пребывать в неизвестности, так как я уже подготовилась к этому. Его нужно встретить подходящим образом, отделаться от него или принять в расчет.

Я прошу капитана доставить меня на берег немедленно. Он ворчит. Ловля прекрасная, день только начинается. Я предлагаю ему большую плату. Он неохотно соглашается. Он приказывает сыну поднять якорь и направиться к берегу.

Я стою на носу. Пусть он получше рассмотрит. Я посылаю мой гнев вперед. Меч так же отражает объект, как и зеркало.

По мере того как Фудзи вырастает передо мной, мужчина бросает взгляд в нашем направлении, передает что-то другим, затем поворачивается и легкой походкой уходит прочь. Нет! Нет способа ускорить наше движение, и он уйдет раньше, чем я пристану к берегу. Я ругаюсь. Я хочу немедленного удовлетворения, а не продолжения таинственности.

А мужчины, с которыми он говорил... Их руки засунуты в карманы, они смеются, потом идут в другом направлении. Бродяги. Он заплатил им за то, чтобы они что-то сказали? Похоже, что так. И теперь идут куда-нибудь в пивную, чтобы пропить плату за мое спокойствие? Я окликаю их, но ветер относит мои слова прочь. Они тоже уйдут, прежде чем я достигну берега.

Так оно и есть. Когда я в конце концов стою на берегу, единственное знакомое лицо — это моя гора, сияющая как алмаз в лучах солнца.

Я вонзаю ногти в ладони, но мои руки не могут стать крыльями.

9. Вид горы Фудзи от Наборито

Я в восторге от этой картины: отлив обнажил затонувшие развалины синтоистского храма, и люди копаются среди них, отыскивая съедобные ракушки. Фудзи, конечно, видна на фоне руин.

Действительность отличается полностью. Я не могу определить место. Я не ошиблась, и вид Фудзи подходящий, но развалин нет, и у меня нет способа узнать, есть ли здесь затонувший храм.

Я сижу на склоне холма и смотрю на воду, внезапно чувствуя себя не усталой, но опустошенной. Я прошла много и шла быстро в эти несколько последних дней, и кажется, что усилия полностью истощили меня. Я посижу здесь, посмотрю на море и небо. В конце концов, моя тень, мужчина в черном, не появлялся со времени нашей встречи на берегу в Тагоноуре. Молодая кошка охотится за мотыльком у подножия холма, бьет лапами по воздуху лапки в белых перчатках мелькают. Мотылек набирает высоту,

несется под порывом ветра. Кошка сидит некоторое время, большие глаза наблюдают за ним.

Я проделываю путь до откоса, который я заметила раньше, там я буду защищена от ветра. Снимаю рюкзак, раскладываю спальник. Снимаю ботинки и быстро залезаю в спальник.

Я, видимо, немного простудилась, и конечности очень тяжелые. Мне следовало бы сегодня спать под крышей, но я слишком устала, чтобы искать пристанище.

Я лежу и смотрю на свет темнеющего неба. Как обычно, в моменты большой усталости я не могу заснуть быстро. Это из-за усталости или от чего-нибудь другого? Я не хочу принимать лекарства и поэтому лежу некоторое время, ни о чем не думая. Это не помогает. Мне очень хочется чашку горячего чая. Так как его нет, я проглатываю бренди, которое согревает меня изнутри.

Сон все еще не приходит, и я решаю рассказать самой себе историю — так я часто делала, когда была очень молодой и хотела превратить мир в сон.

Итак... Во времена неурядиц, последовавших за смертью отошедшего от дел императора Сутоки, несколько странствующих монахов различных вероисповеданий отправились в путь, чтобы найти передышку от войн, землетрясений и ураганов, которые так разрушают страны. Они хотели основать религиозную коммуну и вести созерцательную жизнь в тишине и покое. Они натолкнулись на строение, похожее на пустынный синтоистский храм, и расположились там на ночлег, удивляясь, какая моровая язва или стихийное бедствие привели к исчезновению всех жителей. Все выглядело спокойно, и нигде не было следов насилия. Они обсуждали возможность основания здесь своей обители. Им эта мысль понравилась, и они провели большую часть ночи, строя планы. Однако утром внутри храма появился древний священник, как будто выполняя свои дневные обязанности. Монахи попросили его рассказать об истории этого места, и он сообщил им, что раньше здесь были другие обитатели, но все они исчезли во время бури много лет тому назад. Нет, это не синтоистский храм, хотя издаലെка он выглядит похоже. Этот храм посвящен очень старому богу, а он его последний служитель. Если они хотят, они будут желанными гостями и могут присоединиться к нему, чтобы познакомиться со старыми

обрядами. Монахи быстро обсудили это предложение и решили, что, так как место выглядит очень привлекательно, было бы очень неплохо остаться и послушать, что за учение у старого священника. Так они стали жителями этого странного храма. Некоторые из них сначала испытывали беспокойство, так как по ночам им чудилось, что они слышат зов мелодичных голосов в шуме волн и морского ветра. И время от времени казалось, что голос старого священника отвечает этим призывам. Однажды ночью один из них пошел на эти голоса и увидел старого священника, стоящего на берегу с поднятыми вверх руками. Монах спрятался, а потом заснул в расселине скалы. Когда он проснулся, полная луна стояла высоко в небе, а старик ушел. Монах спустился туда, где стоял священник, и на песке увидел множество отпечатков перепончатых лап. Потрясенный монах вернулся к своим товарищам и все им рассказал. Они провели недели, пытаясь хотя бы мельком увидеть ноги старого священника, которые всегда были обуты. Им это не удалось, но со временем это беспокоило их все меньше. Учение старого священника оказывало на них свое действие медленно, но верно. Они начали помогать ему при выполнении ритуалов и узнали название этого мыса и его храма. Это был остаток большого затонувшего острова, который, как он уверял их, поднимался из глубин в некоторые чудесные моменты, чтобы показать потерянный город, населенный слугами его господ. Место называлось Р'лие, и они могли бы пойти туда однажды. К этому времени такое предложение показалось им неплохой идеей, так как они заметили определенное утолщение и разрастание кожи между пальцами ног и рук, а сами пальцы стали более сильными и удлинились. Теперь они участвовали во всех церемониях, которые становились все отвратительнее. Как-то раз, после особенно кровавого жертвоприношения, обещание старого священника исполнилось с точностью до наоборот. Остров не поднялся на поверхность — вместо этого затонул мыс, чтобы присоединиться к острову, увлекая храм и всех монахов вместе с ним. Так все их мерзости теперь в воде. Но раз в столетие целый остров действительно поднимается на ночь и **их** бродят по берегу в поисках жертв. И, конечно, **сейчас** именно такая ночь...

Чудеснейшая дремота наконец пришла ко мне. Мои глаза закрыты. Я плыву на плоту... Я...

Звук! Надо мной! По направлению к морю! Что-то движется в моем направлении. Медленно, потом быстро. Адреналин огнем проносится по моим жилам. Я тихо и осторожно протягиваю руку и хватаю мой посох.

Ожидание. Почему сейчас, когда я ослабела? Опасность всегда ближе в худшие моменты?

Что-то тяжело падает на землю позади меня, и я перевожу дыхание.

Это кошка, чуть побольше той, которую я видела раньше. Она приближается с мурлыканьем. Я протягиваю руку и хватаю ее. Она трется о руку. Через некоторое время я запихиваю ее в мешок.

Она ластится ко мне, мурлычет. Хорошо иметь кого-то, кто доверяет тебе и хочет быть рядом с тобой. Я называю кошку Р'лие. Только на одну ночь.

10. Вид горы Фудзи от Эджири

Обратный путь я проделываю на автобусе. Я слишком устала, чтобы идти пешком. Я приняла лекарство, что, вероятно, мне и следовало делать все это время. Может быть, пройдет еще несколько дней, пока оно принесет мне некоторое облегчение, и это меня пугает. Я не могу позволить себе быть в таком состоянии. Я не уверена, что мне следует двигаться дальше.

Картина обманчива, так как ее сила отчасти обусловлена изображением действия сильного ветра. Небеса серые, подножие Фудзи теряется в тумане, люди на дороге и два дерева рядом с ней страдают от порывов ветра. Деревья изогнулись, люди вцепились в свои одежды, шляпа летит высоко в воздухе, и бедный писарь или сам автор пытается поймать подхваченный ветром манускрипт (напоминает мне старую карикатуру — Издатель говорит Автору: «Забавная вещь случилась с вашей рукописью на параде в день Святого Патрика»). Сцена, которая предстает передо мной, не столь метеорологически бурная. Небо действительно затянуто облаками, но ветра нет; Фудзи темнее, прорисована более ясно, чем на картине; в окрестностях нет крестьян. Кругом гораздо больше деревьев.

Фактически я стою рядом с небольшой рощей. Вдалеке видны строения, которых нет на картине.

Я тяжело опираюсь на мой посох. Немного жизни, немного смерти. Я достигла моей десятой остановки и до сих пор не знаю, дает ли Фудзи мне силы или отнимает их. Наверное, и то и другое.

Я направляюсь в сторону леса, и, пока я иду, на мое лицо падают капли дождя. Нигде нет признаков присутствия человека. Я иду дальше от дороги и наконец натываюсь на маленькое открытое пространство, на котором несколько скал и булыжники. Здесь я сделаю привал. Мне больше ничего не нужно для того, чтобы провести остаток дня.

Вскоре у меня горит маленький костер, мой миниатюрный чайник стоит на камне в костре. Дальний раскат грома добавляет разнообразия к моим неудобствам, но дождя пока нет. Однако земля сырая. Я расстилаю пончо и сижу на нем в ожидании. Я точу нож и откладываю его. Ем бисквит и изучаю карту. Я полагаю, что должна бы чувствовать некоторое удовлетворение, ведь все идет так, как я предполагала. Я хотела бы, но не чувствую.

Неизвестное насекомое, которое жужжало где-то позади меня, внезапно умолкает. Секундой позже я слышу хруст ветки у себя за спиной. Моя рука сжимает посох.

— Не надо, — говорит кто-то сзади.

Я поворачиваю голову. Он стоит в восьми или десяти футах от меня, мужчина в черном, правая рука в кармане пиджака. Кажется, что у него в кармане есть еще что-то, кроме этой руки.

Я убираю руку с посоха, и он приближается. Носком ботинка он отбрасывает мой посох подальше. Затем вынимает руку из кармана, оставляя там то, что держал. Он медленно движется вокруг костра, поглядывая на меня, усаживается на камень и опускает руки между коленями. Потом спрашивает:

— Мари?

Я не отзываюсь на свое имя, но смотрю на него. Свет меча Кокузо из сна вспыхивает в моем сознании, и я слышу, как Бог называет его имя, только не совсем правильно.

— Котузов!

Мужчина в черном улыбается, показывая, что вместо зубов, которые я выбила очень давно, сейчас стоит аккуратный протез.

— Вначале я был совсем не уверен, что это вы.

Пластическая операция убрала по крайней мере десяток лет с его лица вместе со многими морщинами и шрамами. Изменились также глаза и щеки. Даже нос стал меньше. Он стал выглядеть гораздо лучше с тех пор, как мы с ним виделись.

— Вода кипит, — говорит он. — Не предложите ли мне чашку чая?

— Конечно, — отвечаю я и тянусь за рюкзаком, где у меня есть запасная чашка.

— Спокойно.

— Конечно.

Я отыскиваю чашку, готовлю чай и разливаю его.

— Нет, не передавайте мне чашку, — говорит он и берет ее с того места, где я ее наполнила.

Я подавляю желание улыбнуться.

— Нет ли у вас куска сахара?

— Увы, нет.

Он вздыхает и лезет в другой карман, откуда вытаскивает маленькую фляжку.

— Водка? В чай?

— Не будьте глупой. Мои вкусы изменились. Это турецкий ликер, удивительно сладкий. Не хотите ли немного?

— Дайте мне понюхать его.

Запах сладости определенно присутствует.

— Прекрасно, — говорю я, и он добавляет ликер в чай.

Мы пробуем. Неплохо.

— Как давно все это было? — спрашивает он.

— Четырнадцать лет тому назад — почти пятнадцать. В конце восьмидесятых.

— Да.

Он трет подбородок.

— Я слышал, что вы уже отошли от дел.

— Вы слышали правду. Это было примерно через год после нашего последнего столкновения.

— Турция, да. Вы вышли замуж за человека из вашей шифровальной группы.

Я киваю.

— Вы овдовели тремя или четырьмя годами позже. Дочь родилась после смерти мужа. Вернулись в Штаты. Поселились в деревне. Вот все, что я знаю.

— Это и есть все.

Он отхлебывает чай.

— Почему вы вернулись сюда?

— Личные причины. Частично сентиментальные.

— Под чужим именем?

— Да. Это касается семьи моего мужа. Я не хочу, чтобы они знали, что я здесь.

— Интересно. Вы считаете, что они так же тщательно следят за приезжающими, как и мы?

— Я не знала, что вы следите за приезжающими.

— Сейчас мы это делаем.

— Я не знаю, что здесь происходит.

Раздался раскат грома. Упало несколько капель.

— Я хотел бы верить, что вы действительно удалились от дел.

— У меня нет причин опять возвращаться к этому. Я получила небольшое наследство, достаточное для меня и моей дочери.

Он кивнул:

— Если бы у меня было такое положение, я не сидел бы в поле. Скорее я был бы дома, читал бы или играл в шашки, ел и пил вовремя. Но вам следует признаться, ваше пребывание здесь, когда решается судьба нескольких стран, не очень похоже на чистую случайность.

Я отрицательно покачала головой:

— Я очень многого не знаю.

— Нефтяная конференция в Осаке. Она начинается через две недели, в среду. Вероятно, вы собираетесь посетить Осаку примерно в это время?

— Я не собираюсь ехать в Осаку.

— Тогда связь. Кто-то оттуда может встретиться с вами, простой туристкой, в какой-либо точке вашего путешествия и...

— Боже мой! Вы повсюду видите секретность, Борис? Я сейчас забочусь только о своих проблемах и посещаю те места, которые имеют значение для меня. Конференция к ним не относится.

— Хорошо. — Он допил чай и отставил чашку в сторону.

— Вы знаете, нам известно, что вы здесь. Одно слово японским властям о том, что вы путешествуете по чужим документам, и вас вышвырнут отсюда. Это было бы самым простым. Никакого вреда, и все живы. Только это омрачило

бы вашу поездку, если вы действительно находитесь здесь как простая туристка...

Грязные мысли пронеслись в моем мозгу, как только я поняла, куда он клонит, и я знаю, что они еще более грязны, чем его. Я этому научилась у одной старой женщины, с которой работала и которая не выглядела как старая женщина.

Я допила чай и подняла глаза. Он улыбался.

— Я приготовлю еще чаю, — сказала я.

Верхняя пуговка на моей блузке расстегивается, когда я отворачиваюсь от него. Затем я наклоняюсь вперед и глубоко вздыхаю.

— Вы могли бы не сообщать властям обо мне?

— Я мог бы. Я думаю, что вы, скорее всего, говорите правду. А даже если нет, вы бы теперь не стали рисковать, перевоза что-то.

— Я действительно хочу завершить эту поездку, — говорю я, поглядывая на него. — Будет жаль, если меня вышлют.

Он берет меня за руку.

— Я рад, что вы сказали это, Марьюшка. Я одинок, а вы еще привлекательная женщина.

— Вы так думаете?

— Я всегда думал так, даже когда вы выбили мне зубы.

— Простите меня. Так получилось.

Его рука поднимается на мое плечо.

— Конечно. В конце концов, протез выглядит лучше, чем настоящие.

Он садится рядом со мной.

— Я мечтал об этом много раз, — говорит он, расстегивая последние пуговицы моей блузки и развязывая мой пояс.

Он нежно гладит мой живот. Это не вызывает у меня неприятных ощущений. Это продолжается довольно долго.

Вскоре мы полностью раздеты. Он медлит, и, когда он готов, я раздвигаю ноги. Все в порядке, Борис. Я расставила ловушку, и ты попался. Я даже чувствую себя немного виноватой. Ты более благороден, чем я думала. Я дышу глубоко и медленно. Я концентрирую свое внимание на моей «хара» и на его, в нескольких дюймах от меня. Я чувствую наши силы, похожие на сон и теплые, движущиеся. Вскоре

я привожу его к завершению. Он ощущает это лишь как удовольствие, может быть, более опустошающее, чем обычно. Хотя, когда все кончается...

— Ты сказала, что у тебя есть затруднения? — спрашивает он в том мужском великодушии, которое обычно забывается через несколько минут. — Если я могу что-нибудь сделать, у меня есть несколько свободных дней. Ты мне нравишься, Марыюшка.

— Это то, что я должна сделать сама. Во всяком случае, спасибо.

Я продолжаю в прежнем духе.

Когда я одеваюсь, он лежит и смотрит на меня.

— Я, должно быть, старею, Марыюшка. Ты меня утомила. Я чувствую, что мог бы проспать целую неделю.

— Это похоже на правду. Через неделю ты снова будешь чувствовать себя отлично.

— Я не понимаю...

— Я думаю, ты слишком много работал. Эта конференция...

Он кивает:

— Ты, наверное, права. Ты действительно не имеешь отношения?..

— Действительно.

— Хорошо.

Я мою чайник и чашки. Укладываю их в рюкзак.

— Будь так добр, Борис, дорогой, подвинься, пожалуйста. Мне очень скоро понадобится пончо.

— Конечно.

Он медленно поднимается и передает его мне. Начинает одеваться. Он тяжело дышит.

— Куда ты собираешься двинуться отсюда?

— Мишима-го, к следующему виду моей горы.

Он качает головой. Заканчивает одеваться и усаживается на землю, прислонившись к стволу. Находит свою фляжку и делает глоток.

Затем протягивает мне.

— Не хочешь ли?

— Спасибо, нет. Мне пора.

Я беру посох. Когда я снова смотрю на него, он улыбается слабо и печально.

— Ты многое забираешь от мужчины, Марыюшка.

— Да.

Я ухожу. Сегодня я смогу пройти двадцать миль, я уверена.

Прежде чем я выхожу из рощи, начинается дождь; листья шуршат, как крылья летучих мышей.

11. Вид горы Фудзи от Мишима-го

Солнечный свет. Чистый воздух. Картина показывает большую криптомерию, Фудзи неясно вырисовывается за ней, скрытая дымкой.

Сегодня нет дымки, но я нашла криптомерию и остановилась на таком месте, где она пересекает склон Фудзи слева от вершины. На небе несколько облаков, но они не похожи на кукурузные початки, как на картине.

Мой украденный «ки» все еще поддерживает меня, хотя медикаменты работают тоже. Мое тело скоро отторгнет заимствованную энергию, как пересаженный орган. Хотя тогда лекарства должны уже подействовать.

Тем временем картина и действительность становятся все ближе друг к другу. Стоит прекрасный весенний день. Птицы поют, бабочки порхают; я почти слышу как растут корни под землей. Мир пахнет свежо и ново. Я больше не посторонняя. Снова радуюсь жизни.

Я смотрю на громадное старое дерево и слушаю его эхо в веках: Золотая ветвь, Рождественское дерево, Древо познания Добра и Зла, под которым Гаутама нашел свою душу и потерял ее...

Я двигаюсь вперед, чтобы дотронуться до его шершавой коры.

Отсюда я внезапно обнаруживаю новый вид на долину внизу. Поля похожи на песок, по которому прошли граблями, холмы — на скалы, Фудзи — на валун. Это сад, тщательно ухоженный...

Позднее я замечаю, что солнце передвинулось. Я находилась на этом месте в течение нескольких часов. Мое маленькое озарение под великим деревом. Я не знаю, что могу сделать для него.

Я внезапно наклоняюсь и подбираю одно семя. Маленькая штучка для такого гиганта. Оно меньше моего ногтя. С тонкими желобками, как будто изваянное феями.

Я кладу его в карман, посажу где-нибудь по пути.

Затем я отступаю в сторону, так как слышу звук приближающегося колокольчика, а я пока еще не готова к тому, чтобы встретить кого-либо. Но внизу есть маленький постоянный двор, который не похож на гостиницу, входящую в сеть. Я смогу принять ванну, поесть и выспаться в постели этой ночью.

Завтра я буду сильной.

12. Вид горы Фудзи со стороны озера Кавагучи

Отражения. Это одна из моих любимых картин серии: Фудзи, видимая со стороны озера и отражающаяся в нем. С другой стороны зеленые холмы, маленькая деревня на дальнем берегу, маленькая лодка на воде. Наиболее поразительная особенность этой картины в том, что отражение Фудзи не повторяет оригинал; его положение неправильно, склон неправильный, покрытый снегом, у оригинала он не такой.

Я сижу в маленькой лодке, которую я наняла, и смотрю назад. Небо слегка дымчатое, что хорошо. Нет бликов, портящих отражение. Город не такой привлекательный, как на картине, он вырос. Но я не вдаюсь в такие детали. Фудзи отражается более четко, но раздвоение все еще волнует меня.

Интересно... На картине деревня не отражается, так же как изображение лодки на воде. Единственное отражение — Фудзи. Никаких признаков человеческого присутствия.

Я вижу отражающиеся здания на воде у берега. И в моем сознании возникают другие образы.

Конечно, затонувший Р'лие является мне, но место и день слишком идилические. Он исчезает практически мгновенно, замещаясь затонувшим Ис, чьи колокола все еще отбивают часы под водой. Здесь и «Нильс Хольгерссон» Сельмы Лагерлеф, сказка, в которой потерпевший крушение моряк обнаруживает себя в городе, опустившемся на дно моря, — в месте, затонувшем в наказание его жадным, высокомерным жителям, которые все еще обманывают друг друга, хотя все они уже мертвы. Они одеты в богатые старомодные одежды и ведут свои дела так же, как когда-то наверху. Моряка тянет к ним, но он знает, что не должен обнаруживать себя, иначе он превратится в од-

ного из них и никогда не вернется на землю, не увидит солнца. Я подумала об этой старой детской сказке, потому что именно сейчас поняла, что должен был чувствовать моряк. Мое открытие тоже могло бы привести к превращению, которого я не желаю.

И, конечно, когда я наклоняюсь и вижу себя в воде, под стекловидной поверхностью обнаруживается мир Льюиса Кэрролла. Быть маленькой девочкой и спускаться... Кружиться, спускаясь, и на несколько минут узнать обитателей страны парадоксов и великого очарования.

Зеркало, зеркало, почему реальный мир так редко совпадает с нашими эстетическими устремлениями?

Полпути пройдено. Я достигла середины своего паломничества, чтобы столкнуться с собой в озере. Это подходящее время и место, чтобы взглянуть в свое собственное лицо, осознать все, что я принесла сюда, предположить, как будет протекать остаток путешествия. Хотя иногда образы могут лгать. Женщина, которая смотрит на меня, кажется собранной, сильной и выглядит лучше, чем я думала. Я люблю тебя, Кавагучи, озеро с человеческой индивидуальностью. Я лстиво одариваю тебя литературными комплиментами, а ты возвращаешь свое благорасположение.

Встреча с Борисом уменьшила груз страха в моем мозгу. За мной пока еще не следят агенты-люди. Так что все идет не так уж плохо.

Фудзи и образ. Гора и душа. Могло бы дьявольское творение не давать отражения — некая темная гора, где в течение веков происходят ужасные смерти? Я вспомнила, что Кит теперь не отбрасывает тени, не имеет отражения.

Хотя действительно ли он дьявол? На мой взгляд, да. Особенно если он делает то, что я думаю.

Он говорил, что любит меня, и я когда-то любила его. Что он скажет мне, когда мы снова встретимся, ведь мы должны встретиться обязательно?

Не имеет значения. Пусть говорит, что пожелает, я хочу попробовать убить его. Он верит, что вечен и его невозможно уничтожить. Я не верю в это, хотя убеждена, что я — единственное существо на Земле, которое может победить его. Мне потребовалось много времени, чтобы понять это, и еще больше, прежде чем ко мне пришло

решение попытаться сделать это. Я должна сделать это как для Кендры, так и для себя. Покой населения Земли стоит на третьем месте.

Я опускаю пальцы в воду. Потихоньку я начинаю петь старую песню, песню любви. Я не хотела бы покидать это место. Будет ли вторая часть моего путешествия зеркальным отражением первой? Или мне нужно будет пройти через стекло, чтобы войти в это чуждое королевство, которое он сделал своим домом?

Я посадила семя криптомерии вчера вечером в уединенной долине. Такое дерево когда-нибудь будет выглядеть величественно, переживая нации и армии, мудрецов и сумасшедших.

Интересно, где сейчас Р'лие? Она убежала утром после завтрака, вероятно, чтобы поохотиться на бабочек. Впрочем, я не могла бы взять ее с собой.

Я надеюсь, что с Кендрой все в порядке. Я написала ей письмо, в котором многое объяснила. Я оставила его своему поверенному, который перешлет его в не столь далеком будущем.

Картины Хокусая... Они могут пережить криптомерию. Обо мне даже не вспомнят.

Двигаясь между двумя мирами, я в тысячный раз представляю нашу встречу. Он может повторить старый трюк, чтобы получить то, что он хочет. Я могу проделать еще более старый, чтобы он не получил этого. Мы оба давно не практиковались.

Много времени прошло с тех пор, как я читала «Анатомию меланхолии». Это не та вещь, которой я хотела бы воспользоваться, чтобы вернуться в прежние годы. Но я вспоминаю несколько строк, когда вижу дротик для ловли рыбы: «Поликрат Самиус, который забросил свой перстень в море, так как хотел бы испытать свойственную другим людям досаду, и вскоре получил его обратно вместе с выловленной рыбой, был предрасположен к меланхолии. Никто не мог вылечить его...»

Кит отбросил свою жизнь и выиграл ее. Я сохранила свою и потеряла ее. Действительно ли кольца возвращаются именно к тем людям? А как насчет женщины, излечивающей себя?

Хокусай, ты уже показал мне много вещей. Можешь ли ты показать мне ответ?

Старый человек медленно поднимает руку и показывает на гору. Затем он опускает руку и указывает на изображение горы.

Я качаю головой. Это ответ, что ответа нет. Он тоже качает головой и показывает снова.

Облака сгрудились высоко над Фудзи, но это не ответ. Я смотрю на них долгое время, но не вижу среди них ни одного интересного изображения.

Тогда я опускаю глаза. Подо мной, отраженные, они принимают другой вид. Это выглядит как изображение столкновения двух вооруженных армий. Я с восхищением наблюдаю, как они вместе плывут, скопления справа от меня постепенно перекачиваются и топят те, которые слева. После этого те, что справа, уменьшаются.

Конфликт? В этом суть? И обе стороны теряют то, что не хотели терять? Скажи мне что-нибудь еще, чего я не знаю, старый человек.

Он продолжает смотреть. Я снова слежу за его взглядом, теперь вниз. Теперь я вижу дракона, ныряющего в кратер Фудзи.

Я снова гляжу вниз. Армий не осталось, следы побоища, а хвост дракона превратился в руку мертвого воина, держащую меч.

Я закрываю глаза и тянусь за ним. Меч дыма для человека огня.

13. Вид горы Фудзи от Коишикава в Эдо

Снег на кровлях домов, на вечнозеленых деревьях, на Фудзи, местами начинающий таять. В окнах полно женщин — гейш, как я могла бы сказать, смотрящих на улицу, одна из них указывает на трех темных птиц высоко в бледном небе. Мой вид Фудзи, к сожалению, без снега, без гейш и при ясном солнце.

Детали...

И то и другое интересно, наложение — одна из главных сил в эстетике. Я думаю о жарко-весенней гейше Комако в «Снежной стране» — новелле Ясунари Кавабаты об одиночестве и ненужной, увядающей красоте, которая, как я всегда чувствовала, есть самая антилюбовная история Японии. Эта картина вызвала в моей памяти всю новеллу. Отвержение любви. Кит не Шимакура, так как он

хотел меня, но только очень по-своему, так, что это неприемлемо для меня. Эгоизм или самоотверженность? Это неважно...

А птицы, на которых указывает гейша?.. «Тринадцать способов созерцания дроздов»? В точку. Мы могли бы никогда не договориться о системе ценностей.

Я опираюсь на посох и смотрю на гору. Я хочу успеть посетить по возможности больше таких видов, прежде чем дело придет к развязке. Это ли не прекрасно? Двадцать четыре способа созерцания Фудзи. Хорошо бы взять какое-либо одно обстоятельство жизни и рассмотреть его со многих точек зрения — как фокус моего существования, а быть может, и как сожаление об упущенных возможностях.

Кит, я пришла, как однажды ты просил меня, но моим собственным путем и по моим собственным причинам. Я желала бы не делать этого, но ты лишил меня выбора. Таким образом, мой поступок не есть только мой, но и твой тоже. Теперь я поверну твою руку против тебя, представляя некий вид космического айкидо.

Я иду по городу после наступления темноты, выбирая самые темные улицы, где конторы уже закрыты. Так я в безопасности. Когда я должна войти в город, я всегда нахожу защищенные места днем и прохожу по ним ночью.

Я нахожу маленький ресторан на углу такой улицы и съедаю свой обед. Это шумное место, но еда хорошая. Я принимаю лекарство и выпиваю немного саке.

После этого я позволяю себе удовольствие идти пешком, а не брать такси. Мой путь длинен, но ночь светла и полна звезд, и воздух упоителен.

Я иду около десяти минут, слушая звуки дорожного движения, музыку дальнего радио, крики с других улиц, ветер, проносящийся высоко вверх.

Вдруг я чувствую внезапную ионизацию воздуха.

Ничего впереди. Я поворачиваюсь, взяв свой посох на изготовку.

Эпигон с телом шестипалой собаки и головой, похожей на огненный цветок, возникает в дверном проеме и движется вдоль дома в моем направлении.

Я слежу за его продвижением, пока он не оказывается достаточно близко. Я ударяю его, к сожалению, не тем концом. Мои волосы начинают подниматься, когда я пере-

секаю его путь, поворачиваюсь и ударяю снова. На этот раз металлический наконечник проходит через его цветочную голову.

Я подключила батареи перед тем, как предприняла нападение. Разряд нарушает равновесие. Эпигон отступает, его голова раздувается. Я наступаю и ударяю еще раз, теперь в середину тела. Оно раздувается еще больше, затем распадается на сноп искр. Но я уже повернулась и ударяю снова, чувствуя приближение другого.

Этот имеет вид кенгуру. Я поражаю его моим посохом, но его длинный хвост успевает нанести мне удар. От этого удара я непроизвольно подскакиваю и рефлекторно вращаю перед собой посохом. Он поворачивается и становится на дыбы. Этот экземпляр имеет четыре ноги, и его передние конечности представляют собой фонтаны огня. Его глаза горят ярким пламенем.

Он опускается на все четыре ноги, затем снова прыгает.

Я подкатываюсь под него и атакую, когда он опускается. Но промахиваюсь, и он снова атакует. Он прыгает, и я ударяю вверх. Кажется, я попала, но не уверена.

Он приземляется совсем рядом со мной, поднимая свои передние конечности. Но на этот раз не прыгает. Он просто падает вперед, его задние конечности быстро дергаются.

Как только он подходит, я ударяю его в середину тела концом посоха. Он продолжает идти или падать, даже когда вспыхивает и начинает распадаться. Его касание приводит к тому, что я деревенею на секунду и чувствую течение его заряда по моим плечам и груди. Я наблюдаю, как он превращается в первичную протоплазму и исчезает.

Я быстро поворачиваюсь, но третьего нет. По улице едет машина и тормозит. Неважно. Потенциал терминала на время истощен, хотя я озадачена тем, как долго он должен был работать, чтобы создать тех двоих. Будет лучше, если я быстренько уйду.

Как только я прихожу к этой мысли, из подъехавшей машины раздается голос, окликающий меня:

— Мадам, подождите минуточку.

Это полицейская машина, и молодой человек, который обращается ко мне, одет в полицейскую форму.

— Да, господин полицейский?

— Я только что видел вас. Что вы делали?

Я смеюсь:

— Такой прекрасный вечер, и улица пустынна. Я подумала, что могла бы поупражняться в бо.

— Я сначала подумал, что кто-то напал на вас...

— Я одна, как вы можете видеть.

Он открывает дверцу и выбирается наружу. Он включает фонарик и направляет его луч по сторонам в дверной проход.

— Вы не зажигали фейерверк?

— Нет.

— Здесь были искры и вспышки.

— Вы, должно быть, ошиблись.

Он нюхает воздух. Очень тщательно проверяет тротуар и сточную канавку.

— Странно, — говорит он. — Далеко ли вам идти?

— Не очень.

— Всего хорошего.

Он садится в машину и уезжает.

Я быстро иду своим путем. Я жажду оказаться в безопасности, прежде чем образуется другой заряд. Я также хочу оказаться подальше отсюда просто потому, что испытываю здесь неловкость. Я озадачена той легкостью, с какой меня обнаружили. Что я сделала не так?

— Мои картины, — похоже, это говорит Хокусай, тогда как я достигаю места предназначения и выпиваю слишком много бренди. — Думай, дочка, а то они могут заманить тебя в ловушку.

Я пытаюсь, но Фудзи валится на мою голову и размывает все мысли. Эпигоны танцуют на её склонах. Я впадаю в прерывающуюся дремоту.

В свете завтрашнего дня я, может быть, увижу...

14. Вид горы Фудзи от Мегуро в Эдо

Картина снова не соответствует реальности. Она показывает крестьян среди простой деревни, склоны холмов, спускающиеся террасами, одинокое дерево, растущее на склоне холма справа, снежная вершина Фудзи частично заслонена холмом.

Я не могу найти ничего похожего на этот вид, хотя Фудзи частично закрыта, если смотреть со скамьи в старом парке, на которой я сижу. Это подойдет.

Гора частично закрыта, как и мои мысли. Есть что-то, что я должна была бы видеть, но это скрыто от меня. Я чувствую это, когда появляются эпигоны, похожие на дьяволов, посланных за душой Фауста. Но я никогда не подписывала договора с Дьяволом... Только с Китом, и это называлось замужеством. У меня нет способа узнать, сколь похоже это могло быть.

Сейчас... Для меня остается загадкой, как меня обнаружили, несмотря на все предосторожности. Мое предстоящее столкновение должно проходить на моих условиях, не как-нибудь иначе. Причина этого выходит за рамки личных мотивов, хотя не отрицаю их наличия.

В «Хагакуре» Ямамото Цунетомо сообщает, что путь самурая есть путь смерти, что для достижения полной свободы жить надо так, как если бы тело было уже мертво. Что касается меня, такую позицию не слишком сложно поддерживать. Однако свобода более сложна. Когда мы не вполне понимаем сущность врага, приходится действовать, по крайней мере отчасти, в условиях неопределенности.

Хотя я не вижу Фудзи целиком, моя обожествляемая гора существует во всей полноте. То же самое я могу сказать о той силе, которая сейчас противостоит мне. Давайте вернемся к смерти. Кажется, тут что-то есть, хотя кажется также, что это только то, что уже сказано.

Смерть... Приди тихо... Мы любили играть в одну игру, придумывая забавные причины смерти: съеден Лох-Несским чудовищем, затоптан Годзиллой, отравлен ниндзя. Переселен.

Кит уставился на меня, сдвинув брови, когда я предложила последнюю причину.

— Что значит — «переселен»?

— О, ты можешь поймать меня на какой-то формальной неточности, — сказала я, — но, думаю, смысл будет тем же. «Енох переселен был так, что не видел смерти» Псалом к евреям, глава 11, стих 5.

— Я не понимаю.

— Это означает перенестись прямо на небо без обычного окончания жизни. Мусульмане верят, что Магомет был переселен.

— Интересная мысль. Я должен подумать об этом. Очевидно, он подумал.

Я всегда думала, что Куросава имел прорву работы с «Дон Кихотом». Предположим, есть старый джентльмен, живущий в настоящее время, схоласт, человек, восхищающийся временами самураев и Кодексом Бушидо. Предположим, что он так сильно сживается с этими идеалами, что однажды теряет чувство времени и приходит к мысли, что он действительно самурай старых времен. Он надевает старинные доспехи, берет свой меч-катана и идет, чтобы изменить мир. В конечном счете он будет уничтожен этим миром, но он соблюдает Кодекс. Эта его самоотверженность выделяет и облагораживает его, несмотря на всю его нелепость. Я никогда не считала, что «Дон Кихот» лишь пародия на рыцарство, особенно после того как узнала, что Сервантес участвовал под командованием дона Хуана Австрийского в битве при Лепанто. Не исключено, что дон Хуан был последним европейцем, который руководствовался средневековым кодексом рыцарской чести. Воспитанный на средневековых романах, он и в жизни вел себя подобным образом. Разве важно, что средневековых рыцарей больше нет? Он верил и действовал согласно своей вере. В ком-нибудь другом это было бы удивительно, но время и обстоятельства предоставили ему возможность действовать, и он победил. На Сервантеса старый полководец произвел большое впечатление, и кто знает, как повлияло это на его литературные опыты. Ортега-и-Гассет называет Дон Кихота готическим Христом. Достоевский чувствовал то же самое и в своей попытке отразить Христа в князе Мышкине тоже понял, что сумасшествие есть необходимое условие для этого в наше время.

Все это преамбула к моему утверждению, что Кит был безумцем — по крайней мере, отчасти. Но он не был готическим Христом. Скорее — электронным Буддой.

— Имеет ли информационная сеть природу Будды? — однажды спросил он меня.

— Конечно, — ответила я. — А разве все остальное нет?

Тут я посмотрела в его глаза и добавила:

— Откуда, черт побери, я могу знать?

Он проворчал что-то и откинулся в своем кресле, опустил индукционный шлем и продолжил свой машинный анализ шифра Люцифера при помощи 128-битового ключа.

Теоретически могли бы понадобиться тысячелетия, чтобы расшифровать его без всяких ухищрений, но ответ дать нужно было в течение двух недель. Его нервная система срослась с информационной сетью.

Какое-то время я не слышала его дыхания. олько позже я заметила, что после окончания работы он все больше времени проводит в размышлениях, оставаясь в контакте с системой.

Когда я поняла это, я упрекнула его в том, что он слишком ленив, чтобы повернуть выключатель.

Он улыбнулся.

— Поток, — сказал он. — Ты не можешь остановить-ся. Движешься вместе с потоком.

— Ты мог бы повернуть переключатель перед тем, как входишь в медитацию, и прервать эту электрическую связь.

Он покачал головой, потом улыбнулся:

— Но это особенный поток. Я ухожу в него все дальше и дальше. Ты можешь как-нибудь попробовать. Были моменты, когда я чувствовал, что мог бы перевести себя в него.

— Лингвистически или теологически?

— И так, и эдак.

И однажды ночью он действительно ушел с этим потоком. Я нашла его утром, — как я думала, спящим, — в кресле со шлемом на голове. На этот раз он выключил терминал. Я не стала его будить.

Я не знала, как долго он работал ночью. Однако к вечеру я начала беспокоиться и попыталась разбудить его. И не смогла. Он впал в кому.

Позднее, в больнице, выяснилось, что на энцефалограммах нет колебаний. Дыхание было замедленным, давление очень низким, пульс еле прощупывался. Он продолжал уходить все глубже в течение следующих двух дней. Доктора проделали все мыслимые тесты, но не смогли определить причину происшедшего. Так как он однажды подписал документ, в котором отказывался от чрезвычайных мер по возвращению его к жизни, если с ним случится что-нибудь непоправимое, к нему не пытались применить искусственное дыхание, кровообращение и подобн ыешту ки, когда его сердце остановилось в четвертый

Вскрытие ничего не показало. Свидетельство о смерти гласило: «Остановка сердца. Вероятная причина — разрыв сосудов головного мозга». Последнее было чистым домыслом. Они не нашли никаких признаков этого. Его органы не были использованы, как он завещал: боялись неизвестного вируса.

Кит, как Марли, умер, чтобы начать.

15. Вид горы Фудзи от Цукудайима в Эдо

Голубое небо, несколько низких облаков, Фудзи за светлой водой залива, несколько лодок и островков между ними. Снова, несмотря на изменения во времени, я нахожу близкое соответствие с действительностью. Снова я в маленькой лодке. Однако сейчас у меня нет желания нырять в поисках затонувшего великолепия.

Я прибыла на это место без всяких происшествий. Я приехала поглощенной своими мыслями. Поглощенной своими мыслями я и осталась. Я бодра. Здоровье мое не ухудшилось. Мои мысли остались теми же самыми, и это означает, что главный вопрос остался без ответа.

Наконец я чувствую себя в безопасности здесь, на воде. Хотя «безопасность» очень относительна. Конечно, «безопаснее», чем на берегу или среди возможных мест засады. Я никогда не была в безопасности с того дня, как вернулась из больницы...

Я вернулась домой безумно усталой, проведя несколько бессонных ночей в больнице, и сразу же легла в постель. Я не заметила, в котором часу это было, поэтому не знаю, как долго я спала. В темноте меня разбудило нечто, похожее на телефонный звонок. Со сна я потянулась к телефону, но поняла, что никто не звонит. Приснилось? Я села на постели и потерла глаза. Потянулась. Недавнее прошлое медленно возвращалось в мое сознание, и я знала, что теперь я снова некоторое время не засну. Хорошо бы выпить чашечку кофе. Я поднялась, прошла на кухню и согрела воду.

Когда я проходила мимо компьютера, я заметила, что экран светится. Я не помнила, был ли он включен, когда я пришла, но подошла, чтобы выключить его.

Тут я увидела, что он не включен. Заинтригованная, я снова посмотрела на экран и в первый раз осознала, что на дисплее есть слова:

МАРИ.
ВСЕ В ПОРЯДКЕ.
Я ПЕРЕСЕЛЕН.
ИСПОЛЬЗУЙ КРЕСЛО И ШЛЕМ.
КИТ.

Я почувствовала, что мои пальцы сжали щеки, а дыхание пресеклось. Кто сделал это? Как? Может быть, этот сумасшедший бред оставлен Китом перед тем, как он потерял сознание?

Я подошла и несколько раз нажала переключатель, оставив его в положении «выключено».

Слова исчезли, но экран светился по-прежнему. Вскоре появилось новое изображение:

ТЫ ПРОЧИТАЛА МОЕ ПОСЛАНИЕ. ХОРОШО.
ВСЕ В ПОРЯДКЕ. Я ЖИВ.
Я ВОШЕЛ В ИНФОРМАЦИОННУЮ СЕТЬ.
СЯДЬ В КРЕСЛО И НАДЕНЬ ШЛЕМ.
Я ВСЕ ОБЪЯСНЮ.

Я выбежала из комнаты. В ванной меня несколько раз вырвало. Затем я села, дрожа. Кто бы мог так ужасно подшутить надо мной? Я выпила несколько стаканов воды и подождала, пока дрожь пройдет.

Успокоившись, я прошла на кухню, приготовила чай и выпила чашку. Мои мысли медленно приходили в порядок. Я обдумала возможности. Одна из них, похоже, заключалась в следующем. Кит оставил мне сообщение, и если я воспользуюсь индукционным интерфейсом, сработает механизм воспроизведения этого сообщения. Я хотела получить это сообщение, но не знала, хватит ли у меня сил прочитать его сейчас.

Я должна отложить это до лучших времен. За окном уже начинало светать. Я поставила чашку и вернулась к компьютеру.

Экран все еще светился. Но сообщение было другим:

**НЕ БОЙСЯ.
СЯДЬ В КРЕСЛО И НАДЕНЬ ШЛЕМ.
ТОГДА ТЫ ВСЕ ПОЙМЕШЬ.**

Я подошла к креслу. Уселась и надела шлем. Сначала я ничего не слышала, кроме шума.

Затем я ощутила его присутствие, трудновыразимое ощущение потока информации. Я ожидала. Я старалась настроиться на то, что он мне хотел сказать.

— Это не запись, Мари, — как мне показалось, сказал он. — Я действительно здесь.

Я не поддавалась мгновенному желанию вскочить.

— Я сделал это. Я вошел в информационную сеть. Я нахожусь повсюду. Это чистое блаженство. Я — поток. Это замечательно. Я буду здесь всегда. Это нирвана.

— Это действительно ты, — сказала я.

— Да. Я переселил себя. Я хочу показать тебе, что это значит.

— Ну давай.

— Освободи свое сознание и позволь войти в него.

Я расслабилась, и он вошел в меня. Тогда я все поняла.

16. Вид горы Фудзи от Умезавы

Фудзи за лавовыми полями и клочьями тумана, движущиеся облака. Летящие птицы и птицы на земле. Этот вид, по крайней мере, похож. Я опираюсь на посох и смотрю на него. Впечатление как от музыки: я приобретаю силу способом, который не могу описать.

Я видела цветущие вишни по пути сюда, огненные поля клевера, желтые поля рапса, выращиваемого на масло, несколько зимних камелий, все еще сохраняющих свои розовые и красные цветы, зеленые стрелки ростков риса, там и сям цветущие тюльпаны, голубые горы вдалеке, туманные речные долины. Я проходила деревни, где крыши вместо соломы покрыты окрашенными листами металла — голубыми, желтыми, зелеными, черными, красными, — а дворы полны синевато-серых камней, так прекрасно подходящих для украшения садов. Вот корова, жующая свою жвачку. Вот ряды шелковичных кустов, где кормятся шелковичные черви. Мое сердце билось от восхищения —

черепицей, маленькими мостами, красками... Это было похоже на вхождение в сказку Лафкадио Херна.

Мое сознание возвращается назад к моменту встречи с моим электронным проклятием. Предупреждение Хокусая в тот вечер, когда я выпила слишком много, что его картины могут заманить меня в ловушку, могло вполне оказаться справедливым. Кит несколько раз предугадал мое передвижение. Как ему это удалось?

Наконец меня осенило. Моя маленькая книга репродукций Хокусая — карманное издание — была подарком Кита.

Возможно, он ожидал меня в Японии примерно в это время из-за Осаки. Так как его эпигоны засекли меня пару раз, вероятно, путем сплошного сканирования терминалов, можно было сопоставить мое передвижение с последовательностью картин Хокусая «Виды горы Фудзи», которая, как он знал, мне очень нравилась, и просто экстраполировать и ждать. Я думаю, что так оно и было.

Вхождение в информационную сеть вместе с Китом произвело на меня ошеломляющее впечатление. Я действительно не отрицаю, что мое сознание расплылось и поплыло. Я была во множестве мест одновременно, я скользила непонятным образом, так что сознание и сверхсознание, и какая-то гордость были со мной и внутри меня как факт особенного восприятия. Скорость, с которой я была увлечена, казалась мгновенной, и во всем этом был вкус вечности. Доступ ко множеству терминалов и сверхмощная память создавали чувство всезнания. Возможность манипулирования всем в этом королевстве создавала представление о всемогуществе. А чувства... Я ощущала наслаждение, Кит со мной и внутри меня. Это был отказ от себя и новое воплощение, уход от мирских желаний, освобождение...

— Оставайся со мной навсегда, — казалось, предложил Кит.

— Нет, — ответила я в полусне, ощутив себя изменившейся. — Я не могу отказаться от себя так охотно.

— Даже ради этого? Ради этой свободы?

— И этого замечательного отсутствия ответственности?

— Ответственности? За что? Это чистое существование? Здесь нет прошлого.

— Тогда исчезает совесть.
— Что за нужда в ней? Здесь нет и будущего.
— Тогда любое действие теряет смысл.
— Верно. Действие — это иллюзия. Последствие — тоже иллюзия.

— И парадокс торжествует над разумом.
— Здесь нет парадокса. Все примиряется.
— Тогда умирает смысл.
— Единственный смысл — бытие.
— Ты уверен?
— Почувствуй это.
— Я чувствую. Но этого недостаточно. Пошли меня обратно, пока я не превратилась в то, чем я не желаю быть.

— Чего большего, чем это, ты могла бы желать?
— Моя фантазия тоже умрет. Я чувствую это.
— А что такое фантазия?
— Нечто, порожденное чувствами и разумом.
— Но разве это состояние не ощущается?
— Да, оно ощущается. Но я не хочу такого чистого ощущения. Когда чувство соприкасается с разумом, я вижу, что вместе это нечто более сложное, чем их сумма.

— Здесь ты можешь иметь дело с любой степенью сложности. Посмотри на информацию! Разве разум не подсказывает тебе, что теперешнее состояние намного выше того, которое ты знала несколько мгновений назад?

— Но я не доверяю и разуму в отдельности. Разум без чувства приводил человечество к чудовищным действиям. Не пытайся изменить меня таким образом!

— Ты сохранишь свой разум и свои чувства.

— Но они будут выключены — этой бурей блаженства, этим потоком информации. Мне нужно, чтобы они были вместе, иначе мое воображение потеряется.

— Да пусть оно теряется. Оно отслужило свое. Оставь его. Что можешь ты вообразить такого, чего здесь еще нет?

— Я еще не знаю, и в этом сила воображения. Если бы во всем этом была искра божественности, я знала бы об этом только через воображение. Я могу отдать тебе что-нибудь другое, но здесь я не хочу сдаваться.

— А моя любовь?

— Твоя любовь перестала быть человеческой. Отпусти меня!

— Конечно. Ты подумаешь об этом и вернешься.

— Назад! Немедленно!

Я сорвала шлем с головы и вскочила. Я прошла сначала в ванную, потом к постели. Я спала очень долго, как со сновторным.

Иначе бы я относилась к этим возможностям, будущему, иначе бы работало мое воображение, если бы я не была беременна — я подозревала это, но не сказала ему, а он не спросил, увлеченный своими доводами? Мне хотелось бы думать, что мой ответ был бы тем же самым, но я никогда не смогу узнать.

Доктор подтвердил мои подозрения на следующий день. Я пошла к нему, так как моя жизнь требовала определенности — уверенности в чем-нибудь. Экран оставался пустым три дня. Я читала и думала. На третий день на экране высветились слова:

ТЫ ГОТОВА?

Я напечатала одно слово:

НЕТ.

И выдернула соединительный шнур из розетки.

Зазвонил телефон.

— Алло? — сказала я.

— Почему нет? — раздался его голос.

Я вскрикнула и повесила трубку. Он уже проник в телефонную сеть, сумел подобрать голос.

Снова звонок. Я снова сняла трубку.

— Ты не будешь знать отдыха, пока не вернешься ко мне.

— Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

— Я не могу. Ты часть меня. Я хочу, чтобы ты была со мной. Я люблю тебя.

Я повесила трубку. Он позвонил снова. Я сорвала телефон со стены.

Я поняла, что мне нужно быстро уехать. Я была подавлена всеми воспоминаниями о совместной жизни, они угнетали меня. Я быстро собралась и уехала. Сняла номер в гостинице. Как только я в нем очутилась, зазвонил телефон

Это снова был Кит. Моя регистрация прошла через компьютер и...

Я отключила. Повесила табличку «Прошу не беспокоить». Утром я увидела телеграмму, подsunутую под дверь. От Кита. Он хотел поговорить со мной.

Я решила уехать подальше. Покинуть страну, вернуться в Штаты.

Ему было легко следовать за мной. Кабельная связь, спутники, оптическая связь были к его услугам. Как отвергнутый поклонник, он преследовал меня телефонными звонками, прерывал телевизионные передачи, чтобы высветить на экране свое сообщение, прерывал мои телефонные разговоры с друзьями, юристами, магазинами. Несколько раз он даже присылал мне цветы. Мой электронный бодисаттва, небесная гончая, он не давал мне отдыха. Это ужасно, быть замужем за вездесущей информационной сетью.

Поэтому я поселилась в деревне. В моем доме не было ничего такого, что он мог бы использовать для связи. Я изучала способы уклонения от системы.

В те немногие моменты, когда я теряла бдительность, он немедленно настигал меня. Однажды он научился новому фокусу, и я получила подтверждение, что он хочет забрать меня в свой мир силой. Он научился накапливать заряд на терминале, формировать из него нечто, похожее на шаровую молнию в виде зверя, и посылать эти недолговечные творения на небольшое расстояние для выполнения его воли. Я обнаружила их слабое место в доме моих приятелей, когда один из них подошел ко мне, до смерти испугал и попытался оттеснить меня к терминалу, вероятно, для того, чтобы переселить. Я ударила этого эпигона — так позднее Кит называл его в телеграмме с объяснениями и извинениями — тем, что было под рукой — горячей электрической лампой, которая погрузилась в его тело и немедленно замкнула цепь. Эпигон распался, а я поняла, что слабый электрический заряд создает неустойчивость внутри этих созданий.

Я оставалась в деревне и воспитывала дочь. Я читала и упражнялась в искусстве материнства, гуляла по лесам и взбиралась на горы, плавала на лодке: все деревенские занятия, и очень нужные мне после жизни, полной конфликтов, интриг, заговоров, насилия. Это был маленький ос-

тровок безопасности от Кита. Я наслаждалась своим выбором.

Фудзи за полями лавы... Весна... Теперь я вернулась. И это не мой выбор.

17. Вид горы Фудзи от озера Сува

Итак, я добралась до озера Сува, Фудзи отдыхает вдалеке. Озеро не производит на меня такого сильного впечатления, как Камагучи. Но оно безмятежно, что прибавляет моему настроению умиротворенности. Я ощутила аромат весенней жизни, и он распространился по всему моему существу. Кто бы мог разрушить этот мир, уничтожив первозданность? Нет. Не отвечайте.

Не в такой ли глухой провинции Бочан нашел свою зрелость? У меня есть теория, касающаяся книг, похожих на эту книгу Нацуме Сосеки. Кто-то однажды сказал мне, что это одна из книг, относительно которой можно быть уверенным, что каждый образованный японец прочитал ее. Поэтому я прочитала ее. В Штатах мне сказали, что «Гекльберри Финн» — одна из книг, относительно которой можно быть уверенным, что каждый образованный янки прочитал ее. Поэтому я прочитала ее. В Канаде это был Стивен Ликок с его «Городком в солнечном свете». В других странах были свои книги такого сорта. Все они — пасторали и описывают время перед мощной урбанизацией и механизацией. Это книги юности о национальной душе и характере, об уходящей невинности. Многие из них я давала Кендре.

Я лгала Борису. Конечно, я знала о конференции в Осаке. Ко мне даже обратился один из прежних моих начальников с предложением сделать кое-что в этой области. Я отказалась. У меня были собственные планы.

Хокусай, привидение и наставник, ты понимаешь мои возможности и цели лучше Кита. Ты знаешь, что человечность должна окрашивать наши отношения со Вселенной, что это не только необходимость, но и благо, и только поэтому еще светит солнце.

Я вытаскиваю мое спрятанное лезвие и снова точку его. Солнце ушло с моей стороны мира, но и темнота тоже мой друг.

18. Вид горы Фудзи со стороны моря в Канагаве

А это изображение смерти. Большая волна, почти поглотившая хрупкие суденышки. Одна из картин Хokusая которая известна всем.

Я не занимаюсь серфингом. Я не умею выбрать подходящую волну. Я просто остаюсь на берегу и смотрю на воду. Этого достаточно для воспоминаний. Мое паломничество близится к концу, но конец пока еще не виден.

Итак... Я вижу Фудзи. Назовем Фудзи концом. Как с обручем на первой картине, цикл замыкается ею.

По пути сюда я остановилась в небольшой роще и совершила омовение в ручье, протекавшем через нее. Из находившихся поблизости веток соорудила низкий алтарь. Как обычно во время путешествия, очищая руки, я поместила перед ним кадьницу, сделанную из камфорного дерева и белого сандалового дерева; я также поместила здесь венок из свежих фиалок, чашу с овощами и чашу со свежей водой из источника. Потом я зажгла лампу, которую купила и заполнила рапсовым маслом. На алтаре я поместила изображение бога Кокузо, которое принесла с собой из дома, повернув его в сторону запада, где я стояла. Я снова совершила омовение и вытянула правую руку, соединив средний и большой пальцы, произнося мантру, призывающую бога Кокузо. Я отпила глоток воды и продолжала повторять мантру. После этого я три раза сделала жест Кокузо, рука на макушке, на правом плече, на левом плече, сердце и горле. Я развернула белую ткань, в которую было завернуто изображение Кокузо. Когда я все это проделала, я начала медитацию в той позиции, в которой Кокузо был изображен на картине. Через некоторое время мантра стала повторяться сама по себе, снова и снова.

В конце концов у меня было видение, и я говорила, рассказывая, что произошло и что я собираюсь делать, и прося о помощи и руководстве. Внезапно я увидела, как его меч опускается, опускается подобно медленной молнии, отсекает ветку от дерева, и она начинает кровоточить. После этого начинает идти дождь, как в видении, так и в действительности, и я знаю, что это и есть ответ.

Я все закончила, прибрала, надела пончо и двинулась своим путем.

Был сильный дождь, ботинки промокли. Становилось холодно.

Я тащилась долго, и холод стал пронизывать меня до костей. Руки и ноги окоченели.

Я смотрела по сторонам в поисках укрытия, но вокруг не было ничего, где я могла бы переждать непогоду. Потом, когда дождь перешел из проливного в слабую морось, заметила вдалеке что-то, похожее на храм или гробницу. Я направилась туда, надеясь на горячий чай, огонь и возможность сменить носки и высушить ботинки.

Священник остановил меня у ворот. Я рассказала ему о моих трудностях. Он, казалось, чувствовал себя неудобно.

— Наш обычай давать приют каждому нуждающемуся, — сказал он. — Но сейчас я в затруднении.

— Я буду счастлива внести вклад, если слишком многие, проходившие этим путем, истощили ваши запасы. Я действительно хочу только согреться.

— О нет, дело не в запасах, — он стал рассказывать мне, — не слишком много путников ходит этой дорогой. Проблема в другом, и я затрудняюсь рассказать вам о ней. Мы прослышем старомодными и суеверными, хотя это действительно очень современный храм. Но сейчас нас посетили э-э... призраки.

— О?

— Да. Адские видения приходят из библиотеки и книгохранилища, расположенного за покоями настоятеля. Они шествуют по монастырю, проходят через наши комнаты, бродят по двору, затем возвращаются в библиотеку или исчезают.

Он внимательно изучал мое лицо, пытаясь обнаружить насмешку, веру, неверие — что-нибудь. Я просто кивнула.

— Это очень неудобно, — добавил он. — Мы проделали несколько процедур изгнания злых духов, но безуспешно.

— Как давно это началось?

— Примерно три дня назад.

— Кто-нибудь пострадал от этого?

— Нет. Это очень обременительно, но никто не пострадал. Они отвлекают внимание — когда пытаешься заснуть или сосредоточиться, — так как вблизи них кожу начинают покалывать и волосы встают дыбом.

— Интересно. И много ли их?

— По-разному. Обычно один. Иногда два. Редко три.

— Нет ли случайно в вашей библиотеке компьютерного терминала?

— Да, есть. Как я уже сказал, мы очень современны. Мы держим там наши записи и с его помощью можем получить распечатки тех текстов, которых у нас нет.

— Если вы выключите терминал на несколько дней, они, вероятно, уйдут. И, скорее всего, больше не вернуться.

— Мне нужно посоветоваться с настоятелем, прежде чем сделать это. Вы что-нибудь об этом знаете?

— Да, но прежде всего я хотела бы согреться, с вашего позволения.

— Да, конечно. Пройдите сюда.

Я проследовала за ним, почистив свои ботинки и сняв их перед входом. Он провел меня через заднюю часть дома в милую комнатку, выходящую в храмовый садик.

— Я пойду и прикажу приготовить для вас еду и жаровню с углем, чтобы вы могли согреться, — сказал он и удалился.

Предоставленная самой себе, я восхищенно смотрела на золотых карпов, плавающих в пруду, расположенном в нескольких футах от дома.

Дождевые капли падали на его поверхность, на маленький каменный мост над прудом, на каменную пагоду, на дорожки, выложенные камнем. Я хотела бы пройти по этому мосту — как не похож он на металлические, холодные и темные — и затеряться здесь на век или два. Вместо этого я уселась и важно отпивала чай, который принесли мгновением позже, согревала ноги и сушила носки над жаровней, которую принесли после чая.

Позднее, когда я почти съела поданную еду и наслаждалась разговором с молодым священнослужителем, который попросил разрешения составить мне компанию, пока настоятель занят, я увидела моего первого эпитона.

Он напоминал очень маленького слона, гуляющего по одной из извилистых дорожек сада и нюхающего воздух змеевидным хоботом. Меня он пока не заметил.

Я указала на него священнику, который не смотрел в эту сторону.

— О Господи! — воскликнул он, перебирая четки.

Пока он смотрел в ту сторону, я повернула посох в нужную позицию.

Пока Эпигон приближался, я поспешила закончить свою еду. Я боялась, что моя чашка может пострадать во время схватки.

Услышав звук от движения посоха, священник взглянул назад.

— Вам посох не понадобится, — сказал он. — Как я уже объяснял, эти демоны не нападают.

Я покачала головой и проглотила еду.

— Этот будет нападать, как только почувствует мое присутствие. Видите ли, они ищут именно меня.

— О Господи! — повторил он.

Эпигон повернул хобот ко мне и направился к мосту. Я встала.

— Он более плотный, чем обычно, — сообщила я. — Три дня, да?

— Да.

Я подошла к выходу и сделала шаг наружу. Он внезапно взлетел на мост и ринулся ко мне. Я встретила его острием, но ему удалось избежать его. Я повернула посох дважды и ударила его, когда он развернулся. Мои удары попали в цель, и я получила в ответ удары в грудь и щеку. Эпигон исчез, как горящий водородный шар, а я осталась, потирая лицо и оглядываясь.

Второй эпигон проскользнул в нашу комнату из внутренних покоев монастыря. Сделав внезапный выпад, я поразила его с первого удара.

— Я думаю, мне пора идти дальше, — сказала я. — Спасибо за гостеприимство. Жаль, что я не встретила с настоятелем. Я согрелась, насытилась и узнала все, что хотела, о ваших демонах. Можете не беспокоиться о термине. Вероятно, они скоро перестанут посещать вас и больше не вернутся.

— Вы уверены?

— Я это знаю.

— Я не знал, что терминал — источник демонов. Продавец ничего не сказал нам.

— Ваш тепер будет в порядке.

Он проводил меня до ворот.

— Спасибо вам за изгнание дьяволов.

— Спасибо за еду.

Я шла несколько часов, пока нашла место для лагеря в пещере, воспользовавшись своим пончо для укрытия от дождя.

И сегодня я пришла сюда, чтобы наблюдать за волной смерти. Хотя такой большой на море пока нет. Моя еще где-то там, вдали.

19. Вид горы Фудзи от Сичиригахамы

Фудзи за соснами, в тени, за ней поднимаются облака... Скоро вечер. Погода сегодня хорошая, мое здоровье не внушает опасений.

Я встретила двух монахов и шла вместе с ними некоторое время. Я была уверена, что где-то их видела, поэтому я поздоровалась с ними и спросила, возможно ли это. Они ответили, что совершают паломничество к дальнему монастырю и допускают, что мы где-то виделись. Мы вместе перекусили на обочине. Наш разговор ограничивался общими местами, хотя они спросили, слышала ли я о привидениях в Канагаве. Как быстро распространяются слухи подобного рода. Я сказала, что слышала, и мы вместе поговорили об этих странностях.

Через какое-то время я забеспокоилась. Каждый поворот моего пути оказывался также и их путем. Я была не против короткого общения, но находиться с ними вместе долгое время не желала.

В конце концов, когда мы подошли к развилке, я спросила, по какой дороге они пойдут. Они колебались, затем сказали, что пойдут направо. Я выбрала левый путь. Через некоторое время они присоединились ко мне, сказав, что изменили свое решение.

Когда мы подошли к городу, я остановила машину и предложила водителю порядочную сумму, чтобы он отвез меня в деревню. Он согласился, и мы уехали, оставив их на дороге.

Я остановила машину, прежде чем мы доехали до следующего города, заплатила ему и наблюдала, как он отъехал.

Тогда я свернула на тропинку, идущую в нужном направлении. Через некоторое время сошла с тропинки и пошла прямо по лесу, пока не наткнулась на другую дорогу.

Я остановилась поблизости от дороги, на которую вышла в конце концов, а на следующее утро позаботилась о том, чтобы уничтожить все следы своего пребывания здесь. Монахи не появлялись. Может быть, они вполне безобидны, но я должна доверять моей тщательно культивируемой паранойе.

Она привела меня к тому, что я заметила человека вдалеке — европейца, судя по его одежде... Он время от времени останавливался, делая фотоснимки. Конечно, я вскоре уйду от него, если он следит за мной — или даже если нет.

Ужасно, что приходится слишком долго быть в таком положении. Скоро я начну подозревать школьников.

Я смотрела на Фудзи, когда тени удлинялись. Я буду смотреть на нее до первой звезды. Потом я ускользну прочь.

Я увидела, что небо темнеет. Фотограф собрал свои инструменты и ушел.

Я оставалась на чеку, но когда увидела первую звезду, то соединилась с тенями и исчезла, как день.

20. Вид горы Фудзи с перевала Инуме

Сквозь туман и над ним. Дождь прошел чуть раньше. Вот Фудзи, тучи на ее челе. Этот вид производит достойное впечатление.

Я сижу на поросшей мохом скале и стараюсь запомнить все изменения вида Фудзи, когда быстрый дождь занавешивает ее, прекращается, начинается снова.

Дует сильный ветер. Снизу ползет туман. Царит оцепенелое молчание, нарушаемое лишь монотонным заклинанием ветра.

Я устраиваюсь поудобнее, ем, пью, смотрю и снова продумываю свои последние планы. Все идет к концу. Скоро цикл замкнется.

Раньше я думала о том, чтобы выбросить здесь свои медикаменты в знак того, что обратной дороги нет. Сейчас я думаю об этом как о глупом романтическом жесте. Мне нужна вся моя сила, вся поддержка, которую я могу получить, чтобы у меня были шансы на успех. Вместо того чтобы выбросить лекарства, я принимаю таблетку.

Ветры добры ко мне. Они накатываются волнами, но обнимают меня.

Несколько путешественников проходят внизу. Я отклоняюсь назад, скрываясь из их поля зрения. Они проходят, как привидения, их слова относит ветром, они даже не долетают до меня. У меня возникает желание запеть, но я себя останавливаю.

Я сижу довольно долго, уйдя в свои мысли. Так хорошо путешествовать в прошлом, прожить жизнь еще раз...

Что происходит внизу? Еще одна смутно знакомая фигура появляется в поле зрения, таща снаряжение. Я не могу разглядеть ее отсюда, да и не надо. Когда он останавливается и начинает разворачивать свою аппаратуру, я узнаю фотографа из Сичиригахамы, пытающегося запечатлеть еще один вид Фудзи.

Я наблюдаю за ним некоторое время, и он даже не глядит в мою сторону. Скоро я уйду, и он не узнает о моем присутствии. Я могу допустить, что это совпадение. На время, конечно. Если я увижу его снова, мне, должно быть, придется убить его. Я слишком близка к цели и не могу допустить даже тени возможности, чтобы мне помешали.

Мне лучше двинуться сейчас, так как предпочтительнее идти перед ним, а не следом за ним.

Вид на Фудзи с высоты — хорошее место для отдыха. Мы скоро увидимся снова.

Пойдем, Хокусай, нам пора.

21. Вид горы Фудзи с гор Тотоми

Ушли старые лесорубы, разрезающие стволы на доски, придающие им форму. Только Фудзи, заснеженная и покрытая тучами, осталась. Мужчины на картине работают по-старому, как бондарь Овари.

Кроме тех картин, на которых изображены рыбаки, живущие в гармонии с природой, это одна из двух картин в моей книге, где есть люди, активно меняющие мир. Их работа слишком обычна для меня, чтобы видеть в ней изображение Девственности и Движения. Они, должно быть, делали ту же работу за тысячу лет до Хокусая.

Все же это сцена человеческого преобразования мира, и это ведет меня в глубь веков от нашего времени, времени

изошренных орудий и крупномасштабных изменений. Я вижу в этом изображении то, что будет сделано потом, металлическую кожу и пульсирующую плавность линий одежды будущего. И Кит тут же, богоподобный, оседлавший электронные волны.

Я больше не видела фотографа, хотя вчера заметила монахов, остановившихся на отдых на дальнем холме. Я рассматривала их в подозрительную трубу и обнаружила, что это те же самые монахи, с которыми я уже сталкивалась. Они не заметили меня, и я постараюсь сделать так, чтобы наши пути больше не пересекались.

Фудзи, я вобрала в себя двадцать один твой вид. Немного жизни, немного смерти. Скажи богам, если ты об этом думаешь, что мир почти умер.

Я иду пешком и рано останавливаюсь на ночлег в поле рядом с монастырем. Я не хочу входить туда после последнего опыта посещения современного святого места. Укладываюсь в укромном месте рядом, среди скал и проростков сосны. Сон приходит быстро.

Я пробуждаюсь внезапно и дрожу в темноте и безмолвии. Я не могу вспомнить, что меня разбудило, какой-то звук или сон. Но я так испугана, что готова бежать. Я стараюсь успокоиться и жду.

Что-то движется, как лотос в пруду, позади меня, затем надо мной, одетое в звезды, излучая молочный, потусторонний свет. Это утонченное изображение бодисаттвы, чем-то похожее на Каннон, в одеждах из лунного света.

— Мари.

Его голос нежен и заботлив.

— Да?

— Ты вернулась, чтобы путешествовать по Японии? Ты пришла ко мне, не так ли?

Иллюзия разрушилась. Это Кит. Он тщательно подготовил этого эпигона. Наверно, в монастыре есть терминал. Попытается ли он применить силу?

— Да, я на пути, чтобы увидеть тебя, — нашла я.

— Ты можешь соединиться со мной сейчас, если хочешь.

Он протянул чудесно изваянную руку, как будто для благословения.

— Мне осталось совсем немного сделать, прежде чем мы соединимся.

— Что может быть более важным? Я видел медицинские записи. Я знаю о твоём состоянии. Это будет трагедия, если ты умрешь на дороге, так близко от своего освобождения. Приди сейчас.

— Ты ждал так долго, и время для тебя так мало значит.

— Я забочусь о тебе.

— Уверю тебя, я должна сделать необходимые приготовления. Между прочим, кое-что беспокоит меня.

— Расскажи мне.

— В прошлом году была революция в Саудовской Аравии. Это казалось благоприятным для них, но испугало японских импортеров нефти. Внезапно новое правительство стало выглядеть в газетах очень плохим, а новая контрреволюционная группа казалась более сильной и лучше подготовленной, чем была на самом деле. Главные силы выступили на стороне контрреволюционеров. Сейчас они у власти, но оказались гораздо хуже, чем первое правительство, которое было свергнуто. Кажется возможным, но непостижимым, что данные всех компьютеров мира оказались искаженными, вводящими в заблуждение. А сейчас проходит конференция в Осаке, на которой должно быть выработано новое соглашение по нефти с последним правительством. Кажется, Япония будет иметь хорошую долю в этом. Ты однажды сказал, что ты вне этих мирских забот, или я ошибаюсь? Ты японец, ты любишь свою страну. Ты мог бы участвовать в этом?

— Что, если да? Это так мало значит в свете вечных ценностей. Если подобные чувства и остались во мне, нет ничего недостойного в том, что я предпочитаю свою страну и свой народ.

— Но если ты сделал это сейчас, что помешает тебе однажды вмешаться снова, когда обычай или чувства подскажут тебе, как действовать?

— Что из того? — ответил он. — Я только протянул палец и слегка потревожил пыль иллюзий.

— Я понимаю.

— Я сомневаюсь, что ты действительно поняла меня. Но ты сможешь убедиться в этом, когда соединишься со мной. Почему бы не сделать это сейчас?

— Скоро, — сказала я. — Дай мне закончить дела.

— Я дам тебе несколько дней, но потом ты должна быть со мной навсегда.

Я склонила голову.

— Я скоро снова увижу тебя.

— Спокойной ночи, любовь моя.

— Спокойной ночи.

После этого он удалился. Его ноги не касались земли, и он прошел через стену монастыря.

Я приняла лекарство и бренди. Двойную дозу того и другого...

22. Вид горы Фудзи от реки Сумида в Эдо

Так я пришла к месту перевоза. Картина показывает паромщика, везущего множество людей в город. Вечер. Фудзи лежит темная и грустная вдалеке. Здесь я действительно думаю о Хароне, но мысли не доставляют беспокойства, как раньше. Я пройду по мосту сама.

Так как Кит оказал мне благосклонность, я свободно иду по широким улицам, воспринимаю запахи, слышу шум и наблюдаю людей, идущих по своим делам. Я думаю, что Хокусай мог бы делать в наше время? Он об этом молчит.

Я немного выпила, я улыбаюсь без причины, я даже ем вкусную еду. Я устала от переживания своей жизни. Я не ищу утешения в философии или литературе. Я просто гуляю по городу, моя тень скользит по лицам и витринам, барам и театрам, храмам и конторам. Любой, кто приближается, сегодня желанен. Я ем груши, играю в азартные игры, я танцую. Для меня сегодня нет вчера, нет и завтра. Когда мужчина кладет руку на мое плечо, я притягиваю его к себе и смеюсь. Он хорош для часового упражнения и смеха в маленькой комнатенке, которую он находит для нас. Я сделала так, что он несколько раз закричал, прежде чем я покинула его, хотя он умолял меня остаться. Слишком много нужно сделать и увидеть, милый. Здравствуй и прощай.

Я иду... По паркам, аллеям, садам, площадям. По маленьким и большим мостам, по улицам, переулкам. Лай, собака. Кричи, ребенок. Плачь, женщина. Я прохожу среди вас. Я ощущаю вас с бесстрастной страстью. Я вбираю в себя всех, так как на эту ночь я могу вобрать весь мир.

Я иду под легким дождем и по холоду, который наступает после него. Моя одежда промокает, затем высыхает. Я захожу в храм. Я плачу таксисту, чтобы он провез меня по городу. Я ужинаю. Захожу в другой бар. Прохожу по пустынным игровым площадкам, где смотрю на звезды.

И я стою перед фонтаном, посылающим воду в светящееся небо, пока не гаснут звезды, и только последние искры звездного света падают вокруг меня.

Потом завтрак и долгий сон, снова завтрак и еще более продолжительный сон...

А ты, мой отец, в грустной вышине? Я скоро покину тебя, Хокусай.

23. Вид горы Фудзи от Эдо

Снова гуляю ненастным вечером. Сколько времени прошло с тех пор, как я разговаривала с Китом? Думаю, слишком много. Эпигон может появиться на моем пути в любой момент.

Я сузила мои поиски до трех храмов — ни один из них не изображен на картине, если быть точным, только верхушка какого-то из них под невозможным углом, Фудзи за ней, дым, тучи, туман.

Я проходила мимо них много раз, как кружащая птица. Я не хочу больше делать этого, так как чувствую, что скоро будет сделан правильный выбор. Некоторое время тому назад я поняла, что за мной кто-то идет, действительно идет, по всем моим кругам. Кажется, мои худшие опасения не беспочвенны: Кит использует не только эпигонов, но и людей. Как он нашел их и что он пообещал им, я не берусь угадывать. Кто еще мог бы следить за мной в этом месте, наблюдать, как я держу обещание, и применить силу в случае необходимости?

Я замедляю свои шаги. Но кто бы ни был за мной, он делает то же самое. Еще нет. Отлично.

Расстилается туман. Эхо моих шагов тонет в нем. И шаги моего преследователя тоже. К несчастью.

Я направляюсь к другому храму. Я снова замедляю шаги, все мои чувства обострены.

Ничего. Никого. Все в порядке. Время не проблема. Я продолжаю движение.

Через немалое время я приближаюсь к третьему храму. Это должен быть он, но мне нужно, чтобы мой преследователь выдал себя каким-нибудь звуком. После этого, конечно, я должна буду разделаться с этой персоной, прежде чем двигаться дальше. Я надеюсь, что это будет не слишком трудно, так как все будет брошено на эту схватку.

Я снова замедляю шаги, и никто не появляется, только влага тумана на моем лице и руки крепче обхватили посох. Я останавливаюсь. Ищу в кармане пачку сигарет, которую я купила во время моего недавнего праздничного настроения. Я сомневаюсь, чтобы они могли укоротить мою жизнь.

Когда я подношу сигарету к губам, я слышу слова:

— Вам нужен огонь, мадам?

Я киваю и поворачиваюсь.

Один из тех двух монахов щелкает зажигалкой и подносит мне огонек. Я в первый раз замечаю грубые мозоли на ребрах его ладоней. Он их держал от глаз подальше, пока мы путешествовали вместе. Другой монах появился за ним, слева.

— Спасибо.

Я выдыхаю и посылаю дым на соединение с туманом.

— Вы прошли большой путь, — говорит мужчина.

— Да.

— И ваше паломничество пришло к концу.

— Да? Здесь?

Он улыбается и кивает. Поворачивает голову в сторону храма.

— Это наш храм, где мы поклоняемся новому бодисаттве. Он ожидает вас внутри.

— Он может подождать, пока я докурю.

— Конечно.

Как бы ненароком я изучаю мужчину. Он, вероятно, очень хорош в каратэ. Но я сильна в бо. Будь он один, я была бы уверена в себе. Но их двое, и второй, наверное, так же силен, как и первый. Кокузо, где твой меч? Я внезапно испугалась.

Я отвернулась, отбросила сигарету. Сделала первый выпад. Конечно, он был готов к этому. Неважно. Я ударила первой.

Но другой стал подходить сзади, и я должна поворачиваться в оборонительной позиции. Затягивать схватку нельзя — мне не устоять.

Я услышала хруст, когда попала по плечу. Кое-что, в конце концов...

Я медленно отступаю к стене храма. Если я подойду слишком близко, она будет мешать мне наносить удары. Я прекращаю отступление и снова пытаюсь нанести решающий удар...

Внезапно человек справа от меня согнулся, темная фигура появилась за его спиной. Нет времени на размышление. Я сосредоточила внимание на первом монахе, нанеся удар, затем еще один.

Тот, кто пришел мне на помощь, был не столь удачлив. Второй монах оглушил его и начал наносить удары, ломающие кости. Мой союзник кое-что знал о борьбе без оружия, так как он принял оборонительную позицию и отразил ряд ударов, нанеся несколько своих. Но он явно проигрывал.

Наконец я нанесла ногой удар в плечо первому монаху. Потом я трижды пыталась ударить его, пока он был на земле, но все три раза он уворачивался. Я услышала короткий вскрик справа, но не могла отвести взгляд от своего врага.

Он поднялся, и на этот раз я поймала его внезапным обманным движением и нанесла сокрушительный удар в висок. Затем развернулась — и вовремя, так как мой союзник лежал на земле, а второй монах был рядом со мной.

Либо я была удачливой, либо он был сильно ранен, но я быстро разделалась с ним, проведя серию резких ударов.

Я поспешила к третьему мужчине и опустилась на колени, тяжело дыша. Я заметила его золотую серьгу во время схватки со вторым монахом.

— Борис. — Я взяла его руку. — Почему ты здесь?

— Я сказал тебе, у меня есть несколько свободных дней, чтобы помочь тебе, — сказал он. Кровь стекала из уголка его рта. — Нашел тебя. Фотографировал... И смотри... Я тебе пригодился.

— Прости меня. Ты лучше, чем я думала.

Он сжал мою руку.

— Я говорил тебе, что ты мне нравишься, Марьюшка. Жаль, что у нас было так мало времени...

Я наклонилась и поцеловала его, ощутив кровь на губах. Его рука разжалась. Я никогда не могла вовремя оценить человека.

Я поднялась. Он остался лежать на мокром асфальте. Я ничего не могу сделать для него. Я иду в храм.

У входа темно, но внутри достаточно света от свечей. Я никого не вижу. Не думаю, что кто-то должен быть здесь. Только эти два монаха, которые должны были пригласить меня к терминалу. Я иду по направлению к свету.

Дождь шуршит по крыше. За светильниками — несколько маленьких комнат, справа и слева.

Наконец я нахожу то, что искала. Во второй комнате. Даже не переступая порога, по ионизации, чувствую, что Кит где-то здесь.

Я прислоняю посох к стене и подхожу ближе. Кладу руки на тихо жужжащий терминал.

— Кит, — говорю я, — я пришла.

Передо мной нет эпигонов, но я чувствую его присутствие, и мне кажется, что он говорит, как в ту ночь, очень давно, когда я сидела в кресле с надетым шлемом.

— Я знал, что ты будешь здесь сегодня.

— И я тоже, — отвечаю я.

— Все твои дела сделаны?

— Большинство из них.

— Сегодня ты готова соединиться со мной?

— Да.

Снова я чувствую это движение, почти сексуальное, когда он перетекает в меня. В этот момент он мог бы выиграть.

«Татеме» — это то, что вы показываете другим. «Хонне» — это ваше действительное намерение. Следуя предостережению Мусаши в «Книге Вод», я стараюсь не обнаруживать моего «хонне» в этот момент. Я просто протягиваю руку и роняю мой посох так, что его металлический конец, подключенный к батареям, падает на терминал.

— Мари! Что ты сделала? — спрашивает он, будучи уже внутри меня, когда жужжание прекращается.

— Я отрезала тебе путь к отступлению, Кит.

— Почему?

Бритву я уже держу в руке.

— Это единственный выход для нас. Я даю тебе этот «джигай», мой муж.

— Нет!

Я чувствую, как он пытается захватить контроль над моими руками. Но слишком поздно. Я чувствую, как лезвие входит в мое горло — в правильном месте.

— Безумная! — кричит он. — Ты не знаешь, что ты сделала! Я не смогу вернуться!

— Я знаю.

Когда я тяжело опускаюсь на терминал, мне кажется, что я слышу ревущий звук за моей спиной. Это Большая Волна наконец пришла за мной. Я сожалею только о том, что не добралась до последней станции, если, конечно, это не то, что Хокусай сейчас пытается показать мне — там, за крохотным оконцем, за туманом, дождем и ночью.

24. Вид горы Фудзи в летнюю бурю

ФЭНТЕЗИ И НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА: ВЗГЛЯД ПИСАТЕЛЯ

Надеюсь, читатель вытерпит еще одно эссе, хотя я спешу добавить, что у меня есть договор с опекающими меня божествами, согласно которому мне дозволяется совершить ложный шаг, присущий сходящим со сцены писателям, — попытаться подвести итог всему. Это просто небольшая речь, произнесенная мною в 1985 году на открытии Седьмой ежегодной итоговой конференции по научной фантастике и фэнтези в Калифорнийском университете в Риверсайде, где меня хорошо принимали. Я думаю, что это может быть хорошим завершением книги.

Я часто пытался понять, кем я являюсь — писателем, пишущим научную фантастику, который мечтает, что он пишет фэнтези, или наоборот. Большинство моих научно-фантастических произведений содержат некоторые элементы фэнтези и наоборот. Я полагаю, это должно раздражать ревнителей обоих направлений, которые думают, что я порчу научно-фантастические рассказы включением необъяснимого или насилую чистоту фэнтези объяснением ее чудес.

Некоторая правда есть и в том, и в другом, так что единственное, что я могу сделать, так это попытаться рассказать, почему я так действую, что кажущаяся разнородность моих работ означает для меня и каким я вижу значение этой гибридной природы произведения для всей области в целом.

Мое первое самостоятельное чтение в школе включало мифологию — в громадных объемах. Так было до тех пор, пока я не открыл для себя народные сказки, волшебные истории, фантастические путешествия. Это продолжалось довольно долго — до одиннадцати лет, — пока я не прочитал первое научно-фантастическое произведение.

До последнего времени я не осознавал, что такой порядок чтения очень хорошо соответствует развитию этой области. Сначала пришла фантазия с корнями в ранних религиозных системах — мифология и эпическая литература. Смягченные версии этих творений пережили возникновение христианства в виде легенд, фольклора, сказок. Некоторые из них включили в себя христианские элементы. Позднее возникли истории фантастических путешествий, утопии. Затем, наконец, с приходом промышленной революции, научные обоснования стали замещать сверхъестественное — у Мэри Шелли, Жюль Верна, Герберта Уэллса. Я действительно читал книги в надлежащем хронологическом порядке.

Теперь я чувствую, что это окрашивает мой подход к использованию чудесного в литературе. Ранние вещи в стиле фэнтези включали значительные рассуждения, основанные на маленькой и шаткой фактической базе. В произведениях стали широко использоваться ни на чем не основанные предположения и сверхъестественные объяснения событий. Я воспринял эти вещи так, как мог бы ребенок — без всякой критики. Моим единственным читательским критерием было: нравится ли мне история? Примерно в то время, когда я открыл научную фантастику, я уже был способен к раздумьям. Я начал ценить разум. Я даже начал находить удовольствие в чтении о науке. Мой случай, я полагаю, подтверждает, что онтогенез повторяет филогенез.

Мне никогда не переставали нравиться эти формы — наверное потому, что все они принимали участие в развитии

моего разума. Руководствуясь эмоциями, я считаю, что трудно провести границу между научной фантастикой и фэнтези, поскольку я ощущаю их разными областями некоего континуума — одинаковые ингредиенты, но в различных пропорциях. Разумом я понимаю, что, если элементы сюжета включают сверхъестественное или просто необъяснимое с точки зрения известных законов природы, такое произведение должно рассматриваться как фэнтези.

Если неправдоподобное объясняется или есть указатель того, что это может быть объяснено в терминах современного знания или теории — или их некоторого расширения, — я думаю, что произведения такого рода могут считаться научной фантастикой.

Однако когда я пишу, я обычно не думаю, что дело сводится к такому легкому разделению. Я чувствую, что литература должна отражать жизнь, и поэтому ее способ существования есть классический акт подражания, имитации действия. Я допускаю, что и в научной фантастике, и в фэнтези мы пользуемся кривым зеркалом, но, несмотря на это, оно тем или иным образом представляет то, что перед ним помещено. Необычное достоинство кривого зеркала состоит в том, что оно делает особое ударение на тех аспектах действительности, которые автор хочет подчеркнуть — это близко к сатире в классическом смысле, — и это превращает научную фантастику и фэнтези в особый способ высказывания о современном мире.

Я не только не люблю подразделять свои произведения и их части на категории научной фантастики и фэнтези, но и считаю опасным для своего творчества проводить такое разделение. Согласно Джону Пфейферу, автору книги «Человеческий мозг», «внутри вашего черепа помещена целая вселенная, компактная модель вашего окружения, основанная на всех впечатлениях, которые вы собрали в течение вашей жизни». По необходимости такая модель ограничена рамками индивидуальных ощущений и природой личного опыта.

Таким образом, мир, о котором я пишу, мир, перед которым я держу кривое зеркало, не является реальным миром в конечном счете. Это только мое ограниченное, персональное изображение реального мира. Поэтому, хотя я очень старался сделать мою версию реальности по возможности более полной, в ней все равно присутствуют

пропуски, темные области, которые доказывают мое невежество в разных областях. У всех нас есть такие темные места, так как нам не дано узнать все. Это является частью человеческого существования — тени Юнга, если хотите, или незаполненные адреса в вашей персональной базе данных.

Как все это соотносится с чудесным — с фэнтези и научной фантастикой? Я думаю, что научная фантастика с ее рациональным, квазидокументальным подходом к существующему берет начало от ясных, хорошо управляемых областей нашей собственной вселенной, в то время как фэнтези по исторической традиции имеет корни в темных областях. Я уже слышу голоса, возражающие против того, что я подразумеваю, будто фэнтези берет начало в невежестве, а научная фантастика — в знании. Отчасти это верно, отчасти нет. Цитирую Эдит Гамильтон: «Не было более образованного поколения, чем то, которое возвестило конец Афин». Но те же самые в высшей степени рациональные греки передали нам классическую мифологию в ее наиболее сильных, изощренных формах, давая материал для начальных глав книг по мировой истории.

Фэнтези может брать свои исходные послышки в неизвестном, но это неизвестное дальше обрабатывается рассказчиком вполне рациональным способом. Таким образом, само повествование разворачивается по вполне определенным законам.

Я не говорю, что темные области являются вещами совершенно непознаваемыми. Я лишь утверждаю, что они суть представления о неизвестном отдельных авторов — от безымянных ужасов Лавкрафта до мыслительных процессов «кукольников» Ларри Найвена. Я не думаю, что модели мира каких-либо двух авторов совпадают в точности. Но я чувствую, что определение и представление таких областей неизвестного в литературе является основой для фэнтези.

Однако я хочу пойти еще дальше. Я совершенно не могу представить действительности хорошего произведения, написанного исключительно либо в жанре фэнтези, либо в жанре научной фантастики, — имея в виду те различия, о которых я упоминал. Как я говорил раньше, я обычно не думаю о таких различиях, когда работаю. Пока я пишу произведение определенного размера, мое личное эстетич-

ческое чувство обуславливает стремление к законченности, к полноте картины, к тому, чтобы дать по крайней мере намек на все, с чем я сталкиваюсь в этой версии реальности. Таким образом, мои вещи отражают темные стороны в такой же степени, как и светлые; они содержат несколько неясных или необъясненных вещей при преобладании того, что подчиняется правилам. Другими словами, я смешиваю фэнтези и научную фантастику. В результате получается «научная фэнтези» — незаконнорожденный жанр.

Я действовал таким образом в своей первой книге «Этот бессмертный», оставляя некоторые вещи необъясненными и открытыми для множества интерпретаций. Я сделал это снова во второй книге — «Творец снов», только здесь темные области были скорее в самой человеческой психике, нежели в событиях. Это было в религии пейяна и ее воздействии на моего рассказчика, Фрэнсиса Сэндоу, в романе «Остров мертвых», который во всем прочем является научно-фантастическим. В «Князе Света» события могут рассматриваться либо как научная фантастика, либо как фэнтези, лишь с легким смещением акцентов. И так далее, вплоть до моего последнего романа «Глаз Кота», где последняя четверть книги может восприниматься либо как фэнтези, либо как галлюцинация, в зависимости от вкусов читателя. Я пишу так, потому что должен, потому что маленькая часть меня, которая желает оставаться честной, в то время когда я рассказываю тщательно просчитанную ложь научной фантастики, обязывает меня показать таким способом, что я не знаю всего и что мое незнание тоже должно быть каким-то образом проявлено в той вселенной, которую я творю.

Недавно я задал себе вопрос — как такая точка зрения согласуется с различными способами воплощения чудесного в американской литературе? Я начал просматривать историю этого и был поражен неожиданно интересными связями в общей схеме вещей.

Мы шли в обратном направлении.

Американская фантастическая литература стала заполнять журналы во второй половине двадцатых годов. С этого времени и все тридцатые годы она в большом долгу перед другими видами приключенческой литературы. Мы можем рассматривать это как тот вид научной фантастики,

откуда возник толчок, за которым последовало все остальное.

Что же произошло потом, в сороковых? Это было время «жесткой» научной фантастики, время произведений в которых, согласно Кингсли Эмису, «героем была идея».

Айзек Азимов и Роберт Хайнлайн в особенности представляют этот период, когда идея, взятая из науки, доминировала в повествовании. На первый взгляд не казалось странным, что наша научная фантастика вступила в свой первый узнаваемый период с тем, что было последней фазой исторического развития фантастической литературы а именно ориентированной на технику формой повествования об удивительном, которой пришлось дожидаться подходящего уровня развития науки. Но что произошло дальше?

В пятидесятых годах с упадком многих научно-фантастических журналов и перемещением научной фантастики в книги — как в обложках, так и в твердых переплетах, — в связи со свободой от журнальных ограничений, полученной таким образом, интересы переместились в социологическую и политическую области. Идея все еще оставалась героем, но идеи теперь брались не только из области естественных наук. Я имею в виду Эдварда Беллами и Фреда Пола. Я имею в виду Томаса Мора и Мака Рейнольдса. Я имею в виду Ницше и некоторые исследования Фрейда (которые я могу классифицировать только как фантазии), и я имею в виду Филипа Хосе Фармера. Идя назад еще дальше, к пасторальному жанру, я имею в виду Рея Брэбери и Клиффорда Саймака.

Двигаясь — вперед, я полагаю, — к экспериментальным работам шестидесятых годов, я вспоминаю «*Carmina Burana*», трубадуров, миннезингеров, лирическую литературу еще более раннего периода.

А семидесятые? Мы видели большой вал фэнтези — толстые трилогии, детально описывающие дела богов, воинов, кудесников, — положение, которое сохраняется и теперь и, как в случае Толкиена, приводит к созданию заменителей Библии.

Американская литература о чудесном, по-видимому, повторяет филогенез в обратном направлении. Мы упорно работали над ней и в конце концов вернули ее к мифическому истоку — откуда я как раз и начал. При чтении мно-

гих произведений этой области литературы у меня возникает странное чувство, как будто все это уже было.

Это все шутки, можете вы сказать, будучи готовыми сослаться на мои собственные примеры. Правильно. Я могу отметить многочисленные исключения из каждого обобщения, которое я сделал.

Но я все-таки чувствую, что в том, что я говорил, есть доля истины.

Итак, куда же мы двинемся теперь? Я вижу три возможности: мы можем вернуться назад и писать приключенческие истории с невероятными украшениями — такое направление, похоже, выбрал Голливуд. Или же мы можем повернуться кругом и двигаться снова вперед, с тем чтобы догнать Герберта Уэллса к концу столетия. Или мы можем вернуться к нашему опыту и заняться синтезом — формой научной фантастики, в которой сочетаются умение строить повествование и техническая чувствительность сороковых, социологическая озабоченность пятидесятых и внимание к повышению литературного мастерства и проработке характеров, свойственное шестидесятым.

Вот эти три возможности. Менее вероятным могло бы быть движение в последнем направлении с включением опыта семидесятых, когда фэнтези достигла того, что может быть названо ее пиком в этом столетии. Это означает использование для манипулирования нашим воображением в широких рамках рационального и иррационального всего, о чем говорилось ранее, с мазками темного там и сям, добавляемыми только для вкуса, но не для того, чтобы подавить основные ингредиенты. Наше воображение нуждается и в том, и в другом для воспламенения, и полнота выражения требует знакомства с хаосом и темнотой в противопоставлении сумме наших знаний и более успешным традициям мышления, наследниками которых мы являемся.

Я полагаю, что именно это противопоставление, создающее напряжения и конфликты между человеческим умом и сердцем, присутствующие во всех хороших книгах, вторично для самой линии повествования, но необходимо, если такое трудно определяемое качество, как интонация, не должно звучать фальшиво, когда автор добивается достоверности. Это качество, я полагаю, присутствует во всех лучших вещах любого жанра — или ни в одном жанре, так как ярлыки суть лишь предмет соглашения, который

может быть пересмотрен по произволу производителей или составителей каталогов. Впрочем, это весьма серьезно для тех, кто пытается перекроить литературу по своему усмотрению, испытывая острую неприязнь к затуманиванию картины, свойственному авторам с их вечным нарциссизмом и высокомерием.

Пойдут ли научная фантастика и фэнтези этим путем? Отчасти это зависит от того, кто пишет. И меня ободряет, что я вижу много новых талантливых пришельцев в этой области. Наиболее талантливы, пожалуй, те, кто не задумывается о предмете нашего разговора. Их основная забота — насколько хорошо написано произведение. Сама же область литературы, о которой идет речь, как и жизнь, проходит через обычные циклы, включающие причудливые временные увлечения, периодическое обострение внимания к определенным темам или характерам, а также к толстым книгам, тонким книгам и трилогиям. Лучшие произведения останутся в памяти на долгие годы.

Какими они будут, я не знаю. Я не предсказатель.

Содержание

Вариант единорога

Вариант единорога. Пер. В. Гольдича и И. Оганесовой	7
Последняя из Диких. Пер. К. Королева	36
Сольный концерт. Пер. В. Гольдича и И. Оганесовой	54
Голый матадор. Пер. М. Михайлова	59
Свет Угрюмого. Пер. С. Сухинова	68
Беззвездной ночью в пути. Пер. С. Сухинова	83
Но не пророк. Пер. С. Сухинова	92
Рука через Галактику. Пер. С. Сухинова	96
Та сила, что через цепи гонит ток. Пер. Е. Доброхотовой-Майковой	99
Огонь и лед. Пер. С. Сухинова	105
Все уходят. Пер. С. Сухинова	109
Очень хороший год. Пер. С. Сухинова	113
Моя леди на диодах. Пер. С. Сухинова	118
И спасся только я один, чтобы возвестить тебе. Пер. Е. Доброхотовой-Майковой	139
Кони Лира. Пер. С. Сухинова	43
Глаз ночи. Пер. С. Сухинова	156
Ангел, Темный Ангел. Пер. С. Сухинова	159
Вальпургиева ночь. Пер. С. Сухинова	173
Бизнес Джорджа. Пер. С. Сухинова	179
Мой пристрастный взгляд на особенности научной фантастики. Пер. В. Загорожного	189
Проблемы Цирцеи. Пер. А. Волнова	199
Приди ко мне не в зимней белизне. Пер. И. Гуровой	207

Мороз и пламя

Пер. В. Самсоновой

Нечто вроде экзорцизма	221
Вечная мерзлота	226
Локи 7281	253
Песня чужого мира	261
Сам себя удивил	273
Дневная кровь	300
Создание научно-фантастического романа	306
Леңты Титана	314
Манна небесная	319
Короли ночи	357
Конец поисков	369
24 вида горы Фудзи кисти Хокусая	374
Фэнтези и научная фантастика: взгляд писателя	437

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Собрание фантастических произведений в 20 томах

Том четырнадцатый

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редакторы *В. Баканов, В. Генкин*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *М. Белоусов*
Художественный редактор *М. Захаренкова*
Иллюстрация на обложку: *И. Леонтьев*
Оформление форзаца: *А. Кириллов*
Оформление шмуцтитолов: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 3.1.96. Формат 84 × 106/32.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 23,52. Тираж 20 000 экз.

Заказ № 1444. С 137.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия
СССР Комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

ВАРИАНТ ЕДИНОРОГА

МОРОЗ И ПЛАМЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995